Е-61 М 9

Е ИЗДАНИЯ
ГВАРДИИ"

одежи. Орган ЦК ВЛКСМ.
20 к; цена отд. № — 25 к.

Орган ЦК ЮП и Нар-
р. 60 к.

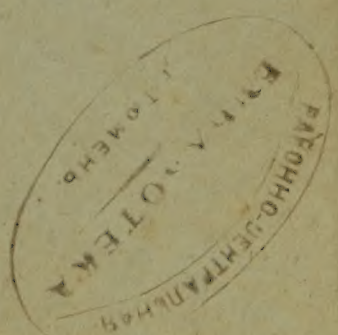
рган ЦБ комгрупп
с.—2 р. 20 к.

лярный журнал
50 к.

политпрос-
.—2 р. 40 к.

ВЛКСМ.

0 к.,



05
2-61 М
916/128

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

II—39

(Годъ изданія IV)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО (†)

Районно-центральная библиотека г. Тюмень
Советская центральная библиотека № 1 г. Тюмень
II—1943
Советская центральная библиотека № 1 г. Тюмень

№ 12. Декабрь. 1916.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, соб. д.
1916.

ГАБОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. **А-дръ Н. Веселовскій.** Винченцо Монти, аббатъ, гражданинъ и кавалеръ (неизданная статья). 5
2. **В. Н. Фигнеръ.** М. Ѳ. Грачевскій. 30
3. **Массонъ.** Мемуары о Россіи. VI. Угрожала ли Павлу судьба Петра III. Пер. П. Степановой. 44
4. **А. Н. Радищевъ.** О законоположеніи. Неизданная записка. Съ предисловіемъ А. З. Попельницкаго. 74
5. **В. И. Семевскій.** Петрашевцы Г. П. Данилевскій и Б. И. Утинъ. 97
6. **Н. І. Шатиловъ.** Изъ недавняго прошлаго. 119
7. **В. Евгеньевъ.** И. А. Гончаровъ, какъ членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. 140
8. **И. М. Херасковъ.** Дантонъ и процессъ короля. 180
9. **Н. В. Давыдовъ.** Изъ воспоминаній о В. С. Соловьевѣ. 192
10. **И. Н. Игнатовъ.** Театръ и зрители. 203
11. **Е. Н. Опочининъ.** Рыдающія души (поэты-помѣщики 1840 гг.). 218
12. **О. В. Португаловъ.** Арестъ В. О. Португалова въ г. Вяткѣ. . . 227
13. **С. Г. Сватиковъ.** Увольненіе В. И. Семевскаго и петербургское студенчество. 233
14. **Критика и библіографія. С. А. Корфъ.** П. Покровскій. Бентамъ и его время. **Н. М. Мендельсонъ.** Сочиненія Ап. Григорьева. **А. А. Гизетти.** Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. VI. **В. М. Фишеръ.** С. Бобровъ. Записки стихотворца. **Б. М. Соколовъ.** В. Ѳ. Миллеръ. Историческія пѣсни. **С. И. Радцигъ.** Софоклъ. Драмы. **В. Н. Сторожевъ.** Гр. Шереметевъ. Вяземы. **А. Лотоцкій.** Новгородская церковная сторона. **П. Шаскольскій.** Н. Л. Окуневъ. Храмъ св. Софіи. К. Фассати. Храмъ св. Софіи. **Новыя книги.** 236
15. **Указатель къ «Голосу Минувшаго» за 1915 г.** (Составленъ В. Е. Сыроѣчковскимъ) 259
16. Объявленія.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ

Винченцо Монти, аббатъ, гражданинъ и кавалеръ.

Нѣтъ ничего безнравственнѣе и вмѣстѣ опаснѣе тѣхъ мелкихъ нападеній изъ подворотни, съ тылу, которыхъ трофеемъ бываетъ клочокъ полы, а въ побѣдномъ кликѣ ихъ слышится, что задавили они цѣлаго человѣка: мы сбили, мы рѣшили!

На такія нападенія способно лишь злобное безсиліе, что бѣжитъ всеоружія силы и въ ней самой ищетъ укромнаго непокрытаго мѣста, на которомъ можно бы сразиться съ надеждой на успѣхъ.

Кто-нибудь написалъ что-нибудь дѣльное... помилуйте, говорятъ, да у него кувшинное рыло, а у бабушки его такіе карманы въ юбкѣ, что въ каждый по арбузу укладывается. О слѣдствіи нечего и говорить: что можетъ быть хорошаго изъ Назарета? Другой вопросъ: какъ отвѣчать на такіе полновѣсные попреки? Вѣдь не утверждать же стать, что не кувшинное я рыло, когда въ самомъ дѣлѣ похоже на того Антона Ивановича, который подсунутую ассигнацію бралъ не руками, а благопристойно прикрывалъ книгой.

Къ подобнаго рода злостнымъ нападкамъ мы относимъ голосъ хулы, утверждающій человѣка, и его приговоръ, обращающій въ приговоръ писателю. Уголовный судебникъ, по которому произнесено рѣшеніе, слишкомъ ясенъ: хорошій писатель долженъ быть хорошимъ человѣкомъ нравственнымъ—это conditio sine qua non. Ужъ кстати бы вывесть и обратное заключеніе: хорошій человѣкъ долженъ быть хорошимъ писателемъ,—и потрудиться подыскать изъ исторіи письменнаго производства. Только исторія не дастъ отвѣта на такіе неловкіе поиски за нравственностью, если въ умозрѣніе пуститься и тутъ отвѣта не будетъ. Спору нѣтъ: наука и жизнь одна безъ другой немыслимы, законъ и отвлеченіе вырастаютъ только на фактѣ и дѣлѣ.

Но не въ узкихъ ли предѣлахъ одной личности пойдетъ наука искать жизненныхъ фактовъ, а въ безпредѣльности человѣчества, въ явленіяхъ природы. Здѣсь она слѣдитъ за общею мыслію, правиломъ, за порядкомъ разнообразія; здѣсь, въ области отвлеченностей, гдѣ все взаимно условлено, и нѣтъ мѣста другой иниціативѣ, кромѣ иниціативы вывода, законъ исключаетъ всякую личность. Нужно умышленно закрыть глаза, нужно упрямо запретить себѣ мысль, чтобъ такъ тѣсно связать ученаго съ внутреннимъ человѣкомъ: такой взглядъ открываетъ личному увлеченію доступъ въ строгія тайны науки, даетъ мѣсто пристрастной оцѣнкѣ.

Казалось бы дѣло ясно, и говорить нечего, а между тѣмъ лѣтописи литературной перебранки то и дѣло приносятъ намъ новыя свидѣтельства, что не совсѣмъ еще позабытъ обычай нападать на писателя со стороны человѣческихъ слабостей. Не далѣе какъ прошлый годъ въ Германіи подобная вина взведена была на одного автора-новичка, который сильно пріѣлся грустной толпѣ старовѣровъ—а привязаться не къ чему: ученая обстановка въ порядкѣ. Они заподозрили его нравственность, его убѣжденія, и вотъ серьезный отвѣтъ на жалкую придирку, не стоящую смѣха: «Съ нравственностью, эмперически ли ее понимать или идеально, наукѣ нѣтъ никакого дѣла, всякое свободное изысканіе должно прекратиться, какъ скоро поставить его въ такую зависимость». Еще менѣе извинителенъ взглядъ, связывающій личность испытателя и его нравственныя убѣжденія съ его трудомъ; люди, позволяющіе себѣ судить о внутреннемъ достоинствѣ человѣка по мыслямъ, добытымъ путемъ науки, только говорятъ о своей безнравственности.

Въ одномъ развѣ случаѣ мы согласны допустить болѣе крѣпкое отношеніе между характеромъ и литературнымъ подвигомъ: когда рѣчь идетъ о публицистѣ, о философѣ, читающемъ мораль проповѣдникѣ. Мы что-то не любимъ ветхаго деньми правила, слѣдуйте словамъ моимъ, не дѣламъ моимъ. Оно пугаетъ насъ потому, что непрактично; намъ нравится, когда слово идетъ отъ дѣла, когда примѣръ на глазахъ; оттого исторія и поучительна, что въ ней все *было*, хоть не всегда думалось... Но вѣдь наука не проповѣдь и не мораль.

Всего страннѣе поражается здоровый глазъ, когда тактика, неуспѣшная на ученой почвѣ, переходитъ въ область искусства и тамъ ищетъ приложенія: устраиваетъ ауто-де-фе, на которыхъ гурьбой горятъ поэтическіе авторитеты за то, что дурно вели себя дома, сидя въ халатѣ и необутые въ котурнъ. Примѣры налицо: Гете, свергнутый съ подножья людоѣдомъ Менцелемъ

(Franzosen fresser) не угодилъ, видите ли, въ жизни, такъ нужно его поприжать въ поэзіи. Байронъ, засуженный на-смерть стыдливою критикой за безбреженный разгулъ воли и страсти; Пушкинъ, въ которомъ та же критика сумѣла выслѣдить пятно аристократизма. Гейне, наконецъ, и въ немъ цѣна таланта и болѣзни не заглушила голоса суда. Мы думаемъ объяснить такое цѣльное пониманіе человѣка и поэта—изъ времени, отъ сего дня: наша пора вся отдана факту, жизни; она далеко отошла отъ Гердеровскихъ идей человѣчества, чтобы съ материнскою заботливостью примѣниться къ особи, къ человѣку. Ея поэзія—поэзія дѣла, подвига. Неудивительно, что какъ Діогенъ, она прежде всего ищетъ человѣка, часто съ фонаремъ при дневномъ свѣтѣ. Заговоритъ ли о художникѣ—общественный дѣятель незримо стоитъ за нимъ и не знаетъ, къ кому отнести судъ и похвалу.

Такъ практическій взглядъ эпохи сказывается въ смѣшеніи Kulturgeschichte съ поэзіей. Исторически такое смѣшеніе объяснимо, все же незаконное оно. Какое дѣло поэзіи до внутренняго человѣка, до его нравственности? Мы всѣ такіе чистенькіе и бѣленькіе, самыхъ честныхъ правилъ и безукоризненнаго направленія—и въ стихахъ хотѣли бы, чтобы было все пристойно сладко и нравственно. Конфетка съ напутствіемъ а la Маниловъ—вотъ чего намъ нужно—манна да и только.

Полные благороднаго гнѣва бѣжимъ мы отъ автора, который выкинулъ передъ нами балетное колѣно и обнаружилъ тайное-тайныхъ. Боже мой! Какимъ заревомъ разливается скромное чувство стыдливости, какой крикъ подымается отовсюду: это безжалостная профанація, поэзія должна быть нравственна!..

И послѣ этого говорятъ еще, что исторія идетъ впередъ. Если идетъ, то черепашьимъ шагомъ, переваливаясь... Одной стороной далеко шагнула, а другая волочится позади, въ миѳической темп. По крайней мѣрѣ наши понятія о поэтѣ цѣликомъ стоятъ на почвѣ миѳа. Въ древности поэтъ былъ представителемъ, выборнымъ отъ среды народа, идеалъ.

Знанію человѣческаго и божескаго, жрецъ и прорицатель вмѣстѣ, которому равно знакомы «сладкіе звуки и молитва». Онъ стоялъ высоко надъ profanum vulgus какъ особое нравственное существо, въ родствѣ съ богами: отъ нихъ милости и вдохновенія; къ нимъ возносился онъ на крыльяхъ Икара. Ложноклассическая ода пригласила труппу Олимпійцевъ къ чайной causerie, а вмѣстѣ съ ними и поэта, какъ нѣчто отличное отъ обыкновенныхъ смертныхъ, употребляющихъ чай. Пришли романтики, наотрѣзъ отказали всякимъ музамъ и Аполлонамъ,

но, замѣнивъ ихъ эльфами и сильфами, завели поэзію въ поднебесную высь, сухіе туманы. Опять поэтъ очутился вдали отъ людского круга, на стремнинѣ, съ которой кружится голова. Опять онъ что-то особое, отличное отъ другихъ людей: на него находитъ стихъ, минута восторга, въ немъ невѣдомой гармоніи духовныхъ силъ и нравственность высокаго свойства, потому что «въ небесахъ онъ одинъ чаетъ Бога», и ему предоставлена монополія заоблачныхъ сношеній.

При такой «апотеозѣ» поэтической доли нечего, кажется, спрашивать, откуда неистовые спросы о нравственности: они объяснятся изъ тѣхъ же историческихъ условій, или лучше не историческихъ, если исторія есть прогрессъ. Пора намъ сбросить старые пути трансцендентальностей: путь, отправляющійся отъ одного фактическаго начала, чтобы потомъ плутать одними постулатами, идетъ отъ земли и теряется въ воздухѣ, а намъ нужно, побольше земли, побольше жизни! Приложенія. Мы помнимъ крылья Икара и поэта, который, не оперившись, пустился по слѣдамъ Пиндара «Vitreo daturus nomina Ponto!» Что такое напр. эта гармонія силъ? Тотъ про нее толкуетъ, кто видѣлъ, слышалъ, читалъ поэта въ лѣтнія сумерки послѣ хорошаго обѣда, подъ звуки Аделаиды? Бедговена, и не сходился съ нимъ на рынкѣ, среди мелочныхъ житейскихъ расчетовъ, когда Прометей дѣлается куропаткой: «Муха, меньше даже мухи, уничтожился въ песчинку».

Духовное просвѣтленіе! рекомое восторгомъ, тоже не исключительная принадлежность художника: у каждаго изъ насъ бывали минуты, когда живется и мыслится какъ-то свѣтлѣе (несомнѣнно отъ усиленнаго прилива къ мозгу), чувствуешь позывъ къ творчеству, и въ итогѣ смотришь болтунъ, тогда какъ у другого прозвучали риѳмы, полились рѣчи, понеслись образы, высокія мысли. Такого человѣка мы честимъ поэтомъ. Дѣло, выходитъ, въ дѣлѣ, въ производительности, въ способности создать, а не въ одномъ наитіи неестественномъ раздраженіи горячки, въ тылу которой будто творится высокое. Поэтическая струя не есть какой-то трипль-экстрактъ духовнаго богатства человѣка, гдѣ чувство, мысль, каждая сила изощрены до тонкости; въ такомъ случаѣ и нравственное чувство, если признать его врожденнымъ, идеальнымъ, пришлось бы поставить въ условіе художественнаго дара; и отрѣшить отъ Парнаса всякаго, чья душа заражена грѣховнымъ смрадомъ. Но исторія литературы говоритъ противное: можно быть великимъ поэтомъ, не будучи нравственнымъ. И это понятно: необходимой связи нѣтъ, поэтическое дарованіе не собирательное, не гармонія,

а такая же одиночная способность, какъ способность силлогизма, и т. п. Та и другая относится къ міру явленій, одна чтобъ прочитать въ нихъ букву закона, задачи бытія: это матеріалъ науки; другая, чтобъ во множествѣ частнаго, разрозненнаго выслѣдить общіе живые образы, самую жизнь въ ея идеальной плоти и крови.

Здѣсь цѣль искусства. Нечего и говорить, что оно тѣснѣе науки связано со временемъ, съ переходомъ общественныхъ формъ: жизнь только и вольна проявиться, что съ печатью года и мѣста, а искусство есть ея типическое выраженіе.

Вотъ на какой почвѣ можетъ еще пріютиться благочестивое требованіе нравственности для поэта и поэзіи, но на этотъ разъ въ иномъ смыслѣ. У каждой эпохи свой особый этическій кодексъ; поэтъ являетъ намъ не чистые типы внѣ времени и пространства, а только возможные въ извѣстномъ обществѣ, въ извѣстномъ пространствѣ; чтобъ быть послѣдовательнымъ, т.-е. изящнымъ онъ долженъ итти въ уровень съ господствующими нравственными взглядами. Да это иначе и не бываетъ: еще только въ учебникахъ народъ и его великіе люди бѣгаютъ взапуски и великіе люди опережаютъ, перегоняютъ народъ. Какъ видно, мы въ самыхъ общихъ чертахъ признаемъ необходимость согласія между искусствомъ и историческою моралью, поэтомъ и гражданиномъ, частныхъ требованій не предъявляемъ никакихъ. Въ томъ кодексѣ равно занесена правда и кривда, порокъ и добродѣтель; въ какомъ параграфѣ задумаетъ художникъ искать восторговъ—намъ это рѣшительно все равно. Лишь бы была поэзія, лишь бы предметъ подавался на пѣсню,—а до того критикѣ дѣла нѣтъ, изъ святаго или несвятаго источника потекла она. Вѣдь не осуждаемъ же мы идиллика, что зоветъ насъ «въ звенящую даль», къ звѣриному быту, а идиллическій родъ собственно говоря самый безнравственный, болотный родъ и проповѣдь застоя. Мы положительно утверждаемъ, что даже дурной человѣкъ, нравственно падшій въ понятіяхъ толпы, можетъ быть поэтомъ, если самъ не презираетъ себя, и не палъ въ своихъ глазахъ.

Грозная буря вдохновенья поднимается изъ его видимыхъ и невидимыхъ проступковъ, если для него самого они не проступки, и онъ, полный вѣры, отнесся къ нимъ душею, искренно. Тутъ все спасаетъ вѣра и самоуваженіе, гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ нѣтъ мѣста человѣческой доблести, достоинству поэта. Горе тому, кто сложилъ подъ спудъ убѣжденія сердца, чтобъ скроить себѣ новыя, по заказу и приказу: въ его работѣ недостаетъ поэтическаго огня, и не потому что изъ-подъ палки она, а что не стало

искренности, голосъ любви заглушенъ крикомъ нужды. Ренегатство рано или поздно накладываетъ на себя руки—и въ жизни, и въ поэзіи. Нѣтъ суда самоуправнѣе.

Изъ исторіи, изъ современной исторіи мы хотимъ выбрать примѣръ такого двойного ренегатства. У насъ въ виду Винченцо Монти. О немъ много разсуждали и вкривь, и вкось: одни производили его въ свѣтила Италіи, другіе нападали на хамелеонство человѣка и отсюда произносили осужденіе поэту. Приговоръ казался тѣмъ неотразимѣе, что Монти писатель и гражданинъ шли объ руку, вторили другъ другу. Никто не станетъ оправдывать политика, не станемъ и мы безусловно поклоняться стихотворцу, во всякомъ случаѣ, не всему, не всей его дѣятельности; но къ заключенію отъ одной области къ другой мы рѣшительно не способны. Пусть Монти мѣнялъ партію вмѣстѣ съ погодой—онъ остался бы поэтомъ на нейтральной почвѣ мелкихъ впечатлѣній, низменныхъ радостей и горестей, еще и тогда онъ остался бы имъ, когда бъ въ самомъ характерѣ его лежала эта легкость политическаго взгляда, спокойно перебирающаго противорѣчивыя формы. Но въ томъ-то и бѣда, что каждой перемѣнѣ партіи сопутствовало насилованное убѣжденіе, и оно выражалось гласно, печатно. Здѣсь ужъ грѣхъ въ предѣлахъ самой поэзіи: съ этой стороны онъ получаетъ вмѣняемость и осуждающую силу.

Сцена дѣйствія—Италія въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, впрочемъ времени и не опредѣлить—такъ все пахнетъ старниой, плѣсенью, средневѣковымъ порядкомъ. Подъ высокимъ давленіемъ, исходившимъ отъ Рима, дремлетъ народная мощь и не даетъ ни одного свѣжаго ростка, ни одного признака жизни: голосъ Джордано Бруно потухъ вмѣстѣ съ костромъ, наказавшимъ его ересь. Медичи, Гонзага, Эсте воскресили было на мгновеніе цвѣтущіе года греческихъ тираній, сдѣлали свои дворы разсадниками науки и художества. Ихъ вдохновляла благородная, человѣчная мысль, а къ нимъ собиралось умѣнье, наука и творческая сила. Далѣе не было ни мысли, ни умѣнья, ни творчества, и все шло по скату—стояла одна форма: плодились мелкія тираніи, къ нимъ собирались мелкіе поэты и пѣли на голосъ сеченгистовъ про весну, про любовь, да про сытный обѣдъ, которымъ ихъ кормили, а тамъ расходились, чтобъ опять поиграть словами при первой возможности, настроить concetti. Особенно отличалась такою дѣятельностью Аркадская академія, наводнявшая своими сонетами и скукой вѣчный городъ Римъ. И во всемъ этомъ не было ни искры поэтическаго духа, ни слѣда жизненнаго движенія. Въ минуты кризиса равно заключается слово жизни и смерти—такъ было и теперь. Исторія повернула къ жизни отъ

смертнаго порога. Въ это время въ Германіи поднималось знамя литературнаго и художественнаго возрожденія; во Франціи зрѣли сѣмена общественной реформы. Свѣжимъ воздухомъ границы пахнуло на дряблое старческое тѣло, и оно встало на ноги. Приторную сладость канцоны покрылъ Парини суровымъ громомъ сатиры; Гаспаръ Гоцци заставилъ говорить «Венеціанскаго Зрителя», который онъ издавать вздумалъ по примѣру Одиссона; явился Альфьери съ своими мрачными трагедіями. Старая повѣсть реакціи повторилась: первая забота была—что сказать, не какъ сказать; переполненное горечью сердце спѣшило подѣлиться ею, не заботясь о томъ, гладко ли будетъ, хорошо ли. Мало поэзіи, мало искусства, все жестко, прямо и морозомъ поводитъ по кожѣ—вотъ Альфьери. Петраркисты падаютъ передъ воскресшею славою другого имени: это имя Дантъ. Молодому племени нужна была другая крѣпкая пища, чтобъ расправить крылья; оно съ вѣрой взглянуло на старину и нашло мощныя терцины Божественной Комедіи. Сознательно ли бываетъ такое возвращеніе назадъ или нѣтъ, только оно постоянно совпадаетъ съ періодомъ слабости, упадка, словно необходимо бываетъ поступиться пройденной полосой, чтобъ плотнѣе сѣсть на ногу и однимъ шагомъ наверстать пропущенное.

Гоцци и его Difesa di Dante принадлежитъ честь обновленнаго критическаго знакомства съ флорентійскимъ поэтомъ. Вскорѣ Видѣнія Варано возобновили и заброшенную Терцину; но Варано не въ силахъ позабыть мягкія Аркадскія доли и съ трудомъ ладитъ съ непривычнымъ строемъ стиха, который въ Монти еще ожидалъ себѣ художника. Такъ незамѣтно проникалъ въ литературу Италіи токъ здоровья; еще нѣсколько времени и ея общество должно было переродиться подъ вліяніемъ иноземныхъ началъ. На всѣхъ концахъ загоралась юная дѣятельность, и въ жизни, и въ искусствѣ; и тамъ и здѣсь нужны были дѣятели, съ честнымъ сознаніемъ цѣли, съ любовью къ ней. Въ такую-то пору является Монти, человѣкъ съ несомнѣннымъ поэтическимъ даромъ, кромѣ того постоянно на юру, въ столкновеніи со всѣми перемѣнами дня. Что сдѣлалъ онъ какъ гражданинъ, что какъ поэтъ? вотъ вопросы, которые обращаетъ къ нему его время.

Винченцо Монти родился въ 1754 г. въ крестьянскомъ быту мѣстечка Альфонсины, Ривенискаго округа, откуда отецъ его не замедлилъ перейти въ Фузиньяно, цвѣтущій уголокъ Романьи. Семинарія Фаенцы была первою школой Винченцо: здѣсь онъ положилъ прочныя основы своему классическому знанію, посвященъ во всѣ тонкости латинскаго языка, такъ что могъ писать на немъ гладенькіе стишки, и между тѣмъ, импровизировалъ

на италіанскомъ. Затѣмъ онъ переселился въ Феррару, со всей семьей. Тутъ воля родителей готовила ему карьеру законника—но Юстиніанъ и его сухіе пандекты какъ-то плохо зажили о бокъ съ поэтическою мыслью. Часто откладывалось въ сторону, что ближе лежало къ дѣлу, бралось въ руки, что ближе лежало къ сердцу, Овидій, Горацій, Виргилій, Петрарка, Тассъ—и чтеніе уходило далеко въ ночь.

Счастливый случай присоединилъ еще одно имя къ тому блестящему ряду именъ, на уваженіи къ которымъ выросталъ молодой поэтъ—въ безотрадномъ гулѣ аркадскихъ пѣсенъ его поразилъ строгій тонъ иныхъ рѣчей «Видѣнія» Варано, сильный стихъ Манцони, разомъ обратили его къ манерѣ Данта и вліяніе этихъ образцовъ сказывается въ его первой художественной попыткѣ: Visione di Esechiello, написанной на шестнадцатомъ году. Ею намѣченъ впервые тотъ путь, на которомъ Винченцо соберетъ большую часть своей славы; путь этотъ—Дантовская Терцина.

Въ то время легатомъ Феррарскимъ былъ кардиналъ Боргезе. Онъ вздумалъ потакать ученическимъ опытамъ и, когда пришла пора ѣхать ему въ Римъ, пригласилъ съ собою и своего протеже. Тогда Монти было двадцать четыре года. Позднѣе судъ исторіи, неудерживающій про себя законной насмѣшки, высказалъ гдѣ-то, что Монти являлся послѣдовательно аббатомъ, потомъ гражданиномъ республики (cittadino), наконецъ императорскимъ и имперскимъ кавалеромъ (cavaliere). Это, что говорится, не въ бровь, а прямо въ глазъ. Итакъ Монти вступаетъ теперь въ періодъ аббатства: живетъ въ Римѣ, кадитъ папѣ и всѣмъ предержащимъ властямъ, одѣтымъ въ княжескій и кардинальскій пурпуръ; ссорится со своими собратами по ремеслу за общій девизъ: scendere e salir per l'altrui scale—особенно надоѣлъ ему импровизаторъ Джянни, котораго призракъ, а можетъ и не вымышленная вражда, преслѣдуетъ его потомъ во всѣхъ неудачахъ жизни. Тутъ же заодно дружится съ археологомъ Квириномъ Висконти и пишетъ эпиграммы къ открытымъ бюстамъ Перикла и Аспазіи.

Среди такой блестящей обстановки приходятъ вѣсти отъ отца,—зовутъ сына домой. Уже Винченцо совсѣмъ было снарядился въ дорогу, какъ одно обстоятельство спасло его. Аркадская академія праздновала въ Парразійской рощѣ пятилѣтіе Пія IV и вмѣстѣ женитьбу герцога Луиджи Браски на Констанціи Фальконьери. Угодливый поэтъ пишетъ и читаетъ по этому случаю оду sulla «Bell zza dell' universo», которая собрала ему обильную дань рукоплесканій и кромѣ того доставила вещественную выгоду: мѣсто герцогскаго секретаря. Это событіе все измѣнило: Монти

останется въ Римѣ, станетъ по-прежнему воспѣвать папскую дворню свадьбы, поѣздки на землѣ и подъ облаками (al signor di Montgofier). Вообще во все это время онъ показывается рьянымъ консерваторомъ, который бѣжитъ отъ одного вида крови,— и красной шапки; и когда въ порывѣ слѣпого гнѣва, римская чернь растерзала Басвилля, папскій поэтъ былъ только вѣренъ самому себѣ, занесся въ святцы Людовика XVI, великаго государя, невиннаго агнца, монарха, достойнаго лучшаго скипетра и лучшей доли.. Но тѣмъ аббатъ и кончился!

Послѣ Толентинскаго договора, заключеннаго 13 февралл 1797 года генералъ Мармонъ прибылъ въ Римъ съ письмами отъ Бонапарте къ первосвященнику. Благодаря Александру Фальконьери, брату герцогини Браски, онъ подружился съ Винченцо. Дотолѣ и рѣчи не было покинуть папскій дворъ, великую метрополію христіанства: еще такъ недавно предложеніе каѳедры словесности въ Павійскомъ университетѣ Монти отклонилъ учтивымъ отказомъ. Теперь онъ вдругъ боленъ сдѣлался, и нужна ему перемѣна климата, врачи совѣтуютъ поправить разстроенное здоровье въ цѣлебномъ воздухѣ Тосканы. Все это болѣе чѣмъ подозрительно, если принять въ расчетъ, что сопровождалось просьбой Мармони отправиться съ нимъ во Флоренцію, и что на эту просьбу уже отказа не было. И вотъ въ разсчитанномъ движеніи пѣвецъ порядка переходитъ къ слѣдующей, третьей своей жизни, къ эпохѣ безпорядка, революціонной. Съ самаго начала онъ долженъ былъ почувствовать окрестъ себя чуждую атмосферу—не осѣвшей бури, страстной возбужденности; слухъ, изнѣженный воркованіемъ Аркадскихъ пастушковъ, не могъ не поразиться непривычнымъ шумомъ. Ожидаемъ чуткаго вниманія живого интереса, а между тѣмъ Винченцо проводитъ часы досуга въ пріятномъ обществѣ и поставительной бесѣдѣ князей, герцоговъ, кардиналовъ и кавалеровъ, какъ ни въ чемъ не бывало, будто ничего не приключилось чрезвычайнаго. На его глазахъ рождается республика Циспаданская, потомъ Цисальпинская— поэтъ не помнитъ былого, и, выписанный въ Болонью, уже работаетъ надъ похвальною рѣчью новымъ властителямъ и судьямъ. Другіе захотятъ здѣсь видѣть индефферентизмъ художника, живущаго гдѣ-то не на землѣ, вдали отъ людского горя, какъ и Гете, обвиняли въ отсутствіи политическаго смысла. Но про то пусть скажетъ намъ художникъ, рѣзкими словами передавшій исторію своихъ огорченій—мы покамѣстъ заняты человѣкомъ, гражданиномъ. Новое правительство вызвало Монти въ Миланъ къ мѣсту перваго секретаря по министерству иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь онъ недолго продержался: скоро ему суждено было испытать

во всей силѣ, какъ несносно бремя великаго таланта, когда онъ достался въ удѣлъ слабому, мелочному характеру. Молва о его поэтическихъ заслугахъ предварила его пріѣздъ, содѣйствовала возвышенію; все это возбуждало зависть—и было ей къ чему привязаться: къ тяжкому грѣху отступничества. Въ Совѣтѣ Старшихъ и Младшихъ предложенъ законъ: «никто не можетъ быть приставленъ къ должности, или оставленъ при ней, кто съ перваго года свободы сочинилъ и обнародовалъ какія книги съ цѣлію возбудить ненависть къ демократіи». Что тутъ главнымъ образомъ мѣтили на пѣвца Басвилля—въ этомъ никто не сомнѣвался: законъ прошелъ, Монти потерялъ мѣсто; хотѣлъ было ѣхать въ Римъ на призывъ министра Короны, но обличительныя письма изъ Милана предупредили его, и онъ опять остался не причемъ. Что было дѣлать? Назначеніе комиссаромъ въ провинцію Рубикона, на перекоръ приговору, только убѣдило Винченцо въ его неспособности къ гражданскому дѣлу: иное—писать стихи, иное—пасти народы. Крѣпкое присловье басни еще разъ пересказалъ опытъ: бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ! Случилось ему на тотъ разъ проронить нѣсколько словъ въ похвалу монархическому началу—въ своей Музогоніи. Что за гамъ, что за проклятія поднялись со всѣхъ сторонъ: опять призракъ Джунни сталъ грозою: оторопѣлаго поэта заставили принести печатное покаяніе, въ прозѣ и стихахъ, отказаться отъ собственныхъ словъ, отъ прошедшаго, отъ лучшей части жизни. Когда бъ не знать, что было съ нимъ и что еще будетъ—отошелъ бы отъ Монти 1799 года, какъ отъ неисправимаго санкюлота, такъ все въ немъ кричитъ о крови, крови и крови. Но тѣ совершенно правы, которые краснѣютъ отъ этого притворнаго крика. Да и какъ не краснѣть отъ притворнаго крика, отъ нахальнаго признанія въ обманѣ: самъ поэтъ обвиняетъ себя, только онъ кладетъ руки на свое прошлое, въ честность котораго мы вѣруемъ, и наоборотъ кичится настоящимъ,—а на него-то и должна обрушиться тяжесть вины. Самые горячіе почитатели Винченцо обходятъ въ молчаніи скучные годы, когда его вдохновеніемъ былъ страхъ смерти.

Счастье готовилось ему улыбнуться изъ непривѣтливой сумятицы насущныхъ вопросовъ, кровныхъ интересовъ, воплей о хлѣбѣ и зрѣлищахъ. Нога, не созданная ходить по опасной тропѣ, поневолѣ скользила, и человѣкъ попадалъ въ просакъ: всего лучше было сбавить съ голоса, перемѣнить форумъ на кабинетъ ученаго.

Въ Брерскихъ аудиторіяхъ старикъ Парини занималъ каѳедру изящной литературы; еще при его жизни Монти предложена

была такъ называемая sopravvivenza; т.-е. право посмертнаго наслѣдованія въ должности. Но Парини умеръ, когда союзные войска русскихъ и австрійцевъ вступали въ Миланъ въ апрѣлѣ 1799 года. Повторилась сцена похоронъ Фердуси, съ приличнымъ измѣненіемъ въ декораціяхъ и тою разницею, что одному живому лицу пришлось плохо. Связавъ свою судьбу съ судьбою директоріи, Монти принужденъ былъ перебраться вслѣдъ за ея войсками на ту сторону Альпъ, безъ средствъ, безъ денегъ, полубольной, онъ самъ разсказываетъ, какъ въ долинахъ Шамбери подбиралъ опавшіе съ деревьевъ плоды, чтобъ утолить голодъ, часто отдыхалъ на камнѣ, обращался глазами къ Италіи и плакалъ. Съ прибытіемъ во Францію надежды обновляются: графъ Марескальки зоветъ его въ Парижъ, не отпускаетъ отъ себя; по его ходатайству Винченцо поручили воспѣть гимномъ и кантатой на два голоса побѣду при Маренго. Обѣщано за каждое восхваленіе по полуторѣ тысячъ франковъ и сверхъ всего званіе профессора италіанской словесности въ Collège de France. Между тѣмъ кто-то успѣлъ обнести несчастнаго Винченцо, министру внутреннихъ дѣлъ, Шанталю, представили его врагомъ французскаго имени, и какъ его покровитель ни трудился, вмѣсто 3-хъ тысячъ франковъ едва дали 500, а угла въ Collège de France вовсе не дали. Винченцо и здѣсь видитъ козни вѣчнаго Джянни.—И дальше все то же—не пожилось во Франціи бѣдному изгнаннику: на него смотрѣли косо, за нимъ наблюдали, держали контроль надъ всякой думой, сказавшейся гласно, отступничество заразительно, говорятъ, одно родитъ другое, и кто оставилъ папскую тіару, чтобъ поиграть трехцвѣтной кокардой, также легко могъ забросить кокарду и затянуть кукуреку въ честь «витязя полуночи», Суворова...

Когда смерть математика Маскерони вызвала у поэта нѣсколько грустныхъ мыслей объ Италіи (Mascheroniana)—ему попросту запретили продолжать начатое: слезы не были въ видахъ правительства. Денежныя обстоятельства такъ измельчали, что на выѣздъ изъ Парижа въ 1800-мъ г. и на оплату долговъ нужно было обратиться домой, къ домашней сумѣ. Но наконецъ-то онъ увидѣлъ Италію! Истинное чувство, закабаленное разсчетомъ, пробилось наружу, конечно въ границахъ умѣренности и аккуратности, извѣстныхъ двухъ талантовъ, которые стоятъ нашихъ всѣхъ:

Bell! Italia, a mate sponde,
Por vi torno a riveder.
Tremma in petto e si confonda
L'alma opressa dal piacer.

Слѣдующіе три года Винченцо соединялъ вокругъ себя толпу слушателей въ Павійскомъ университетѣ, куда его призвала воля Бонапарта. Здѣсь впервые вышелъ онъ на поприще, по силамъ себѣ и по плечу, безбѣдное, несуетливое, на которомъ соберетъ громкіе привѣты за переводъ Иліады за обширные филологическіе труды. Но до того времени мы еще не дошли; а намъ остается досказать исторію превращеній.

Переходъ отъ Монти cittadino къ Монти cavaliere совершается незамѣтно. Лишь отчаянный прыжокъ могъ соединить два противные полюса, папскую флегму съ горячкой революціи: оттого крикъ боли, ужаса, стыда вторилъ акробату. Ставъ на сторонѣ красныхъ, онъ показалъ довольно эстетическаго смысла и можетъ быть много разсчетливости, выбравъ изъ среды всѣхъ человѣка, который цѣлой головой выходилъ изъ ряду вонъ и дѣйствительно стоилъ пѣсни. Бонапарте дѣлается его идоломъ, его Прометеемъ, Зевсомъ. Понятно, что, когда блескъ императорскаго вѣнца подойдетъ къ славѣ полководца директоріи, это будетъ только поводомъ къ усиленной похвалѣ: вѣдь Бонапарте и Наполеонъ два имени, не болѣе, лицо осталось то же, а Монти и республику и имперію знаетъ въ одномъ этомъ лицѣ. Оттого такъ плавно и покойно с ittadino перебирается въ чистенькаго кавалера, изъ мирнаго ученаго сдѣланъ ассесоромъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «per le cose di littere e di belli arti», какъ выражается его біографъ Касси. Потомъ почести и выгоды идутъ возвышаясь, титулъ придворнаго стихотворца, жалованіе исторіографа, пенсія заслуженнаго профессора, знаки Желѣзной Короны и Почетнаго легіона, вниманіе сильныхъ міра сего и проч., и проч. Для Винченцо это пора высшаго цвѣта, но вмѣстѣ съ тѣмъ высшаго отупѣнія гражданскаго чувства: онъ въ конецъ исписался, славословіемъ не на прежній ладъ, будто сквозь сонъ, безъ мысли, весь погрязъ въ натяжкахъ, эксцентрическихъ выходкахъ. Видно ему подъ старость, надоѣло жалкое кривлянье, и онъ болѣе и болѣе сближается съ наукой, ищетъ покоя въ занятіи Персіемъ, Гомеромъ. Въ бесѣдѣ съ ними онъ кажется не досмотрѣлъ небольшого событія, какъ австрійцы смѣнили французовъ, а Наполеонъ уступилъ Францу—такъ безстрастно его перо, такъ равнодушно пишется ода на счастливый переворотъ. Правительство завоевателей было догадливѣе свергнутаго: разгулъ общественныхъ страстей, для котораго закрылось политическое поприще, оно поспѣшило обратить къ другимъ предметамъ, болѣе невиннымъ,—къ вопросамъ о языкѣ и словарѣ. Это не такъ опасно, не соблазнительно, займетъ итальянцевъ влюбленныхъ въ свою мелодическую рѣчь, а Монти вступитъ въ настоящую колею, что во всякомъ

случаѣ лучше пустозвонства виршами. На грамматической распрѣ онъ почти и умретъ.

Передъ нами пронеслась въ летучемъ очеркѣ личность гражданина, не наша воля была, если по пути мы захватили нѣкоторыя черты поэта: виновать Монти, который каждое дѣло свое, даже недоброе, записывалъ стихомъ, такъ что въ немъ и отдѣлить нельзя слова отъ дѣла. Это объясняетъ отчасти ту послѣдовательную злобу, съ какой преслѣдовали въ стихотворцѣ ошибки человѣка; конечно многое нужно отнести на долю времени, лучшею частью отданнаго общественнымъ задачамъ. Мы со своей стороны остаемся на прежней точкѣ зрѣнія: пусть для другихъ поэзія Винченцо является лѣтописью его политическихъ грѣховъ, его обвинительнымъ актомъ передъ рьяными сынами отечества; для насъ вся она съ немногими пробѣлами, одинъ великій грѣхъ противъ поэзіи. И тутъ его темная черта—вѣчное хамелеонство, ничѣмъ не объяснимое, заставляющее краснѣть вчужѣ за свою неискренность. Искусство требуетъ свободнаго, сердечнаго отношенія; оно не знаетъ и отступничества, потому что въ словѣ лежитъ что-то мрачное, принужденное, несвободное. То не будетъ отступничество, когда одно убѣжденіе вырождается изъ другого въ долгомъ сознательномъ развитіи, пока наконецъ смѣнитъ его: поэтъ равно въ правѣ вдохновиться новизной, какъ прежде воспѣвалъ старое, потому что купилъ право дорогою цѣной—иногда горемъ цѣлой жизни. Но что сказать о человѣкѣ, который сегодня тянетъ за гужъ, а завтра потянетъ за другой, въ противномъ направленіи, и готовъ швырнуть камнемъ въ кумиры вчерашняго дня? Крайности всегда подозрительны, внезапные переходы отъ смѣха къ слезамъ только говорятъ о разстроенныхъ нервахъ или о томъ, что ударили палкой. Какъ-то не вѣрится въ разстроенные нервы, въ ихъ небывалую подвижность: къ чему бы тогда эти печатныя самоотреченія, жалкіе виды на жительство, съ которыми мелкій характеръ проходитъ огонь и воду? Мы сказали тотчасъ о немногихъ пробѣлахъ и готовы вынести ихъ напоказъ, наперекоръ поэту вырвать нѣсколько свѣтлыхъ годовъ изъ скучной дѣятельности придворнаго псалмопѣвца. Эти свѣтлые годы относятся ко времени его перваго пребыванія въ Римѣ, когда онъ еще не измѣнялъ себѣ, и пѣлъ мытарства Басвилля: здѣсь онъ свѣжъ, силенъ, пускается по стопамъ Данта, блещетъ его образами и нѣтъ ему недостатка въ истинномъ вдохновеніи. Позднѣе, спасая юную честь революціонера, онъ клевещетъ на свое католическое прошедшее, будто онъ лгалъ изъ боязни, когда писалъ Басвилльяну. Но его судьи были проницательнѣе его: въ Миланскомъ совѣтѣ, присудившимъ его отрѣшеніе, слышался

голосъ, что не кропателя какого-нибудь пустенькаго сонета слѣдуетъ изгонять республикѣ, а тѣхъ, кто нападалъ на нее съ энтузіазмомъ силы, Дантовскимъ колоритомъ рѣчи. Кто писалъ такъ увлекательно, не могъ не писать отъ души, и вотъ слово вдохновенія повело къ слову суда. Дальше этого вдохновенія ужъ не сыщете: наборъ фразъ, звучныя риомы, кое-гдѣ прорвется сердечный вопль къ милой Италіи, и одинъ кумиръ слѣдуетъ за другимъ. Не даромъ Джянни, это пугало Винченцо сострилъ на его счетъ, что былъ онъ по очереди poeta papall, poeta revoluzionario и poeta imperiale. Противники честили его Протеемъ, хамелеономъ, а Винченцо Куоко разбранилъ бѣдняка въ своей книгѣ: «Platone in Italia» подъ именемъ Никорія. Вотъ его слова, которыя друзья поэта постарались извести изъ большей части экземпляровъ: «Никорій таилъ подъ личиной свободы рабскія наклонности... вначалѣ воспѣвалъ онъ партію оптиматовъ; когда эти пали, сталъ говорить въ народныхъ интересахъ... служилъ взаимной ненависти сторонъ, не разумнымъ ихъ началамъ; пѣлъ всегда въ разладъ съ самимъ собою, потому что ненависть переводится, а разумъ вѣченъ». Исторія идетъ для меня слишкомъ скоро, пишетъ Монти, я не поспѣваю за нею. Если эта попытка оправдаться передъ честнымъ народомъ въ перемѣнчивости, и то во всякомъ случаѣ попытка неудачная, поражающая своимъ факирскимъ равнодушіемъ къ жизни. Подобную защиту предпринялъ было и Сисмонди (De la Litterature du midi de l'Europe t. 2): вся вина свалена у него на характеръ, на темпераментъ Винченцо. «Крайне живой, раздражительный, страстный, вѣчно подъ вліяніемъ настоящаго... Непонятно, какъ такая страстная натура, такая горделивость въ манерѣ и слогѣ мирится въ немъ съ непостоянствомъ убѣжденій. Въ другихъ поэтахъ оно прошло бы незамѣтно, но обстоятельства поставили версатильность Монти на свѣтъ, и его слава связана съ произведеніями, которыя то и дѣло заставляютъ его противорѣчить себѣ. Работая въ разгарѣ итальянскихъ смутъ, онъ почти всегда обращался къ темамъ политическаго свойства и попеременно воспѣвалъ всѣ партіи, смотря по тому, какая брала верхъ. Предположимъ въ оправданіе его, что онъ творитъ, какъ импровизаторъ, восторгаясь заданной темой, жадно хватается за всякую политическую мысль, пока не разногласитъ она съ его личнымъ чувствомъ и т. д.». Послѣ всего сказаннаго едва ли эти строки убѣдятъ кого-либо, но онѣ важны для насъ, онѣ показываютъ, что несмываемымъ пятномъ гражданская неустойка ложится на лицо художника,—коли заслуги его не заставили обойти тяжелаго упрека. А Монти все же былъ художникъ слова, обновитель стиха, и его именемъ пополняется полвѣка итальянской словесности.

Когда въ 1778 г. молодой аббатъ является въ Римѣ, на зарѣ своей поэтической славы, онъ сразу попадаетъ въ какія-то гораціанскія отношенія. Два типа преобладали тогда въ образованномъ обществѣ: прелатъ-баричъ не пишетъ, но позволяетъ писать и посвящать себѣ; придворный риѳмоплетъ пишетъ и не даетъ писать другимъ риѳмоплетамъ. Литература состоитъ изъ посвященій одъ на разные случаи, она или благодарственная или хвалебная.

Попавъ въ душную среду, Винченцо втягивается въ нее, и, какъ дома, въ атмосферѣ лакейства и поклоновъ. Онъ теперь поэтъ аристократической передней: большая часть его пьесъ писаны per sua altezza il signor barone, a sua eccelenza la signora principessa и т. п. «Не должно произведенія музъ выставлять на показъ толпы», говоритъ онъ въ одной дедикаціи. «Конечно и она можетъ найти въ нихъ удовольствіе, но взвѣсить достоинства, оцѣнить ихъ, какъ слѣдуетъ воспринять чудное впечатлѣніе,— это преимущество того, чье воображеніе освѣщается свѣточемъ генія, а сердце привыкло согрѣваться у очага чувствительности (Versi dell' abate Vincenzo Monti, p. 2, Parma 1787). Такая привилегированная особа—его сіятельство донъ Луиджи Браски Онести, особа въ крестахъ, деньгахъ и сильномъ родствѣ, а главное покровитель поэта. Поэтъ сознаетъ себя недостойнымъ предстать предъ его свѣтлыя очи, онъ совсѣмъ было и съ книгой ушелъ, чтобъ не срамить поэзіи, но одна сила превозмогла даже надъ любовью къ поэзіи: чувство признательности и стихи повергнуты къ стопамъ. Говорятъ, что порывъ шелъ отъ души, что особенно въ произведеніяхъ, посвященныхъ Пію VI, который обласкалъ и пріютилъ молодого человѣка, нельзя предполагать лицемѣрія. Можетъ быть, только насъ никогда не увѣрятъ, чтобы хлѣбное чувство благодарности, произведшее римскаго лизоблюда и нашу кумушку, было производительно въ экономическомъ отношеніи. Поклонъ лучше всего дѣлается въ прозѣ, и ни одного знаменитаго художественнаго поклона не видимъ мы на всемъ пространствѣ отъ Горація до Соуси Теннисона—самого Монти наконецъ. Возьмемъ, напр., одну изъ его лучшихъ пьесъ, въ честь Пія VI—его Pellegrino Apostolico. Папа ѣдетъ въ Вѣну по дѣламъ, на переговоръ съ императоромъ Іосифомъ—событіе, какъ видите, и на размышленіе не вызываетъ, а въ поэтѣ оно вызвало лиризмъ. Но въ какомъ хламѣ миѳологическихъ именъ, намековъ, аллегорій, проступаетъ этотъ лиризмъ! Святой отецъ начинаетъ посѣщеніемъ Ватикана; здѣсь Вѣра, окруженная своими символами, обнимаетъ его, внушаетъ мужество, благословляетъ на путь. Подкрѣпленный ею, странникъ шествуетъ и побѣдоносно отбивается отъ чудовищъ,

подъ видомъ которыхъ изображены различные пороки. У горы Соракте выходитъ къ нему навстрѣчу понтифексъ Сильвестръ,—любовь къ старому пепелищу приманила его съ неба. Онъ изливается радостнымъ предсказаніемъ, которымъ благочестивый путникъ глубоко пораженъ.

Если страсть къ титуламъ была страстью вѣка, то вотъ другая особенность римской поэзіи Монти, за которую равно отвѣтитъ и вѣкъ и самъ поэтъ. Мы разумѣемъ ея характеръ случайности. Не то чтобы частица «на» преобладала въ заглавіяхъ его кантатъ: на бракосочетаніе, на рожденіе, на успеніе и т. п.; мы говоримъ о фактѣ гораздо болѣе общемъ, важномъ. Всѣ художественные подвиги Винченцо, даже совершенные не по заказу, тайному или гласному, ведутъ свое начало отъ слѣпого случая, неожиданнаго повода. Итакъ, во всю жизнь, даже на отдѣльные пути своей поэтической дѣятельности, онъ выходитъ, будто на-авось. Открытіе бюста Перикла въ развалинахъ Кассіевой виллы заставило его прочесть похвалу первосвященнику—устами знаменитаго грека. Это было его первое римское стихотвореніе. Въ какихъ обстоятельствахъ написана Ода на Красоту Вселенной и двѣ пѣсни къ Апостольскому Страннику—мы знаемъ изъ предыдущаго. Ссора на смерть съ будущимъ демагогомъ Джянни подарила насъ рядомъ сонетовъ «in morte di Guida», поражающихъ своею звучною ненавистью—подъ Іудой, говорятъ, скрывается Джянни. Трудную задачу разрѣшилъ здѣсь поэтъ и разрѣшилъ мастерски: e fumo dare lucem, изъ пошлой уличной драки извлечь такія строгія краски, такой мрачный ландшафтъ, гдѣ въ помертвѣломъ воздухѣ качается тѣло преступника, и на лицѣ его Правда начертала приговоръ, омочивъ руку въ Священной Крови. Въ пору вечерней росы ангелы поднимаются съ Голгоѳы, покрывая глаза свои крыльями, чтобъ не видѣть страшнаго зрѣлища. А между тѣмъ рой демоновъ уноситъ тѣло въ предѣлы Стикса, гдѣ оно должно опять соединиться съ душою. Завидѣвъ небывалаго гостя, легкіе сонмы тѣней прячутся съ воплемъ въ тростникѣ и волнахъ рѣки; а онъ бѣжитъ самого себя, силится стереть позорную надпись и не можетъ. Въ невыразимой тоскѣ, глядя исподлобья, стоитъ онъ на пути, по которому открывается побѣдное шествіе Спасителя въ область ада. Вдругъ слезы полились изъ его впалыхъ очей, словно изъ горы огненный потокъ лавы; небесный свѣтъ глянулъ на него, будто паръ пошелъ отъ оскверненныхъ членовъ. Но Правда безпощадно раздѣляетъ этотъ паръ; Господь отвращаетъ свои взоры и грядетъ дальше.

Въ салонѣ Маріи Пеццелли пріѣзжій Альфьери читалъ свою Виргинію; въ числѣ слушателей находился и нашъ поэтъ. Суровая

мощь слова увлекла юношу, и онъ вернулся домой однимъ планомъ богаче. Въ скоромъ времени появилась его первая трагедія, Аристодемъ, которой содержанье взято изъ повѣсти недавно прочитанной въ Павзаніи. Опять счастливый случай выводилъ Монти на торную дорогу. Успѣхъ былъ чрезвычайный; много тутъ сдѣлала прелесть стиха, пріятно поражавшаго послѣ безобразной рѣзкости Альфьери; всего менѣе, конечно, самая интрига. Еще въ другомъ смыслѣ успѣхъ былъ чрезвычайный: нежданно, негаданно онъ устроилъ судьбу писателя. Заочная любовь Руделя къ графинѣ Триполійской не могла быть романтичнѣе, страннѣе его сватовства. Нужно сказать, что Винченцо, какъ ученый аббатъ, питалъ нѣжную страсть къ камеямъ кавалера Джіованни Пиклера; Пиклеръ умеръ, къ великой скорби всѣхъ искусствъ, и оставилъ дочь, которая влюбилась въ творца Аристодема— только потому что онъ творецъ Аристодема, а она его въ глаза не видѣла. Монти съ своей стороны тоже не зналъ ея лично, она соединилась въ его мысли съ заслугами отца, и этого было довольно, чтобъ возымѣть къ ней пріятную склонность. Свадьбу сыграли камеи и трагедія. За первымъ опытомъ не замедлилъ второй, и на немъ сказалось недавнее знакомство съ Шекспиромъ. Въ самомъ выборѣ мотива изъ отечественной лѣтописи, изъ Флорентинскихъ исторій Макіавелли, мы желали бы видѣть слѣды этого знакомства. Но авторъ спѣшитъ разувѣрить насъ: въ предисловіи къ Галеотто Манфреди онъ сознается, что не его былъ выборъ vestigia deserere et celebrare domestica facta. Онъ хорошо понимаетъ, какъ не пристала такая низкая матерія достоинству высокаго котурна, но его просила одна образованная и любезная дама вывести на сцену какое-нибудь домашнее событіе, свое— и онъ сдѣлалъ это. И здѣсь непредвидѣнная просьба указала новый путь. Невольно припоминаются слова Гете: всякое стихотвореніе должно быть случайнымъ, Gelegenheitsgedicht, вызвано случаемъ, какъ ни глубокомысленна эта замѣтка пока остается въ эстетическомъ кругу, но она предполагаетъ въ поэтѣ страшную впечатлительность, натуру, открытую со всѣхъ сторонъ вѣчному движенію извнѣ. Мы видѣли, къ какимъ промахамъ на гражданскомъ поприщѣ повела Винченцо эта впечатлительность, это отсутствіе внутренней руководящей силы.

Еще только одинъ разъ возвращается Монти къ драмматическому роду: во французскомъ изгнаніи онъ написалъ широковѣщательнаго Кая Гракха. Драма была не по немъ; если бъ не Альфьери, онъ пожалуй и не присталъ бы къ ней. Его среда— лирическое увлеченіе, безконечные порывы, своевольные переходы; въ этой средѣ онъ сразу поднялся надъ толпой своихъ

сослуживцевъ по Аполлону и передней. За ними стояли преданія Аркадіи, изношенность стиха, изношенность чувства, а онъ принесъ съ собою изъ Феррары видѣнія Іезекіиля, глубину религіозной мысли, свѣжесть обновленной терцины. И дальше эта мысль продолжаетъ вдохновлять его (La Bellezza dell Universo); когда кругомъ все еще гонится за старушками Нисами и Филлидами, и въ монотонномъ звонѣ легкихъ оперныхъ строфъ онъ одинъ держится Дантовской терцины (La Bellezza dell Universo; il Pellegrino Apostolico, элегіи и т. п.). Борьба между Беттинелли и Гоцци о забытомъ авторитетѣ Божественной Комедіи была еще на памяти всѣхъ; преимущество дарованія и голосъ Данта стали на сторону послѣдняго — неудивительно, что онъ вышелъ побѣдителемъ изъ спора. Но тотъ споръ велся въ области умозрѣній, и его выводы не могли подѣйствовать живительнымъ образомъ на поэзію, испѣвшуюся въ конецъ. Нужна была не теорія, а дѣло, примѣръ, нужно было Данту сильное поэтическое возмездіе за долгую ссылку, въ какой держали его Петраркисты—лишь въ такомъ случаѣ дѣлалось возможнымъ обновленіе. Случай вскорѣ представился—опять же случай,—потому что обновителемъ является Монти. Въ генварѣ 1793 года Гуго Басвилль, секретарь французскаго посольства, прибылъ изъ Неаполя въ Римъ съ цѣлью взбунтовать народъ; озлобленная чернь приколола его за нѣсколько дней до казни Людовика XVI-го (21 генваря). Еще событіе было свѣжо, еще не успѣло изгладиться тяжелое впечатлѣніе, темныя вѣсти доходили изъ Франціи, какъ проявились первыя пѣсни Басвилльяны. Эффектъ былъ поразительный: никогда еще, послѣ долгаго забытья, Дантовскій метръ не звучалъ еще такою бурею, въ новой силѣ воскресали прежніе образы, опять странствовалось въ мірѣ тѣней и страданій, и эти страданія брали за живое человѣка, потому что были современны, какъ и флорентіецъ XIII столѣтія содрогался надъ праведной карой ада. Говорили, что другой Алигьери нарождается; въ предисловіи къ Павійскому изданію Басвилльяны называли автора Dante redivivo; другіе—Dante ingentilito. Послѣдній эпитетъ даетъ всю мѣру различія между обоими художниками: тутъ разница пяти слишкомъ вѣковъ, поры юной и поры пожившей, двухъ личностей наконецъ, изъ которыхъ одна антична и строга, а другая слабѣй какъ-то, мягче и опрятнѣе, и объ отпечатлѣваются въ слогѣ. Еще и на другой чертѣ легла не менѣе рѣзкая печать времени. Тринадцатый вѣкъ жилъ въ мірѣ чудесъ, демонологіи, вѣрилъ въ адъ съ его картинными муками, въ чистилище съ его переходнымъ состояніемъ, населялъ рай хоромъ свѣтлыхъ образовъ; когда Дантъ шелъ среди народа,

суевѣрная толпа видѣла на его курчавомъ волосѣ слѣды адскаго огня, а въ задумчивомъ взорѣ святыню видѣнныхъ тайнъ. Самъ Дантъ долженъ былъ обращаться къ призракамъ своей фантазіи съ смутною вѣрою въ ихъ возможность,—потому что ихъ основа лежала глубоко въ сознаніи народа. Оттого его грѣшники, его святые дышатъ такою полнотой жизни, такъ пластичны, что на нихъ распознаешь каждую складку одежды. Монти—дитя XVIII столѣтія, онъ знаетъ употребленіе бѣлыхъ перчатокъ и называетъ бреднями сказки о духахъ. А между тѣмъ его поэма вся движется въ мірѣ тѣней, нужно нарисовать ихъ одѣтыхъ, и художникъ наслушетъ самъ себя, описывая то, чего не знаетъ, о чемъ не сложилось въ его душѣ никакого опредѣленнаго образа. Оттого его лица такъ прозрачны, расплываются и уловить ихъ выраженіе рѣшительно нельзя. Они безжизненны отъ недостатка вѣры, которой не замѣтитъ ни напыщенность ни подмалевка, ни тѣ ходули, на которыя поднимается поэтъ, желая взять по крайней мѣрѣ высотою. Парини хорошо выразился о Винченцо: онъ постоянно грозитъ паденіемъ съ внезапнаго полета, и никогда не падаетъ. Что не падаетъ онъ—это дѣло его искусства, и отъ Данта мы отличимъ его,—что у того все жизнь, а здѣсь все искусство.

По смерти Бэсвилля разнесся слухъ, будто передъ кончиной онъ покаялся. Монти присталъ къ этой народной молвѣ, чтобъ положить ее въ основаніе своей поэмы; въ частностяхъ образцомъ были Божественная Комедія: какъ тамъ житель земли странствовалъ въ мірѣ неземныхъ мученій и наградъ, такъ и здѣсь безплотныя существа спускаются къ людскимъ дрязгамъ, и дѣйствіе равно идетъ въ дольней и горней области. Бэсвилль покаялся,—это облегчало вину и въ понятіяхъ католика освобождало отъ адскихъ пытокъ. Но вмѣсто того, чтобы заставить грѣшника пройтись по чистилищу, божественная правда осудила его на другой рядъ мытарствъ. Разставшись съ тѣломъ, духъ его долженъ понестись во Францію и воочію увидѣть, какъ отъ его гибельныхъ ученій кровью изойдетъ родная страна. Онъ будетъ истязаться внутренне упреками совѣсти; ему въ спутники данъ ангелъ. И вотъ уже въ дорогѣ воздушная чета летитъ надъ знакомыми полями—всюду смерть и запустѣніе; густое облако спускаетъ ихъ надъ жилищемъ грѣха, Парижемъ. Увидя его, ангелъ содрогается, слеза туманитъ его небесный взоръ и грѣшную тѣнь странно поражаетъ этотъ плачъ. А внизу какая-то мертвая непріятная тишина; словно буря готовится или взрывъ—такъ все примолкло, и звукъ колокола и хрипъ пилы, и стукъ молота. Въ воздухѣ лежитъ печаль и удушье, глухой ропотъ вопросовъ, сомнѣній, ужаса, наполняетъ площади

и улицы. Словно въ предчувствіи чего-то страшнаго крѣпче голубитъ малютку нѣжная мать; жена становится въ дверяхъ, умоляя мужа не выходить изъ дому. Но напрасно: чудный рой тѣней промчался по городу—то призраки древнихъ друидовъ, почуявшіе пиръ; гноемъ сочатся ихъ волосы, а въ рукахъ у нихъ факелъ, кинжалъ и кубокъ яда. Они мечутъ удары, и кого тронетъ ихъ бичъ, шипящій ехидною, у того разгорается кровь отъ жара и злого зелья. Яростныя толпы народа высыпаютъ изъ затворовъ, гулъ идетъ отъ воплей, словно море разыгралось въ ночи или зимняя мятель. И среди общаго трепета спокойно, безтрепетно, съ сіяніемъ въ лицѣ шествуетъ король къ помосту, такъ что камень бы растаялъ отъ жалости. Въ похоронную пелену закуталось солнце, плачетъ воздухъ, плачутъ, покинувъ блаженство рая, тѣни мучениковъ, пострадавшихъ за царя и за вѣру. А между тѣмъ на небесахъ совершается таинство: съ престола величія Господь воззрѣлъ на преступную Францію и въ рукѣ держитъ вѣсы судебъ. Свою милость, долготерпѣніе онъ кладетъ въ правую чашу; въ лѣвую—всѣ мелкія ошибки и грѣхи Парижа. И все еще равновѣсіе не нарушалось. Тутъ онъ бросилъ въ лѣвую чашу смертный приговоръ и послѣдніе часы высокаго страдальца—и она разомъ упала. Въ эту минуту король подходитъ къ мѣсту казни; вотъ подошелъ—раздумье и состраданье взяло народъ: еще было не поздно, еще можно было воротиться. Вдругъ четыре привидѣнія бросаются на помостъ, вооруженные кинжалами, съ ненавистью во взорѣ, съ веревкой висѣльника на шеѣ, все цареубійцы: Даміэнъ, Аккертуломъ, Равальякъ; четвертый прикрываетъ рукою имя, глубокою бороздою вырѣзанное на челѣ. Они бросаются на жертву, влекутъ ее къ плахѣ, не давъ досказать слово прощенія, поспѣшаютъ смертнымъ ударомъ. Громомъ и бурей отвѣчаетъ небо, земля и море на великій проступокъ; недобрымъ предчувствіемъ отзывается онъ въ душѣ убійцъ. Тѣмъ временемъ, освобождаясь отъ плотской ноши, душа праведника вознеслась къ вѣчному свѣту, вѣчному покою: сей навстрѣчу ликуютъ звѣзды, солнечныя дѣвы пляшутъ въ хороводѣ, ихъ огневые волосы развѣваются, омоченные росой. У престола Всевышняго душа свиваетъ свои крылья и принимаетъ лобзаніе мира; амарантовый вѣнокъ облекаетъ ея голову подъ тихую гармонію небесныхъ звуковъ. А тѣло лежитъ на землѣ покинутое, заброшенное; къ нему собралась голодная стая призраковъ, тянется къ крови, но ихъ отгоняетъ мечъ херувима, поставленнаго на стражѣ. Въ ту стаю слетѣлись блѣдные образы Гельвеція, д'Аламбера, Бэйля, Вольтера: а слетѣлись они, чтобъ полюбоваться на дѣло рукъ своихъ. И вотъ начи-

нается между ними взаимная похвальба: я разбилъ скипетръ, говоритъ одинъ, и съ грязью смѣшалъ багряницу; я сорвалъ повязку съ глазъ народа, вѣщаетъ другой. Я больше сдѣлалъ—я свергнулъ Бога, слышится одинъ голосъ—и вдругъ замолкнулъ; замолкнуло и все сонмище и не слышно было.

Но потомъ опять поднялся глухой ропотъ, словно журчанье источниковъ, когда ночь и сонъ обняли землю и одинъ запоздалый путникъ слышитъ его чуткимъ ухомъ...

Монти не кончилъ своей Басвилльяны: четвертая пѣснь показываетъ союзныя войска, готовыя напасть на Францію, и дать ей примѣръ исторической мести. Но здѣсь поэтъ и остановился. Видно, исторія шла скорѣе, чѣмъ онъ могъ писать. Черезъ пять лѣтъ Винченцо былъ уже санкюлотомъ; уже завистники изъ революціонеровъ успѣли досадить ему своими нападками, укорами въ прежнихъ убѣжденіяхъ, которыя нигдѣ не выразились такъ круто, какъ въ знаменитомъ гимнѣ монархизму Басвилльянѣ. Въ іюлѣ 1797 года читаемъ въ Termometro politico della Lombardia слѣдующее письмо гражданина Монти къ гражданину Сальфи, издателю журнала—мы приводимъ его съ пропусками.

«Если вы припомните, сколько разъ мнѣ доставалось въ вашемъ листкѣ за Басвилльяну, то безъ сомнѣнія подумаете, что я все еще сильно сержусь на васъ. Но ошибаетесь, такъ какъ вы меня лично не знаете и судите по моимъ произведеніямъ, вашъ приговоръ только справедливъ и уважителенъ, и мнѣ остается горевать о грустныхъ обстоятельствахъ, навязавшихъ трудный выборъ: либо умереть, либо написать, что я написалъ. Оставался одинъ выходъ—надѣть маску, и какъ я не умѣлъ подражать тому хитрому Римлянину, что притворился сумасшедшимъ изъ любви къ жизни, я послѣдовалъ хитрости Сивиллы, которая бросила пирогъ въ зѣвъ Цербера, чтобы не быть разорванной... Статься можетъ, вы повторите слышанное не разъ и отъ другихъ: будто смѣлая энергія нѣкоторыхъ мѣстъ Басвилльяны заставляетъ, подозрѣвать, что не было противорѣчія между мыслью поэта и его словомъ, будто нужно глубоко прочувствовать многія изъ этихъ сценъ, чтобъ представить ихъ такъ увлекательно. На такое обвиненіе отвѣтъ простой: принужденный пожертвовать убѣжденіями, я старался спасти по крайней мѣрѣ честь посредственнаго писателя. Самолюбіе поэта побѣдило стыдъ дурного политика, тѣмъ легче, что во время оно дурные политики были не въ диковинку. Четырнадцать изданій, которыхъ удостоилась моя жалкая рапсодія въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ, совсѣмъ было увѣрили автора въ ея успѣхѣ, если бъ не папа.

Когда потащили меня къ нему, чтобъ повергнуть мой трудъ къ стопамъ его святѣйшества, онъ не одобрилъ его дантовскаго стиля, и я помню, какъ въ присутствіи своего племянника и монсиньора della Genga онъ съ большою граціей продекламировалъ пѣсенку изъ Метастазія—такъ бы у меня слѣдовало обработать свой сюжетъ...».

Съ письмомъ посылались три стихотворенія, назначенныя въ столбцы революціоннаго журнала. Ужъ это одно характеризуетъ ихъ вполнѣ, особливо, если прибавить, что писаны они послѣ свалки Музогоніей и по ея поводу, когда красная братія вознегодовала на Монти и потребовала всенароднаго, печатнаго отреченія отъ всякой задней мысли, отъ всего, въ чемъ папство и монархія могли оставить запахъ недавняго жилья. Предложены были Винченцо, въ видахъ очистительныхъ un correctivo e due emende, три стихотворныя епитеміи, которыя и посылались теперь подъ вѣскими именами: Суевѣріе (Superstizione), Фанатизмъ (Fanatismo), Опасность (Pericolo). Въ Superstizione святой отецъ названъ между прочимъ гордымъ Далай-Ламою, а впрочемъ вся эта пьеса не что иное какъ риомованная парафраза письма. Доказывается, что Монти всегда былъ революціонеръ въ душѣ, и никогда ему не жилось въ развращенномъ Римѣ, гдѣ рыбарь изъ Назарета въ продолженіе столькихъ вѣковъ ковалъ свои грѣшныя стрѣлы. Долго, въ замирающемъ біеніи, поджидало сердце сѣвернаго богатыря—пусть придетъ и караетъ зло, пусть отмститъ за Басвилля. Но поэту, воспѣвшему злодѣяніе, да будетъ пощада! Онъ сдѣлалъ это, нехотя, изъ страха, склонясь на просьбы жены и плачъ малютки дочери. Несчастный, онъ презрѣлъ вѣщій сонъ, въ которомъ явилась ему дружеская тѣнь мученика и увѣщевала къ бѣгству. Любовь принудила его остаться, любовь и забота принудили къ насилію надъ самимъ собою и уста говорили одно, когда въ душѣ говорилось другое. Но поэтъ долженъ былъ превзойти самого себя: въ годовщину казни Людовика XVI, въ 1799 году, на Миланскомъ театрѣ пѣли гимнъ сочиненія Монти, совершенную марсельезу, гдѣ не знаешь смѣяться ли слѣдуетъ, или плакать надъ неестественнымъ самоистязаніемъ, которое подбираетъ всякіе ужасы и страсти, чтобъ прикрыть ими внутреннюю пустоту. Одинъ хоръ начинается словами: Соперники Бонапарте—боги, на землѣ ему нѣтъ соперниковъ. Уже не въ первый разъ расточалъ Винченцо такую божественную хвалу своему будущему герою: еще два года тому назадъ, въ Болоньѣ, онъ величалъ его Прометеемъ, но и эту поэму не кончилъ, потому что время шло, и Монти не поспѣвалъ. Впрочемъ онъ остается еще долгое время—цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ,

и съ невозмутимою правильностью ведетъ свою хвалебную лѣтопись. Маренго, смерть Дезе (Bella Italia etc.), восшествіе Наполеона на Итальянскій престолъ (Visione), побѣды надъ русскими и австрійцами (Bardo della selva Nera), Іенская битва (spada di Federico)—все это проносится передъ нами въ вихрѣ стиховъ, напыщенныхъ образовъ, миѳологическихъ именъ. Марсъ и Посидонъ, Прометей и даже Зевсъ (serogamia di Creta) поочередно спускаются съ Олимпа и блекнутъ въ сіяніи новой славы. Наконецъ и этого стало мало; поэзія бардовъ должна была дать свои рѣзкія краски, чтобы на нихъ отвесть глаза, утомленные классическимъ однообразіемъ. Въ «Palingenesi Politica» какое-то пантеистическое божество выходитъ на алмазномъ тронѣ изъ нѣдръ хаоса, разливая всюду свѣтъ и порядокъ и дыханіе жизни. Это божество—опять Бонапарте, который тѣмъ временемъ сдѣлался Наполеономъ, а Монти—приверженцемъ императора. Мы выше указали на этотъ періодъ его жизни, какъ на періодъ цвѣта и вмѣстѣ упадка—пало его гражданское чувство. Реставрація застаетъ его холоднымъ, покорнымъ своей участи. Когда новой власти заблагоразсудилось прославить новую побѣду, и Монти поручили написать оду на пріѣздъ эрцгерцога Іоанна и другую на прибытіе императора—онъ нашелъ звуки для выраженія новой преданности (Il Mistico Omaggio, Il Ritorno d'Astrea) онъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ отъ него требовали: прежнихъ отцовъ отечества оклеветалъ Катилинами, демагогами, врагами отечества. Если тутъ дѣйствовалъ страхъ и официальнымъ образомъ иначе выразиться нельзя, то какое-то непонятное равнодушіе водило рукою, набросавшею такія строки въ письмѣ къ другу, гдѣ ожидаешь сердца настежь и на-распашку. Вамъ пріятно будетъ услышать, что эрцгерцогъ очень лестно отозвался о моей кантатѣ въ присутствіи членовъ института. «Вы провели нѣсколько полезныхъ мыслей, сказалъ онъ, которыя мнѣ чрезвычайно понравились и понравятся всѣмъ государямъ, особенно въ настоящее время. Такая рѣчь пріятна императору». Эти слова, сильно произнесенныя, ходятъ теперь по народу.

Мы быстро перебираемъ послѣдніе годы поэтической дѣятельности Монти, опуская мелкіе факты, чтобъ не усилить впечатлѣнія и безъ того тяжелаго. Одинъ зеленый уголъ выдается на безотрадной степи—это кабинетъ ученаго: здѣсь онъ переводитъ Персія, пишетъ замѣтки о крылатомъ конѣ Аріонѣ, здѣсь серьезно и учено толкуетъ, что тотъ конь былъ просто страусъ. Споръ за обѣдомъ у кардинала Фабриція Руффа подалъ Винченцо мысль заняться Гомеромъ и онъ перевелъ его, не зная греческаго языка, какъ Попе и нашъ Жуковскій, часто инстинктомъ восполняя

непониманіе буквы, но съ такой гармоніей стиха, что передъ ней самъ Гуго Фосколо преклонитъ оружіе, не говоря о прежнихъ опытахъ Сальвини, Герути, Чезаротти. Позднѣе въ союзѣ съ зятемъ своимъ, извѣстнымъ графомъ Пертинари, Монти открываетъ цѣлый рядъ походовъ противъ академіи della Crusca, которая пыталась установиться высшей инстанціей въ дѣлѣ словаря.

Если позабыть, что и тутъ писатель дѣйствовалъ лишь по указанію правительства, нельзя не удивляться его игривости, неистощимому остроумію, съ какимъ излагаетъ онъ самые сухіе буквенные вопросы. То появляются у него слова, недостающія въ лексиконѣ, потому что не тосканскія и ведутъ жалобу на непризнанія правъ; или какой-нибудь стилистъ XIV столѣтія выступитъ изъ мрака и качаетъ головой надъ злоупотребленіями современной рѣчи (Proposta di alcune correzioni ed aggiunte al Vocabolario della Crusca). Гомеру и филологической критикѣ Монти одолженъ большею частью своей славы въ Италіи.

Послѣдніе годы его жизни потекли печально: онъ теряетъ зятя во цвѣтѣ лѣтъ, теряетъ здоровье, теряетъ свой Олимпъ, которому служилъ такъ долго, такъ усердно. Старые боги уходятъ отъ лица новыхъ, отъ дыханія романтизма, этого исчадія Борея (audace scuola Boreal), и вѣрный пѣвецъ напутствовалъ ихъ похоронной элегіей (sermone sulla Mitologia). Никогда не высказывалась въ такомъ свѣтѣ вся мягкость, вся женственность его характера, какъ въ эти послѣдніе годы, когда утрата слѣдовала за утратой, и его посѣтили немощи и нищета. Девятаго апрѣля 1826 г. онъ оканчивалъ послѣднюю пѣснь Фероніады, поэмы, въ которой воспѣвались заботы Пія VI по осушенію Понтійскихъ болотъ. Немного стиховъ оставалось додѣлать, какъ апоплексическій ударъ сразилъ поэта. Климатъ Бріанцы, гдѣ проболѣлъ онъ слѣдующія лѣта, не возстановилъ разстроеннаго организма. Poca è la speranza di riaverni, пишетъ въ это время больной Винченцо, checchè gli amici mi vadano pascendo di belle lusinghe. и задумчиво повторяетъ строки Мольцы:

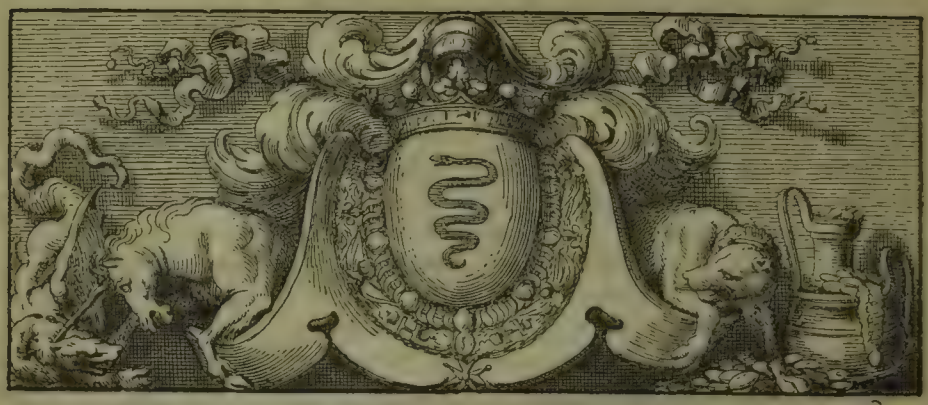
Ultima properant, video, mea fata, sodales,
Meque aevi suetas sam tetigisse manent.
Si foret hic certis morbus sanabilis herbis,
Sensissem medicae sam miser artis opem.
Si lacrimis, vestrum quis me non luxit? et ultro
Languentem toties non miseratus abit?

Послѣ того онъ недолго продержался (умеръ въ 27 г.; по другимъ свѣдѣніямъ 13 октября 1828 г.), но передъ смертью не забылъ защитить себя въ газетахъ отъ молвы, будто сдѣлался онъ подъ конецъ жизни ханжей и богомоломъ.

Теперь исторія держитъ надъ нимъ вѣсы, какъ Саваоѳъ въ Басвилльянѣ надъ грѣшнымъ городомъ. И въ одну чашу она кладетъ его проступки, въ другую—его заслуги и страданія, не страданія болѣзненнаго одра, но внутреннія страданія, духа, совѣсти. Была ли въ сердцѣ борьба, когда рука измѣнила отъ страха—вотъ вопросъ. «На меня находятъ минуты», пишетъ поэтъ, «когда я жалѣю, что не животное я, жующее жвачку. Я попалъ бы тогда на бойню—чего добраго все же это лучше, чѣмъ имѣть при себѣ неотвязнаго мучителя—разумъ». Цѣлая драма лежитъ въ немногихъ словахъ. Какая же чаша пересилитъ?

Академикъ *Александръ Н. Веселовскій.*

1859 г. 17 марта.



Михаилъ Ѳедоровичъ Грачевскій [1]).

На крыльяхъ радости лечу въ объятья смерти:
Ускорилъ свой я въ вѣчность переходъ...
Друзья! Васъ пламенно люблю я всѣхъ...
Великодушно прошу я васъ грѣхи мои простить
И въ памяти своей съ друзьями дорогими слить...

Таково предсмертное стихотвореніе Грачевскаго, написанное въ Шлиссельбургѣ къ товарищамъ. Послѣ 5 лѣтъ жизни въ Алексѣевскомъ равелинѣ и въ Шлиссельбургской крѣпости онъ кончилъ самосожженіемъ, сдѣлавъ изъ себя факелъ, который долженъ былъ освѣтить мрачные застѣнки русской Бастиліи.

Изъ всѣхъ крупныхъ народовольцевъ къ Грачевскому, быть можетъ, болѣе всего приложимо названіе «фанатика». Это была индивидуальность сильная, самобытная и вмѣстѣ съ тѣмъ замкнутая въ рѣзко очерченное русло. Его желѣзная воля, разъ поставивъ себѣ цѣль, преслѣдовала ее неуклонно, съ упорствомъ, которое граничило съ упрямствомъ. Никогда не считался онъ съ препятствіями, не признавалъ возможности отступленія... Если когда-нибудь въ его душѣ и были колебанія или сомнѣнія—они никогда не выносились наружу. Два раза въ жизни: въ трагическій періодъ предъ арестомъ и въ тюрьмѣ предъ жестокимъ концомъ—дальновидный умъ могъ говорить ему: «Остановись!» Но остановиться—онъ не могъ и не хотѣлъ, и холодно смотрѣлъ въ глаза гибели и смерти. Для публики, для товарищей—онъ былъ всегда одинъ и тотъ же: вооруженный съ головы до ногъ, непреклонный революціонный дѣятель, и въ этомъ смыслѣ во всемъ движеніи трудно найти человѣка болѣе прямолинейнаго и жизнь болѣе цѣльную, чѣмъ его жизнь. Такъ иногда видишь въ природѣ могучую глыбу гранита, котораго не коснулась рука

---

[1]) (Род. 1849 г.; ум. 1887 г.).

художника, и онъ лежитъ въ полѣ во всей первобытной простотѣ и силѣ...

Жизнь Грачевскаго была жизнью труда и непрерывныхъ энергичныхъ усилій—и это съ 18 лѣтняго возраста! Два раза онъ находился въ тюрьмѣ: сперва $3^1/_2$ года подрядъ, потомъ опять съ 82 по 87 г., когда добровольно порвалъ свою жизнь ради все той же общественной цѣли, которой служилъ раньше.

У иныхъ было радостное дѣтство, у другихъ—свѣтлая, кипучая юность, полная умственныхъ интересовъ и расцвѣта молодыхъ силъ. У Грачевскаго—ничего не было. Судьба была для него мачехой и наносила ему удары, какъ молотъ, бьющій по твердому куску металла. И она, эта жизнь, выковала его душу, твердую, какъ сталь, его волю—прямую и рѣшительную, какъ линія, проведенная по стеклу алмазомъ. Человѣкъ безъ высшаго образованія, безъ дара слова, онъ, тѣмъ не менѣе, всегда оставлялъ слѣдъ въ памяти всѣхъ, съ кѣмъ соприкасался. Оно и понятно—это былъ *характеръ*.

Самая наружность его не была обычной: онъ былъ высокъ, строенъ и худощавъ, но очень силенъ. Темные, чуть-чуть вьющіеся волосы обрамляли широкій лобъ и лицо съ мелкими прямолинейными чертами. Это угловатое лицо было всегда блѣдно, серьезно и носило печать не то скорби, не то болѣзни... По временамъ общее судорожное сокращеніе пробѣгало по нему... глаза быстро смыкались, но затѣмъ все быстро распрямлялось... Пара карихъ глазъ, съ своеобразнымъ блескомъ, имѣли что-то острое, колющее, а рѣчь была отрывистой: передъ словами онъ часто останавливался, хотя это не было обычнымъ заиканіемъ. Его голосъ звучалъ твердо и имѣлъ особенный металлическій тембръ, какъ будто въ немъ звучали ноты разбитаго колокола. Въ общемъ наружность была привлекательна и носила характерныя черты аскета, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности.

Грачевскій любилъ народъ, но это было не то альтруистическое чувство, которое часто одушевляетъ интеллигентныхъ людей, по рожденію и образу жизни принадлежащихъ къ культурнымъ классамъ. Онъ любилъ народъ потому, что былъ близокъ ему по происхожденію, воспитанію, по первоначальнымъ впечатлѣніямъ жизни. Онъ родился въ деревнѣ — въ селѣ Березовкѣ Аткарскаго уѣзда Саратовской губ. Его отецъ былъ заштатнымъ дьякономъ или даже дьячкомъ, какъ объ этомъ говоритъ обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ. Извѣстно, что за жалкая, униженная фигура—фигура сельскаго дьячка! По укладу жизни—онъ тотъ же крестьянинъ, но въ глазахъ послѣдняго—вымогатель ничтожныхъ грошей изъ мужицкаго кармана. А вверху

стоитъ «батюшка», который помыкаетъ имъ, какъ хочетъ... Дѣтскія воспоминанія объ этой во всѣхъ отношеніяхъ убогой жизни, воспоминанія, тѣсно связанныя съ трудовой жизнью крестьянства, невидимыми нитями вплелись въ душу Грачевскаго и заложили въ ней пониманіе народныхъ нуждъ и дѣятельное сочувствіе къ трудящимся массамъ. Эти воспоминанія навсегда сдѣлали его по привычкамъ, вкусамъ и симпатіямъ демократомъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Болѣе того, именно они выработали изъ него подвижника и аскета, который всегда отдавался другимъ и ничего не бралъ и не требовалъ для себя. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ не подвижникъ, не аскетъ этотъ человѣкъ, «душу свою полагающій за други своя» и въ стѣнахъ тюрьмы приносящій въ жертву послѣднее достояніе свое—жизнь, чтобы добиться «правды», какъ онъ ее понимаетъ? И не напоминаетъ ли онъ суровые образы нашихъ раскольниковъ, въ огнѣ костровъ искавшихъ выхода изъ жизни, полной страданья и гоненій...

Какъ всѣ дѣти нашего сельскаго духовенства, Михаилъ Ѳедоровичъ началъ ученье въ духовномъ училищѣ, которое одно гостепріимно раскрываетъ свои двери многочисленному потомству церковныхъ причтовъ. Потомъ поступилъ въ семинарію, но, пробывъ два года, вышелъ, чтобъ 18-лѣтнимъ юношей сдѣлаться народнымъ учителемъ сначала въ селѣ Лопуховкѣ Камышинскаго уѣзда, а потомъ въ 3-хъ классной школѣ, организованной имъ по предложенію камышинскихъ нѣмецкихъ колонистовъ.

Что побудило его оставить семинарію и сдѣлаться учителемъ? Во всякомъ случаѣ—не вопросъ о кускѣ хлѣба, а стремленіе идеальное. «Я горѣлъ желаніемъ приносить пользу крестьянамъ», вотъ объясненіе, которое далъ объ этомъ самъ Грачевскій на судѣ, въ 1883 г.

Начало этой учительской дѣятельности относится къ 1867 г., когда въ обществѣ еще существовалъ подъемъ, вызванный реформами: крестьянской, земской и судебной, и стремленія Грачевскаго, по тому же объясненію, были откликомъ этого общественнаго подъема.

Такимъ образомъ по времени выступленія Грачевскій опередилъ поколѣніе семидесятниковъ, съ которыми такъ тѣсно связана вся его дальнѣйшая судьба.

Въ 1871 г. Грачевскій женился на крестьянкѣ, бывшей раньше его ученицей, но черезъ три года покинулъ ее съ тѣмъ, чтобъ никогда уже не встрѣтиться и никогда не упоминать о ней.

Съ этого же года онъ оставилъ школу, заподозрѣнный въ политической неблагонадежности, и это навсегда закрыло для него педагогическую дѣятельность. Тогда онъ перешелъ къ физи-

ческому труду и сдѣлался желѣзнодорожнымъ слесаремъ, пройдя впослѣдствіи всѣ стадіи желѣзнодорожной службы вплоть до машиниста. Какъ рабочій—онъ имѣлъ широкое поприще для культурно просвѣтительной дѣятельности въ средѣ товарищей по труду и неустанно работалъ въ этомъ направленіи.

Въ 1873 г. небольшой инцидентъ даетъ поводъ къ полному перевороту въ его жизни. Изъ Петербурга на его имя высылается тюкъ книгъ, дозволенныхъ цензурой, но между ними заложены двѣ прокламаціи. Тюкъ перехваченъ, Грачевскій арестованъ; для производства слѣдствія является жандармскій майоръ изъ Петербурга. Арестъ—непродолжителенъ и съ внѣшней стороны не имѣетъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій; но онъ даетъ сильный нравственный толчокъ Грачевскому. Его тянетъ въ столицу, ему хочется выйти изъ узкаго круга провинціальной жизни, хочется поступить въ высшее учебное заведеніе, чтобы пополнить свое образованіе... У него является желаніе повидать «новыхъ» людей, сблизиться съ ними. Это былъ періодъ «хожденія въ народъ», періодъ бурнаго возбужденія молодой интеллигенціи. И вотъ, въ 1874 г., Грачевскій оставляетъ родныя мѣста и оставляетъ навсегда. Онъ отправляется въ Петербургъ и поступаетъ въ Технологическій Институтъ. Здѣсь онъ сразу встрѣчаетъ разгоряченную атмосферу революціонныхъ кружковъ, быстро сближается съ представителями кружка чайковцевъ и принимается въ ихъ среду. Сближеніе съ фабричными рабочими составляло въ то время первую задачу пропагандистовъ-соціалистовъ, и такъ какъ аресты пошатнули связи, заведенныя чайковцами раньше, то, по предложенію новыхъ друзей, Грачевскій, не покидая Технологическаго Инстытута, поступаетъ слесаремъ на заводъ Струбинскаго (на Обводномъ каналѣ), а черезъ 2½ мѣсяца, по рѣшенію той же группы, отправляется въ Москву для пропаганды среди тамошнихъ рабочихъ. Съ запасомъ нелегальной литературы («Сказка о 4-хъ братьяхъ», «Стенька Разинъ», «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ») и съ рекомендаціями отъ земляковъ, онъ, по обычаю тѣхъ временъ приступаетъ весьма простодушно къ распространенію запрещенныхъ книгъ. Однако на заводѣ Гюбнера при первой же попыткѣ къ этому получатель предаетъ его, за-

М. Ѳ. Грачевскій.

раньше пригласивъ полицію въ трактиръ, гдѣ происходитъ условленная встрѣча.

Грачевскій арестованъ, и несчастная попытка обходится ему чрезвычайно дорого; цѣлыхъ 3½ года проводитъ онъ въ одиночномъ заключеніи въ тюрьмахъ Москвы и Петербурга. Здоровье его расшатано, нервная система разстроена навсегда.

Долголѣтнее заключеніе, во время котораго Грачевскій могъ на досугѣ удовлетворить своей жаждѣ знанія, конечно, дало ему очень много въ умственномъ отношеніи, въ моральномъ же—оно сдѣлало его, какъ и другихъ подсудимыхъ процесса 193-хъ, пламеннымъ врагомъ существующаго строя.

Понятна горечь въ человѣкѣ, изъ-за незначительной брошюрки поплатившемся свободой и здоровьемъ... А потомъ—судъ въ Особомъ Присутствіи Сената... Предсѣдательствовалъ Петерсъ, ведшій себя по отношенію къ подсудимымъ и къ защитѣ такъ же, какъ въ нынѣшнія времена дѣйствовалъ предсѣдатель на процессѣ въ Гомелѣ.

Даже на разстояніи 30 лѣтъ описаніе перипетій этого грандіознаго процесса производитъ яркое и глубокое впечатлѣніе. 193 подсудимыхъ борются шагъ за шагомъ противъ комедіи суда. Энергичные протесты и заявленія, отказъ отвѣчать на вопросы, требованіе увести изъ залы засѣданій, обличеніе всевозможныхъ гнусностей, произведенныхъ жандармеріей и прокуратурой при слѣдствіи, рядъ насилій и сценъ во время самаго суда, закончившихся послѣ рѣчи Мышкина настоящей свалкой между подсудимыми и стражей, свалкой, гдѣ были удары и борьба, крики, истерическіе вопли и обмороки—все это не могло не произвести незгладимаго впечатлѣнія на участниковъ дѣла.

И вотъ, по окончаніи процесса, 24 человѣка посылаютъ въ заграничный органъ «Община» письменный протестъ противъ всего происходившаго и заявляютъ, что «по прежнему остаются врагами системы, дѣйствующей въ Россіи и составляющей несчастье и позоръ родины, такъ какъ въ политическомъ отношеніи эта система эксплуатируетъ трудовое начало въ пользу хищнаго тунеядства и разврата, а въ политическомъ—отдаетъ трудъ, имущество, свободу, жизнь и честь каждаго гражданина на произволъ личнаго усмотрѣнія». Хотя въ числѣ подписей нѣтъ подписи Грачевскаго, но несомнѣнно чувства, выраженныя въ протестѣ, были чувствами, общими для всѣхъ участниковъ процесса.

Въ довершеніе всего—не насмѣшка ли этотъ приговоръ надъ Грачевскимъ, просидѣвшимъ въ тюрьмѣ 3½ года, приговоръ, опредѣлявшій *три мѣсяца ареста съ зачетомъ предварительнаго заключенія* (что однако же не было утверждено государемъ).

Три съ половиной года! Три съ половиной мучительныхъ года въ 4-хъ стѣнахъ каземата *до* суда—и мѣсячный арестъ *по суду*! Такова расправа за книжонку, напечатанную безъ разрѣшенія цензора!

Теперь, казалось бы, дѣло кончено и правосудіе—удовлетворено. Ничуть не бывало! Едва выйдя изъ тюрьмы, больной и лишенный какихъ бы то ни было матеріальныхъ средствъ къ жизни, Грачевскій поступаетъ на одинъ изъ петербургскихъ заводовъ. Но чрезъ полтора мѣсяца полиція объявляетъ, что ему запрещено не только жить въ столицѣ, но даже въѣзжать въ нее. Пришлось бросить мѣсто и ѣхать въ провинцію. Грачевскій отправился на югъ и поступилъ помощникомъ машиниста сначала на Харьковско-Азовскую, потомъ на Одесско-Кишиневскую желѣзную дорогу. Живя въ Одессѣ и пользуясь морскими купаньями, онъ сталъ поправляться; но въ половинѣ августа того же 1878 года новая, ничѣмъ не вызванная кара обрушивается на него: по распоряженію III Отдѣленія онъ арестованъ вновь, и на этотъ разъ—для высылки административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію.

Полтора мѣсяца пробылъ онъ въ тюрьмѣ, затѣмъ 4 мѣсяца ѣхалъ по этапу, натерпѣвшись въ дорогѣ всего—вплоть до наложенія ручныхъ кандаловъ, которыхъ по закону налагать на него, какъ имѣющаго званіе почетнаго гражданина, не имѣли права.

Наконецъ онъ добрался до мѣста назначенія и былъ водворенъ въ г. Холмогорахъ. Впослѣдствіи, на судѣ въ 1883 г., онъ обрисовалъ нѣсколькими яркими штрихами условія тяжелой жизни ссыльныхъ на крайнемъ сѣверѣ. Но они слишкомъ общеизвѣстны, чтобъ повторять ихъ здѣсь. Учительство ему, какъ ссыльному, было воспрещено; техническаго труда по своей спеціальности въ такомъ захолустьѣ онъ найти не могъ. Видя въ Грачевскомъ кандидата на побѣгъ, мѣстное начальство воспользовалось первымъ попавшимся предлогомъ, чтобъ сбыть его съ рукъ и отослать подальше: его перевели въ Пинегу. Такая энергичная и трудоспособная натура, какъ Грачевскій, конечно, не могла подчиниться вынужденному бездѣйствію: въ августѣ 1879 г. онъ бѣжалъ съ 20 руб. въ карманѣ, имѣя передъ глазами путь въ 400 верстъ чрезъ безконечные лѣса, пересѣкаемые громадными рѣками, и неизмѣримыя болота, гдѣ легко погибнуть неопытному путнику, проходящему по сѣверной части Архангельской губерніи. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ заблудился въ тайгѣ, разошелся съ товарищемъ по бѣгству Орловымъ, съ которымъ долженъ былъ встрѣтиться въ условномъ мѣстѣ, и послѣ нѣсколькихъ дней скитаній подъ проливнымъ дождемъ въ лѣсныхъ дебряхъ,—при-

нуждѣнъ былъ самъ отдаться въ руки полиціи на одной изъ заставъ, устроенныхъ послѣдней для поимки бѣглецовъ. Итакъ онъ снова въ рукахъ властей и отправленъ назадъ—въ Архангельскъ... Однако, трудно было сломить такого рѣшительнаго и упрямаго человѣка, разъ онъ задумалъ что-нибудь серьезно. И вотъ, не доѣзжая пяти верстъ до города, онъ пользуется оплошностью заснувшаго конвоира и выскакиваетъ находу изъ телѣжки, въ которой его везли. Тщетно ямщикъ, соскочившій съ козелъ, бросается за нимъ!.. Угрожающая поза Грачевскаго, схватившаго толстый сукъ дерева, и лошади, въ испугѣ рванувшіяся впередъ, заставляютъ ямщика отступить, а когда лошади наконецъ остановлены—Грачевскаго уже и слѣдъ простылъ: онъ скрылся въ лѣсной чащѣ. Потомъ съ небольшими приключеніями добрался онъ до города и, укрывшись временно у товарищей—ссыльныхъ, добрался въ концѣ-концовъ до Петербурга.

Такимъ образомъ, съ 1875 по 1879 г. въ теченіе четырехъ съ половиною лѣтъ человѣку не давали жить: по пустому поводу арестовали и $3^1/_2$ года продержали въ тюрьмѣ, потомъ, ужъ безъ всякаго повода, лишили заработка и выгнали изъ Петербурга; затѣмъ ни за что, ни про что лишили мѣста въ Одессѣ. Съ крайняго юга перегнали на крайній сѣверъ. Весь арсеналъ произвольныхъ дѣйствій административной власти держалъ все это время въ своихъ тискахъ этого желѣзнаго человѣка. Можно себѣ представить, что перечувствовалъ и передумалъ онъ въ эти долгіе годы... Такая жизнь была яркой и убѣдительной иллюстраціей нашего политическаго строя. Неудивительно, что теперь, въ 1879 г., Грачевскій явился въ Петербургъ вполнѣ сложившимся борцомъ за политическую свободу, глубоко убѣжденнымъ, что политическое освобожденіе—есть первый шагъ въ общемъ освобожденіи народа, и что въ Россіи нужна не пропаганда, а открытая борьба...

Но къ тому же самому пришли и другіе, наиболѣе энергичные революціонные дѣятели: Народная Воля въ эту осень уже сложилась въ совершенно опредѣленную партію, и мѣсто Грачевскаго могло быть только въ ней... и онъ дѣлается агентомъ Исполнительнаго Комитета: дѣятельнымъ, серьезнымъ, ни передъ чѣмъ не отступающимъ... Какъ не теоретикъ, а практикъ по всему складу ума и способностей, онъ занимался въ организаціи Народной Воли преимущественно работами техническими: въ мастерской, приспособленной для производства динамита, онъ дѣлалъ динамитъ; въ періодъ 80—81 г. былъ хозяиномъ квартиры, гдѣ помѣщалась типографія, и печаталъ «Народную Волю», «Письмо къ Александру III» и всѣ прокламаціи по поводу 1-го марта.....

Съ весны 81-го по 82 г. онъ былъ, можно сказать, министромъ финансовъ партіи и велъ всѣ денежныя дѣла ея, совершая частыя поѣздки въ провинцію. Затѣмъ поселился окончательно въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ А. П. Корба и Буцевичемъ былъ центромъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ нити революціонной дѣятельности въ столицѣ. Въ виду террористическихъ актовъ, среди которыхъ на первомъ планѣ стояло устраненіе Судейкина, Грачевскій устроилъ динамитную мастерскую, въ которой игралъ роль и работника и руководителя.

Извѣстна судьба этой мастерской, около которой группировались лица, судившіеся потомъ по процессу 17-ти.

Дознаніе установило, что Грачевскій, считавшій себя внѣ наблюденій, на дѣлѣ находился подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ тайной полиціи, и по нему агенты прослѣдили всю организацію, всѣхъ лицъ, находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ.

Въ іюлѣ послѣдовалъ единовременный арестъ какъ самого Грачевскаго, такъ и всѣхъ причастныхъ дѣлу. Грачевскій считалъ себя фактическимъ виновникомъ гибели своихъ товарищей, и это послужило для него источникомъ глубочайшихъ страданій. Подъ суровой внѣшностью фанатическаго революціонера и террориста Грачевскій скрывалъ горячее сердце, которому онъ только не давалъ воли: простора для этого сердца не было и въ самыхъ условіяхъ дѣятельности. Но теперь, когда эта дѣятельность кончалась, его любовь къ товарищамъ прорывалась неудержимо, и онъ испытывалъ жесточайшія муки, видя гибель цѣлаго ряда молодыхъ людей. Эти чувства опредѣлили и все поведеніе Грачевскаго на судѣ: безбоязненно заявлялъ онъ о себѣ все, что могло привести къ висѣлицѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ усилія прилагалъ къ тому, чтобъ выгородить другихъ участниковъ процесса [1]).

И съ тяжестью, великой тяжестью въ душѣ вышелъ Грачевскій изъ залы суда и понесъ эту тяжесть въ живую могилу—въ Алексѣевскій равелинъ и въ Шлиссельбургъ, въ которые былъ послѣдовательно заключенъ послѣ приговора къ смертной казни, замѣненной каторгой безъ срока.

Жизнь въ Алексѣевскомъ равелинѣ была для Грачевскаго тѣмъ же медленнымъ умираніемъ, какъ и для другихъ народовольцевъ, осужденныхъ въ 83 и 82 годахъ. Никакихъ подробностей, которыя касались бы лично его въ мемуарахъ Поливанова и въ воспоминаніяхъ Фроленко о жизни въ равелинѣ—не имѣется. Равелинъ—былъ мертвецкой. Протестовъ въ немъ не было. Не слышно было и голоса Грачевскаго.

---

[1]) См. воспоминанія Прибылева въ «Быломъ».

Зато всѣ три первые года существованія Шлиссельбургской тюрьмы наполнены его негодующей борьбой со смотрителемъ Соколовымъ. Все предшествовавшее, несомнѣнно, играло свою роль въ этой борьбѣ. Человѣкъ, менѣе пережившій, не такъ изстрадавшійся, быть можетъ, смогъ бы игнорировать или переносить, молча, многое изъ той обстановки, въ которой жили шлиссельбуржцы. Но Грачевскій былъ потрясенъ до глубочайшихъ основъ своихъ, потрясенъ физически, истерзанъ нравственно, и его нервная система была напряжена до послѣдней степени.

Если исключить условія моральныя, въ которыхъ «осужденный» живетъ въ застѣнкахъ, подобныхъ равелину и Шлиссельбургу, если исключить и условія матеріальныя (какъ недостаточная пища, отсутствіе моціона, свѣжаго воздуха, физическаго труда, надлежащей врачебной помощи и т. д.), то самымъ страшнымъ орудіемъ пытки въ тюрьмѣ является—*тишина*. Да! тишина господствуетъ въ тюрьмѣ... Тюремное начальство требуетъ этой тишины «для порядка»... она есть наиполнѣйшее выраженіе тюремной дисциплины, сковывающей узника. Тюрьма должна быть мертва... мертва, какъ могила... мертва день и ночь. Единственный неизбѣжный шумъ, поражающій слухъ, это стукъ отпираемыхъ и запираемыхъ тяжеловѣсныхъ дверей изъ дуба, окованнаго желѣзомъ, да форточекъ, сдѣланныхъ въ двери для передачи пищи. Гулко раздается этотъ грохотъ, напоминающій, что ты *не одинъ* въ этомъ зданіи... Въ остальное время—ни шороха, ни звука...

При небольшихъ разстройствахъ нервной системы, какія бываютъ у людей на свободѣ, тишина есть благодѣяніе и прекрасное средство привести нервы въ равновѣсіе. Но вѣчная, вѣчная тишина! Безконечно длинная, безконечно мертвая—ужасна. Быть можетъ, нѣтъ средства болѣе сильнаго, чтобъ въ концѣ испортить нервы человѣка. Продолжительный покой изнѣживаетъ ухо; съ теченіемъ времени слухъ становится все тоньше, все раздражительнѣе и затѣмъ—уже *не можетъ выносить* самыхъ обычныхъ звуковъ, которые кажутся нестерпимо сильными. У иныхъ является рефлексъ, и изъ груди при каждомъ звукѣ вырывается крикъ и, какъ это ни странно, чѣмъ незначительнѣе звукъ,—тѣмъ сильнѣе рефлексъ. Случается, что внезапный слабый шорохъ или стукъ разрѣшаются рыданьемъ, а если звуки повторяются періодически, болѣе или менѣе правильнымъ темпомъ, они мучаютъ невыносимо: къ нервному потрясенію привходитъ *ожиданіе* звука, и хотя и ждешь его—онъ все же приходитъ неожиданно, и чѣмъ болѣе ждешь—тѣмъ неожиданнѣе... Ночью эти маленькіе звуки не даютъ спать и настолько раздражаютъ, что человѣкъ

прямо выходитъ изъ себя и готовъ кричать и биться, чѣмъ попало, лишь бы положить конецъ своему физическому страданію. Къ этому надо прибавить, что дрессировка и поощреніе начальствующихъ развиваетъ въ стражѣ злобное стремленіе помучить заключеннаго: уптера стараются дѣлать, какъ разъ то, что особенно непріятно и тягостно для узника. Горе тому, кто выкажетъ, что тотъ или иной звукъ мученителенъ для него! Еще большее горе—высказать нетерпѣніе, гнѣвъ. И почти вѣрная гибель—если человѣкъ вздумаетъ начать систематическую борьбу на этой почвѣ. Чѣмъ послѣдовательнѣе и упрямѣе, чѣмъ энергичнѣе и прямолинейнѣе человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему въ этой борьбѣ остановиться. Онъ будетъ вести ее все дальше идальше: онъ будетъ заявлять, протестовать, браниться и кричать. За все ему воздастся, не вдвое, а во сто кратъ! Провокація пойдетъ за провокаціей. Наконецъ, отношенія такъ обострятся, накопится столько горечи, обиды и гнѣва, что узнику останется одно—оскорбить своего врага дѣйствіемъ и умереть.

Всю лѣстницу подобной борьбы прошелъ Грачевскій. Постоянно и по всевозможнымъ поводамъ онъ протестовалъ. Ежедневно, по тому или другому случаю, у него происходили стычки съ жандармами и съ нашимъ Малютой Скуратовымъ—Соколовымъ.

Камера Грачевскаго была внизу, а подъ нижнимъ этажемъ находился подвалъ, гдѣ были свалены дрова и каменный уголь: тамъ происходила топка всего зданія. И день, и ночь тамъ шла возня: мѣшали въ печи, бросали дрова, чѣмъ-то скоблили, терли и пр. Этотъ шумъ служилъ безконечнымъ источникомъ жалобъ Грачевскаго. По ночамъ онъ плохо спалъ и пилъ хлоралъ, а утромъ часто подолгу оставался въ постели. Но лежать неподвижно подъ одѣяломъ не полагалось: жандармовъ это безпокоило... Полно, ужъ живъ ли человѣкъ? Ужъ не бѣжалъ ли и на койкѣ покоится просто чучело? И вотъ, въ мягкихъ туфляхъ, они періодически подкрадываются и, приподнимая задвижку надъ стеклышкомъ, вставленнымъ въ дверь, на мгновенье приникаютъ глазомъ, а затѣмъ щелкаютъ задвижкой... Они знаютъ, что тонкій слухъ узника непремѣнно отзовется на этотъ звукъ. И дѣйствительно, это періодическое пощелкиваніе около «глазка» было мучительно рѣшительно для всѣхъ, а порой приводило людей нервныхъ въ бѣшенство. Такъ было и съ Грачевскимъ. Мало того, за каждую жалобу коменданту смотритель старался донять Грачевскаго, чѣмъ только могъ. Такъ въ мартѣ 1886 г. въ тюрьмѣ было двое умирающихъ: Немоловскій и Гелисъ. Громко раздавались ихъ стоны... Жандармы замѣтили, что страданія больныхъ привле-

кают общее вниманіе, и, зная, что больные должны скоро умереть, предусмотрительно задумали отправить ихъ на покой въ старую тюрьму. Но старая тюрьма была предметомъ ужаса и отвращенія для насъ. Вся обстановка ея была несравненно угрюмѣе, суровѣе и подозрительнѣе, чѣмъ обстановка новаго зданія... тутъ, хоть и разобщенные и невидимые другъ для друга, мы все же были вмѣстѣ: одна общая крыша была надъ нами, и мы сквозь стѣны чувствовали близость другъ друга. И умереть не въ одномъ зданіи съ нами... умереть тамъ—въ старой тюрьмѣ казалось намъ еще безотраднѣе, еще страшнѣе, чѣмъ тутъ, рядомъ... Больное воображеніе возмущалось и охотно рисовало самое циничное отношеніе къ умирающему. Какъ ни были мы покинуты и одиноки, одиночество въ старой тюрьмѣ представлялось еще болѣе полнымъ, прямо угрожающимъ. Никоимъ образомъ не хотѣли мы, чтобъ нашихъ больныхъ отнимали у насъ и заживо уносили «на погостъ». А между тѣмъ Немоловскаго увели, Гелиса—унесли... Положили на простыню и среди стоновъ и крика унесли... Грачевскій протестовалъ. Онъ призвалъ коменданта Покрошинскаго и энергично обличалъ смотрителя. «Они безпокоятъ всю тюрьму», оправдывался Соколовъ. Однако протестаціи подѣйствовали и Гелиса принесли обратно, а Немоловскій такъ и умеръ въ началѣ апрѣля въ старой тюрьмѣ.

Послѣ этого смотритель каждый разъ при передачахъ черезъ форточку Грачевскаго разъ пять хлопалъ ею, дѣлая видъ, что не можетъ затворить сразу. Грачевскій не выдержалъ и сталъ кричать: «Прошу не стучать форткой болѣе разу! Я раздражаюсь!..»—Ты раздражаешься?? выразительно спросилъ смотритель. «Ну, и я тоже раздражаюсь!..» Хлопъ! хлопъ!..

Въ этомъ родѣ, то изъ-за гулянья, то изъ-за перемѣны товарища по прогулкѣ, то предъявляя требованіе, чтобы дозволили посѣщать больныхъ, Грачевскій изо дня въ день ссорился со смотрителемъ, въ полной власти котораго онъ находился. Когда же сосѣди старались успокоить его, указывая, что иное дѣйствіе, въ родѣ стука форткой, можетъ быть и неумышленнымъ, и что у него разстроены нервы, Грачевскій отвѣчалъ: «Да, нервы—но не голова, и начальство пользуется этимъ и выстукиваетъ меня, какъ медвѣдя изъ берлоги на рогатину».. Онъ, то переставалъ гулять, то начиналъ голодать. Такъ въ октябрѣ 1886 года онъ не принималъ пищи въ теченіе 18 дней (по другимъ воспоминаніямъ даже 28 дней) и, чтобъ скрыть это отъ остальныхъ, Соколовъ обманнымъ образомъ увелъ его въ старую тюрьму.

Тамъ Грачевскій написалъ обширную объяснительную записку, адресованную министру внутреннихъ дѣлъ графу Д. А.

Толстому. Въ ней онъ изложилъ всѣ крупныя обиды и притѣсненія, всѣ невозможныя условія, вынесенныя въ равелинѣ и въ Шлиссельбургской крѣпости.

Быть можетъ, когда-нибудь этотъ любопытный скорбный листъ выплыветъ на свѣтъ и нарисуетъ цѣльную картину всего, что вынесъ Грачевскій въ равелинѣ, а потомъ въ Шлиссельбургѣ, изобразитъ тотъ мракъ, который окутывалъ его душу въ условіяхъ заключенія. Этому документу самъ Грачевскій придавалъ громадное значеніе и вѣрилъ, что онъ будетъ чреватъ послѣдствіями, вѣрилъ, что существующій тюремный режимъ падетъ, будутъ введены улучшенія и жизнь въ тюрьмѣ станетъ легче.

Стоитъ ли говорить, что то была иллюзія... Осталось неизвѣстнымъ, даже передано ли по назначенію заявленіе Грачевскаго, а непосредственнымъ результатомъ было то, что у него тотчасъ же отобрали письменныя принадлежности, книги и даже *лекарства* (бромистый калій и хлоралъ).

Время шло, и въ головѣ Грачевскаго между тѣмъ складывался планъ, въ случаѣ безрезультатности его записки, добиться реформъ инымъ путемъ, не щадя жизни.

Въ маѣ 87 года по поводу увода въ карцеръ (въ старую тюрьму) нѣсколькихъ товарищей (за перестукиванье) Грачевскій простучалъ сосѣдямъ: «Нѣтъ силъ терпѣть болѣе: просто съ ума сойду!.. Завтра же ударю доктора»...

Никакіе уговоры не помогли, и 26 мая онъ ударилъ доктора Заркевича, этого молодого слабовольнаго труса, всегда прикрывавшаго смотрителя вплоть до избіеній, которыя производились жандармами по приказу Соколова, и послѣдствія которыхъ онъ видалъ воочію [1]).

Сообщивъ товарищамъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, Грачевскій сказалъ, что хочетъ суда, чтобъ описать положеніе тюрьмы, а если его не казнятъ, посадятъ на цѣпь и будутъ мучить, то онъ сожжетъ себя керосиномъ.

Въ тотъ же день его увели въ старую тюрьму, откуда живымъ онъ ужъ не вышелъ...

Мѣсяцы шли, а суда надъ Грачевскимъ все не было. Отчаявшись во всемъ, что имъ было предпринято раньше, и потерявъ наконецъ всякую надежду предстать на судъ (которому его не предали подъ предлогомъ душевной болѣзни), но желая, во что бы то ни стало, предать гласности всѣ муки и надругательства, павшія на долю ему и его товарищамъ, онъ выполнилъ ранѣе со-

---

[1]) При жалобахъ высшему начальству Заркевичъ *не* подтверждалъ фактовъ.

ставленный замыселъ, и 24 октября 1887 г. облилъ себя керосиномъ изъ большой лампы, освѣщавшей камеру, и сгорѣлъ.

Мрачная драма, достойная суровой эпохи среднихъ вѣковъ, совершилась; совершилась въ XIX столѣтіи, въ 50 верстахъ отъ столицы культурнаго государства... Да! Шлиссельбургъ былъ такимъ уголкомъ великой имперіи, гдѣ горсть политическихъ узниковъ жила въ условіяхъ чуть не болѣе тяжкихъ, чѣмъ условія жизни Іоанна Антоновича, тѣнь котораго еще осѣняетъ мрачный казематъ, гдѣ онъ погибъ отъ руки убійцъ... Тамъ, отрѣзанный отъ всего міра, узникъ не могъ поднять голосъ въ свою защиту и быть услышаннымъ.

Погибъ Минаковъ... разстрѣлянный! Онъ протестовалъ, протестовалъ, желая явиться на судъ. Обращаясь къ суду, онъ обращался къ родинѣ. Онъ вѣрилъ, что родина услышитъ...

Погибъ Мышкинъ... разстрѣлянный! Онъ протестовалъ, чтобъ предстать передъ судомъ, и, обращаясь къ суду, вѣрилъ, что голосъ его будетъ услышанъ, что родина его услышитъ...

Погибъ Грачевскій—сгорѣвшій!.. Онъ протестовалъ, онъ требовалъ суда... Во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ быть выслушаннымъ.

Но тщетно... И онъ дѣлаетъ изъ себя зловѣщій факелъ, пламенѣющій въ стѣнахъ склепа—той старой исторической тюрьмы Шлиссельбурга, въ которой онъ отлученъ отъ насъ. Вотъ обширная комната коридора—настоящій залъ для засѣданія инквизиціи... Рядъ темныхъ дверей, запертыхъ семью замками... Онѣ стоятъ мертвыя и неподвижныя, замкнутыя такъ, будто имъ суждено никогда не раскрыться... Угрюмая темнота и сырость... Крошечный одинокій огонекъ мерцаетъ, ничего не освѣщая... Темно, а въ темнотѣ еще болѣе темныя 5—6 высокихъ фигуръ стражей—жандармовъ. Сумрачныя и суровыя эти длинныя темныя фигуры странно колышутся въ пустотѣ, какъ тѣни или зловѣщіе призраки палачей или наемныхъ убійцъ въ какомъ нибудь Тоуэрѣ.... И тишина... Тишина... Тишина... Внезапно происходитъ смятенье, безпорядокъ.. Все задвигалось, заволновалось... Отчаянно дергаютъ ручку проволоки отъ звонка, давая сигналъ тревоги...

Но всѣ двери неподвижны: онѣ заперты... *Его* дверь[1]) заперта... и *ключа—нѣтъ*... А тамъ, за дверью, во весь ростъ стоитъ высокая, худая фигура съ матовымъ лицомъ живого мертвеца... Стоитъ и темнѣетъ среди языковъ огня и клубовъ копоти и дыма... Огонь лижетъ человѣка своими красными языками... огонь—

---

[1]) Камера № 9 старой тюрьмы.

сверху донизу, со всѣхъ сторонъ... Горитъ, дымится факелъ и этотъ факелъ—живое существо, *человѣкъ*!...

Поспѣшными тяжелыми шагами входитъ Малюта... Въ широкой рукѣ крѣпко стиснута связка ключей. Нижняя челюсть опущена и нервно вздрагиваетъ, выдавая волненье... но привычная рука быстро вкладываетъ завѣтный ключъ въ скважину замка... Наконецъ-то!... дверь отперта... Камера въ дыму, въ огнѣ. А въ серединѣ попрежнему—человѣкъ... Дымъ и огонь... клубы дыма, языки огня... Запахъ керосина и гари... Сгорѣли волосы, догарастъ одежда и падаетъ...

Свершилось... Свершилась мрачная драма... Въ клубахъ дыма померкла мысль, въ пламени огня погасло сознаніе... Свершилось!... Нѣсколько стоновъ... глухихъ и подавленныхъ стоновъ... и человѣкъ—умеръ...

Черезъ три дня Шлиссельбургскую тюрьму посѣтилъ генералъ Петровъ... Смотритель Соколовъ исчезъ, уволенный, какъ мы узнали потомъ.

Жертва всесожженія принесена и громко вопіетъ: въ тюремной жизни наступаетъ переломъ... Бездыханно лежатъ мертвые; а оставшіеся въ живыхъ начинаютъ легче дышать...

Шлиссельбургъ остался, но Малюты Скуратова ужъ нѣтъ!

Вѣра Фигнеръ.

Мемуары Массона о Россіи [1]).

VI. Угрожала ли Павлу судьба Петра III?

1. Семья.

Павелъ былъ настолько похожъ на отца своего и по образу жизни въ бытность вел. княземъ и по первымъ шагамъ управленія имперіей, что, подмѣнивъ имена и даты, исторію одного можно было бы принять за исторію другого. Оба воспитывались внѣ дѣлъ и жили вдали отъ двора. При дворѣ же они чувствовали себя скорѣе государственными плѣнниками, чѣмъ наслѣдниками престола, и появлялись тамъ только изрѣдка какими-то привидѣньями или чужестранцами. Тетка (Елизавета) обходилась съ отцомъ точно такъ же, какъ позднѣе мать съ сыномъ. Дѣтство обоихъ искусственно затягивали, стремясь довести ихъ до полнаго ничтожества. Народу и дворянству внушались къ нимъ ненависть и презрѣніе. При большой физической подвижности умъ у обоихъ былъ апатичный, энергія же ихъ, не находя исхода, выродилась въ буйство: у одного она потонула въ распутствѣ, у другого размѣнялась по мелочамъ. Опредѣленное отвращеніе къ ученью и умственной работѣ породило у обоихъ странную склонность къ военному ребячеству. Можетъ быть, эта наслѣдственная склонность не развилась бы въ такой степени у Павла, если бы онъ видѣлъ, какъ смѣшенъ Петръ. Однако воспитаніе Павла было гораздо тщательнѣе воспитанія отца его. Въ дѣтствѣ онъ былъ окруженъ достойными людьми и въ юности подавалъ надежды [2]), чудачества же, явившіяся позднѣе, порождены,

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 4, 5—6, 7—8, 10.

[2]) Людовикъ XIV и Фридрихъ Великій осыпали деньгами и почестями своихъ бывшихъ воспитателей. Старику же Эпинусу, воспитателю Павла, грозитъ судьба Сенеки и Бурра; еще хуже пришлось бы полковнику Лагарпу и майору Массону, воспитателямъ его сыновей, если бы они попали ему въ руки. *Авт.*

пожалуй, тѣмъ образомъ жизни, къ которому его принудили. Онъ выгодно отличается отъ Петра III образованіемъ, а главное, воздержанностью и строгостью нравовъ; качества эти особенно цѣнны, такъ какъ рѣдко встрѣчались до сихъ поръ въ русскихъ самодержцахъ, къ тому же воспитанность, знаніе роднаго языка и характера народа даютъ ему большія преимущества передъ отцомъ. Если онъ сумѣетъ воспользоваться всѣмъ этимъ, то не впадетъ въ ошибки отца. Въ ихъ отношеніи къ женамъ—сходство самое разительное, а въ любовныхъ дѣлахъ—самое странное совпаденіе. Екатерина и Марія, красивѣйшія женщины двора, не плѣнили сердецъ мужей своихъ. Честолюбивая, образованная Екатерина своей привѣтливостью и любезностью стѣсняла и отталкивала человѣка, любившаго только солдатъ, вино и табакъ. Онъ влюбился въ предметъ менѣе достойный и требовательный. Некрасивая, грубая и глупая графиня Воронцова больше подходила къ его военнымъ вкусамъ, она и сдѣлалась его любовницей [1]).

Павлу же наскучила и правильная красота, и неизмѣнная кротость, угодливость и покорность, и материнская нѣжность супруги, и онъ привязался къ m-elle *Нелидовой*—они гораздо больше подходили другъ къ другу. Умъ и ловкость отчасти искупаютъ уродливость этой маленькой дурнушки, но вѣдь и надо походить на Павла, чтобы въ него влюбиться [2]).

И при дворѣ, и въ народѣ отца и сына одинаково презирали и ненавидѣли въ моментъ восшествія на престолъ, и оба на мигъ, казалось, завоевали сочувствіе общества. Первые шаги Павла составляютъ какъ бы исправленное подражаніе первымъ шагамъ его отца. Освобожденіе Костюшки и нѣкоторыхъ другихъ заключенныхъ напоминаетъ возвращеніе Бирона, Миниха и Лестока, но съ тою разницею, что акты милосердія и справедливости Петра III не затемнялись смѣшною жестокостью и гнусными, безпричинными преслѣдованіями. Оба издали очень милостивые для дворянства указы, но въ духѣ ихъ есть разница, не дѣлающая чести Павлу. Отецъ даровалъ дворянству тѣ естественныя права, которыя должны бы быть у каждаго человѣка, сынъ же хочетъ возстановить устарѣлыя отличія, комичныя въ наше время [3]). Въ отношеніи же къ духовенству онъ оказался выше отца: онъ и не думаетъ оскорблять русскихъ священниковъ, принуждая ихъ стричь свои священныя бороды; а епископамъ онъ даровалъ

---

[1]) Косая, скверно пахнущая, она напивалась вмѣстѣ съ нимъ, ругалась, какъ солдатъ и плевалась при разговорѣ. *Авт.*

[2]) Онъ только что измѣнилъ ей. Нелидова, ладившая съ императрицей, отставлена и мѣсто фаворитки заняла молодая *Лопухина*. *Авт.*

[3]) Павелъ рѣшилъ создать теперь геральдическую знать въ Россіи! *Авт.*

ордена, чтобы уравнять ихъ въ правахъ со знатью. Онъ угодилъ народу и попамъ, основавъ церковь по божественному вдохновенію [1]) Изъ всего сказаннаго видно, что у Петра умъ былъ болѣе здравый, а сердце болѣе доброе, но онъ былъ неосторожень, у Павла же больше хитрости и предразсудковъ; онъ—лицемѣренъ.

Только въ военныхъ махинаціяхъ, увлеченный своей главной страстью онъ забывалъ грубую политику. Онъ нажилъ себѣ много враговъ среди офицеровъ и солдатъ рѣзкимъ измѣненіемъ всей дисциплины. Предпочтеніе, которое онъ оказывалъ старымъ нѣмцамъ, можетъ оказаться для него столь же роковымъ образомъ, какъ и для отца его.

Подозрительность и мнительность вѣчно терзаютъ его; въ этомъ отношеніи онъ несравненно хуже отца. Однимъ изъ первыхъ дѣяній Петра III была отмѣна политическаго розыска, учрежденнаго Елизаветой; Павелъ же поспѣшилъ ввести домашнее шпіонство, поощряя предательство и награждая доносчиковъ. Добродушіе и слѣпая довѣрчивость погубили отца, но врядъ ли недовѣрчивость спасетъ сына[2]): она вызывается трусостью, побуждающей прибѣгать къ мелкимъ, презрѣннымъ средствамъ самыхъ низкихъ тирановъ; подозрительность только и поощряетъ къ предательству.

Пожалуй, при такомъ сходствѣ между обоими государями возможно было бы повтореніе катастрофы, но... насколько отецъ съ сыномъ похожи другъ на друга, настолько же различно все окружающее ихъ. Прежде всего Марія по материнской нѣжности и супружеской вѣрности—полная противоположность Екатеринѣ, которая была злою матерью и мужеубійцей. Душевная красота

[1]) Одинъ гвардеецъ, стоявшій на часахъ у двери лѣтняго дворца (старый, деревянный дворецъ, въ которомъ жила Елизавета), явился къ своему капитану и сообщилъ ему подъ секретомъ, что во время караула онъ видѣлъ свѣтъ въ покинутыхъ залахъ дворца и слышалъ стукъ въ дверь, около которой стоялъ; потомъ кто-то назвалъ его по имени. Онъ рѣшился посмотрѣть въ щелку и увидалъ Св. Михаила, который велѣлъ ему сказать императору, чтобы на этомъ мѣстѣ выстроили церковь во имя его. Солдатъ просилъ капитана передать все это императору, прибавивъ, что въ случаѣ отказа сдѣлаетъ это самъ, чтобы исполнить волю святого. Офицеръ отослалъ духовидца, назвавъ его сумасшедшимъ, но все-таки разсказалъ обо всемъ майору, который и передалъ Павлу всю исторію. Солдата призвали къ императору и подробно разспросили. Павелъ заявилъ, что исполнитъ волю Св. Михаила, такъ какъ и ему самому было внушеніе выстроить эту церковь. У него даже оказался планъ, который онъ и велѣлъ принести изъ кабинета. Не похоже ли все это на легенду? А между тѣмъ все это произошло при русскомъ дворѣ въ 1796 г., и авторъ этой книги былъ отчасти свидѣтелемъ сказаннаго. Дворецъ сломали и начинаютъ строить церковь и новый дворецъ во имя Св. Михаила.... Все чудо объясняется тѣмъ, что двоюродный братъ солдата былъ камеръ-лакеемъ Павла, а теперь и самъ солдатъ назначенъ на ту же должность: подождемъ, и, можетъ быть, въ близкомъ будущемъ онъ сдѣлается статскимъ совѣтникомъ. *Авт.*

[2]) Развязка только что подтвердила это предположеніе (1801). *Авт.*

отличительная черта Маріи. Она съ мягкостью, терпѣніемъ и скромностью переноситъ самыя жестокія испытанія своенравнаго обращенія и, въ концѣ концовъ, можетъ быть, выйдетъ изъ нихъ побѣдительницей. Она цѣлыми днями занята исполненіемъ обязанностей и дѣлами, соотвѣтствующими ея полу и положенію. Разлука съ дѣтьми долгое время доставляла ей много горя, и теперь она счастлива тѣмъ, что можетъ сама ихъ воспитывать. Желая угодить своему супругу, она участвуетъ въ скучныхъ и утомительныхъ для женщины упражненіяхъ. Сколько разъ сопровождала она его верхомъ по печальнымъ полямъ Гатчины и Павловска? Усталая, измученная жарой или промокшая подъ дождемъ и осыпанная снѣгомъ, она всегда улыбалась ему [1]). Пожалуй, она самая занятая и трудолюбивая русская дама. Въ печальномъ одиночествѣ она утѣшалась музыкой, рисованіемъ, гравированіемъ и вышиваніемъ. Ученье и чтенье для нея отдыхъ, домашнія же мелочи и дѣла благотворительности къ счастью заполняютъ весь ея день. Высокая, хорошо сложенная и еще свѣжая, она скорѣй прекрасна, чѣмъ красива, величія въ ней больше, чѣмъ граціи; она скорѣе добра, чѣмъ умна. Она нѣжно любитъ родныхъ своихъ и никогда не забываетъ ни ихъ, ни свою родину; дальность же разстоянія и окружающій блескъ только усиливаютъ ея привязанность. Вся многочисленная семья ея близка и дорога ей:

---

[1]) Часто онъ ставилъ вел. княгиню на холмъ вмѣсто вѣхи или цѣли для атаки войскъ, самъ же отражалъ наступленіе. Я помню, какъ однажды онъ поставилъ ее на развалившійся балконъ стараго лѣсного замка, расположивъ вокругъ защиту. Часть же войскъ онъ поручилъ майору *Линденеру*, приказавъ ему разработать планъ атаки. Планъ этотъ долженъ былъ прославить майора. Самъ Павелъ готовился къ сопротивленію по всѣмъ правиламъ науки. Вел. княгиня стояла на балконѣ подъ проливнымъ дождемъ. Павелъ бросался во всѣ стороны, отовсюду ожидая врага и гарцовалъ подъ ливнемъ такъ же отважно, какъ Карлъ XII подъ пулями. Время шло, дождь усиливался, а врагъ не появлялся. Павелъ, высоко цѣня своего пруссака, рѣшилъ, что онъ предпринялъ мудрый обходъ лѣсовъ, чтобы вѣрнѣе захватить его. Онъ безпрестанно объѣзжалъ, перемѣщалъ, подкрѣплялъ свои аванпосты, посылалъ отряды на развѣдки и въ разъѣзды. Порой въ порывѣ благороднаго нетерпѣнія или по произволу своей лошади онъ мчался далеко впередъ, навстрѣчу врагу, мѣшкотность котораго начинала его безпокоить. Нетерпѣніе смѣнилось, наконецъ, досадой и бѣшенствомъ. Линденеръ выступилъ съ утра и сдѣлалъ большой обходъ по окрестностямъ деревни, черезъ поля Салтыкова, но онъ попалъ между заборами садовъ, гдѣ колонна его смѣшалась, и онъ совершенно не зналъ, куда выбраться, чтобы развернуть ее. Адъютанты, ежеминутно пріѣзжавшіе отъ Павла съ приказаніемъ поторопиться, окончательно сбили его съ толку. Единственнымъ выходомъ было притвориться, что у него ужасныя колики, и отправиться домой, бросивъ все войско. Взбѣшенный тѣмъ, что вся его прекрасная диспозиція пропала даромъ, Павелъ пришпорилъ лошадь и помчался, чтобы сдержать свой гнѣвъ, во дворецъ, бросивъ промокшихъ до костей жену, войско и всѣхъ приглашенныхъ на замѣчательные маневры. Длилось все это съ пяти часовъ утра до часу пополудни. Марія такъ проводила почти каждое утро въ обществѣ одной или самое большее двухъ фрейлинъ, изъ нихъ одна была фаворитка, пользовавшаяся всѣмъ вниманіемъ Павла и его вельможъ. *Авт.*

за письмами къ нимъ она проводитъ самые пріятные часы — ея счастье, въ общеніи съ любимыми. Она не льститъ русскимъ, какъ тщеславная Екатерина, принявшая ихъ нравы, языкъ и предразсудки, и никогда она не притворялась, что презираетъ свой народъ и краснѣетъ за свое происхожденіе, чтобы добиться уваженія русскихъ, но ее уважаютъ и даже любятъ за доброту и добродѣтель. Конечно, она несчастна, какъ супруга, но любовь семьи даетъ ей полное удовлетвореніе и, можетъ быть, когда-нибудь Россія будетъ обязана ей своимъ счастьемъ.... [1]).

Эта характеристика показываетъ, что Павлу нечего было бояться жены, если бы даже ее еще больше полюбили, а его возненавидѣли. Марія съ ужасомъ отвергла бы предложеніе взойти на тронъ, какъ бы ни просили ее народъ и вельможи. А между тѣмъ Павелъ относился къ ней прилично только въ тотъ моментъ, когда, казалось, боялся ее: [2]) тутъ всѣ съ удивленіемъ увидали, какъ жестокій и сумасбродный супругъ внезапно перемѣнилъ съ нею обхожденіе. Онъ назначилъ ей сначала пятьсотъ тысячъ на личные расходы, въ ожиданіи лучшаго, по его словамъ [3]). Онъ поспѣшно вернулъ г-жу Бенкендорфъ, грубо выгнанную имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ назначилъ Марію главной начальницей института для молодыхъ дѣвицъ, чтобы у нея было подходящее занятіе. Однимъ словомъ, онъ вдругъ сталъ такимъ, какимъ долженъ бы быть всегда. Неожиданное возвращеніе къ женѣ произвело сильнѣйшую сенсацію, простонародье оцѣнило его доброту, а между тѣмъ все это была одна политика и даже одинъ страхъ. Я буду радъ, если окажусь неправъ. Въ данномъ случаѣ Павелъ, несомнѣнно, выгодно отличается отъ отца, который, вступивъ на престолъ, продолжалъ грубо обращаться съ женой [4]).

Смерть, какъ мы видѣли, помѣшала осуществленію другого намѣренія Екатерины, дѣйствительно грозившаго Павлу гибелью;

---

[1]) О вел. княгинѣ я говорю одну правду. Она хорошо знаетъ, а я еще лучше чувствую, что это говорится не отъ избытка благодарности. И надо признаться, что достоинства ея странно омрачаются мелкимъ тщеславіемъ, которое дѣлаетъ изъ нея выскочку. Принцесса Доротея Вюртембергская, сдѣлавшись Маріей Гольштейнъ-Романовой могла бы обойтись и безъ такого тщеславія... *Авт.*

[2]) Этотъ періодъ быстро прошелъ. Я только, что узналъ, что Марію посадили на двѣнадцать часовъ подъ арестъ за незначительное приказаніе горничной, которое не понравилось Павлу. Какъ видите, воинственный императоръ даже въ своей спальнѣ прибѣгаетъ только къ военнымъ мѣрамъ. *Авт.*

[3]) Великой княгиней она получала только 60.000 руб. въ годъ, но тогда она дѣлала больше добра, чѣмъ теперь.

[4]) И все же надо сознаться, что Екатерина, скандализировавшая весь дворъ своей любовной связью съ Станиславомъ Понятовскимъ, давала своему супругу гораздо больше поводовъ для такого обращенія, чѣмъ Марія, относительно которой не было ни малѣйшихъ подозрѣній. *Авт.*

препятствіемъ послужили хорошія наклонности и молодость его сына, (Александра I) котораго никакъ не удавалось испортить; его нравственная чистота и физическая красота внушаютъ что-то въ родѣ восхищенія. Въ немъ видятъ воплощеніе идеала, восхищающаго насъ въ Телемакѣ, хотя только у матери его есть семейныя добродѣтели Пенелопы, отцу же далеко до Улиса, а воспитателю до Ментора. И недостатки у него тѣ же, какіе божественный Фенелонъ видитъ въ идеальномъ ученикѣ своемъ [1]), пожалуй, это скорѣй отсутствіе нѣкоторыхъ достоинствъ, еще не развившихся или подавленныхъ въ зародышѣ презрѣнною средою, окружавшею его. Отъ Екатерины онъ унаслѣдовалъ величіе чувствъ, неизмѣнную ровность характера, справедливый, ясный умъ и рѣдкую сдержанность, но въ немъ есть несвойственная его возрасту осторожность, осмотрительность, похожая на притворство и идущая не отъ сердца открытаго и наивнаго, а вызванная фальшивымъ положеніемъ между отцомъ и бабушкой. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ ростъ, красоту, мягкость и склонность къ благотворительности, отъ отца же ни одной черты [2]), у нихъ нѣтъ ничего общаго, — вмѣсто того, чтобы любить, онъ долженъ бояться отца. Павелъ догадывался о намѣреніяхъ Екатерины и относился къ сыну съ отвращеніемъ, онъ не видѣлъ въ немъ ни своего характера, ни своихъ вкусовъ—Александръ, скорѣй изъ послушанія, чѣмъ по склонности, исполняетъ требованія отца. Солдаты обожаютъ его за доброту, офицеры восхищаются его разсудительностью. Онъ является посредникомъ между самодержцемъ и несчастными, которые мелкими провинностями прогнѣвали его. Ученикъ Лагарпа, и не будучи великимъ княземъ, могъ бы внушить любовь и интересъ къ себѣ. Природа щедро надѣлила его всякими достоинствами, на немъ останавливается взоръ всего человѣчества, какъ на наслѣдникѣ обширнѣйшаго государства міра. Можетъ быть, Богъ предназначилъ его освободить тридцать милліоновъ рабовъ и сдѣлать ихъ достойными этой свободы.

Къ сожалѣнію, онъ пассивенъ. Нѣтъ въ немъ смѣлости и довѣрчивости, чтобы выбрать достойныхъ людей, всегда скромныхъ и сдержанныхъ; страшно, что онъ попадетъ подъ вліяніе назойливаго, наглаго человѣка—обычно неблагодарнаго и злого. Онъ слишкомъ поддается посторонннимъ внушеніямъ и не прислушивается къ голосу разсудка и сердца своего. У него, кажется,

---

[1]) Несмотря на благородное, доброе сердце онъ не проявлялъ ни ласковости, ни склонности къ дружбѣ, ни щедрости, ни благодарности за заботы, ни вниманія къ заслугамъ и т. д. (См. Télémaque, 16 книга). *Авт*

[2]) Съ этимъ теперь совершенно нельзя согласиться. *Ред.*

нѣтъ охоты учиться съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ учителей и, главное, перваго изъ нихъ, полковника Лагарпа, которому онъ обязанъ всѣми своими познаніями. Слишкомъ ранній бракъ подавилъ въ немъ энергію и, несмотря на всѣ достоинства, онъ можетъ со временемъ попасть въ руки придворныхъ и даже лакеевъ, если характеръ его не установится съ годами. Его царствованіе можетъ стать для Россіи самымъ прекраснымъ и славнымъ, только бы онъ сумѣлъ окружить себя благородными, просвѣщенными людьми и не забылъ всѣхъ своихъ обѣщаній и лучшихъ молодыхъ порывовъ.

При такомъ характерѣ Александру никогда и въ голову не придетъ гнусный проектъ, который Екатерина не смогла внушить ему. А между тѣмъ во время агоніи государыни и въ ближайшіе дни отецъ удерживалъ вел. князя около себя съ нѣжностью, граничащей съ недовѣріемъ. Онъ едва могъ выбрать часокъ повидаться съ молодой женой. Императоръ окружилъ его надежными, съ своей точки зрѣнія, офицерами и удалилъ всѣхъ не шпіоновъ. Онъ далъ ему другой полкъ, назначилъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, а товарищемъ или сторожемъ къ нему приставилъ свирѣпаго Аракчеева. Ему положено было 200000 руб. ежегодныхъ, вмѣсто 30000, которыя онъ получалъ раньше [1]). Отецъ давалъ ему мелкія порученія, придерживая его и наблюдая за нимъ. И правда, онъ сумѣлъ очень мягко и естественно сбойти Александра, не смотря на свои несправедливыя подозрѣнія: всѣ восхищаются его неожиданной нѣжностью къ дѣтямъ, послѣ того, какъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ не смѣлъ хоть немного проявлять ее.

Черни, судящая всегда ошибочно, приняла сдержанность и осторожность вел. кн. Александра за надменность и привязалась къ его младшему брату Константину. Лицемъ онъ совсѣмъ не похожъ на брата; онъ вѣтренъ и не уменъ, шаловливость же дѣлаетъ его популярнымъ. Когда-то попы привязались такъ къ несчастному царевичу Алексѣю, на котораго Константинъ очень похожъ, главнымъ образомъ отвращеніемъ къ ученью и грубостью. Его первые воспитатели не позаботились о томъ, чтобы развить бывшіе въ немъ задатки сердечности и разумной доброты, а полковникъ Лагарпъ уже ничего не могъ сдѣлать, тщетно вырывая заглушавшія ихъ терніи. Хорошо было бы, если бы самъ Кон-

---

[1]) Великая и великодушная Екатерина, поражавшая міръ великолѣпіемъ и раздававшая фаворитамъ милліоны, держала сына и внуковъ въ черномъ тѣлѣ. 30000 руб. ассигнаціями вел. князю всея Руси! Это составляетъ 60000 французскихъ ливровъ. Порой ихъ выдавали золотомъ или серебромъ, но казначеи молодого князя вели на нихъ биржевую игру: въ ихъ рукахъ сумма уменьшалась приблизительно вдвое. *Авт.*

стантинъ въ сознательномъ возрастѣ поработалъ надъ ихъ развитіемъ. Но и въ немъ, несмотря на буйность, есть нѣкоторыя достоинства: онъ храбръ, щедръ, охотно помогаетъ друзьямъ, его энергія неистощима, а искренность исключительна, особенно въ вел. князѣ.

Но все же онъ достойный сынъ своего отца: тѣ же сумасбродства, запальчивость, жестокость и буйство. Отецъ образованнѣй и умнѣе его, но сынъ со временемъ сравняется съ нимъ и даже превзойдетъ его въ искусствѣ приводить въ движеніе дюжину несчастныхъ автоматовъ. Можно ли повѣрить, что семнадцатилѣтній живой и крѣпкій вел. князь, женившись на молоденькой, хорошенькой женщинѣ, поднялся въ первую же брачную ночь съ пяти часовъ утра и во дворѣ своего дворца палочными ударами заставилъ маршировать пару солдатъ, данныхъ ему для караула. А между тѣмъ такъ поступилъ вел. кн. Константинъ. Не знаю, предвѣщаетъ ли такое воинственное неистовство хорошаго генерала, но оно несомнѣнно показываетъ очень плохого супруга [1])

2. Министры Екатерины.

Ничто въ семьѣ не грозило Павлу участью отца или вообще какой-либо опасностью; бояться знати ему тоже не приходилось. Правда, каждый въ отдѣльности отъ души ненавидѣлъ его и въ теченіе десяти лѣтъ всячески высмѣивалъ при дворѣ матери, но Потемкина уже не было. Мелочность въ добрѣ и злѣ царила вокругъ трона: не было тутъ ни геніальности для революціи, ни энергіи для крупнаго преступленія. Эпитетъ, данный Екатериной своимъ остроумцамъ, она могла бы съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ графиня Мюральтъ, давать своимъ министрамъ. Въ доказательство привожу краткія характеристики всѣхъ этихъ господъ.

Послѣднему официальному и фактическому фавориту Екатерины, г-ну графу и князю Зубову было тридцать слишкомъ лѣтъ. Онъ былъ далеко не такъ талантливъ и властолюбивъ, какъ Орловъ и Потемкинъ, хотя въ концѣ въ его рукахъ и сосредоточилось больше власти и довѣрья, чѣмъ было у обоихъ знаменитыхъ

---

[1]) За нѣсколько времени до женитьбы ему дали для развлеченья отрядъ. Проучивъ нѣсколько мѣсяцевъ несчастныхъ, онъ однажды настолько вышелъ изъ себя, что побилъ тростью командовавшаго ими майора: послѣдній рѣшился пожаловаться Салтыкову. Фаворитъ доложилъ императрицѣ. Она велѣла посадить внука подъ арестъ и отнять у него солдатъ, которыхъ ему вернули только въ день свадьбы.

Можно бы привести еще многія черты характера молодого вел. князя, но это будетъ простой перечень самыхъ обычныхъ шалостей невоспитаннаго ребенка. Бабушка замѣтила ихъ слишкомъ поздно. Въ дѣтствѣ онъ кусалъ и билъ своихъ учителей, теперь онъ бьетъ офицеровъ на ученіи и выбиваетъ зубы бѣднымъ солдатамъ... *Авт.*

фаворитовъ. Потемкинъ всѣмъ величіемъ былъ обязанъ лично себѣ, Зубовъ же возвеличился благодаря дряхлости Екатерины. Его власть, богатства, довѣріе къ нему росли на глазахъ у всѣхъ по мѣрѣ того, какъ Екатерина теряла энергію, силу и таланты. Въ послѣдніе годы ея царствованія онъ сталъ въ буквальномъ смыслѣ императоромъ-самодержцемъ всея Руси. У него была манія все дѣлать самому или притворяться дѣлающимъ, но не имѣя ни малѣйшаго навыка въ дѣлахъ, онъ всѣмъ, спрашивавшимъ его распоряженій, говорилъ одно: «Дѣлайте, какъ прежде». Надменность его можетъ только сравниться съ низостью усердствовавшихъ и простиравшихся передъ нимъ, и надо признаться, низость русскихъ вельможъ всегда предупреждала и превосходила безстыдство Екатерининыхъ фаворитовъ. Все пресмыкалось у ногъ Зубова, а онъ стоялъ и возомнилъ себя великимъ. Каждое утро многочисленный дворъ осаждалъ его двери, наводнялъ его переднія. Старые генералы, вельможи, не краснѣя, льстили его послѣднему лакею. Онъ же едва соблаговолялъ замѣтить окружающихъ: вытянувшись въ креслѣ, въ самомъ непристойномъ неглиже, съ мизинцемъ въ носу онъ устремлялъ блуждающій взоръ въ потоколъ. Холодное лицо его было совершенно ничтожно. Онъ забавлялся продѣлками обезьяны, прыгавшей по головамъ придворныхъ пошляковъ, или же бесѣдовалъ съ шутомъ, а старики, Долгорукіе, Голицыны, Салтыковъ, подъ начальствомъ которыхъ онъ раньше служилъ сержантомъ, вся подлая знать, затаивъ дыханіе, ждала его взгляда, чтобы еще разъ пасть ницъ. Имя Екатерины фигурировало въ его рѣчахъ, какъ тронъ и алтарь въ царскихъ манифестахъ. На придворныхъ церемоніяхъ онъ едва снисходилъ до того, чтобы оказать внѣшній почетъ наслѣднику престола, и Павелъ, крутой Павелъ, смирялся передъ маленькимъ гвардейскимъ офицеромъ, который такъ недавно еще просилъ у него прощеніе за то, что обидѣлъ его собаку [1]). Вел. кн. Константинъ усердно ухаживалъ за нимъ, добиваясь денегъ и милостей своимъ протеже. И, замѣтьте, всегда люди,

[1]) У Павла была любимая собака. Разъ, бродя по коридорамъ дворца, она вознамѣрилась вырвать кусокъ говядины изъ рукъ гвардейскаго трубача. Солдатъ ударилъ ее оружіемъ по ушамъ. Окровавленная собака съ воемъ бросилась къ Павлу. Узнавъ о случившемся онъ пришелъ въ бѣшенство. «А! воскликнулъ онъ, все мое, все, что я люблю, преслѣдуется. У меня всего одна собака, и ту хотятъ убить: позвать ко мнѣ гвардейскаго офицера, его надо наказать!» Этимъ-то офицеромъ и былъ Зубовъ. Узнавъ о гнѣвѣ вел. князя, онъ упалъ къ ногамъ своего покровителя, Николая Салтыкова, умоляя пойти съ нимъ къ вел. князю и ходатайствовать о пощадѣ. Салтыкову съ трудомъ удалось добиться прощенья. Павелъ былъ убѣжденъ, что собаку побили вслѣдствіе ненависти къ нему гвардіи. А увѣренія трубача, что онъ не зналъ ее, показались Павлу новымъ оскорбленіемъ, и, несомнѣнно, будь это въ его власти, онъ строго наказалъ бы виновнаго. *Авт.*

склонные къ тиранiи, лучше всего приспособляются къ рабству. Впрочемъ, ни одинъ изъ двѣнадцати фаворитовъ не былъ такъ малъ ростомъ и ничтоженъ душой, какъ Зубовъ. Можетъ быть, у него были внутреннiя достоинства, оцѣненныя Екатериной, но онъ не проявилъ ни талантовъ, ни добродѣтели, ни страсти, за исключенiемъ надменности и скупости, свойственныхъ ему. Исчезнувъ, онъ не оставилъ слѣда. Памятникомъ его владычества служатъ богатства его родныхъ и земли, которыя отецъ его вымогалъ у помѣщиковъ его губернiи [1]). Смерть императрицы мгновенно погрузила его въ то ничтожество, изъ котораго вознесла любовь... Онъ оплакивалъ Екатерину, какъ мать, и только въ этотъ моментъ возбудилъ сочувствiе. Но надо отдать ему справедливость: онъ сумѣлъ скорѣе занять въ толпѣ подобающее ему мѣсто, чѣмъ придворная толпа рѣшилась стать рядомъ съ нимъ. Ихъ низость превзошла его униженiе; и хотя передняя его опустѣли съ перваго же дня, но еще долго при его появленiи ко двору толпа зѣвакъ разступалась и простиралась передъ нимъ, какъ передъ владыкой,—рабамъ трудно подняться! Къ его чести надо еще сказать, что онъ не заселялъ сибирскiя пустыни, какъ Меншиковъ и Бирон, но и онъ бывалъ несправедливъ и прибѣгалъ къ инквизиторскимъ пріемамъ по подстрекательству Эстергази и другихъ французскихъ эмигрантовъ; а несчастье Польши въ большой мѣрѣ—дѣло его рукъ.

Въ первый моментъ императоръ отнесся къ нему съ поразительнымъ уваженiемъ; онъ въ самыхъ лестныхъ выраженiяхъ утвердилъ его во всѣхъ должностяхъ, далъ брату его за поѣздку въ Гатчину первую русскую орденскую ленту, ему же подарилъ свою форму, но, присмотрѣвшись, онъ увидалъ, что его нечего бояться. Канцелярiя Зубова была внезапно опечатана. Обязанность полицейскаго офицера при этомъ исполнялъ со всей присущей ему грубостью вел. кн. Константинъ, еще такъ недавно льстившiй ему [2]). Его секретарей прогнали со скандаломъ отъ двора [3]),

---

[1]) Отецъ Зубова былъ назначенъ сенаторомъ; желая разбогатѣть, онъ покупалъ или заставлялъ уступать себѣ разные старые процессы, для рѣшенiя ихъ являлся самъ въ сенатъ, а подчасъ самъ же и рѣшалъ ихъ въ свою пользу. *Авт.*

[2]) Надо замѣтить, что и Зубовъ, у котораго было столько должностей, и секретари его, у которыхъ всѣ дѣла были на рукахъ, удалены въ двадцать четыре часа безъ всякаго отчета, безъ всякихъ объясненiй. Дальше мы увидимъ, какое изъ этого вышло замѣшательство. *Авт.*

[3]) Самые знаменитые изъ нихъ Альтести и Грибовскiй. Первый родомъ изъ Рагузы, русскiй посолъ Волконскiй въ Константинополѣ взялъ его въ свою канцелярiю изъ торговой конторы. Послѣ объявленiя войны онъ пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о должности, и поступилъ къ Зубову, который шелъ въ гору. Онъ зналъ нѣсколько языковъ и былъ уменъ. Скоро онъ сталъ правой рукой Зубова и даже императрицы. Его репутацiя и благосостоянiе окончательно утвердились, благодаря написанной имъ

его угодниковъ арестовали или сослали [1]), а двумъ-стамъ офицерамъ его штаба или свиты пришлось немедленно отправиться къ своимъ частямъ или же подать въ отставку. Ему подарили большой домъ, чтобы вѣжливо изгнать его изъ дворца, и лишили командованія; самъ же онъ подалъ въ отставку только, когда всѣ тридцать должностей его были у него отобраны. Въ фельдмаршалы императоръ произвелъ Николая Салтыкова и велѣлъ вернуть въ его канцелярію всѣ дѣла, которыя Зубовъ изъялъ оттуда. Тутъ-то и обнаружились всѣ злоупотребленія и безпорядки, господствовавшіе во время походовъ. Фаворитъ, за свой страхъ, заставлявшій брата вести войну въ Персіи [2]), считалъ излишнимъ представлять обычные рапорты въ военную коллегію; съ войсками, посланными въ Галицію, онъ продѣлывалъ то же. И въ тотъ моментъ, когда пришлось перегруппировать армію, оказалось, что совершенно неизвѣстно, гдѣ находится большая часть полковъ и, главное, въ какомъ они состояніи. Офицеры, нагнявшіе свои корпуса на почтовыхъ, не знали, въ какую сторону ѣхать и тщетно осаждали канцеляріи [3]).

по-французски брошюрѣ противъ польскаго короля и революціонеровъ, въ которой первато онъ называлъ крамольникомъ, а послѣднихъ—якобинцами; въ ней онъ нагромоздилъ массу эпитетовъ, лжи, глупости и лести. Этотъ пасквиль распространялся въ видѣ манифеста. Скоро ему посыпались чины, ордена и крѣпостные. Недовольный, дарами, онъ невѣроятно наживался. Польскіе конфедераты, правительства, казаки и т. д. спѣшили купить его услуги за хорошую цѣну. Всѣ польскія дѣла сосредоточивались у него; благосостояніе, свобода и жизнь зависѣли отъ него, потому что онъ составлялъ проскрипціонные списки. Онъ дошелъ до рѣдкой высоты и безстыдства. Его погубила дерзость, сказанная графу Головину, который на него пожаловался. Онъ былъ отправленъ въ имѣніе, но Зубовъ вызвалъ его обратно, и за нѣсколько дней до смерти Екатерины онъ едва опять не вступилъ въ должность. Однимъ изъ первыхъ приказовъ Павла онъ былъ удаленъ въ двадцать четыре часа.

Второй секретарь, русскій Грибовскій былъ не такъ уменъ, но, пожалуй, онъ былъ добрѣе; достигъ онъ почти такого же довѣрія. Онъ былъ сыномъ священника и началъ свою карьеру переписчикомъ въ канцеляріи Потемкина. У Зубова онъ меньше, чѣмъ въ два года, достигъ чина полковника; роскошь и расходы его удивляли и скандализировали весь городъ. Самыя красивыя женщины находили его очаровательнымъ, и самые большіе господа ласкали его. Онъ содержалъ оркестръ и шутовъ, любовницъ и лошадей. Весной онъ давалъ ужины съ такими фруктами на дессертъ, какихъ не видали и за столомъ императрицы; я самъ былъ на пикникѣ, гдѣ дессертъ, выставленный имъ, по сезону былъ оцѣненъ въ пятьсотъ рублей. *Авт.*

[1]) Среди нихъ былъ молодой человѣкъ Копьевъ, достойный лучшей участи, если бы только его сердце соотвѣтствовало уму. Обвиненъ онъ былъ въ томъ, что, встрѣтивъ друга въ новой павловской формѣ, онъ сказалъ: «Здравствуй, прекрасная маска». *Авт.*

[2]) На одномъ обѣдѣ у императрицы, во время пребыванія шведскаго короля, разговорились о новостяхъ, полученныхъ съ курьерами. «Да ничего нѣтъ,—сказалъ Зубовъ одному шведу,—мой братъ сообщастъ намъ, что выигралъ сраженіе и завоевалъ провинцію, впрочемъ новаго ничего нѣтъ». *Авт.*

[3]) Это частенько случается въ Россіи, но вотъ фактъ еще болѣе удивительный. Одинъ французъ, кавалеръ Роже, ходатайствовалъ черезъ

Черезъ нѣсколько недѣль Зубовъ получилъ разрѣшеніе или, вѣрнѣе, приказъ покинуть Россію. По примѣру всѣхъ своихъ предшественниковъ онъ отправился въ Германію, чтобы похвастаться тамъ брилльянтами, лентами и портретами Екатерины, впрочемъ онъ расходуетъ очень умѣренно рубли, подаренные ему его старой любовницей. Сначала онъ повезъ съ собой дѣвицу, переряженную камердинеромъ, въ Теплицѣ влюбился въ красавицу эмигрантку Рошъ-Эмонъ (Roch-Aimon), потомъ тамъ же познакомился съ молодыми курляндскими принцессами, унаслѣдовавшими отъ матери грацію и красоту; онѣ оказались самыми богатыми невѣстами Европы, благодаря богатству отца своего. Зубовъ старательно ухаживалъ за старымъ герцогомъ, котораго такъ недавно лишилъ государства, и съ которымъ былъ такъ заносчивъ въ Петербургѣ. Но герцогъ злопамятенъ и явно показалъ ему свое презрѣніе. Зубовъ, не привыкшій встрѣчать препятствія, рѣшилъ силой похитить старшую принцессу. Пожаловался ли герцогъ императору, или у Павла были другія причины, но онъ послалъ Зубову приказъ вернуться въ Россію...

Чтобы отдѣлаться отъ стараго вице-канцлера Остермана, Павелъ поспѣшилъ произвести его въ канцлеры. Старый, больной онъ только, какъ призракъ прошлаго, появлялся при дворѣ. Его роль при Екатеринѣ была гораздо незначительнѣй роли отца его при Аннѣ; зато и немилость, въ которую впалъ послѣдній при Елизаветѣ, не грозила Остерману-сыну со стороны Павла. Онъ только носилъ званіе вице-канцлера и завѣдывалъ экспедиціей паспортовъ, которые подписывалъ. Дипломатическія и иностранныя дѣла Зубовъ распредѣлялъ между Безбородко и Морковымъ, которые фактически и редактировали всѣ министерскія бумаги. Довѣріе къ Безбородко было такъ велико, что онъ соперничалъ съ фаворитомъ.

Безбородко и Морковъ были полными противоположностями. Одинъ—неуклюжій, тяжелый, неопрятный, безпорядочный, съ спустившимися чулками и походкой слона, всегда производилъ впечатлѣніе человѣка, только что напялившаго богатое платье при выходѣ съ оргіи, оставившей на немъ слѣды сознаго опѣненья.

майора М... и гр. Салтыкова о мѣстѣ коменданта гдѣ-либо подальше, чтобы жизнь съ женой обходилась дешевле. Министръ приказалъ справиться, нѣтъ ли такой вакансіи. Вакансія оказалась въ Петропавловской крѣпости Оренбургской губ. Роже и былъ назначенъ туда комендантомъ. Онъ уѣхалъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ майоръ М.... получилъ отъ Роже письмо, въ которомъ говорилось: «Прибывъ въ мѣстность, гдѣ должна была находиться моя крѣпость, я съ ужасомъ узналъ, что ея нѣтъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ она уничтожена Пугачевымъ. Я очутился съ семьей въ пустынѣ, безъ средствъ и безъ пристанища; пришлось вернуться въ Оренбургъ». Письмо это показали министру, и онъ приказалъ дать Роже другое мѣсто. *Авт.*

Другой—изысканный во всемъ до такой степени, что могъ бы служить образцомъ для подражанія или шуточнымъ маркизомъ въ какой-нибудь комедіи, былъ напыщенъ до пошлости. Въ салонахъ онъ раскланивался по всѣмъ танцмейстерскимъ правиламъ, ходилъ всегда на цыпочкахъ и бралъ табакъ кончиками пальцевъ, чтобы выставить на показъ сіявшіе на рукахъ брилльянты. Говорилъ онъ только на ухо и все красныя словца, отвѣчая остротами, столь же изысканными и жеманными, какъ и его платье.

Безбородко, несмотря на свою развращенность, энергиченъ, онъ работаетъ порывами. Начавъ съ чина канцелярскаго писаря, онъ возвысился до перваго министра государства, и потому у него есть большой навыкъ въ дѣлахъ и легкость писанія, впрочемъ небрежность и безпорядочность его внѣшности отражается на всемъ ввѣренномъ его управленію, и особенно на государственной почтѣ, директоромъ которой онъ состоитъ и которую всякій легко можетъ провѣрить. До него это была лучшая организація Россіи, скоро она станетъ самой худшей. Его канцелярія—настоящая всепоглощающая бездна, изъ которой ничто не возвращается. Самое устройство его дома лучше всего характеризуетъ его: въ немъ множество выходовъ и потайныхъ лѣстницъ, по которымъ онъ скрывается, уходя или проскальзываетъ, возвращаясь, чтобы избѣгнуть несчастныхъ, цѣлыми днями ждущихъ его въ передней [1]). Только съ нитью Аріадны можно было бы добраться до этого Минотавра: и, конечно, онъ оказался бы въ глубинѣ лабиринта, занятый своей добычей, въ лицѣ какой-нибудь молодой дѣвушки.

Морковъ не изъ добродѣтельныхъ, но по Мѣщанскимъ [2]), какъ Безбородко, онъ не бѣгаетъ. Онъ полюбилъ трагическую актрису Гюсъ (Hus), которая имѣетъ на него большое вліяніе; она очень старается быть достойной уваженія матерью дѣтей своего друга [3]). Я не считаю впрочемъ большой заслугой этихъ двухъ дипломатовъ ихъ талантъ составлять экспромптомъ министерскія бумаги—одинъ пишетъ ихъ по-русски, другой по-французски. Все, что я читалъ изъ ихъ произведеній, было лишено стиля и ясности, особенно у Моркова, о логикѣ я ужъ и не говорю—слиш-

[1]) Разсказываютъ, что одинъ не добравшійся до него проситель догадался, наконецъ, проскользнуть въ его карету и ждать его тамъ. Изумленный его дерзостью и находчивостью Безбородко выслушалъ его и обѣщалъ передать все императрицѣ, но проситель не захотѣлъ уходить и дождался въ каретѣ возвращенія Безбородко изъ дворца, чтобы узнать отвѣтъ. Говорятъ, просьба его была исполнена. *Авт.*

[2]) Участокъ, гдѣ больше всего публичныхъ женщинъ. *Авт.*

[3]) Изъ утонченной мести императоръ запретилъ Гюсъ послѣдовать за Морковымъ въ изгнаніе, на томъ основаніи, что она собственность двора, а не Моркова. Она очень талантлива; ставъ во главѣ французскаго театра, она значительно облагородила его. *Авт.*

комъ абсурдныя вещи приходилось имъ обычно излагать. Впрочемъ русская дипломатія при Екатеринѣ не требовала большихъ талантовъ. Она дѣйствовала запугиваньемъ и развращеніемъ при помощи угрозы и денегъ — средствъ болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ разумъ и краснорѣчіе. Часть Европы и особенно Германія воображаетъ, что петербургскій кабинетъ состоитъ изъ необыкновенныхъ людей, приходится только удивляться этому выгодному для Россіи предубѣжденію. Вѣна преклоняется предъ его вліяніемъ, а Берлинъ никакъ не можетъ стряхнуть съ себя страха и почтенія. Несомнѣнно, если бы ученые публицисты Германіи увидали вблизи ослѣпляющихъ ихъ людей, они бы смутились, что такъ долго блескъ прогнившаго трона принимали за свѣточъ генія, бумагу—за сокровища, самохвальство—за величіе, а высокомѣріе—за силу.

Безбородко сначала пощадили—онъ всегда носилъ такіе же башмаки и прямки, какъ Павелъ, и къ тому же былъ очень богатъ и могущественъ [1]). Моркова же съ трескомъ лишили милости—онъ не обладалъ преимуществами Безбородко. Этого самаго Моркова посылали изъ Голландіи въ Парижъ, гдѣ его до сихъ поръ помнятъ подъ именемъ «глупаго Моркова».

Новоиспеченный генералъ-прокуроръ имперіи, графъ Самойловъ, выдвинулся только благодаря тому, что былъ племянникомъ Потемкина, на котораго и былъ немного похожъ. Способности его совсѣмъ не соотвѣтствовали возложеннымъ на него обязанностямъ. Онъ былъ еще назначенъ государственнымъ казначеемъ... Для занятія этихъ гражданскихъ должностей, его вызвали изъ арміи. Онъ самъ ясно сознавалъ, что у него нѣтъ нужныхъ талантовъ, но именно поэтому на немъ и остановился выборъ. Екатеринѣ нуженъ былъ человѣкъ пассивный, неспособный противорѣчить всѣмъ планамъ ея и ея фаворита. Тайная канцелярія, уничтоженная Петромъ III, была возстановлена Екатериной въ другомъ видѣ. У него-то и собиралось это позорное инквизиціонное учрежденіе. Теперь же Павелъ размножаетъ его достойныхъ членовъ по передникъ частныхъ лицъ. Въ домѣ Самойлова, однемъ изъ красивѣйшихъ дворцовъ Петербурга, были тайныя тюрьмы, гдѣ содержались оговоренные, пока съ ними не расправятся втихомолку..Самойловъ такъ и оставался полнымъ ничтожествомъ, походя на украшеннаго реликвіями осла. Въ награду за быстроту, съ которой онъ привелъ сенатъ къ присягѣ, Павелъ пожаловалъ

---

[1]) Ему дали княжеское достоинство, вполнѣ имъ заслуженное. Павелъ оставилъ его первымъ министромъ. Это онъ отъ имени своего господина объявилъ войну французской республикѣ, ссылаясь на декреты, извѣстные, пожалуй, ему одному. Онъ только что скончался. *Авт.*

ему четыре тысячи крестьянъ.... Черезъ нѣсколько дней онъ былъ неожиданно смѣщенъ, а на его мѣсто назначенъ кн. Куракинъ.

Но если бы преемникъ Екатерины былъ справедливъ, твердъ и человѣченъ, то первый, на кого бы долженъ былъ сбрушиться мечъ правосудія, былъ петербургскій генералъ-губернаторъ Архаровъ—кровь и слезы тысячъ жертвъ взывали о мести ему. Этотъ хищный звѣрь въ человѣческомъ образѣ давно прославился своей жестокостью, достойной палача Аттиллы. Когда Екатерина, въ концѣ жизни, призвала его къ себѣ, онъ былъ тверскимъ губернаторомъ и тамъ настолько изощрился въ грабежѣ, что его подробное описаніе привело бы въ ужасъ и показалось бы невѣроятнымъ. Его-то она и сочла достойнымъ стражемъ короны, когда французская революція, Зубовы, Эстергази и, можетъ быть, угрызенія совѣсти пробудили въ ней недовѣріе и ужасъ. Тутъ онъ уже на болѣе обширномъ поприщѣ развернулъ свои ужасныя свойства, дѣлавшія его бичемъ Московской и Тверской губерній Послѣ смерти Екатерины, паденія Зубова и восшествія Павла всѣ были увѣрены, что чудовище это будетъ наказано. Къ ногамъ императора бросилось нѣсколько жертвъ его тиранніи, онѣ искали справедливости и отмщенія. Онъ ничего не отвѣтилъ жаловавшимся на злоупотребленія властью и на угнетенья, а повелѣлъ только Архарову расплатиться съ нѣкоторыми долгами. Этотъ вице-тиранъ былъ слишкомъ полезенъ для режима, который Павелъ хотѣлъ ввести, и ему нечего было бояться. Изъ всѣхъ заслужившихъ довѣріе матери онъ одинъ заслужилъ расположеніе сына. Такое ужасное исключеніе было сдѣлано въ уваженіе къ его талантамъ [1]). Павелъ не только утвердилъ его во всѣхъ старыхъ должностяхъ, но возвелъ еще въ новыя. Честные же люди продолжали жаловаться, а народъ стонать. Говорили, что при поѣздкѣ Павла въ Москву на коронацію вся дорога будетъ вымощена жалобами народа на этого новаго Сеяна. Несчастные жители Твери и Москвы, напрасно бѣжите вы навстрѣчу государю вашему, прося справедливости! просьбы, которыя вы бросаете къ его ногамъ, и ваши лбы, униженно склоненные передъ нимъ въ грязь, не смогутъ тронуть его сердца! [2])

По этимъ портретамъ четырехъ-пяти лицъ, державшихъ всю

---

[1]) Не подумайте, что терминомъ талантъ, мы хотимъ сравнить его съ ле-Нуаромъ, Сартиномъ или еще кѣмъ-либо способнымъ поддерживать порядокъ и установленную полицію. Талантъ русскаго инквизитора—талантъ палача рубить и разить подозрительныя головы. Какъ министръ, онъ достоинъ своего господина—капризъ для него законъ, а природная злость—достаточный поводъ. *Авт*

[2]) Архаровъ впалъ въ немилость не за свои преступленія, а за сущіе пустяки *Авт.*

власть въ рукахъ своихъ въ моментъ смерти Екатерины, ясно видно, что Павлу некого было бояться: всѣ они были богаты, не молоды и уже сдѣлали карьеру. И все же приходится обратить особое вниманіе на то, съ какою поспѣшностью осыпалъ Павелъ богатствами вампировъ имперіи передъ ихъ удаленіемъ. Тактика его ясна; милости же своей онъ лишалъ ихъ, какъ только убѣждался, что они не страшны ему.

3. Репнинъ и Суворовъ.

Внезапная смерть Екатерины не дала никакой другой партіи сбразоваться при дворѣ. Ни одинъ изъ трехъ главнокомандующихъ, начальствовавшихъ тремя главными арміями имперіи, не былъ въ состояніи что-либо предпринять. Они всѣ трое были настолько же далеки другъ другу по образу жизни, взглядамъ и характеру, насколько ихъ арміи—по раздѣлявшему ихъ пространству.

Самымъ достойнымъ былъ кн. Николай Репнинъ, имя котораго въ Европѣ такъ часто произносилось вслѣдъ за именемъ знаменитаго Румянцева [1]). Они оба со старымъ героемъ были единственными изъ знаменитыхъ екатерининскихъ генераловъ, у которыхъ внѣшность соотвѣтствовала репутаціи, а не была ей полнымъ контрастомъ. Еще въ предпослѣднюю турецкую войну онъ проявилъ себя блестящимъ генераломъ и сыгралъ весьма вліятельную роль въ качествѣ посла въ Константинополѣ; позднѣе въ Польшѣ онъ выдѣлялся своей обходительностью и достоинствомъ, съ которымъ держался. Съ тѣхъ поръ онъ постыдно согнулся предъ властнымъ Потемкинымъ, который относился къ нему, какъ къ простаку прошлыхъ временъ. Въ старости блестящія въ юности черты его характера еще болѣе померкли отъ

---

[1]) Мнѣ не придется больше говорить объ этомъ старомъ воинѣ. Онъ стяжалъ вѣчную славу своими подвигами, неблагодарность же Екатерины, обязанной ему своими первыми побѣдами, только увеличила эту славу. Въ моментъ кончины императрицы онъ самъ былъ при смерти и не могъ дѣйствовать, хоть и командовалъ одной изъ армій. Павелъ носилъ по немъ трауръ три дня, а за нимъ вся армія по его приказу. Болѣе двадцати лѣтъ Румянцевъ не появлялся при дворѣ и велъ въ уединеніи или въ лагеряхъ одинокую жизнь философа. Хорошій генералъ, но плохой семьянинъ, онъ разошелся съ женой и, какъ Лафонтенъ, жилъ вдали отъ семьи своей. Одинъ изъ его сыновей, окончивъ ученіе, пріѣхалъ къ нему въ армію просить взять на службу.—Кто вы такой? спросилъ Румянцевъ.—Вашъ сынъ.—А! очень радъ: вы выросли.—Послѣ нѣсколькихъ столь же отеческихъ вопросовъ, молодой человѣкъ спросилъ, гдѣ ему можно помѣститься и что дѣлать.—Поищите, сказалъ отецъ, навѣрно, у васъ найдутся въ лагерѣ знакомые офицеры.—Также странно, что его сынъ Сергѣй Румянцевъ, вернувшись изъ посольства въ Швецію, попросилъ у Николая Салтыкова рекомендательное письмо къ отцу, чтобы тотъ его хорошо принялъ. *Авт.*

мистическихъ глупостей мартинизма и иллюминатовъ. И совершенно непонятно, что заставляло его претерпѣвать унизительную надменность Потемкина и ненависть Екатерины, — было ли это самоуниженіе ханжи, или низость вельможи, или, наконецъ, стоицизмъ героя-патріота. А Екатерина постоянно оскорбляла его, пользуясь въ то же время его военными способностями. Такую ненависть онъ навлекъ на себя, ставъ на сторону Павла и совѣтуя ему предъявить права на тронъ, ссылаясь на то, что мать его только опекунша и регентша. Въ послѣднюю турецкую войну его роль была весьма второстепенная: онъ самъ приковалъ себя къ колесницѣ Потемкина изъ страха, что его не запрягутъ въ нее. Объясняется это его маніей служить наперекоръ всему. Онъ влачилъ въ переднихъ фаворитовъ свои лавры и сѣдины съ большей угодливостью, чѣмъ молодые, дѣлающіе карьеру офицеры. Какъ далекъ былъ этотъ Репнинъ отъ прежняго, когда въ качествѣ варшавскаго посланника онъ порой принималъ польскаго короля въ халатѣ [1]), а, пожалуй, это былъ именно тотъ же самый человѣкъ—вѣдь, дѣйствительно, самый заносчивый бываетъ всегда и самымъ низкимъ.

Но, когда Потемкинъ забылся среди празднествъ и разгула Петербурга, старый Репнинъ, оставленный имъ при арміи, проявилъ столько энергіи, что, забывъ приказъ бездѣйствовать, внезапно перешелъ Дунай, ловкимъ маневромъ врасплохъ напалъ на армію визиря Юсуфа и разбилъ ее. Увядшіе лавры Репнина вновь зазеленѣли послѣ этого удачнаго и смѣлаго подвига. При дворѣ его громко восхваляли: его отважный и рѣшительный натискъ сравнивали съ бездѣйствіемъ Потемкина, который ограничивался нѣсколькими атаками въ зиму, стоившими многихъ жертвъ, но никогда не нападалъ ни на одну изъ турецкихъ армій. Ударъ былъ чувствителенъ; возмущенный Потемкинъ воспрянулъ, бросилъ всѣ удовольствія и полетѣлъ въ Молдавію. Свиданіе съ Репнинымъ было очень бурно, но побѣдитель турокъ встрѣтилъ его съ большей твердостью, чѣмъ можно было ожидать. И все же онъ былъ удаленъ изъ арміи за рѣшительную побѣду надъ турками, которымъ пришлось просить позорнаго мира: такова была еще власть Потемкина и снисходительность неблагодарной Екатерины. Но Потемкинъ скоро умеръ и Репнинъ вновь появился

[1]) Однажды, когда король пріѣхалъ отдать ему визитъ, онъ поспѣшно переодѣлся въ халатъ. Слегка извинившись и поклонившись, онъ сталъ спиной къ зеркалу, приставивъ палецъ къ заду. Станиславъ, передъ которымъ было зеркало, все время видѣлъ въ немъ и задъ и палецъ его. Въ Ригѣ онъ почти также невѣжливо принялъ принца д'Артуа, сдѣлавъ видъ, что не узнаетъ его и оставивъ его одного у камина. Онъ былъ обиженъ заносчивымъ видомъ французскаго принца и тѣмъ, что онъ не поклонился гвардіи, отдавшей ему военныя почести. *Авт.*

въ Петербургѣ. Теперь онъ безчестилъ свою старость и славу въ передникъ Зубова, которому очень льстило видѣть Репнина въ числѣ самыхъ усердныхъ своихъ угодниковъ, и онъ назначилъ его генералъ-губернаторомъ Ливоніи. Рѣзня, которой подверглись русскіе въ Варшавѣ, настолько ужаснула и разъярила Екатерину, что она велѣла Репнину собрать войска его провинціи и наводнить ими Польшу. Въ этотъ моментъ онъ былъ старшимъ изъ начальниковъ армій и пользовался большой популярностью; ему должно было польстить, что государынѣ пришлось противъ воли прибѣгнуть къ его содѣйствію. Постепенность и осторожность его движенія въ Литвѣ возбудила нетерпѣнье Екатерины, мстительно жаждавшей крови, крови всѣхъ жителей Варшавы, и она съ другой стороны двинула неистоваго Суворова, проложившаго себѣ дорогу до Праги по трупамъ. Это была самая сильная изъ всѣхъ проглоченныхъ Репнинымъ обидъ, и онъ снесъ ее такъ же, какъ и другія. Суворовъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы и сразу сталъ начальникомъ презиравшаго его Репнина, отъ котораго еще наканунѣ получалъ приказанія [1]).

Въ утѣшеніе за оказанную ему несправедливость Екатерина подарила Репнину домъ, и тѣмъ усугубила обиду насмѣшкой. Вся армія была возмущена; многіе генералы роптали, а графъ Иванъ Салтыковъ гордо вышелъ въ отставку. Только самъ оскорбленный стоически или по-христіански проглотилъ униженіе, а между тѣмъ онъ безнаказанно могъ бы показать, что оскорбленъ и что онъ воспріимчивъ къ обидѣ, нанесенной его чести.

Павелъ, вступивъ на престолъ, произвелъ его, наконецъ, въ фельдмаршалы. Послѣднимъ воинскимъ подвигомъ Репнина была экзекуціонная экспедиція, отправленная яростнымъ Павломъ въ нѣсколько новгородскихъ деревень за то, что тамъ заговорили объ освобожденіи. Репнинъ, показавшій себя и крупнымъ полководцемъ, и надменнымъ посломъ, и низкимъ вельможей, обладаетъ рѣдкими въ русскомъ генералѣ качествами. Внѣшность и манеры его благородны, то же благородство сквозитъ въ мелочныхъ по-

---

[1]) Суворовъ заставилъ два или три раза прочесть себѣ вслухъ въ присутствіи штаба первый рапортъ Репнина. Онъ скоморошничалъ при этомъ, притворялся глухимъ, чтобы громче читали, и изумлялся, что получилъ рапортъ отъ кн. Репнина, котораго всегда жестоко высмѣивалъ. Деспотичная Екатерина подчинила старшинство фавору. Послѣ смерти Потемкина командованіе арміей по праву принялъ одинъ изъ его лучшихъ генераловъ, Каменскій; онъ послалъ рапортъ, въ которомъ говорилъ: «Принявъ по праву старшинства командованіе» и т. д. на поляхъ Екатерина собственной рукой написала: «Кто вамъ велѣлъ?» Далѣе онъ говорилъ о безпорядкахъ, которые обнаружилъ въ полкахъ, а Екатерина на поляхъ отмѣтила: «Онъ ничего не смѣлъ говорить при жизни князя». Въ отвѣтъ на рапортъ Каменскій получилъ приказъ покинуть армію. *Авт.*

ступкахъ. Онъ человѣченъ[1]), и нѣтъ въ немъ ни московитской грубости его товарищей по отношенію къ подчиненнымъ[2]), ни ихъ хищной алчности. Напротивъ, Репнинъ сострадателенъ и великодушенъ. Литва обязана ему тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ спасъ ее отъ полнаго разгрома.

Пріѣзжающіе въ Россію иностранцы всегда просятъ, чтобы имъ показали героя Суворова, о славѣ котораго они столько наслушались. Имъ указываютъ на маленькаго старичка съ худымъ, сморщеннымъ лицомъ, скачущаго на одной ногѣ черезъ дворцовые апартаменты или бѣгущаго и прыгающаго по улицамъ; за нимъ несется толпа ребятишекъ, которымъ онъ бросаетъ яблоки, чтобы вызвать драку, а самъ кричитъ: *Я—Суворовъ!—Я Суворовъ!* И если иностранецъ усомнится въ томъ, что этотъ сумасшедшій старикъ—побѣдитель турокъ и поляковъ, то, всмотрѣвшись въ его свирѣпые, дикіе глаза, въ его ужасный ротъ съ проступающей пѣной, онъ легко узнаетъ убійцу жителей Праги. Суворовъ былъ бы только смѣшнымъ шутомъ, если бы въ немъ не проявился варваръ-вопитель. Это чудовище: душа собаки мясника живетъ въ его обезьяньемъ тѣлѣ. Даже Аттила, его соотечественникъ, а, можетъ быть, и предокъ, не былъ такъ удачливъ и жестокъ. Солдаты слѣпо вѣрили ему, ихъ подкупали его грубыя, шутовскія манеры. Ихъ вѣра въ него и была истинной причиной его успѣховъ; она замѣняла ему талантъ. На него смотрѣли, какъ на удачливаго, отважнаго человѣка, но, выросши въ лагерѣ, не зная двора, онъ не могъ затмить фаворитовъ. Начавъ партизаномъ, онъ постепенно дошелъ до главнокомандующаго. Прирожденная жестокость замѣняетъ ему отвагу, а инстинктъ заставляетъ, какъ

---

[1]) Особенно съ солдатами. Дѣлая смотръ кавалерійскому полку, онъ говорилъ: «Я спрашиваю только о людяхъ, я знаю, что о лошадяхъ больше заботятся, потому что ихъ покупалъ самъ полковникъ». *Авт*

[2]) Прусскихъ офицеровъ очень шокировало его обращеніе съ русскими офицерами, такъ какъ они не знаютъ надменности русскихъ генераловъ. Въ Берлинѣ Репнинъ удивлялъ всѣхъ, когда, украсившись всѣми орденами, отправлялся на прогулку. Онъ шелъ впереди одинъ, а за нимъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ слѣдовалъ его племянникъ, нѣкій кн. Волконскій, адъютанты и секретарь мартинистъ Тиманъ (Thiemann). Каждый разъ, какъ онъ останавливался, чтобы сказать слово, вся свита тоже останавливалась и въ мигъ снимала шляпы. Впрочемъ политическая миссія ему не удалась. Этотъ князь, фельдмаршалъ, когда то посолъ-тріумфаторъ въ Константинополѣ и владыка Варшавы не сумѣлъ запугать и провести молодого и умнаго прусскаго короля, котораго Павелъ хотѣлъ принудить вступить въ коалицію. Выпровоженный изъ Берлина, Репнинъ отправился въ Вѣну,—успѣхъ его переговоровъ всѣ видятъ. Одинъ изъ его секретарей, говорятъ, что это французъ Оберъ, скрылся съ частью бумагъ и тайныхъ документовъ миссіи. Павелъ, взбѣшенный этимъ, лишилъ Репнина по возвращеніи милости и уволилъ его, какъ за неуспѣхъ въ Берлинѣ, такъ и за то, что онъ держалъ въ канцеляріи француза. Изъ особой милости ему разрѣшили носить форму тѣхъ армій, которыми онъ сорокъ лѣтъ со славой командовалъ. *Авт.*

тигра, проливать кровь. Въ арміи онъ живетъ, какъ простой казакъ; ко двору является, какъ древній скифъ, не желая принять никакого другого жилища, кромѣ телѣжки, въ которой пріѣхалъ. Описаніе его жизни свелось бы къ перечню ряда сумасбродствъ, и, конечно, если онъ не сумасшедшій, то первымъ его достоинствомъ я считаю искусство притворяться таковымъ, впрочемъ, это безуміе варвара, и въ немъ нѣтъ ничего пріятнаго.

Но и ему не всегда везло. Во время осады Очакова, когда турки сдѣлали ложную вылазку, онъ бросился за ними, вопреки запрету Потемкина, разсчитывая войти въ городъ вмѣстѣ съ бѣглецами, но попалъ подъ картечь, и вся колонна его была разбита. На штурмъ Измаила онъ двинулся, не ознакомившись даже съ мѣстностью [1]); подвиги же его въ Польшѣ—подвиги разбойника. Онъ поспѣшилъ удовлетворить мстительность Екатерины и вырѣзалъ остатки арміи, уже побѣжденной Ферзеномъ, уже лишенной своей истинной силы въ лицѣ Костюшко. Когда Суворовъ обнималъ и миловалъ жителей Варшавы на трупахъ двадцати тысячъ гражданъ всѣхъ возрастовъ и половъ, онъ напоминалъ сытаго тигра, играющаго съ своей добычей на кладбищенскихъ костяхъ.

Привычки его были тоже очень причудливы. Спать онъ ложился въ шесть часовъ вечера, вставалъ въ два утра и сейчасъ же бросался въ холодную воду, при чемъ на него выливали нѣсколько ведеръ. Въ восемь часовъ онъ обѣдалъ: и обѣдъ, и завтракъ состоялъ изъ водки и нѣсколькихъ грубыхъ солдатскихъ блюдъ; приглашеніе на такой пиръ приводило въ трепетъ. Часто за столомъ одинъ изъ его адъютантовъ подходилъ къ нему и запрещалъ больше ѣсть. «По чьему приказу?» спрашивалъ Суворовъ. «По приказу самого фельдмаршала Суворова», отвѣчалъ адъютантъ. «Надо его слушаться», говорилъ Суворовъ, вставая. По командѣ же отъ своего собственнаго имени онъ гулялъ и дѣлалъ многое другое. Въ бытность его въ Варшавѣ множество австрійскихъ и прусскихъ офицеровъ стремились повидать этого чудака. Передъ выходомъ къ нимъ онъ всегда справлялся, которыхъ больше. Если оказывалось, что австрійцевъ, онъ надѣвалъ портретъ Іосифа I, являлся

[1]) О своихъ успѣхахъ онъ извѣщалъ обычно двумя-тремя словами или парой шуточныхъ стиховъ. Цезарь писалъ сенату: *Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ* Суворовъ и съ полнымъ основаніемъ могъ выразиться на треть короче Цезаря, потому что онъ всегда побѣждалъ, не видя. Онъ самъ говорилъ: «Каменскій знакомъ съ войной, но она его не знаетъ; я съ ней не знакомъ, она меня знаетъ, что же касается И. Салтыкова, то они оба другъ друга не знаютъ». Нѣсколько подобныхъ чертъ и нѣсколько кстати приведенныхъ цитатъ изъ древней исторіи создали репутацію Суворова. Его приспѣшники увѣряли, что онъ часто запирался для изученія древнихъ мертвыхъ языковъ, даже еврейскаго. Онъ недурно говоритъ по-французски и по-нѣмецки. *Авт.*

въ переднюю, скача на двухъ ногахъ въ самую середину группы офицеровъ и каждому изъ нихъ подставлялъ портретъ для поцѣлуя, приговаривая: «Вашъ императоръ знаетъ меня и тоже любитъ». Если же было больше пруссаковъ, онъ надѣвалъ орденъ чернаго орла и продѣлывалъ тѣ же кривлянья. Иногда при дворѣ онъ вдругъ начиналъ обѣгать всѣхъ дамъ и, крестясь съ колѣнопреклоненіемъ, цѣловать портретъ Екатерины, который онѣ носили на груди. Однажды Екатерина велѣла передать ему, чтобы онъ держалъ себя приличнѣе.

Онъ ханжа и суевѣренъ. Капитановъ онъ заставлялъ вслухъ читать молитвы передъ ротами и плохо обращался съ иностранцами и лифляндцами, не знающими русскихъ молитвъ.

Изрѣдка онъ посѣщалъ лагерные лазареты, утверждая, что онъ самъ докторъ. Тяжело-больнымъ онъ поголовно назначалъ ревень и соль, заболѣвшихъ же легко угощалъ розгами, а то просто всѣхъ выгонялъ изъ госпиталя, говоря, что солдатамъ Суворова запрещено хворать.

Онъ отмѣнилъ въ своей арміи маневры съ отступленіемъ, считая, что они ему никогда не пригодятся. Солдатъ своихъ онъ самъ училъ итти въ штыки тремя способами. Когда онъ командовалъ: «Маршъ на поляковъ!» солдатъ вонзалъ штыкъ одинъ разъ; при командѣ: «Маршъ на пруссаковъ!» онъ долженъ былъ наносить два удара, при словахъ же: «Маршъ на гнусныхъ французовъ!» онъ ударялъ два раза, а третьимъ ударомъ вонзалъ штыкъ въ землю и вертѣлъ его. Онъ безпредѣльно ненавидѣлъ французовъ. Нѣкоторыя газеты помѣстили его письмо къ Шаретту. Онъ часто кончалъ свои письма Екатеринѣ изъ Варшавы словами: «Мать, пошли меня противъ французовъ!» И въ моментъ смерти Екатерины онъ уже двинулся черезъ Галицію во главѣ сорока тысячнаго войска.

Часто по утрамъ онъ объѣзжалъ свой лагерь голый, въ одной рубашкѣ, верхомъ на неосѣдланной казачьей лошади, и вмѣсто утренней зори и сбора, выйдя изъ палатки, три раза кричалъ пѣтухомъ: это было для арміи сигналомъ къ вставанію, а иногда къ походу и битвѣ.

Если среди всѣхъ его сумасбродствъ, среди тѣхъ плоскостей, которыя онъ говорилъ, встрѣчалась поразительная острота, всѣ тотчасъ же подхватывали ее и восхищались ею, какъ проблескомъ генія. Впрочемъ и у него наряду съ жестокостью есть хорошія черты: онъ на рѣдкость безкорыстенъ и великодушенъ; онъ либо отказывался отъ всякихъ даровъ Екатерины, либо раздавалъ ихъ окружающимъ. Онъ задушитъ несчастнаго, просящаго пощады, просящему же милостыню дастъ денегъ—золото для него такъ же

мало цѣнно, какъ и человѣческая кровь. Почти одновременно онъ скрежещетъ отъ ярости зубами, какъ бѣшеный, смѣется, гримасничаетъ, какъ обезьяна и жалостно хнычетъ, какъ старуха.

Таковъ слишкомъ знаменитый Суворовъ. Съ женой своей онъ былъ въ ссорѣ и не хотѣлъ признавать сына отъ нея, онъ больше любилъ своихъ племянниковъ кн. Горчаковыхъ; когда же императрица произвела его сына въ гвардейскіе офицеры, онъ сказалъ: «Императрицѣ угодно, чтобы у меня былъ сынъ—въ добрый часъ, но я объ этомъ ничего не зналъ». Кромѣ сына, у него была еще дочь—фрейлина Екатерины, отличавшаяся при дворѣ идіотизмомъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, отецъ вызвалъ ее къ знакомымъ, чтобы повидаться: «Ахъ, батюшка» воскликнула она, «какъ вы за это время выросли!» Прекрасный каламбуръ по-французски, по-русски былъ грубой и глупой фразой, всѣхъ насмѣшившей.

Послѣ взятія Варшавы Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, ему хотѣлось упиться славой. Раньше онъ, какъ истый скиѳъ, никогда не желалъ жить нигдѣ, кромѣ своей повозки, теперь же онъ принялъ помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ и облачился въ блестящую фельдмаршалскую форму, присланную ему Екатериной. Получивъ ее, онъ началъ гримасничать, гладить и цѣловать ее и, наконецъ, перекрестившись и поднявъ ее, сказалъ: «Ахъ, какъ понятно, что маленькому Николаю Салтыкову не даютъ такой же, она слишкомъ тяжела для него» [1]).

Мы знаемъ уже, при какихъ обстоятельствахъ Павелъ уволилъ его, вступивъ на престолъ. Начавшійся среди солдатъ ропотъ принудилъ вновь призвать его. Идетъ слухъ, что императоръ хочетъ использовать его въ видѣ карающаго бича противъ французовъ.

Валерьянъ Зубовъ, братъ фаворита, командовалъ арміей въ Персіи. Выше я уже говорилъ о его распутствѣ, о томъ, какъ его испортилъ фаворъ, но по существу это былъ добрый, некрепкій и храбрый человѣкъ. Въ Польшѣ онъ лишился ноги и завоевывать Азію отправился на костыляхъ [2]). Въ моментъ смерти Екатерины отъ него пріѣхалъ курьеръ съ реляціей о какомъ-то сраженіи. Павелъ послалъ ему нѣсколько Аннинскихъ лентъ для офицеровъ, а каждому полковнику его арміи отдѣльный приказъ отвести свой полкъ на границу. Онъ остался въ лагерѣ одинъ,

---

[1]) Николай Салтыковъ—одинъ изъ наиболѣе оскорбленныхъ производствомъ Суворова. *Авт.*

[2]) Узнавъ, что онъ раненъ, Екатерина послала ему своего лейбъ-хирурга, Андреевскую ленту, званіе главнокомандующаго и сто тысячъ на перевязки. Онъ попросилъ еще пятьсотъ для расплаты съ долгами. *Авт.*

не зная, что дѣлать. Въ концѣ концовъ, онъ послѣдовалъ за арміей и, вернувшись въ Петербургъ, подалъ въ отставку. Теперь онъ живетъ въ Курляндіи—ему принадлежатъ почти всѣ помѣстья прежнихъ герцоговъ.

4. Гвардія.

Ясно, что эти генералы были далеки отъ всего, творившагося при дворѣ, и, какъ они сами, такъ и ихъ арміи не могли ничего тамъ предпринять. Одна только гвардія была дѣйствительно опасна для Павла. Четыре многочисленныхъ полка ея находились подъ начальствомъ членовъ знатнѣйшихъ семей имперіи. Они съ давнихъ поръ опасались воцаренія великаго князя, которое считали концомъ своего прежняго положенія. Павелъ ничуть не скрывалъ своего отвращенія къ нимъ. Слова: «Ты только и годенъ въ гвардію»—были наибольшимъ оскорбленіемъ для его офицеровъ и даже солдатъ во время Гатчинскихъ и Павловскихъ маневровъ. Гвардія платила ему не меньшимъ презрѣніемъ и въ насмѣшку называла его солдатъ «пруссаками!». Немного нужно было, чтобы возбудить этихъ преемниковъ стрѣльцовъ, излишни были бы даже слезы и ласки новыхъ Елизаветы и Екатерины; и, какъ мы видѣли, Павелъ почувствовалъ себя въ безопасности, только распредѣливъ свои батальоны по этимъ грознымъ полкамъ; онъ постарался удалить оттуда офицеровъ и обласкать солдатъ. Но напрасно раздастъ онъ водку и рубли,—привлекаются ближайшіе, армія же жалуется и ропщетъ [1]).

Въ блестящее и пошлое царствованіе Екатерины Павелъ жилъ одиноко и въ забвеніи, терпя ненависть и презрѣніе матери, униженія отъ фаворитовъ и постоянно подвергаясь насмѣшкамъ придворныхъ. Среди разврата и безпутства этого двора онъ сохранилъ строгость нравовъ [2]). И будь онъ немного добрѣе и любезнѣе, онъ возбудилъ бы къ себѣ сочувствіе въ людяхъ разсудительныхъ и сталъ бы желаннымъ для народа. Его ждали бы, какъ освободителя, а между тѣмъ его не-

---

[1]) Петръ I уничтожилъ стрѣльцовъ, но духъ ихъ возродился въ смѣнившихъ ихъ четырехъ гвардейскихъ полкахъ. Только избранные вступали въ нихъ, а офицеры были изъ самыхъ богатыхъ семей. (Чтобы сдѣлаться гвардейскимъ офицеромъ, надо было доказать, что владѣешь по меньшей мѣрѣ сотней крестьянъ или рабовъ). Эта десятитысячная армія окружала тронъ. Вліяніе гвардіи было настолько велико, что она могла произвести революцію, да она и произвела всѣ тѣ перевороты, которые были со временъ Петра I. *Авт.*

[2]) Въ этомъ ему надо отдать справедливость. И, если изъ-за страсти къ Нелидовой, онъ повиненъ передъ женой своей, то публично, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не нарушалъ ни приличій, ни благопристойности. Впрочемъ сейчасъ Нелидова отставлена. *Авт.*

навидѣли и боялись, какъ страшный бичъ, и, что ужаснѣе всего, эти чувства раздѣляли и слуги его, и офицеры, и придворные, и любимцы, и даже собственныя дѣти. Сознавая это, онъ озлоблялся и не могъ уже измѣнить своихъ отношеній. При этомъ еще разительнѣй казались справедливые и добрые поступки, изрѣдка прорывавшіеся у него. Жаль, что многіе достоинства, бывшія у него въ задаткѣ, не развились.

До его воцаренія всѣ избѣгали его фавора: съ одной стороны этимъ можно было навлечь на себя гнѣвъ императрицы и фаворита, а съ другой—за нимъ неизбѣжно слѣдовала немилость, и фаворъ относительно немилости былъ тѣмъ же, чѣмъ бываетъ по французской пословицѣ хорошая погода при дождѣ, т.-е. ея предвѣстникомъ. Никогда никто не проявлялъ столько чудачествъ и непостоянства въ выборѣ друзей, какъ Павелъ. Когда ему втемяшивалось, что кто-либо заслуживаетъ его довѣрія, онъ всей душой привязывался къ нему и относился съ полной фамильярностью, потомъ наступало раскаянье, подозрѣніе, любимецъ казался ему уже опаснымъ, креатурой матери или фаворита, подольстившимся къ нему, чтобы затѣмъ предать. Повсюду встрѣчались изгнанные имъ слуги, лишенные милости фавориты и уволенные офицеры, не считая тѣхъ, на кого малѣйшая доброта его жены или дружба Бенкендорфъ навлекали громы его гнѣва. И всегда самымъ близкимъ приходилось всего хуже: самыми несчастными дѣлались наиболѣе облагодѣтельствованные.

5. Приближенные Павла.

Мы уже говорили о министрахъ его матери, здѣсь не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о вельможахъ, бывшихъ у него въ милости въ моментъ его воцаренія: нѣкоторое время они несомнѣнно будутъ въ силѣ. Къ чести ихъ надо сказать, что они лучше министровъ стараго двора.

Послѣ камердинера, о которомъ я уже говорилъ, наибольшимъ, вполнѣ заслуженнымъ вліяніемъ пользуются два кн. Куракина, бывшіе по очереди въ хорошихъ и дурныхъ отношеніяхъ съ Павломъ [1]). При дворѣ Екатерины они, несмотря на богатство и знатность, занимали незначительныя должности. Одинъ изъ

[1]) Алексѣй Куракинъ часто навлекалъ на себя немилость Павла своимъ вниманіемъ и уваженіемъ къ вел. княгинѣ. Досада Павла происходила вовсе не отъ ревности—повода для ревности не было въ характерахъ этихъ обоихъ лицъ. Не любовь, а политическія подозрѣнія порождали эту досаду. Однажды онъ разъярился, увидавъ, что жена его тихо бесѣдуетъ съ кн. Куракинымъ у камина. «Сударыня, обратился онъ къ ней,—вы желаете навербовать себѣ друзей и подготовиться къ роли Екатерины; предупреждаю, что я не Петръ III». Всѣхъ изумили эти необдуманныя,

нихъ велъ особенно замкнутую жизнь философа, занимаясь науками, искусствами и воспитаніемъ своихъ дѣтей. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Его нравъ и привычки сильно отличались отъ нравовъ и привычекъ большинства русскихъ баръ, которые только и состязаются въ прожиганіи жизни, игрѣ, роскоши и развратѣ. Однимъ словомъ, онъ вполнѣ достоинъ стоять во главѣ управленія. Павелъ призвалъ обоихъ братьевъ и назначилъ одного—вице-канцлеромъ, а другого государственнымъ контролеромъ. Все хорошее будетъ итти отъ нихъ.

Въ моментъ прибытія курьеровъ съ сообщеніемъ о смерти Екатерины на дежурствѣ у Павла было два молодыхъ камергера. Счастливцы эти внезапно превратились въ армейскихъ генераловъ и стали его первыми адъютантами. Одинъ изъ нихъ, г-нъ Растопчинъ, снискалъ милость ловкимъ письмомъ, но чтобы сохранить ее, ему придется на три четверти припрятать умъ свой и самому на половину сократиться [1]). Другой, молодой графъ Шуваловъ, котораго Павелъ долго не узнавалъ и только недавно вернулъ ему милость. Ему-то онъ и подарилъ собственную форму на образецъ всѣмъ конно-гвардейцамъ, майоромъ которыхъ онъ его назначилъ: молодой человѣкъ появлялся въ ней на дворѣ, какъ въ мѣшкѣ, и, несомнѣнно, чувствовалъ себя очень хорошо. Въ фаворѣ къ этимъ двумъ молодымъ людямъ огромное противорѣчіе—причина фавора къ одному должна была бы, казалось, обусловить немилость къ другому. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-нъ Растопчинъ былъ камеръ-юнкеромъ при вел. князѣ въ Павловскѣ. Всѣ его молодые сотоварищи, между прочимъ гр. Шуваловъ и Кн. Барятинскій, очень тяготились этой службой, потому что и слово, сказанное вел. княгинѣ, и слишкомъ модный костюмъ могли ихъ погубить. Всѣми силами старались они отдѣлаться отъ дежурствъ, постоянно ссылаясь на болѣзнь или на другія причины. Наскучивъ тѣмъ, что его не замѣчаютъ, Растопчинъ написалъ гофмаршалу колкое письмо, гдѣ высмѣивалъ истинныя причины, мѣшавшія его товарищамъ являться въ Павловское: «Что до меня, заканчиваетъ онъ, то у меня нѣтъ ни в..... болѣзни, отъ которой надо лѣчиться, ни итальянской пѣвицы на содержаніи, и я съ радостью буду исполнять ихъ обязанности при вел.

злыя слова; Куракинъ удалился отъ двора. Вел. княгиня стала еще несчастнѣе и очутилась въ еще болѣе стѣсненномъ положеніи. Изъ-за каждаго ея порученія приходилось обращаться къ Павлу. Онъ назначалъ, съ кѣмъ подъ-руку ей гулять, съ кѣмъ вечеромъ играть и даже съ кѣмъ разговаривать. Въ концѣ-концовъ ему показалось наиболѣе удобнымъ дать ей что-то въ родѣ чичисбея, всегда состоящаго при ней: кн. Несвицкій показался ему достаточно ничтожнымъ для этой роли. *Авт.*

[1]) Раза два его уже удаляли, но потомъ снова призывали. *Авт.*

князѣ». Это былъ злостный доносъ на Шувалова и Барятинскаго, котораго Павелъ не выносилъ, несмотря на родственныя отношенія. Гофмаршалъ показалъ письмо императрицѣ, которая сначала только посмѣялась надъ нимъ, но Шуваловъ и Барятинскій сочли себя оскорбленными и потребовали у Растопчина объясненій. Поднялся шумъ: Барятинскаго послали въ армію, а Растопчина на годъ удалили отъ двора. Съ тѣхъ поръ вел. князь смотрѣлъ на него, какъ на своего поборника и заупрямился принимать къ себѣ другихъ камеръ-юнкеровъ, если его не вернутъ. Больше года Растопчинъ постоянно ѣздилъ въ Павловское и Гатчину, но у воротъ его отсылали обратно.

Среди фаворитовъ императора есть настоящій феноменъ—это г-нъ Плещеевъ: онъ одинъ ухитрился всегда удерживаться на одинаковомъ разстояніи. Правда, онъ никогда не выдвигался въ первый рядъ, но зато на него никогда не обрушивался гнѣвъ Павла. Онъ образованъ и достоинъ уваженія, насколько уваженіе вяжется съ званіемъ вельможи. Онъ знаетъ нѣсколько языковъ, знакомъ съ географіей и статистикой и занимается литературой. Онъ могъ бы быть очень полезнымъ для Россіи, если бы былъ достаточно смѣлъ, чтобы говорить правду: къ несчастью непзмѣнность его фавора доказываетъ, пожалуй, противное [1]).

Г-нъ Нелединскій, бывшій дядька, а потомъ товарищъ по ученью Павла, извѣстенъ въ Петербургѣ за очень умнаго человѣка. Онъ пишетъ любовныя стихотворенія, не лишенныя изящества и чувства. Императоръ назначилъ его своимъ личнымъ секретаремъ, но, конечно, при условіи свернуть музѣ шею; она не заслужила такой жестокой смерти, такъ какъ всегда усердно помогала ему. Теперь надо пожелать, чтобы Нелединскій, по крайней мѣрѣ, проявилъ на дѣлѣ ту чувствительность, которой проникнуты его стихи. Ему приходится докладывать письма и прошенія: участь многихъ угнетенныхъ въ его рукахъ.

Г-нъ Николаи пріѣхалъ въ Россію гувернеромъ молодыхъ гр. Разумовскихъ, которые потомъ покровительствовали ему. По рекомендаціи своей родственницы, г-жи Преторіусъ, камерфрау герцогини Вюртембергской, онъ былъ назначенъ секретаремъ вел. княгини. Во время путешествія вел. князя онъ получилъ въ Германіи баронство, а при восшествіи Павла на престолъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, назначенъ правителемъ Кабинета его величества, кавалеромъ св. Анны и получилъ нѣсколько сотъ душъ, что окончательно

---

[1]) Но и онъ, наконецъ, лишенъ милости съ большой жестокостью. *Авт.*

развратило его [1]). Родомъ изъ Страсбурга, онъ извѣстенъ въ Германіи подражаніями Аріосту и нѣсколькими довольно красивыми, хоть и очень многословными стихотвореніями. Ему тоже пришлось пожертвовать музой у того алтаря, къ которому она привела неблагодарнаго. Врядъ ли политическая спесь, которую онъ напустилъ на себя, даетъ ему счастье, судя по внѣшности этого сказать нельзя.

Значительную роль играетъ еще г-нъ Донауровъ, прежній библіотекарь принца Вюртембергскаго, теперь же адъютантъ Павла, но я воздержусь говорить подробно о тѣхъ, кого я недостаточно хорошо знаю, чтобы составить о нихъ опредѣленное мнѣніе. Замѣчу только, что въ спискѣ наградъ и повышеній, составленномъ Павломъ, встрѣчается много лицъ, заслужившихъ всеобщее презрѣніе и достойныхъ наказанія.

Тѣмъ не менѣе ясно, что моральный уровень приближенныхъ къ Павлу значительно выше, чѣмъ у его матери. Онъ окруженъ образованными, часто достойными людьми. Можетъ быть, лучше сказать: *былъ окруженъ*, потому что его измѣнчивость вліяетъ на все, и при его дворѣ достойные не успѣютъ развратиться [2]).

6. Портретъ Павла.

Кажется, Павелъ взялъ за образецъ государя—Фридриха Вильгельма, отца великаго короля Пруссіи [3]). Мы видимъ въ русскомъ самодержцѣ ту же черствость, ту же непреклонность, ту же строгость нравовъ и ту же страсть къ солдатчинѣ. Я надѣюсь, что по моимъ разсказамъ можно сдѣлать характеристику Павла, если же мнѣ это не удалось, то признаюсь, что большаго сдѣлать не могу. Въ живописи, какъ извѣстно, труднѣе всего нарисовать неопредѣленное лицо ребенка, то же можно сказать о характеристикѣ своенравнаго человѣка. Будучи снисходительнымъ, можно допустить, что французская революція поразила

---

[1]) У него уже была земля въ Финляндіи, уступленной Швеціей провинціи, гдѣ нѣтъ такой крѣпостной зависимости крестьянъ, какъ въ Россіи. Николаи часто жаловался на это, говоря, что: «эти бездѣльники не даютъ ему никакого дохода, да еще утверждаютъ, что у нихъ есть права». Теперь онъ получилъ крестьянъ въ Польшѣ: ихъ онъ сможетъ произвольно разлучать, продавать, заставлять работать, какъ скотъ, надъ украшеніемъ своихъ садовъ. Можете судить, чѣмъ сталъ въ Россіи этотъ уроженецъ Страсбурга, котораго въ Германіи считаютъ философомъ, и столько писакъ льстиво называютъ Меценатомъ. Если ему придется прочесть эти строки, онъ порадуется мягкости, съ которой я говорю о немъ, а между тѣмъ онъ проявилъ столько же грубости, какъ и его господинъ, по отношенію къ женщинѣ, которую долженъ бы былъ уважать. *Авт.*

[2]) Такъ и вышло. Кн. Куракины и большинство названныхъ лицъ отставлены въ тотъ моментъ, какъ я пишу. *Авт.*

[3]) Онъ не сознается въ этомъ; однажды онъ сказалъ: «Утромъ я хочу быть Фридрихомъ II, а вечеромъ Людовикомъ XIV»... *Авт.*

его мозгъ и разстроила умъ, подобно тому божественному свѣту, который нѣкогда повергъ его патрона *Савла* или *Павла*. Она вѣдь помутила и болѣе сильную голову его матери. Что касается внѣшности, то онъ тутъ не при чемъ: утверждаютъ даже, что и отецъ его въ ней неповиненъ—было бы несправедливо обвинять его. Вспоминается, какъ въ Парижѣ народъ при видѣ Павла кричалъ: «Боже, какъ онъ безобразенъ!» Тогда у него хватило ума посмѣяться надъ этимъ[1]). Старость, лысина и морщины не украсили его. Когда онъ бываетъ рядомъ съ императрицей, то они напоминаютъ одинъ изъ тѣхъ портретовъ, на которыхъ дамы, чтобы подчеркнуть свой ростъ и красоту, велятъ нарисовать около себя маленькаго уродливаго негра. Странная одежда и черствость обращенія только увеличиваютъ его безобразіе. Уродливѣе его не найдешь человѣка во всей Россіи даже среди калмыковъ и киргизовъ; онъ самъ считаетъ свое лицо настолько непріятнымъ, что не рѣшился запечатлѣть его на монетахъ.

Чтобы закончить портретъ Павла, приведу еще нѣсколько фактовъ изъ его жизни—они ясно покажутъ, что всѣ тѣ черты, которыя такъ ярко проявились въ немъ, какъ въ императорѣ, уже были въ немъ на-лицо и раньше.

Близъ Павловскаго дворца была терасса, съ которой онъ могъ видѣть всѣхъ часовыхъ, разставленныхъ имъ вездѣ, гдѣ только умѣщалась будка. Туть онъ и проводилъ часть дня, съ биноклемъ въ рукахъ, наблюдая все, что дѣлалось кругомъ. То къ тому, то къ другому часовому онъ посылалъ лакея съ приказаньемъ застегнуть или разстегнуть какую-нибудь пуговицу, выше или ниже держать ружье, увеличить или сократить количество шаговъ вокругъ терассы. Иногда онъ и самъ шелъ за четверть версты съ столь же важными приказаніями и тутъ же билъ палкой одного, а другому клалъ рубль въ карманъ.

Павловскъ—открытое село, но онъ поставилъ стражу для записи всѣхъ прибывающихъ и отбывающихъ, при чемъ ихъ опрашивали, куда, откуда и зачѣмъ они явились. По вечерамъ осматривались всѣ дома—нѣтъ ли тамъ иностранцевъ. Людей въ круглыхъ шляпахъ и съ собаками задерживали. Раньше Па-

---

[1]) Онъ очень измѣнился, или, вѣрнѣе, теперь онъ рѣшается показываться въ своемъ истинномъ видѣ. Одинъ несчастный солдатъ, наказанный палками по приказанію Павла за маленькую служебную провинность, изнемогая отъ боли, воскликнулъ: «Охъ! проклятая лысая голова! Охъ! проклятая лысая голова!» Взбѣшенный самодержецъ приказалъ засѣчь его на смерть и издалъ указъ, запрещавшій, подъ страхомъ такого же наказанія, употреблять эпитеты лысый о головѣ и курносый о носѣ. Очевидно, онъ читалъ, какъ святой пророкъ отдалъ сорокъ два ребенка на растерзаніе медвѣдямъ за такое же оскорбленіе: а голова Павла стоитъ, конечно, головы Елисея. *Авт.*

вловскъ любили посѣщать изъ-за краснваго мѣстоположенія, теперь онъ опустѣлъ: его старательно обходили. Завидѣвъ Павла издали, всякій спѣшилъ скрыться, но это только возбуждало въ немъ досаду и подозрительность, и онъ посылалъ догнать и допросить скрывшагося.

Однажды онъ посадилъ подъ арестъ всѣхъ офицеровъ своего батальона за то, что они плохо отсалютовали ему эспонтонами, проходя церемоніальнымъ маршемъ послѣ ученья. Восемь дней заставилъ онъ ихъ продѣлывать то же самое, отправляя послѣ церемоніи въ кордегардію, пока не добился салюта, соотвѣтственнаго его фантазіи.

Разъ на ученіи кирасирскаго полка подъ однимъ офицеромъ упала лошадь. Павелъ въ ярости бросился къ нему:—Вставай, несчастный!—Государь, я не могу, у меня сломана нога. —Павелъ плюнулъ на него и удалился съ проклятьями.

Однажды онъ неожиданно проходилъ передъ кордегардіей. Дежурный офицеръ, не знавшій его въ лицо, не вызвалъ людей. Павелъ вернулся, далъ офицеру пощечину и велѣлъ посадить его подъ арестъ, отобравъ шпагу.

Дорога изъ Царскаго Села въ Гатчину идетъ болотистымъ лѣсомъ. Въ одну изъ поѣздокъ Павелъ, вдругъ что-то вспомнивъ, приказалъ кучеру повернуть назадъ. *Кучеръ*: Минутку, государь, дорога здѣсь слишкомъ узка. *Павелъ*: Какъ! Ты смѣешь не поворачивать, бездѣльникъ? Вмѣсто отвѣта кучеръ гонитъ лошадей, чтобы добраться до мѣста, гдѣ можно повернуть, но Павелъ бросается къ дверцѣ, зоветъ берейтора, приказываетъ остановить немедленно и тутъ же наказать непокорнаго кучера. Берейторъ увѣряетъ, что сейчасъ повернутъ. Съ пѣной у рта Павелъ набрасывается на берейтора: «Ты такой же негодяй, какъ и онъ, пусть онъ опрокинетъ, пусть свернетъ мнѣ шею, но пусть слушается и поворачиваетъ, когда я приказываю». Въ это время кучеру удалось повернуть, но Павелъ все же приказалъ немедленно его отколотить.

Во время одной прогулки подъ нимъ споткнулась лошадь: онъ велѣлъ своему берейтору Маркову уморить ее голодомъ. На восьмой день Марковъ доложилъ, что она околѣла. «Хорошо», сказалъ Павелъ. Послѣ его восшествія на престолъ лошадь споткнулась подъ нимъ на одной изъ улицъ Петербурга: онъ тутъ же составилъ судъ изъ берейторовъ; лошадь приговорили къ пятидесяти ударамъ хлыста. Павелъ велѣлъ привести приговоръ въ исполненіе въ присутствіи всего народа и самъ считалъ удары, приговаривая: «Это за проступокъ противъ императора»...

Какъ то въ саду онъ увидалъ, что какой-то человѣкъ въ кругъ-

лой шляпѣ избѣгаетъ его: онъ велѣлъ привести его къ себѣ, оказалось, что это часовщикъ, приходившій заводить его часы. Прочтя ему наставленіе о неприличіи круглыхъ шляпъ, Павелъ попросилъ у жены нѣсколько булавокъ и собственноручно загнулъ поля шляпы, сдѣлавъ изъ нея уродливый уборъ, который и надѣлъ на голову ея обладателя.

Среди всей этой массы чудачествъ у него проявлялись черты человѣчности. Пенсіи несчастнымъ, больницы для солдатъ, раздачи мяса бѣднымъ офицерамъ и другіе добрые и справедливые поступки показываютъ, что онъ былъ скорѣе своенравный, чѣмъ злой человѣкъ.

Пер. *П. Степановой.*

Вновь открытая записка А. Н. Радищева о законодательствѣ.

Во всѣхъ біографіяхъ А. Н. Радищева приводится, на основаній показаній младшаго сына его Павла и сослуживца по комиссіи о составленіи законовъ Н. Ильинскаго, что, по назначеніи его въ августѣ 1801 г. членомъ упомянутой комиссіи, онъ представилъ ей «общій проектъ о необходимости законодательныхъ преобразованій» и даже составилъ «проектъ гражданскаго уложенія», при чемъ, придерживаясь свѣдѣній Павла Радищева, даютъ характеристику мнѣній А. Н. Радищева, выраженныхъ въ проектѣ. Но еще академикъ М. Сухомлиновъ, тщательно обслѣдовавшій по архивнымъ документамъ дѣятельность его въ комиссіи, пришелъ къ заключенію, что «извѣстія, въ чемъ выражалась дѣятельность Радищева въ законодательной комиссіи, весьма неопредѣленны и сбивчивы, они составились большею частію по слухамъ, которые требуютъ подтвержденія, а потому и не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными источниками» [1]). О результатѣ же своихъ поисковъ упомянутаго проекта Сухомлиновъ говоритъ: «всѣ поиски наши въ архивѣ бывшей комиссіи о составленіи законовъ оказались напрасными: намъ не удалось найти не только самаго проекта, но и какихъ бы то ни было слѣдовъ его. Ближайшее же знакомство съ ходомъ дѣлъ, общепринятымъ въ комиссіи, еще болѣе заставляетъ сомнѣваться въ существованіи проекта, представляющаго обработанное, стройное цѣлое» [2]). Дѣйствительно, просмотрѣвъ журналы комиссіи за время присутствованія Радищева въ засѣданіяхъ ея (съ

---

[1]) *М. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русск. лит. и просвѣщенію, т. I, стр. 616. СПб. 1889 г.

[2]) Тамъ же стр. 620.

13 августа 1801 по 1 сентября 1802 г.), встрѣчаешь иногда въ нихъ рѣшенія по хозяйственно-распорядительной части, о существѣ же законодательныхъ трудовъ членовъ почти ничего не упоминается, и каждый журналъ, послѣ отмѣтки даты засѣданій и поименованія членовъ, прибывшихъ въ присутствіе, заканчивается лапидарной фразой: «упражнялись въ исправленіи порученнаго имъ дѣла».

Такимъ образомъ тщательная провѣрка вышеприведенныхъ данныхъ, какъ о содержаніи проекта, такъ и рѣшеніе вопроса о самомъ его существованіи ставятся въ зависимость исключительно отъ нахожденія такихъ документовъ, которыми устранялись бы порожденныя сомнѣнія въ этомъ отношеніи [1]).

Печатаемая ниже записка А. Н. Радищева о законоположеніи, вноситъ много новаго въ это дѣло и даетъ возможность судить о взглядѣ его на задачи комиссіи въ дѣлѣ усовершенствованія законовъ, такъ какъ, по его мнѣнію, въ Россіи существовали «многія причины, побуждающія къ перемѣнѣ законовъ», и указываетъ путь, слѣдуя которымъ можно было бы «сдѣлать въ законоположеніи нашего отечества великую перемѣну», воздвигнувъ «законъ для всѣхъ единый, въ дѣйствіяхъ своихъ неминуемый, въ изреченіяхъ неумолимый, который обнажитъ всѣмъ начальную цѣль общества и незыблемо водрузится въ сердца всѣхъ гражданъ». Доказывая своевременность и необходимость дать народу новое уложеніе, А. Н. Радищевъ предназначалъ свою записку для комиссіи: «я за нужное и необходимое, говорилъ онъ, почитаю имѣть въ комиссіи для ея соображенія о ея будущихъ постановленіяхъ изъ всѣхъ губерній, изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ вѣдомости», т.-е. статистическо-экономическія данныя, почерпнутыя изъ современной судебно-административной и финансовой практики, такъ какъ только отправляясь отъ этихъ данныхъ и соображаясь съ результатами дѣйствій правительственнаго механизма европейскихъ государствъ законосоставители могли бы дать народу уложеніе, «основанное на истинныхъ, непреложныхъ понятіяхъ о всѣхъ предлогахъ общественныхъ, сообразное умоначертанію общему, не уважая больше древнихъ вредныхъ предразсужденій». Была ли представлена эта записка въ комиссію—слѣдовъ этого въ дѣлопроизводствѣ комиссіи не оказалось [2]).

---

[1]) М. М. Сухомлиновъ съ исчерпывающей полнотой въ своей монографіи о А. Н. Радищевѣ свелъ существующія въ литературѣ свѣдѣнія поэтому вопросу и далъ имъ критическую оцѣнку. Ср. т. I, стр. 541—671 назван. изслѣд. его.

[2]) Намекъ на знакомство съ содержаніемъ записки одного изъ членовъ ком. Ильинскаго находится въ его запискахъ: Радищевъ «написалъ комиссіи такое мнѣніе, что она должна... для составленія лучшихъ и твер-

Хотя записка не подписана А. Н. Радищевымъ и текстъ ея написанъ не его рукою, но принадлежность ея ему несомнѣнна и установляется какъ данными содержащимися въ запискѣ о его авторствѣ, такъ и сдѣланными его характернымъ почеркомъ вставками пропущенныхъ въ рукописи словъ, не прочитанныхъ переписчикомъ ея. Экземпляръ записки, находящійся у меня, представляетъ изъ себя, повидимому, окончательно установленный текстъ ея, потому что въ рукописи нѣтъ ни стиллистическихъ поправокъ, ни дополненій изложенія; но она также не является и набѣло переписаннымъ экземпляромъ, такъ какъ рядъ статей, цитированныхъ въ ней изъ Наказа Екатерины II, обозначенъ только нумерами, съ отрывками текста ихъ, и многоточіями, какъ бы для памяти при изложеніи. Особенность рукописи—это почти полное отсутствіе знаковъ препинанія, кромѣ точекъ, и то—предъ абзацами, вслѣдствіе этого при точномъ воспроизведеніи текста ея, употреблена общепринятая пунктуація [1]).

Алексѣй Попельницкій.

О законоположеніи. А. Н. Радищева.

Ежели то истина, доказательствъ не требующая, что законъ постановляется для того, чтобы гражданинъ, въ обществѣ живущій, вѣдалъ въ чемъ состоятъ его права и обязанности, чтобы зналъ, что есть дозволено и запрещено; если то истина, что законъ въ гражданскомъ обществѣ служитъ, такъ сказать, знакомъ, показующимъ стезю шествія правильнаго, и маякомъ, знаменующимъ дѣянія опасныя, которыхъ въ общежитіи удаляться должно: то не меньше того истинно и справедливо, что законъ не удобенъ всегда охранять права каждаго отъ притязанія ухищренныхъ доводовъ и отъ насилія постороняго; не можетъ всегда воспретить, чтобъ человѣкъ не покусился на неправду, чтобы не впадалъ въ преступленіе. Сколь ни тягостно для человѣколюбиваго законоположника установлять казни, и нарицать иногда

дыхъ законовъ требовать не только о производствѣ дѣлъ отчета, но и о всѣхъ приходахъ и расходахъ казенныхъ». (*Русскій Архивъ*, 1879 г. № 12 стр. 146).

[1]) Вотъ описаніе рукописи: она состоитъ изъ 32 полулистовъ, писанныхъ четкимъ почеркомъ съ характернымъ изображеніемъ нѣкоторыхъ буквъ, обычнымъ въ рукописяхъ начала прошлаго вѣка; бумага имѣетъ водяные знаки: на одной сторонѣ листа—заключенные въ овалѣ, въ видѣ палисадника, фигуры—человѣка, держащаго вверхъ трость съ шляпой на ней, и льва въ коронѣ, стоящаго на заднихъ лапахъ впереди человѣка, и держащаго въ переднихъ лапахъ мечъ и пукъ стрѣлъ. Подъ этими фигурами стоитъ: Pro patria, а подъ фигурами—буквы А. О.; на другой сторонѣ листа стоятъ буквы: F. A. O.—Съ такими водяными знаками встрѣчается бумага въ дѣлахъ комиссіи сост. законовъ въ 1801—1802 гг.

преступленіемъ то, что̀ само по себѣ есть ни зло, ни благо, то, что дозволялъ бы законъ естественный; но то успокоитъ его любящее сердце, что казнь законная не есть иное что, какъ ограда правъ общихъ и частныхъ, и оплотъ, постановленный противъ пороковъ, все растлѣвающихъ, противъ неистовства нарушившаго, противъ буйства, все испровергающаго, противъ неправды, злобы и пагубныхъ ихъ слѣдствій, противъ злодѣйствъ и преступленія.

Сколь законы ни мудры, сколь они не ясны въ показаніи правъ общихъ и правъ личныхъ, сколь они ни предварительны въ преступленіяхъ, сколь дѣйствіе ихъ ни раздѣльно и неминуемо, но время, перемѣна въ обычаяхъ и нравахъ, въ образѣ мыслей, проистекающая отъ просвѣщенія или загрубѣлости, а паче всего человѣческія страсти дѣлаютъ мудрость ихъ напрасною; умствованіе и ябеда затмѣваютъ ихъ истинный смыслъ, наглость и ухищреніе претятъ ихъ дѣйствительности, и, давъ имъ ложный толкъ, смѣются тщетной ихъ угрозѣ; и такъ законы становятся обветшалыми, дѣятельность ихъ мертвѣетъ, правда и обязанности становятся ненадежными. Прежніе и законные обязанности исчезаютъ, возрождаются новые и закону неизвѣстныя, преступленія теряютъ гнусный свой видъ, да не прикроются личиною благонравія; превратность мыслей и страстей буйство произведутъ преступленія во всемъ новыя, въ законѣ неизвѣстныя, ему не подлежащія, и казнь ударять будетъ тщетно, или, что еще пагубнѣе, закону дадутъ истолкованіе, вмѣсто литеральнаго его къ дѣяніямъ присвоенія, и невинность восплачетъ. Время и ту еще въ законахъ производитъ перемѣну и дѣлаетъ дѣйствіе законовъ тщетными, что при изданіи оныхъ нѣкоторые недозволенныя дѣянія были рѣдки, для общаго спокойствія мало опасны; и казнь за нихъ опредѣленная была хотя легка, но достаточна, ибо была неминуема. Въ продолженіи же столѣтій тѣ же самыя дѣянія становятся часты, стремительны, и мечь правосудія, на нихъ исторгнувшійся, видя ихъ общимъ мнѣніемъ одобренныя, цѣпенѣетъ, не смѣя наказывать того, кого всѣ одобряютъ.

Сіи то суть, какъ и многія другія истинныя причины, для которыхъ всегда и вездѣ нужно было исправленіе законовъ обветшалыхъ, изданіе новыхъ и уничтоженіе прежнихъ. Но когда разумъ любомудрія, сопровождаемый свѣтильниками наукъ, дѣйствіе свое благотворное простеръ посреди народнаго общества, и даже на самыхъ правителей народовъ; если всѣ начинаютъ заботиться о благѣ общественномъ, если начинаютъ постигать основаніе своихъ правъ и обязанностей; когда лучшія о всѣхъ

вещахъ начинаютъ имѣть понятія,—тогда настаетъ благопоспѣшный часъ дать народу новое уложеніе, основанное на истинныхъ и непреложныхъ понятіяхъ о всѣхъ предлогахъ общественныхъ, сообразное умоначертанію общему, не уважая больше древнихъ вредныхъ предразсужденій, коимъ одна поноровка [1]) произведетъ то пагубное слѣдствіе, что препнетъ шествіе ко блаженству на цѣлыя столѣтія и благоденствіе народное возвержетъ опять далеко отъ истинной его цѣли.

Но законодатель мудрый, не убояся препятствій и трудностей отъ частныхъ людей, неистовыхъ самолюбимцевъ, презривъ негодованія нѣкоторыхъ для пользы милліоновъ, сокрушитъ неясности прежнихъ узаконеній, низвергнетъ ненависть чиносостоянія раздѣляющія, воздвигнетъ законъ для всѣхъ единый, въ дѣйствіи своемъ, неминуемый, въ изреченіяхъ неумолимый, который обнажитъ всѣмъ начальную цѣль общества и незыблемъ водрузится въ сердца всѣхъ согражданъ. Тогда родится общая безопасность, престолъ правителей народныхъ будетъ непоколебимъ, и блаженство народное не будетъ задачею, отдаваемою на рѣшеніе однихъ только любителей человѣчества.

Не входя въ подробное изслѣдованіе причинъ, побуждающихъ о перемѣнѣ законовъ въ какомъ-либо государствѣ, мы почитаемъ, что нынѣ въ Россіи существуютъ многія таковыя причины, и что настоитъ череда сдѣлать въ законоположеніи отечества нашего великую перемѣну.

Не успѣлъ Петръ I-й ввести въ Россію новые обычаи и обряды, не успѣлъ распространить сношеній государства своего съ Европою, какъ почувствовалъ нужду перемѣнить многое въ прежнихъ законоположеніяхъ; но не сдѣлалъ общаго плана всему законоположенію, коего части были бы въ надлежащей соразмѣрности, подкрѣпляли бы одна другую, освѣщались бы взаимнымъ свѣтомъ и стремились бы всѣ къ цѣли единой. По сей то причинѣ и случилося, что издаваемыя при немъ указы надѣлены были ко произведенію перемѣнъ въ устроеніи различныхъ частей, нежели были части нѣкоего уложенія, на извѣстныхъ правилахъ основаннаго. Тоже должно сказать и о послѣдующихъ правленіяхъ; если иногда видна цѣль ихъ правленія и образъ ихъ мыслей, въ отношеніи средствъ къ управленію государствомъ употребляемыхъ, но правила ихъ законодательства всегда были падки [2]) и не надежны, или же сами по себѣ противорѣчущи. Писателю россійской исторіи въ семъ отношеніи обильная предлежать будетъ жатва.

---

[1]) Поноровка—потачка, поблажка, попущеніе. (По Далю). *А. П.*

[2]) Въ рукописи: «*патки*»; не описка ли — вмѣсто шатки? *А. П.*

Наконецъ воцарилась императрица Екатерина II; она вступила на престолъ, когда уже Фридрихъ II въ Пруссіи давалъ властителямъ примѣры какъ на тронѣ воцарять любомудріе, когда уже Монтескію издавалъ свое о законахъ безсмертное сочиненіе, когда уже писалъ Беккарія, когда Блекстонъ больше извѣстными [1]) сдѣлалъ въ Европѣ законоположенія своего отечества, когда Волтеръ проповѣдывалъ терпимость до безголосицы, бичь гоненія воздвигъ на суевѣріе и пустосвятство преслѣдующимъ оружіемъ насмѣшки, и языкъ его, яко бритва изощренныхъ, сокрушалъ сіи бренныя изступленія,—она, уразумѣвъ колико нужно сообразовать законы съ общимъ народнымъ умоначертаніемъ,—которое въ Россіи со временъ Соборнаго Уложенія во всемъ перемѣнилося, которое современъ Петра I, а паче современъ Елизаветы, взяло уже видъ совсѣмъ новый, а съ начала ея царствованія начинало входить въ стезю общаго умоначертанія Европы,—Императрица Екатерина вознамѣрилась положить основаніе россійскому государству, воздвигнувъ власть верховную на законѣ непреложномъ и всѣмъ извѣстномъ. Основавъ законы гражданскіе на лучшемъ понятіи первыхъ правъ положительныхъ и правъ естественныхъ, основавъ законы уголовные на истинной соразмѣрности преступленій со вредомъ, наносимымъ оными обществу и казнію, ему свойственному, умягчая оную елико возможно, основавъ судопроизводство на разсужденіяхъ измѣняющихъ [2]),—Императрица Екатерина II-я начертала Наказъ свой о сочиненіи новаго уложенія и призвала для составленія онаго депутатовъ изо всѣхъ губерній обширныя Россіи и ото всѣхъ племенъ и чиносостояній. Хотя Наказъ ея не что иное есть, какъ извлеченіе, нерѣдко слово въ слово, изъ лучшихъ тогдашняго времени о законодательствѣ сочиненій, хотя онъ многіе имѣетъ недостатки, что во многихъ мѣстахъ неясенъ, такъ какъ и многія узаконенія ея времени; или лучше сказать, законодательница сія мудрая не хотѣла объявить полную мысль свою, оставила многое на догадку, или предоставляя себѣ право дѣлать толкованія по произволу. Однакожъ, къ великой чести ея послужитъ на дальнее потомство, что она въ Наказѣ своемъ освятила правила обществъ непреложныя, цѣль оныхъ, и намѣреніе обнаружила и хотѣла царствовать надъ обществомъ, управлять народомъ блаженнымъ, или лучше сказать, дать ему управляться самому собою, оставляя себѣ одно верховное всего надзираніе. Если въ Наказѣ суть многія мнѣнія ложныя, но [3])

---

[1]) Въ рукописи: «*цвѣтными*»,—очевидная описка. *А. П.*
[2]) Измѣняющихся? *А. П.*
[3]) То? *А. П.*

онѣ не что иное, какъ жертва общему почти мнѣнію тогдашняго времени, а наипаче—жертва славѣ автору книги о разумѣ законовъ; если въ теченіе своего долговременнаго царствованія, а особливо при концѣ онаго, она отступила отъ многихъ своихъ правилъ, то была, можетъ быть, разстроена въ оныхъ внѣшними и внутренними смутностями, и наконецъ, платила долгъ природѣ при долговременномъ ея правленіи. И кто отъ смертныхъ въ теченіе жизни своей могъ быть всегда одинаковъ? Людовигъ XIV по смерти Мазарина, вопрошающимъ—въ кому должно будетъ впредь относиться въ дѣлахъ государственныхъ, отвѣтствуетъ и *ко мнѣ*,—не тотъ Людвигъ, который подписалъ на лонѣ суевѣрныя *Ментеноны* уничтоженіе *Нантскаго положенія*; Фридрихъ II, коего любомудренный разумъ приводилъ къ цѣпенѣніе ласкателей и наушниковъ, не тотъ былъ Фридрихъ, который послѣ былъ куклою, двигаемою пружинами грубаго *Ангальта*, и который внималъ разсказамъ *Амаліи*; Фридрихъ, обнажившій въ дѣлѣ мельника Арнольда упрямство преступное, не тотъ для [1]) былъ Фридрихъ, который поставивъ Кокцея канцлеромъ, велѣлъ ему удушить, такъ сказать, гидру ябеды изданіемъ новаго уложенія и сокращеніемъ обряда судопроизводственнаго, назначивъ онымъ срокъ кратчайшій, срокъ однолѣтній. Но при концѣ дней своихъ онъ воспрянулъ еще и былъ тотъ же, какъ прежде, когда по повелѣнію его Кармеръ призывалъ всѣхъ прусскихъ подданныхъ законоучителей отъ всѣхъ языковъ и всѣхъ безъ изъятія на совѣтованіе о издаваемомъ второмъ фридриховомъ уложеніи.

Такова есть участь человѣка быть подвержену перемѣнамъ, есть уставъ непреложный въ мірѣ вещественномъ и нравственномъ. Итакъ, императрица Екатерина, издавъ Наказъ о сочиненіи новаго уложенія, издала многія только частныя узаконенія, но дѣло главное и основное всему оставила недовершеннымъ.

Со времени изданія онаго Наказа до нынѣ текущаго столѣтія прошло болѣе 35 лѣтъ, или время цѣлаго поколѣнія, и народъ россійскій и родъ человѣческій перемѣнился въ томъ, что живутъ теперь люди не тѣ, которые жили тогда; Россія въ сіе время много образовалась, и многія видѣли мы перемѣны; общее умоначертаніе образовалось во многомъ по законамъ Екатерины II; во многомъ оно клонитъ и нагибаетъ во стезю свою самые законы и власть, дѣйствіе ихъ нерѣдко бываютъ тщетны, хотя начало законополученія не во мглѣ временъ скрыто.

---

[1]) Такъ въ рукописи. Вѣроятно «для общества». *А. П.*

Судить о томъ, поколику дѣянія гражданъ идутъ стезею закона или отъ нее устремляются, и поколику общее мнѣніе даетъ законамъ другой оборотъ и дѣйствіе ихъ дѣлаетъ тщетнымъ,—ничто толико не удобно, какъ картина тѣхъ дѣяній, которыя сдѣланы гласными, которыя подлежали законному изслѣдованію и разсмотрѣнію и надъ которыми испытывало свои силы остроуміе судей при постановленіи рѣшеній. Изъ судопроизводствій можно дѣлать неложныя и прямыя заключенія: 1) какія права въ обществѣ бываютъ чаще другихъ нарушены; 2) какія къ нарушеніямъ бываютъ побужденія и причины; 3) сіи причины и побужденія основываются ли на всегдашнемъ и общемъ умоначертаніи, на обычаяхъ, правахъ и постановленіяхъ; или корень свой влекутъ изъ проходящихъ обстоятельствъ, отъ нечаянности, отъ худого или ложнаго о вещахъ понятія, вслѣдствіе сего сіи причины суть всегдашни и общи, или временныя и частныя; 4) какъ ухищреніе старается избѣгнуть дѣйствіе закона, или какъ ябеда тщится дать дѣянію противозаконному или преступному иной видъ; 5) для чего безхитренность и невинность иногда видъ имѣютъ злонамѣренія и преступленія, и для чего они иногда страждутъ не важною-ли [1]) въ томъ самые законы? ихъ неясность или неточность ихъ или же превратное къ дѣяніямъ приложеніе; 7) когда, гдѣ и для чего преступленіе идетъ, смѣло имѣя видъ бодрый и наглую осанку; 8) почто оно не получаетъ должнаго возмездія, казнь законами опредѣленную; 9) почто между преступленія и наказанія великое бываетъ разстояніе и не для того-ли дѣйствіе казни не благо? 10) почто дѣла уголовныя неокончиваются иногда въ три, четыре, пять, а можетъ быть, и въ десятъ лѣтъ, а гражданскія продолжаются больше половины столѣтія или черезъ два почти человѣческія поколѣнія. Тутъ явны могутъ быть и обнаружатся: дѣятельность, остроуміе, безкорыстіе, честность, безпристрастіе, человѣколюбіе и добродѣтель, или—нерадѣніе, злоупотребленіе, гнусность видовъ и намѣреній, скрытое или явное мздоимство, лицепріятіе, поноровка, невѣжество и глупость судей судящихъ. Тутъ исторгается изъ груди нашей вздохъ печали, видя одного добродѣтельнаго судью или градоначальника среди толпы безпутной, мздоимной, неистовой и ухитренной, стенящаго подъ званіемъ своимъ, зане гласъ его въ судѣ звенитъ безплодно и утщетится его благонамѣреніе. Тутъ же на вѣждяхъ нашихъ появится еще радостно блестящая [2]), видя повсюду судей, судящихъ въ правду, безъ лицепріятія, безъ нарушенія данной клятвы, во имя судіи предвѣчнаго.

---

[1]) Въ рукописи пропущено слово—причиною. *А. П.*
[2]) Повидимому, пропущено слово—слеза. *А. П.*

Обширнѣйшія изъ судебныхъ дѣяній можно почерпнуть мысли для будущаго законоположенія, ибо соображая бывшее за многіе годы съ тѣмъ, что бываетъ нынѣ, соображая одинаковыя происшествія бывшія въ разныя времена, разныя объ одинаковыхъ происшествіяхъ сужденія и различное приложеніе закона можно вѣрнѣйшимъ образомъ познать, что закону давало силу, или его послабляло дѣйствіе, а потому можно законъ недостаточный пополнить, или бездѣйствительный отмѣнить вовсе, или дать ему новое направленіе и новую силу, предписать или уничтожить, облегчить или усугубить казнь за преступленіе помѣрѣ случающагося и бывающаго рѣже или чаще.

Правило всякаго законоположенія, правило, долженствующее почитаться всегда аксіомою есть: что лучше предупреждать преступленія, нежели оныя наказывать. Верховная власть многія имѣетъ средства направлять дѣянія гражданъ въ стезю закона, и всѣ онѣ могутъ быть предметомъ общаго законоположенія. Средства сіи суть: 1-е) *воспретительныя*) 2-е) *побуждающія*, 3-е) *предупреждающія*. Воспретительныя средства суть положенныя въ законѣ наказанія, побудительныя—суть награжденія разнаго рода, и хотя многія вездѣ находятся о награжденіяхъ постановленія, но нигдѣ еще нѣтъ о семъ уложенія систематическаго; предупредительныя средства, исключая нѣкоторыя, относятся наипаче къ средствамъ охранительнымъ, какъ-то суть: учрежденія полицейскія, и къ постановленіямъ, касающимся или до воспитанія народнаго вообще, или до учрежденныхъ училищъ и пособій къ учености, или—до постановленій, опредѣляющихъ общія мнѣнія.

Имѣя предъ собою судопроисшествія разныхъ годовъ и разныхъ областей обширной Россіи видно и ясно видно будетъ: какія были побужденія къ содѣянному преступленію или къ начатой тяжбѣ—недостатокъ ли въ ученіи, худое ли воспитаніе, или невѣжество, или какое общее или частное мнѣніе, или какое особое о вещахъ понятіе, или небреженіе постановленій полицейскихъ, или страсти и пороки. Видя источники тяжбы и преступленія тому и другому найти иногда возможно будетъ преграду, и что лучше: держать всегда подъятый мечь для казни преступныхъ дѣяній, или самыя дѣянія преобразить, зиждительнымъ образомъ сдѣлать ихъ невинными, не давая имъ возродиться.

И такъ я за нужное и необходимое почитаю имѣть въ комиссіи для ея соображенія и будущихъ постановленіяхъ изъ всѣхъ губерній изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ слѣдующія вѣдомости:

1) Вѣдомость о преступленіяхъ уголовныхъ; сіи вѣдомости нужно имѣть изъ всѣхъ губерній для того, что уголовные законы во всѣхъ краяхъ Россіи суть почти одни, а образъ мыслей, нравы и обычаи суть различны, потому что народы, Россію поселяющіе, суть разнаго происхожденія, разныхъ исповѣданій и разнымъ говорятъ языкомъ, что законы и гражданскія постановленія суть не одинаковы; для того и побужденія къ преступленіямъ и дѣйствительное оныхъ произведеніе будетъ различно, и мало размышляющему уже можетъ быть понятно, сколь много законы гражданскіе соразмѣрять должны законы уголовные, и что въ нихъ лежитъ предупрежденіе преступленій или къ онымъ поводъ.

Сіи вѣдомости должны заключать въ себѣ: 1) произшествіе или описаніе какъ совершалося преступное дѣло; 2) какое было побужденіе или какая причина къ совершенію дѣянія; 3) какія употреблены были средства къ обнаруженію истины; 4) какія были доказательства, что преступленіе было совершено; 5) какимъ закономъ руководствовались судьи въ рѣшеніи дѣла, т.-е, то ли сіе происшествіе именно, которое въ законѣ означено; 6) какое положено было преступнику наказаніе.

Вѣдомости сіи нужно раздѣлить на три эпохи: 1-я съ 1700 г. до вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы; въ сіе время была въ употребленіи смертная казнь, то видно будетъ дѣйствіе ее на нравы, и, сравнивая тогдашнее время съ послѣдующимъ, можно опредѣлить или совершенное ея уничтоженіе, или вопросомъ должно быть еще въ россійскомъ законоученіи—должна ли она быть когда-либо наказаніемъ законнымъ. Сей вопросъ поистинѣ сдѣлать еще можно, ибо онъ не рѣшенъ еще допряма нигдѣ, ни даже въ самой Россіи, гдѣ Елисавета, восшедъ на престолъ, клялась не лить крови россійской, но гдѣ впослѣдствіи мы видѣли еще казнь смертную.

Вторая эпоха заключаетъ въ себѣ достопамятное въ отношеніи казней царствованіе императрицы Елисаветы, когда съ одной стороны существовали таїная канцелярія и весьма инквизиціонный обрядъ и пытка, а съ другой—уничтожена была казнь смертная.

3-я эпоха со времени кончины императрицы Елисаветы до кончины императрицы Екатерины II. 4-я эпоха со дня ея кончины до 1802 года [1]).

Вѣдомости о дѣлахъ уголовныхъ, раздѣляя по годамъ, раздѣлить также должно по родамъ преступленій на многія статьи,

---

[1]) Вмѣсто 3-хъ эпохъ обозначены четыре, какъ въ рукописи. *А. П.*

и имѣнію—на столько, сколько законъ почитаетъ быть дѣяній преступныхъ, напримѣръ: о убійствахъ, о разбояхъ, о воровствахъ разнаго рода и другихъ преступленіяхъ противъ имѣній, о преступленіяхъ противъ благочинія или полиціи, противъ торговли, о насиліяхъ, о предательствахъ, о оскорбленіи величества, о преступленіяхъ противъ вещей священныхъ, богохуленіе, дѣланіе монеты, похищеніе казеннаго [1]).

Особою статьею должно показать преступленія судей или градоначальниковъ, по званію ихъ относящіяся исключенія тѣхъ дѣяній, которыя означены выше. И сія есть одна изъ важнѣйшихъ [2]), ибо сего рода преступленіе тягчитъ всегда жребій гражданъ; въ Россіи зло сіе обширный и глубокій пустило корень; сіе извѣстно всѣмъ, но преступленія таковыя изъ нихъ рѣдко становятся гласны, по крайней мѣрѣ, въ соразмѣрности ихъ повсемѣстности.

Слѣдующія суть противозаконныя дѣянія судей или чиновниковъ въ исполненіи ихъ званія: 1) превратное приложеніе и истолкованіе законовъ, ухищренный и злонамѣренный подборъ въ дѣлахъ, ябеда. Изъ вѣдомостей сихъ можно бы судить о умоначертаніи общемъ, но вѣроятно, что мало и очень мало таковыхъ преступленій бываютъ гласны. 2) Оттяжка, остановка, проволочка; сіе зло столь повсемѣстно, что оно въ преступленіе въ общемъ мнѣніи не вмѣняется. 3) Лицепріятіе, поноровка: кажется, что было бы особливое и необычайное нравственнаго міра явленія, если бы кто подалъ искъ на судію и доказалъ бы, что онъ виновенъ въ лицепріятіи, поноровку сдѣлалъ сильною [3]) и обвинилъ немощнаго. 4) Мздоимство; оно иногда бываетъ гласно, а изъ примѣровъ всѣмъ извѣстныхъ можно почерпнуть правило, что для сужденія о честности, находящихся въ службѣ государственной, нужно имѣть аттестаты другого рода, нежели бываютъ обыкновенные, и что должно думать, когда въ послужныхъ спискахъ стоитъ: въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ и проч.... 5) Злоупотребленіе власти; оно почти повсемѣстно, и виновны въ томъ чаще всѣхъ бываютъ тѣ, которымъ поручается законовъ исполненіе и наблюденіе благочинія градскаго и сельскаго и начальствующіе въ правительствахъ; оно часто становится гласно, бываетъ наказуемо примѣрно, но столь общее, что невѣроятно, чтобы скоро можно было оное истребить.

Сего рода вѣдомости хотя и покажутъ многое, но еще бы больше

---

[1]) Засимъ въ рукописи слѣдуетъ непонятное изложеніе: «преступленія по оныхъ поступковъ и генерально столько статей, сколько назначено въ законахъ преступленія». *А. П.*

[2]) Пропускъ слова: статей. *А. П.*

[3]) Сильному? *А. П.*

можно узнать, если бы сыскался или житель столицы, или житель въ губерніи, или путешествователь, довольно имѣющій твердости духа, любящій отечество и правду, а сверхъ того находяся въ независимости въ своей особенности [1]), не имѣлъ нужды бояться прослыть клеветникомъ злорѣчивымъ и бояться мщенія сильныхъ, сдѣлалъ бы картину преступающихъ въ злоупотребленіи власти.

Мы скажемъ здѣсь нѣчто о причинахъ, способствовавшихъ вкорененію сего зла: 1) перемѣщеніе очень частое начальниковъ военныхъ въ званіе гражданское; привыкнувъ къ непрекословному повиновенію, столь нужному въ служеніи воинскомъ, таковые люди вездѣ видятъ строй и маршъ; ничего нѣтъ, кажется, смѣшнѣе, какъ видѣть градоначальника, дѣла своего званія отправляющаго ордерами, и кто знаетъ, сколь много дѣла человѣческія зависятъ отъ связи мыслей, тотъ понять можетъ, какія должно въ семъ случаѣ сдѣлать перемѣны. 2) Вообще великое мнѣніе о чинахъ, и мимоходомъ скажемъ, что табель о рангахъ съ нынѣшнимъ образомъ мыслей весьма не сходствуетъ, и разстояніе большое одного начальника отъ другихъ. Сіе больше чувствительно въ губерніяхъ, и зависимость, въ которой всѣ служащіе въ одномъ мѣстѣ, или многіе находятся отъ одного въ разсужденіи одобренія и полученія чиновъ; отчего происходитъ, что всѣ, угождая одному, въ разумъ стѣсненный, въ сжатую [2]) голову вселяютъ великое о себѣ мнѣніе. Извѣстно довольно, сколько названіе Государевъ намѣстникъ произвело смѣшныхъ дѣяній и сколько головъ вскружило; мнѣ кажется, что хорошо было бы возобновить древнихъ персовъ обыкновеніе, гдѣ каждый день приходили напоминать царю, что онъ есть смертный; не худо бы сіе установить для всѣхъ вообще гражданскихъ начальниковъ. Сколь обыкновеніе сіе смѣшно ни кажется, одно изреченіе, что губернаторъ есть хозяинъ въ своей губерніи много дѣлаетъ бѣдъ.

Положеніе генеральнаго регламента, которое хорошо было во времена Петра I, когда нужно было учиться вѣжливости и какъ привѣтствовать приходящему гостя, но нынѣ оно требуетъ перемѣны; штатное положеніе всѣхъ правительствъ, гдѣ разность чиновъ столь велика; кто не знаетъ сколь мало можетъ ассесоръ противъ предсѣдателя, и сколь рѣдко младшій членъ смѣетъ противорѣчить старшему, а что еще того рѣже, что въ случаѣ противорѣчія главный членъ не осердится на младшаго.

---

[1]) Послѣ этого слова стоитъ знакъ (.) для примѣчанія, котораго нѣтъ въ рукописи. *А. П.*

[2]) Въ рукописи: жатую. *А. П.*

Если бы всѣ члены были равны и одинъ предсѣдательствовалъ по очереди, то мнѣнія были бы гораздо свободнѣе.

Императрица Екатерина II въ Наказѣ своемъ, въ статьѣ 243 говоритъ: хотите-ли предупредить преступленіе? Сдѣлайте, чтобы законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому, особо гражданину.

Сверхъ всѣхъ сихъ причинъ, кажется, много ко вкорененію сего способствуетъ всѣхъ вообще воспитаніе,—изъятія есть, но не много,—которое съ самаго дѣтства учитъ поступать самовластно, имѣя предъ глазами своими непрестанно рабовъ, съ которыми учится повелѣвать и раболѣпствовать, а не управлять и повиноваться.

II. Вѣдомости о преступленіяхъ частныхъ или оскорбленія личныя, насилія также и тѣ обиды, гдѣ сіи производятся отъ обиженнаго и оскорбленнаго; вѣдомости таковыя покажутъ ясно въ чемъ поставляли обиду или оскорбленіе разныя въ Россіи чиносостоянія, и все ли одно почитается въ разныя времена обидою. Въ сихъ вѣдомостяхъ видно можетъ быть будетъ начало поединковъ, и въ какомъ видѣ они сперва представлялись; узаконеніе о поединкахъ императрицы Екатерины II весьма строго и жестоко и надлежитъ его отмѣнить, ибо не имѣетъ желаемаго дѣйствія, поелику обычай законоположеніе сіе осмѣиваетъ, и правительство тогда развѣ извѣстно бываетъ о поединкахъ, если слѣдствія ихъ бываютъ несчастны. Не можно ли ввести прусское положеніе о поединкахъ, если слѣдствіе оныхъ бываетъ несчастно между военнослужащихъ, и дозволять поединкамъ на пистолетахъ, но съ точнаго дозволенія императорскаго величества, давая имъ видъ законный; ихъ будетъ меньше, а воспитаніе истребитъ ихъ совсѣмъ, хотя не скоро.

Въ заключеніе вѣдомостей уголовныхъ прибавить особую статью о преступленіяхъ въ подаркахъ, или подкупѣ судей или приказныхъ; былъ кто за сіе наказанъ—не знаю, но въ нынѣшнее время того не слышно.

Изъ соображенія сихъ разныхъ вѣдомостей обнаружится можетъ быть причина, для чего одинакого рода дѣло имѣло разное рѣшеніе: глупость судей бываетъ тому виною, не ясность ли законовъ, или какая превратность.

Для пополненія вѣдомостей уголовныхъ нужно вѣдомость: 1-е сколько въ годъ бываетъ гдѣ людей подъ стражею, 2-е сколько гдѣ осуждено, 3-е сколько назначено въ ссылку, 4-е какое гдѣ въ тюрьмахъ содержаніе, 5-е осужденные съ судящимися въ одномъ ли мѣстѣ содержатся, или—въ разныхъ.

III. Вѣдомости о тяжбахъ, до имѣній недвижимыхъ касаю-

щіяся, а именно :1) тяжбы по наслѣдствамъ, 2) по духовнымъ, 3) по купчимъ ложнымъ, неправильнымъ или какимъ другимъ обязательствамъ, отдающимъ имѣнія въ оброкъ или употребленіе, 4) [1]) по справкамъ, отказамъ и насильнымъ завладѣніямъ, 5) по запискамъ или другимъ какимъ обязательствамъ и условіямъ, также о подаренныхъ имѣніяхъ, 6) объ убыткахъ или обидахъ оскорбленіяхъ, недвижимымъ имѣніемъ причиняемыхъ, какъ-то: завладѣніе, держаніе бѣглыхъ, и тому подобное, 7) тяжбы или дѣла, касающіяся до наймовъ домовъ, заводовъ, фабрикъ, земель, и проч., 8) тяжбы о просрочкахъ.

IV. Тяжбы по дѣламъ, касающимся до движимыхъ имѣній: 1) по наслѣдствамъ, 2) по завѣщаніямъ, 3) по записямъ, 4) по контрактамъ, 5) по векселямъ и обязательствамъ, 6) дѣла банкрутскія, 7) по торговымъ обязательствамъ, маклерской запискѣ и проч., 8) тяжбы словесныхъ судовъ.

V. Дѣла межевыя; кажется, что многія межевыя узаконенія требуютъ поясненія, а можетъ быть разсматривая оныя, сличая то, что рѣшится въ нижнихъ межевыхъ правительствахъ, съ тѣмъ, что рѣшено въ вышнихъ, сличая рѣшенія разныхъ временъ, откроются средства окончить дѣла межевыя въ годъ или два, ибо изъ величайшаго благодѣянія, стремившагося къ надежности имущества, къ покойному, безмятежному владѣнію, вышло зло неокончательныхъ межевыхъ споровъ и дѣла, продолжающіяся чрезъ цѣлое человѣческое поколѣніе. Дѣла, случающіяся о чрезполосныхъ владѣніяхъ показать особо; тутъ откроются несправедливости и неистовства невѣроятныя, и кому неизвѣстно, что по межевымъ дѣламъ происходило, имѣя доказательства посредствомъ сихъ вѣдомостей можно уповательно будетъ удалить преграды, противляющіяся окончанію межевыхъ дѣлъ.

V. Вѣдомость о дѣлахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и рѣшенію духовныхъ правительствъ: 1) то есть святѣйшаго синода, консисторій и духовныхъ правленій; 2) лютеранскихъ консисторій, католицкаго архіепископа и коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ, финляндскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ дѣлъ, поколику она рѣшитъ дѣла духовныя. Отъ муфтія и прочихъ многія дѣла по существу своему не долженствуютъ подлежать рѣшенію правительствъ духовныхъ, какъ-то- дѣла до браковъ, разводовъ и другіе. Бракъ, какъ таинство долженъ быть благословенъ священникомъ, но все прочее есть дѣйствіе гражданское Изъ вѣдомостей сихъ видны будутъ многія подробности и что принадлежать можетъ до духовныхъ правительствъ, ибо по

---

[1]) Въ рукописи за 3 п. слѣдуетъ 6-й. *А. П.*

существу своему они должны заботиться о томъ, что только принадлежитъ до церковныхъ обрядовъ.

VI. Въ Наказѣ своемъ о сочиненіи новаго уложенія, императрица Екатерина II въ началѣ главы XII, въ ст. 265 говоритъ [1]): Россія не только не имѣетъ довольно жителей, но обладаетъ еще чрезмѣрнымъ пространствомъ земель, которыя ни населены, ниже обработаны. Итакъ не можно сыскать довольно ободреній къ размноженію народа въ государства; въ ст. 266: мужики имѣютъ по 12, 15 и до 20 дѣтей изъ одного супружества; однако рѣдко и четвертая часть оныхъ приходитъ въ совершенный образъ. Для чего непремѣнно долженъ быть тутъ какій нибудь порокъ, или въ пищѣ, или въ образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надеждѣ государства. Какое цвѣтущее состояніе было бы сей державы, если бы могли благоразумными учрежденіями отвратить или предупредить сію пагубу; въ ст. 269: кажется еще, что новозаведенный способъ отъ дворянъ сбирать свои доходы въ Россіи уменьшаетъ народъ и *земледѣліе*. Всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два, и даже по пяти рублей, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги; въ ст. 271: а нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ 15 дома своего не видитъ, а всякій годъ платитъ помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дома городахъ, бродя по всему государству [2]); въ ст. 273: страны луговыя и ко скотоводству способныя обыкновенно мало имѣютъ народа потому, что мало людей находятъ себѣ тамъ упражненіе; пахотныя же земли большее число людей въ упражненіи содержатъ и имѣютъ; въ ст. 275: но страна, которая податями столь много отягчена, что раченіемъ и трудолюбіемъ своимъ люди съ великою нуждою могутъ найти себѣ пропитаніе, чрезъ долгое время должна обнажена быть жителей; въ ст. 276: гдѣ люди не инаго чего убоги, какъ только что живутъ подъ тяжкими законами, и земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается. Они сами для себя

---

[1]) Взятыя изъ XII Гл. Наказа «*о размноженіи народа въ государствѣ*» статьи изложены въ рукописи неполно, съ пропусками, многоточіями, и какъ бы по памяти, а потому здѣсь они приведены вполнѣ, изъ Наказа въ Полн. Собр Законовъ: т. XVIII, № 12949.

[2]) Ст. 270, съ которой 271 имѣетъ тѣсную связь, не приведена; она же гласитъ: «весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе, и число бы народа въ государствѣ умножилось».

не имѣютъ пропитанія; такъ какъ имъ можно отъ онаго удѣлить еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ пользоваться присмотромъ; такъ какъ же имъ можно воспитывати твари, находящіяся въ безпрерывной болѣзни, то-есть, въ младенчествѣ? Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненія; въ ст. 280: въ такихъ обстоятельствахъ надлежало бы во всемъ пространствѣ той земли, дѣлать то, что римляне дѣлали въ одной своего государства части; предпринять въ недостаткѣ жителей то, что они наблюдали въ ихъ излишествѣ, раздѣлити земли всѣмъ семьямъ, которыя никакихъ не имѣютъ; подать имъ способы вспахать оныя и обработать. Сіе раздѣленіе должно учинить тотчасъ, когда только сыщется человѣкъ, который принялъ бы оное такъ, чтобы нимало времени не было упущено для начатія работы; въ ст. 287: воздержаніе народное служитъ къ размноженію онаго. Въ главѣ XIII ст. 294: не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо основанная торговля, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи или не рачительно производится; въ ст. 295: не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго; въ ст. 313: земледѣліе есть первый и главный трудъ, къ которому людей поощрять должно: второй есть рукодѣліе изъ собственнаго произращенія.

Сіи суть истины, доказательствъ не требующія, и мы, опираясь на правилахъ мудрыя сея владычицы, скажемъ, что въ размноженіи народа видно благосостояніе Государства; но, какъ по изреченію императрицы Екатерины, многія суть препятствія къ размноженію народа въ Россіи, то и нужно помышлять объ отдаленіи оныхъ препятствій и о средствахъ, размноженіе поощряющихъ. А поелику, какъ то говоритъ императрица Екатерина II въ статьѣ 275: страна, податьми отягченная чрезъ время должна быть обнажена отъ жителей, то нужно постановить нѣкоторое въ законѣ правило о налогахъ, дабы народъ вѣдалъ, что оно непремѣнно и его никто не преступитъ, и почиталъ сіе за свой палладіонъ. Тогда, въ надежности не быть отягченну, Россія отъ жителей не обнажится. Дабы получить возможность судить о сихъ предметахъ то и нужно имѣть слѣдующія вѣдомости:

1-е. О количествѣ народа по губерніямъ и округамъ.

2-е. О количествѣ земель по губерніямъ и округамъ, съ описаніемъ гдѣ земля какого свойства и произращенія и образъ обработыванья.

3-е. О заводахъ рудокопныхъ и другихъ фабрикахъ, мель-

ницахъ и проч. рукодѣліяхъ, и вообще о образѣ прокормленія по губерніямъ и округамъ.

4-е. Объ отлучающихся изъ домовъ по паспортамъ.

5-е. О числѣ обращающихся на заводахъ и фабрикахъ и о количествѣ ихъ произведеній, и кѣмъ и коликимъ числомъ производятся работы.

6-е. О податяхъ по различнымъ ихъ наименованіямъ.

7. Какъ гдѣ и какія суть господскія подати, оброкъ или земледѣліе, и сколько по округамъ крестьянъ на пашнѣ и на оброкѣ, и какихъ владѣльцевъ, большихъ или малыхъ.

8-е. О налогахъ натурою по губерніямъ и округамъ: а) рекрутскій наборъ: какъ сдѣланы участки, оные прислать за три набора; б) содержаніе дорогъ и какъ оныя раздѣлены вслѣдствіе указа покойнаго императора; в) провожаніе колодниковъ, сколько оно разъ въ году гдѣ было, за три года; г) препровожденіе казны и рекрутовъ, и какіе гдѣ берутъ подводы; д) содержаніе городской и земской полиціи; будошники, сотскіе, десятскіе и проч. И нѣтъ ли другихъ какихъ налоговъ; изъ сихъ вѣдомостей увидѣть можно, что народъ иногда терпитъ для того, что не знаетъ, что платить долженъ.

VII. Въ ближайшемъ и тѣснѣйшемъ союзѣ съ народнымъ благосостояніемъ состоитъ обращеніе знаковъ, всякое имущество представляющихъ; воображеніе наше, давъ имъ цѣну и поставивъ ихъ мѣриломъ всѣхъ вещей въ торгу обращающихся, сдѣлало то, что малое или большое ихъ количество, скорое и медленное ихъ обращеніе можетъ препятствіе сдѣлать въ народной торговлѣ, приводить гражданъ въ убожество или дѣлать ихъ крезами. Извѣстно намъ будетъ число народа, извѣстны намъ будутъ источники его прокормленія, извѣстно намъ будетъ его трудолюбіе; посредство, приводящее все въ обращеніе и дающее всему жить, недолжно также быть сокрыто. Правила, торговлею руководствующія, должны быть непремѣнны, постановленіе о монетѣ—незыблемо, довѣріе къ банкамъ, основанное на твердомъ подножіи, ибо видна будетъ ненадежность правилъ торговли, и она будетъ ограничиваема и стѣсняема или откупами, или пошлиною, или какими таможенными обрядами и осмотрами, которые, если не сопровождаемы строгою честностью и святою торжественностью, всегда похожи на скопъ мошенническій, или какъ то [1]) цензура, на отрывокъ инквизиціи и тайной канцеляріи. Если примѣнить, что правительство хочетъ имѣть на деньгахъ барышъ, если, вмѣсто того, чтобы печатью своею обезпечивать надежность знаковъ, имущество представляющихъ, и вмѣсто того, чтобы

[1]) Въ этомъ сравненіи—*то*, повидимому, лишнее. *А. П.*

указывать только, что цѣна ея существенная, внутренняя есть точно та, которая означается ея узаконенною внѣшностью; если вмѣсто того или дѣланія монеты правительство будетъ дѣлать себѣ доходъ, или непозволительный уменьшеніемъ вѣса и доброты монеты битой, или надъ прибавленіемъ произвольнымъ ея цѣны или дѣланіемъ неограниченнымъ монеты бумажной,—если банки будутъ заступать мѣсто монетнаго двора или учреждаемы будутъ только для мнимаго истребленія лихоимства, а не для истиннаго пособія земледѣлію и рукодѣліямъ, отъ него зависящимъ, то скроются металлы драгоцѣнные. Приливъ денегъ бумажныхъ—зло; потокъ плотины разорвавшейся покроетъ все торговое обращеніе, земледѣліе и рукодѣліе будетъ томиться, и число монеты бумажной возрастетъ до того, что цѣна ея будетъ меньше нежели листъ бумаги, на нее употребляемой. Тогда настанетъ часъ гибели, часъ нажаднаго [1]) банкрутства, и тотъ, кто сегодня считалъ капиталъ свой милліонами, тотъ будетъ нищъ и будетъ питаться милостынею надменности, или прибѣгнетъ къ спасенію несчастныхъ крайнему—самоубійству.

Для сихъ причинъ нужно, кажется, найти какое-либо средство, чтобъ довѣріе не могло умереть, или впасть въ болѣзнь, и основаться не на обѣщаніяхъ какихъ-либо, но на народномъ капиталѣ. Для сужденія о семъ по возможности нужно, кажется, имѣть: 1) вѣдомость о числѣ монеты битой, сколько когда ее сдѣлано, или какого металла; 2) о числѣ монеты бумажной, и сколько когда сдѣлано и какого достоинства; 3) о банковыхъ капиталахъ и залогахъ, у нихъ имѣющихся; 4) о капиталахъ, розданныхъ изъ воспитательныхъ домовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія; 5) о заложенныхъ имѣніяхъ въ партикулярныя руки; 6) о суммѣ, на сколько предложено векселей въ три года въ губернскихъ правленіяхъ каждый годъ особо; 7) о числѣ протестуемыхъ суммъ по векселямъ на столько же лѣтъ.

VIII. Сохраненіе общаго порядка или благочинія относится и надзираетъ: 1) за тишиною общественною, 2) за общею сохранностью; 3) за здоровьемъ; 4) за добрыми нравами; 5) за воспитаніемъ; 6) за призрѣніемъ бѣдныхъ; 7) за дорогами, рѣками, каналами и къ тому принадлежащимъ; 8) за мнѣніями, если такая полиція свойственна цензурѣ. Итакъ вѣдомости, къ симъ предметамъ относящіяся, должны быть слѣдующія: 1) какія гдѣ взять мѣры и предосторожности для безопасности, тишины и покоя; здѣсь разумѣются положенныя отъ пожаровъ брантъ-кассы, застрахованіе, если гдѣ есть; разбой, какъ-то на Волгѣ,

---

[1]) Такъ въ рукописи. *А. П.*

то какъ то предостерегаютъ; гдѣ сколько домовъ смирительныхъ или рабочихъ, и рядильныхъ, и другихъ. 2) Сколько въ какой губерніи лекарей, бабокъ повивальныхъ, подъ вѣдѣніемъ управъ врачебныхъ, сколько гдѣ больницъ, госпиталей, домовъ для сумасшедшихъ, аптекъ, или другихъ, ко здравію народа сдѣланныхъ учрежденій. 3) Гдѣ сколько увеселительныхъ домовъ, какъ-то: кофейныхъ, трактировъ, биллiардовъ, собраній, клобовъ, или тогожъ званія домовъ, но подъ названіемъ какихъ другихъ, какъ-то академіи и проч., гдѣ сколько публичныхъ домовъ или борделей, и сколько числомъ торговыхъ женщинъ, съ показателемъ сколько платятъ за наемъ двора, сколько имѣютъ услуги. Сіи вѣдомости нужны, когда дѣло будетъ о нравственности гражданъ, ибо вопросъ великій есть въ законодательствѣ—запрещеніе ли нужно въ семъ случаѣ, или дозволеніе того, чего запретить нельзя. Въ Берлинѣ, прежде сего въ Амстердамѣ, всѣ женщины такія [1]) подъ вліяніемъ полиціи... 4) Призрѣніе бѣдныхъ, немощныхъ есть долгъ правительства: гдѣ, сколько богадѣленъ, воспитательныхъ домовъ или для родильницъ. 5) Сколько гдѣ большихъ дорогъ, почтовыхъ становъ, гостинницъ; какъ содержитъ почты—ямщики или обыватели, гдѣ есть судоходныя рѣки, гдѣ—пороги и другія плаванію препятствія, какія средства сдѣлать ихъ лучшими; гдѣ есть вожатые, бечевники и проч.

6). Цензура есть отрасль полиціи, и хотя правила, ею предписанныя извѣстны, но они суть общія, и для того надлежитъ знать: 1) какое правило она имѣетъ, что дозволяетъ на иностранномъ языкѣ, то, что запрещено на русскомъ языкѣ; 2) сколь долго держать должно рукопись; 3) имѣть-ли [2]) роспись книгамъ запрещеннымъ; 4) кто запрещаетъ чтеніе книгъ, ибо по существу своему цензура не есть то правительство, которое можетъ запретить что-либо; 5) гдѣ на цензора можно приносить жалобы [3]); 7) сколько, гдѣ типографій казенныхъ и партикулярныхъ; 8) гдѣ и сколько есть училищъ казенныхъ пансіоновъ и экстраординарныхъ учителей; чему гдѣ учатъ, и кто удостовѣряетъ объ успѣхахъ, и число учащихся. Къ вѣдомости объ училищахъ присоединить о способахъ ученія: гдѣ и сколько казенныхъ лавокъ, или библіотекъ или кабинетовъ для чтенія, ученыхъ собраній.

Воспитаніе есть вещь наиважнѣйшая въ законодательствѣ, а разумъ законоположника надъ нимъ больше размышлять долженъ, нежели надъ другими предметами, розысканію его

---

[1]) Въ рукописи пропускъ слова: находились или состояли. *А. П.*
[2]) Вѣроятно слѣдуетъ: имѣется ли. *А. П.*
[3]) Въ рукописи за 5 п. слѣдуетъ 7. *А. П.*

подлежащими. Не возможно цѣлому народу дать воспитаніе; малѣйшая онаго часть можетъ только въ ономъ участвовать; но великость воспитательныхъ заведеній въ столь пространномъ государствѣ, какова Россія, не говоря о недостаткѣ просвѣщенныхъ наставниковъ, препятствовать всегда будетъ, чтобъ хорошій имѣли присмотръ за важнѣйшею воспитанія частію, за непорочностью нравовъ. Накоторыя только училища могутъ пользоваться симъ благодѣяніемъ, но большая оныхъ часть, и тѣ именно, гдѣ народная груда участвуетъ, онымъ пользоваться не могутъ. Итакъ нужно постановить нѣкоторыя правила и сдѣлать постановленія, которыя нагибали, такъ сказать, общій разумъ и нравы въ благо. Я для примѣра здѣсь только скажу слѣдующее: признается всякъ безъ предубѣжденія судящій, что пьянство есть порокъ, а въ Россіи есть порокъ народный, общій; но и въ томъ признаться должно, что правительство оный порокъ укореняетъ и поощряетъ его распространеніе посредствомъ винныхъ откуповъ. Но сумма откупа составляетъ великій государственный доходъ, доходъ, можетъ быть, необходимо нужный; то законодатель о семъ здраво размышляющій, долженъ на вѣсы любомудрія, человѣколюбія и здравой политики возложить въ одну чашу истребленіе вкоренившагося порока, въ которомъ находится корень многихъ злодѣяній и преступленій,—сіе докажутъ самыя вѣдомости о преступленіяхъ,—а въ другую—доходъ великій государственный, можетъ быть, пятую или шестую часть всѣхъ доходовъ, что дастъ перевѣсъ? Нужно, кажется, истребить порокъ и корень многихъ преступленій и болѣзней, слѣдовательно, уничтожить откупъ винный; но вино будутъ дѣлать, согласенъ: но гдѣ нѣтъ поощренія къ чему, а особливо отъ правительства, того будетъ меньше, и, смѣло скажу, будетъ гораздо меньше. Но доходъ винный должно замѣнить другимъ, или его оставить; замѣнить его можно конечно и не очень трудно; но можетъ иной законоположникъ доходъ отмѣнилъ бы совсѣмъ и убавилъ бы расходы. Тотъ, кто имѣлъ бы смѣлый духъ, тотъ доходъ бы уничтожилъ, убавилъ бы расходовъ, но совѣтъ сей дерзновенный и можетъ безполезный—рѣшительно сказать не смѣю ничего.

IX. Когда въ древнія времена должность настояла давать народу цѣлому законы, или, сказать правильнѣе, когда несовсѣмъ еще народъ образованный образовать желали, то дабы употребить въ свою пользу то, что уже древніе сдѣлали и въ чемъ пользу находили, предпринимали путешествія въ тѣ страны, которыя болѣе другихъ процвѣтали и славилися своими законоположеніями. Въ такомъ намѣреніи путешествовали: Солонъ Ликургъ, Пифагоръ, и, напитавшись. такъ сказать, тѣмъ, что

видѣли, извлекали для себя, что полезнымъ находили, прилагая оное къ своимъ нравамъ и обычаямъ. Иногда же, уразумѣвъ изъ видѣннаго, что человѣка движетъ и что управляетъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ, на познанныхъ побужденіяхъ сердца человѣческаго воздвигали зданіе законовъ во всемъ новое, съ другими не сходственное. Сіе дѣйствительно можно сказать о законоположеніи древняго Лакедемона, и Ликургъ произвелъ то, чего никакому по немъ законодателю произвести не удавалось; онъ произвелъ нѣчто цѣлое, однимъ, такъ сказать, махомъ, и всѣ предписанія свои устремилъ къ цѣли единой и успѣлъ.

Римляне, когда восхотѣли имѣть лучшіе законы, послали оные отыскивать въ Греціи, и Аѳины дали нѣкоторымъ образомъ первое уложеніе Риму.

Въ наши времена великое сообщеніе между народовъ, знаніе иностранныхъ языковъ, многія и частныя путешествія, а паче всего книгопечатаніе, сдѣлали то, что каждый народъ европейскій, покрайней мѣрѣ, извѣстенъ въ многихъ своихъ чертахъ, извѣстны законы всѣхъ почти европейскихъ народовъ, потому что они всегда и вездѣ издаются въ печати; но извѣстно ли ихъ раздробленіе, если такъ сказать можно, до дальнѣйшихъ и малѣйшихъ протоковъ, и какое производятъ ощущеніе въ отдѣльности. Если то знаемъ, что законъ изданный долженъ исполниться и приведенъ быть въ исполненіе опредѣленными для того людьми; но кто ручается, что онъ всегда такъ исполняется, какъ ему исполняться должно, что его исполненіе дѣлаетъ неминуемымъ, или для чего оный иногда бываетъ безъ дѣйствія; всякій безъ предупрежденія [22]) въ томъ признается, что вездѣ есть нѣкоторые законы для того только, чтобъ наполнять страницы и книги правъ.

Познаетъ всякій благоразсуждающій, что твердость силы и власти въ государствѣ имѣетъ основаніе во мнѣніи, и что оно одно дѣлаетъ законъ законнымъ, то есть дѣластъ его дѣйствительнымъ. Но гдѣ же найдемъ мы картину подробныхъ мнѣній, подкрѣпляющихъ дѣйствіе такого или другого закона въ извѣстной землѣ, и если издаются иногда въ свѣтъ таковыя картины, то можно ли имъ вѣрить столько, сколько всегда желаетъ сочинитель, и сколько нужно, чтобы имѣть хотя вѣроподобіе за нѣсколько лѣтъ. Уже извѣстно было, что миролюбивые и ненавистники крови-квакеры были побудители, что въ Пенсильваніи не только отмѣнена казнь смертная вовсе, но отмѣнены даже

[1]) Предубѣжденія? *А. П.*

всякія тѣлесныя наказанія за какое бы то преступленіе ни было, и опредѣлено наказаніе тюремное. Но какое имѣлъ законъ сей дѣйствіе—было неизвѣстно; предъ недавнимъ временемъ нѣкоторый путешественникъ издалъ въ свѣтъ извѣстіе о образѣ наказанія тюремнаго въ Пенсильваніи; увѣряютъ, что оно наидѣйствительнѣйше и что уже были примѣры, что изъ тюрьмы выходили величайшіе преступники, но уже исправленные.

Какое божественное, да и не иначе его назвать можно, какое небесное учрежденіе, если оно точно производитъ сіе дѣйствіе писанное, хотя вѣроятно. Но существуетъ ли и не дѣйствовало ли [1]) что на разумъ, на сердце путешественника, когда онъ видѣлъ имъ описуемое, и глаза его не были ли ослѣплены чрезъ мѣру благотворностью неподражаемою пенсильванскихъ квакеровъ. Еще другой скажемъ примѣръ: тосканское уложеніе Леопольда извѣстно сколь благоразумно расположено, но многое и очень многое предоставлено разсмотрѣнію судейскому, и такъ бы думать должно, что въ Тосканѣ не сомнѣвались никогда въ непрележности судящихъ; но какое сіе законоположеніе имѣетъ дѣйствіе, неминуемо ли казнь ударяетъ, и какой родъ людей болѣе онымъ подвергается. Какое сіе милосердое уложеніе [2]) надъ жестокими нравами жителей и то ли имѣетъ дѣйствіе: извѣстно сколь часты тамъ убійства и самомщеніе и мщеніе смертію (а) 3) за бездѣлку оно есть дѣло обыкновенное, то въ сравненіи другихъ земель меньше ли въ Тосканѣ убійцъ?. Для составленія россійскаго законоположенія сіе свѣдѣніе весьма нужно, ибо у насъ наказанія располагаются по чиносостояніямъ. Еще примѣръ: многія англійскія узаконенія похваляются отмѣнно, особливо розысканіе дѣла чрезъ присяжныхъ (trial by a Jury): и поистинѣ, сіе законоположеніе, которому примѣръ находимъ уже у Римлянъ и которому онымъ дѣлала [4]) въ положеніяхъ своихъ императрица Екатерина [5]), есть одно изъ наилучшихъ, которое только придумать можно; но то можетъ быть не столь извѣстно, что оно часто бываетъ тщетно, ибо и законъ велитъ симъ избраннымъ людямъ, если они сами рѣшиться не могутъ, отдать дѣло на рѣшеніе суда. Но для чего сіе законоположеніе бываетъ безъ дѣйствія? Какъ можно сіе узнать иначе,

---

[1]) Въ рукописи: недѣйствительноли. *А. П.*

[2]) Имѣетъ? *А. П.*

[3]) Послѣ этой буквы въ выноскѣ прописано: «Ф. ЛЛ. Меіеръ повѣствуетъ слѣдующее происшествіе» (не окончено). *А. П.*

[4]) Пропускъ въ рукописи слова—примѣръ. *А. П.*

[5]) Такъ какъ большая часть ея законоположеній не ясны, неполны, и она, давъ законъ, не позаботилась гораздо, чтобы онъ былъ исполняемъ, то поелику сіе учрежденіе присяжныхъ свидѣтелей обращалося только къ низкимъ состояніямъ, то оно осталось безъ вниманія.

развѣ въ самой Англіи, развѣ будучи свидѣтелемъ дѣйствія сего законоположенія. Франція во время бывшей тамъ перемѣны ввела въ судахъ своихъ испытаніе чрезъ присяжныхъ (epreuve ja (?) jures), но какое сіе законоположеніе имѣетъ дѣйствіе—того не извѣстно; и столь ли оно благотворно, какъ того ожидали дѣйствія сего законоположенія, вновь введеннаго у народа, во всемъ отъ англичанъ отличающагося, видѣть можно еще лучше и въ чемъ оно отличается отъ своего образца. Сравненіе таковое доведетъ неложнаго заключенія о добротѣ или доказистой только наружности сего установленія.

Въ разныхъ государствахъ за одинаковыя преступленія положены часто одинаковыя наказанія, но со всѣмъ тѣмъ преступленія въ одномъ бываютъ чаще, нежели въ другомъ. Напримѣръ, разбои на большихъ дорогахъ въ Англіи бывали часты, во Франціи и Италіи—рѣже и въ другомъ всегда видѣ; въ нѣмецкой же землѣ еще рѣже, а въ нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ областей рѣдко отмѣнно [1]); но какая то причина—разность нравовъ, или лучшія полицейскія учрежденія, или благонравіе, и для чего въ Англіи законъ хотя строгъ и неминуемъ, но недѣйствителенъ. Нельзя сказать, чтобы строгость была тому причиною, хотя то и часто бываетъ, что строгость дѣлаетъ законъ тщетнымъ.

Великія въ наши времена случившіяся перемѣны, разрушивъ цѣлыя государства, воздвигнувъ совсѣмъ новыя, могутъ быть весьма поучительными для разсматривающихъ состоянія преобразованныхъ странъ безъ предубѣжденія [2]). Въ живой еще у всѣхъ памяти иные управлялись Венеція, Миланъ, Болонья, Феррари; теперь состояніе ихъ совсѣмъ перемѣнилось: сравнить, что народъ, тамъ живущій былъ прежде, и что онъ нынѣ, и которое его положеніе было блаженнѣе, и какія тому причины сіи, конечно, будутъ очевидны, ибо гораздо близки. Еще лучше всѣхъ сихъ можно видѣть примѣръ: бывшая Польша раздѣлена на три части и сіи три части управляются самовластнымъ государемъ [3]), но по правиламъ различнымъ; въ которой же части народъ живетъ лучше и извѣстливѣе? Смежность такъ близка и сравненіе и заключеніе будетъ не трудно сдѣлать.

---

[1]) Въ пять лѣтъ пребыванія моего въ Саксоніи случилось только одно, и то съ предыдущимъ убійствомъ по злобѣ.—(А. Н. Радищевъ пробылъ въ Лейпцигѣ съ 1767 по октябрь 1771 г. (Сборн. русск. истор. общ. т. X, стр. 112 и 128). *А. П.*

[2]) Въ рукописи: безъ предупрежденія. *А. П.*

[3]) Самовластными государями? *А. П.*

Петрашевцы.

Студенты Толстовъ и Г. П. Данилевскій, мѣщанинъ П. Г. Шапошниковъ, литераторъ Катеневъ и Б. И. Утинъ [1]).

IV. Г. П. Данилевскій.

Катеневъ былъ знакомъ еще съ студентомъ петербургскаго университета Г. П. Данилевскимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ романистомъ, и потому Данилевскій былъ довольно случайно привлеченъ къ слѣдствію о дѣлѣ петрашевцевъ.

Онъ родился въ 1829 г. въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ.[2]). На формальномъ допросѣ онъ заявилъ, что принадлежитъ къ «русскому православному исповѣданію и, начиная съ семилѣтняго возраста, каждый годъ на послѣдней недѣлѣ Великаго Поста исполнялъ обрядъ исповѣданія и св. пріобщенія..., исполнялъ его и нынѣшняго 1849 г., 2-го апрѣля, чему находится свидѣтельство у инспектора с.-петербургскаго университета отъ его «духовнаго отца».

«Мои родители», продолжаетъ Данилевскій, «*русскіе подданные* и *коренные дворяне* [3]). Отецъ и мать моя имѣютъ помѣстья въ Харьковской губерніи, въ Зміевскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ», но отецъ умеръ въ 1838 г. .... «Воспитывался я до одиннадцатилѣтняго возраста въ домѣ моихъ родителей; 11 лѣтъ былъ принятъ въ Московскій Дворянскій Институтъ, гдѣ и окончилъ полный курсъ наукъ. Тамъ я воспитывался на счетъ моихъ родителей [4]). Въ 1846 г. въ сентябрѣ поступилъ безъ экзамена въ

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 11.

[2]) Повидимому, дата его рожденія 14 апрѣля 1829 г. (см. біографическій очеркъ Данилевскаго, составленный С. Трубачевымъ въ «Сочиненіяхъ Г. П. Данилевскаго», изд. 1893 г., т. I, стр. 14) не точна, такъ какъ на формальномъ допросѣ въ слѣдственной комиссіи 6 іюля 1849 г. онъ показалъ, что ему 19 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ.

[3]) Курсивъ принадлежитъ Данилевскому.

[4]) Въ первомъ показаніи Данилевскій отмѣтилъ, что шестилѣтній курсъ въ Дворянскомъ Институтѣ онъ окончилъ въ пять лѣтъ и въ ат-

число своекоштныхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета по разряду камеральныхъ наукъ [1]) и нынѣ нахожусь въ оном въ третьемъ курсѣ, такъ что мнѣ остается быть въ университетѣ еще одинъ годъ [2]).

«Въ службѣ царской донынѣ еще я быть не могъ и не былъ и не только подъ слѣдствіемъ или арестомъ, но даже подъ простымъ домашнимъ арестомъ во всю свою жизнь не былъ ни въ М. Дворянскимъ Институтѣ, ни въ С.-Петербургскомъ университетѣ до той минуты, какъ арестованъ по Высочайшему Государя Императора повелѣнію.

«Покойный отецъ мой оставилъ послѣ себя мнѣ и моему малолѣтнему брату два помѣстья, оба вообще въ 200 душъ крестьянъ и 3000 десятинъ земли съ 800 десятинъ лѣсу въ вышеозначенныхъ уѣздахъ Харьковской губерніи. Опека доселѣ на мое жительство и ученіе присылала мнѣ ежегодно въ С.-Петербургъ 2000 руб. асс. Въ С.-Петербургѣ изъ моего семейства не жилъ со мною никто, а жилъ дворовый человѣкъ, котораго я содержалъ и одѣвалъ изъ той же суммы 2000 р. асс...

«Въ С.-Петербургѣ я почти все свое свободное отъ ученія время проводилъ въ семействѣ моего дяди, дѣйств. статск. совѣтника Байкова, который за два мѣсяца назадъ скончался. Отрекомендованный моимъ дядею, я былъ принятъ коротко [3]) въ дома: адмирала И. Я. Коростовцева и его родственника К. П. Коростовцева [4]),

---

тестатѣ было сказано: «учился отлично». Школьныя воспоминанія Данилевскаго объ этомъ институтѣ, гдѣ былъ очень хорошій составъ учителей, см. въ Собраніи его сочиненій, т. VI, изд. 1892 г., стр. 377—401.

[1]) Въ первомъ показаніи Данилевскій говоритъ: «въ университетѣ годъ назадъ на публичномъ актѣ получилъ первую (серебряную) медаль за разборъ сочиненій Крылова и Пушкина. Ректоръ университета Плетневъ, который при первомъ знакомствѣ съ Данилевскимъ нашелъ, что онъ «очень хорошій мальчикъ», скоро такъ отзывался о немъ въ письмѣ къ Гроту (14 августа 1848 г.): «Данилевскій для меня странный молодой человѣкъ. Съ виду онъ отлично порядочный малый,... любитъ литературу, много читаетъ и самъ пишетъ. Между тѣмъ въ его сочиненіяхъ подлѣ хорошаго встрѣчается такая путаница и мелкоуміе, что не разгадаешь, какъ это выходитъ изъ одной и той же головы, организованной добропорядочно. Прочитай въ актѣ нашего университета за 1847 г. мой отзывъ о диссертаціи этого самаго Данилевскаго, гдѣ онъ разсуждаетъ о Крыловѣ и Пушкинѣ..... Ужъ видно такова судьба молодого поколѣнія, что оно поминутно впадаетъ въ нелѣпости». Черезъ четыре года въ письмѣ къ тому же Гроту Плетневъ даетъ уже такой отзывъ о Данилевскомъ: «У него чесотка въ пальцахъ: пишетъ безъ устали въ прозѣ и въ стихахъ. Знакомство литературное ловитъ повсюду налету: отъ Петербурга до Одессы объѣхалъ всѣхъ литераторовъ и воображаетъ, что всѣ его пріятели. Впрочемъ, онъ добрый малый и не безъ нѣкотораго дарованія, но надоѣлъ». «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ» СПБ. 1896 г., т. III, 274, 299—300, 616.

[2]) Въ первомъ показаніи Данилевскій заявляетъ, что у него «шары» (балы) «перваго или второго кандидата».

[3]) Въ первомъ показаніи: «принятъ, какъ родной».

[4]) Въ первомъ показаніи названы еще отставной генералъ Кутынинъ и бывшій сенаторъ Жадовскій.

проф. Изм. Ив. Срезневскаго [1]), проф. Усова [2]) и Никитенко; кромѣ того я давалъ уроки англійскаго языка сыну генерала Корсакова, бывалъ на вечерахъ писательницы и редактора журнала «Звѣздочка» Ишимовой[3]). Изъ молодыхъ же людей кромѣ художника Ив. Соколова [4]), товарищей студентовъ: Васильчикова, Гревса, Воронина, Кожухова и Шереметевыхъ и еще моего двоюроднаго брата, правовѣда Байкова и его двухъ товарищей, барона Дезена и Дегая,—я въ близкомъ и короткомъ знакомствѣ ни съ кѣмъ не былъ и частыхъ дружескихъ спошеній также не имѣлъ ни съ кѣмъ. Катенева же, о которомъ меня спрашивали, я видѣлъ во всѣ полгода не болѣе 12 разъ и коротокъ съ нимъ не былъ... Каждыя двѣ недѣли переписывался со своею матерью и вотчимомъ (Иванчинымъ-Писаревымъ) и всѣ мои письма у нихъ, а ихъ у меня сохранены». Переписывался также со своимъ учителемъ по институту Перевлѣсскимъ.

Посѣтивъ однажды Зимній Дворецъ и придворную церковь, Данилевскій описалъ ее въ статейкѣ, которая была напечатана въ «Вѣдомостяхъ СПБ. городской полиціи» [5]) подъ псевдонимомъ «Панъ-Баянъ» (въ № 186 отъ 23 авг. 1847 г.), редакція газеты предложила ему быть и впредь сотрудникомъ. Въ теченіе 1847 г. онъ помѣстилъ въ этой газетѣ еще шесть фельетоновъ преимущественно о разныхъ явленіяхъ столичной жизни подъ тѣмъ же псевдонимомъ (№№ 193, 197, 201, 204, 212, 217) [6]).

Одинъ эпизодъ этого сотрудничества Данилевскій разсказалъ слѣдственной комиссіи въ довольно подхалимскомъ тонѣ: «Два

---

[1]) Въ первомъ показаній Данилевскій говорилъ: «Болѣе всѣхъ обо мнѣ можетъ судить проф. Срезневскій, который былъ моимъ руководителемъ».

[2]) Степ. Мих. Усовъ (1796—1859), преподаватель сельскаго хозяйства въ университетѣ и лицеѣ.

[3]) При отъѣздѣ изъ Москвы директоръ Дворянскаго Института Чивилевъ далъ Данилевскому рекомендательное письмо къ своему другу проф. Порошину, а учитель русскаго языка Перевлѣсскій—къ писателямъ Гребенкѣ и Кукольнику. *Трубачевъ*, Біографическій очеркъ Данилевскаго въ собр. его сочиненій, т. I, стр. XXIV.

[4]) Ив. Ив. Соколовъ (род. 1823 г.), товарищъ Данилевскаго по Московскому Институту и другъ его, съ которымъ онъ жилъ вмѣстѣ въ Петербургѣ, съ 1860 г. профессоръ живописи, авторъ жанровыхъ картинъ изъ малорусскаго быта: «Гаданье на вѣнкахъ», «Ночь на Ивана Купала» и др. и пейзажистъ С. *Трубачевъ*,стр. 20; *Кондаковъ*. «Списокъ русскихъ художниковъ». Юбил. изданіе «Имп. С.-Петербургская Академія Художествъ», т. II, 184.

[5]) У этой газеты было тогда болѣе 9000 подписчиковъ.

[6]) Комитетъ, учрежденный подъ предсѣдательствомъ кн. Меньшикова для разсмотрѣнія дѣйствія цензуры, періодическихъ изданій, въ своемъ журналѣ 29 марта 1848 г. отмѣтилъ, что фельетонъ не былъ разрѣшенъ высоч. утвержденными правилами изданія этой газеты, но что онъ въ ней «замѣчателенъ своею благонамѣренностью», и потому «комитетъ полагаетъ не безполезнымъ дозволить» помѣщеніе фельетоновъ и впредь. «Голосъ Минувш.» 1913 г. № 4, стр. 212.

года назадъ я началъ свое авторское поприще въ Полицейской Газетѣ подъ именемъ, которое думалъ облагородить и которое сдѣлало проступокъ. Я писалъ подъ именемъ *Пана-Баяна*, начавъ съ описанія о придворной церкви. Редакторъ получалъ мои статьи по городской почтѣ и печаталъ ихъ, видя честность мою и мои мысли. Но въ одномъ изъ фельетоновъ я описывалъ грустный видъ погребальной процессіи и поставилъ совершенно не къ дѣлу строчку: «жандармы съ винным запахомъ во рту». Черезъ недѣлю послѣ этого у меня сдѣлался тифусъ, и я пролежалъ два мѣсяца». Узнавъ, что цензоръ пострадалъ изъ за него, Данилевскій отправился къ редактору и раскрылъ свой псевдонимъ. «Онъ меня успокоилъ», сказавъ, «что я могу это искупить, и я, начавши писать подъ настоящимъ именемъ..., два года писалъ съ строжайшею осмотрительностью, продолжая быть только отголоскомъ души моей, вѣрящей и преданной престолу царя. Но совѣсть меня мучила все-таки, и я теперь ее разоблачилъ вполнѣ—на судъ праведный».

Первое свое стихотвореніе «Славянская весна» Данилевскій напечаталъ въ «Иллюстраціи» 1846 г., въ 1847—48 гг. помѣстилъ два стихотворенія, одно оригинальное и одно переводное изъ Новалиса, въ «Звѣздочкѣ» Ишимовой. Тамъ же онъ напечаталъ стихи «На въѣздъ невѣсты В: Князя Константина» [1]), за что черезъ цензора получилъ благодарность, а также стихи: «Брату утѣшеніе въ холерѣ вѣрою» и «Наши крылья: любовь къ Богу и Умъ».

О своемъ знакомствѣ съ Катеневымъ Данилевскій далъ такія показанія: «Прошлое лѣто (1848 г.) во время вакацій я путешествовалъ по Финляндіи въ обществѣ однихъ моихъ знакомыхъ и описанія своихъ поѣздокъ день за днемъ присылалъ въ Петербургъ Межевичу, который и печаталъ ихъ въ своей Полицейской Газетѣ. По возвращеніи моемъ издатель въ благодарность отпечаталъ мнѣ 100 экземпляровъ моихъ писемъ отдѣльною книжечкою, и я ее раздавалъ своимъ друзьямъ и знакомымъ». Въ началѣ декабря 1848 г. Данилевскій познакомился въ одной кондитерской съ Катеневымъ, который сталъ расхваливать ему его письма о Финляндіи, не зная, что говоритъ съ ихъ авторомъ [2]), и черезъ нѣсколько дней навѣстилъ его. Данилевскій разсказывалъ ему о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, игралъ на форте-

---

[1]) См. «Сочиненія Г. П. Данилевскаго», т. IX изд. 1893 г., стр. 29.

[2]) Они были напечатаны въ «Вѣдомостяхъ СПБ. городской полиціи» въ №№ 153, 154, 170, 173, 176, 186, 195 и 197 1848 г. подъ названіемъ «Выписки изъ путевого альбома» съ подписью Гр. Д....скій. Плетневъ въ одномъ изъ писемъ къ Гроту (III, 300) отзывается объ этомъ произведеніи Данилевскаго, какъ о весьма нелѣпомъ. Въ № 83 1848 г. «Вѣдомостей СПБ. полиціи» былъ напечатанъ фельетонъ Данилевскаго «Очерки изящнаго».

пьяно, показывалъ ему свои рисунки и свою небольшую библіотеку. Подаривъ ему экземпляръ своихъ очерковъ Финляндіи, Данилевскій надписалъ на немъ: «Брату Катеневу отъ автора», имѣя въ виду, что оба они сотрудничаютъ въ одной газетѣ. Разсказавъ объ этомъ въ своемъ показаніи, онъ дѣлаетъ такую, весьма характерную для него, оговорку: «я еще тогда не зналъ, что Катеневъ мѣщанинъ». Черезъ недѣлю Катеневъ вновь навѣстилъ Данилевскаго, но, несмотря на его просьбу, не принесъ ничего изъ написаннаго имъ самимъ, такъ какъ не придавалъ никакого значенія своимъ произведеніямъ. Данилевскій писалъ въ это время поэму изъ исторіи Мексики, которую уже читалъ двумъ профессорамъ [1]). По словамъ Данилевскаго, Катеневъ былъ очень тронутъ его произведеніемъ и нѣсколько разъ съ чувствомъ сказалъ ему: «Вамъ отъ природы назначено быть художникомъ-поэтомъ».

Въ февралѣ 1849 г. Данилевскій, встрѣтивъ Катенева въ университетѣ, куда тотъ поступилъ вольнослушателемъ, пригласилъ его къ себѣ выслушать его статью объ актерѣ Мартыновѣ. Передъ этимъ Данилевскій познакомился съ другимъ актеромъ Ѳед. Алексѣев. Бурдинымъ, который незадолго передъ тѣмъ поступилъ на петербургскую сцену. Бурдинъ готовилъ статью о своихъ путешествіяхъ [2]) для «Современника» и попросилъ Данилевскаго исправить его первый литературный опытъ. Данилевскій проредактировалъ двѣ его статьи и пригласилъ его къ себѣ на тотъ же вечеръ, что и Катенева. Случайно пришелъ къ Данилевскому и его товарищъ по московскому дворянскому институту, а тогда также студентъ петербургскаго университета Павелъ Ив. Европеусъ [3]). Вскорѣ послѣ того Катеневъ и Данилевскій были у Бурдина по его приглашенію. Катеневъ обѣщалъ Бурдину написать водевиль для его бенефиса, а Данилевскій—перевести куплеты во французскомъ водевилѣ, который Бурдинъ готовилъ для бенефиса актера Куликова.

Въ томъ же мѣсяцѣ Данилевскій былъ у Катенева и, по его словамъ, велъ съ нимъ разговоръ исключительно литературный. Данилевскій сообщилъ Катеневу о томъ грустномъ впечатлѣніи, какое онъ вынесъ изъ чтенія произведенія Панаева «Тля»[4]),

---

[1]) Сюжетъ ея состоялъ въ томъ, что Кортесъ избавляетъ отъ смерти одного дикаря, котораго должны были заколоть въ жертву идоламъ, и тотъ изъ благодарности дѣлается христіаниномъ.

[2]) Его командировали въ театры почти всѣхъ главныхъ городовъ Россіи.

[3]) Въ протоколахъ слѣдственной комиссіи отмѣчено, что П. Европеусъ «добровольно» (вѣроятно, во избѣжаніе ареста) явился въ комиссію и былъ допрошенъ 16 авг. 1849 г.

[4]) «Тля, не-повѣсть» («Отеч. Зап.», 1843 г., т. 26).

«гдѣ выставленъ жалкій кругъ русскихъ писателей, недоучившихся и съ низкою душою». Катеневъ разсказалъ Данилевскому о П. Г. Шапошниковѣ, и показалъ первыя главы своего романа, въ которомъ хотѣлъ изобразить этого своего знакомаго, но замѣтилъ, что врядъ ли окончитъ романъ, такъ какъ занятъ одною повѣстью, которую хочетъ посвятить ему, Данилевскому. При этомъ онъ прочелъ свой фельетонъ въ «Вѣдомостяхъ СПБ. городской полиціи» подъ названіемъ «Повѣсть».

Въ февралѣ умеръ М. А. Байковъ, дядя Данилевскаго, и онъ напечаталъ (за подписью Гр. Д.) его некрологъ въ Вѣдомостяхъ полиціи (1849 г. № 43), статья же объ актерѣ Мартыновѣ появилась въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1849 г. №№ 36 и 37). Вскорѣ послѣ того Данилевскій зашелъ къ Бурдину и встрѣтилъ у него Катенева, П. Европеуса и молодого пѣвца-артиста Булахова. Всѣ они отнеслись къ нему съ большою холодностью. Бурдинъ сказалъ, что, по мнѣнію всѣхъ присутствующихъ, Мартыновъ не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ, которыми его осыпалъ Данилевскій. Но особенно онъ былъ обиженъ насмѣшками Европеуса надъ его некрологомъ дядюшки Байкова въ Вѣдомостяхъ Полиціи, въ которомъ онъ написалъ, что вся жизнь М. А. Байкова была рядомъ неусыпныхъ трудовъ въ исполненіи любимой воли Государя Императора», что онъ всегда покорялъ себя «долгу, службѣ» облагодѣтельствовавшему его Царю и отечеству, что догматы «Христіанства онъ дивно свѣтло прозрѣвалъ подъ конецъ дней своихъ». [1]). «При этихъ смѣшныхъ возгласахъ», сказалъ Данилевскому Европеусъ, «и статью вашу о Мартыновѣ не стоитъ читать. Мой знакомый Дебу даже подъ столъ ее бросилъ, не окончивъ». Данилевскій рѣшилъ никогда не приглашать къ себѣ ни Европеуса, ни Катенева, ни Бурдина[2]). Въ концѣ марта Катеневъ зашелъ къ Данилевскому, засталъ его уже выходящимъ изъ дому и тутъ-то предлагалъ ему взять акцію компаніи, задумавшей пріобрѣсти «Литературную газету».

Утромъ 10 апрѣля 1849 г. Катеневъ, придя къ Данилевскому, сказалъ, что одинъ знакомый подарилъ ему два билета въ маскарадъ съ лотереею-аллегри и предложилъ заѣхать вечеромъ, чтобы отправиться туда вмѣстѣ. Однако Катеневъ пріѣхалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Наумовымъ. «Видъ этого необразованнаго и неуклюжаго мѣщанина», по словамъ Данилевскаго, отбилъ у

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Матв. Андр. Байковѣ, основателѣ удѣльнаго земледѣльческаго училища въ Петербургѣ (1800—1849), см. въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ».

[2]) Вслѣдствіе знакомства съ Катеневымъ и Данилевскимъ Бурдинъ былъ арестованъ и подвергнутъ допросу въ третьемъ отдѣленіи; объ этомъ я разскажу въ другомъ мѣстѣ.

него даже охоту ѣхать въ маскарадъ, но нѣсколько позднѣе, послѣ ихъ ухода онъ все-таки поѣхалъ. Пока Данилевскій угощалъ своихъ гостей чаемъ, Наумовъ разсматривалъ литографированные портреты иностранныхъ писателей, артистовъ, ученыхъ и другихъ лицъ, висѣвшіе по стѣнамъ, и въ томъ числѣ портреты Наполеоновъ I и III, генерала Кавеньяка, «подавившаго возстаніе Парижа», Ламартина и Елачича, «подавившаго возстаніе въ Австріи». — «Почему вы не повѣсите у себя государя?». смѣясь спросилъ Катеневъ. Данилевскій увидѣлъ въ этомъ «грубую и безбожную остроту» и отвѣчалъ, что «такія вещи никто не долженъ говорить громко». Вечеромъ Данилевскій много танцовалъ, а Катеневъ «былъ угрюмъ и разсѣянно слушалъ Данилевскаго, когда тотъ указывалъ ему разныхъ литераторовъ и извѣстныхъ людей, въ томъ числѣ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, котораго встрѣчалъ у дяди. Наумовъ взялъ около 50 билетовъ въ лотерею, ничего не выигралъ и не позволилъ Данилевскому заплатить за ужинъ.

При выходѣ изъ маскарада Катеневъ, по словамъ Данилевскаго, сказалъ ему: «Я съ какою-то досадою смотрѣлъ на этотъ блескъ и шумъ... Я хотѣлъ раскидать между билетиками отъ аллегри билетики съ надписью, что въ Москвѣ былъ бунтъ и что, говорятъ, будто тамъ государь убитъ». Данилевскій отвѣчалъ, что никто въ Петербургѣ этому пуфу не повѣритъ. По словамъ Наумова, Данилевскій прибавилъ еще, что Катеневу «пришлось бы отвѣчать за его пасквиль, особенно когда за ними смотрятъ сто глазъ, и когда государь долженъ быть на-дняхъ здѣсь» [1]).

По донесеніямъ агента Наумова, Катеневъ собирался приготовить штукъ сто-двѣсти билетовъ «для раздачи маскамъ» и чтобы разсыпать ихъ по залѣ и комнатамъ, «свернувъ ихъ такимъ образомъ, какъ обыкновенно свертываютъ лотерейные билеты», съ извѣстіемъ, что въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ и государь убитъ. Между прочимъ, Наумовъ сообщаетъ, что во время одного разговора, въ которомъ Катеневъ выражалъ крайнее недовольство собою, Наумовъ сказалъ: «Если тебя такъ сильно мучитъ совѣсть, то лучше раскаяться».—«Раскаяніе мнѣ не поможетъ», отвѣчалъ Катеневъ,—«и я погубилъ бы имъ только своихъ товарищей». Одна знакомая посовѣтовала ему признаться во всемъ Дубельту и обѣщала испросить ему не только прощеніе, но даже денежную

---

[1]) До Герцена достигъ слухъ, что намѣревались 21 апрѣля (3 мая) 1849 г. убить кинжаломъ государя на маскарадѣ въ дворянскомъ собраніи и что были даже приготовлены билеты лотереи, чтобы бросить ихъ въ лотерейную урну, на которыхъ были написаны воззванія къ возстанію. Статья о Петрашевскомъ въ «Revue Bleue», p. 420). Къ этимъ слухамъ очевидно подала поводъ болтовня Катенева.

награду, но, заявилъ онъ на слѣдствіи, «я отвергнулъ безумный ея совѣтъ, потому что это мучило бы во всю жизнь мою совѣсть, и на каждомъ рублѣ я видѣлъ бы кровь товарищей, мною преданныхъ, и это не помогло бы мнѣ, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ собственноручныя мои письма, въ которыхъ я выражалъ страшное мое мнѣніе» (вѣроятно относительно цареубійства) «и рѣчь, мною читанную».

Быть можетъ, вслѣдствіе сдѣланнаго Наумовымъ предложенія Катеневу раскаяться, тотъ заподозрилъ, что онъ предатель. Наумовъ такъ передаетъ ихъ разговоръ по этому поводу: «Ты можешь меня продать и получить большія деньги». Наумовъ смѣясь сказалъ: «Да что за тебя дадутъ,—развѣ тридцать копеекъ серебромъ».—«Нѣтъ»,—сказалъ Катеневъ: «ты можешь получить за меня хлѣбъ на всю жизнь. Помнишь, что въ продолженіе двухъ лѣтъ нашего знакомства я тебя всячески соблазнялъ, говорилъ тебѣ, что ты будешь все равно, что и я, что мы будемъ ораторствовать на Петровской площади, а народъ будетъ насъ слушать, и что мы оба будемъ богаты. Ты тогда не подавался ни на какія искушенія, все опровергалъ и всему противорѣчилъ, а теперь въ короткое время ты сдѣлался на все готовымъ. .. и поэтому я тебя подозрѣваю».—«Это не мудрено», отвѣчалъ Наумовъ: «тогда я былъ моложе и всего боялся, а теперь, побывши въ Галичѣ, видѣлся тамъ съ людьми мнѣ знакомыми, въ особенности смотрителемъ училища Граціянскимъ, отъ котораго слышалъ то же мнѣніе, которое и вы имѣете, а пожаръ въ Костромѣ и деспотическій поступокъ Суворова съ помѣщикомъ Варенцовымъ ожесточили и меня, тѣмъ болѣе, что я отъ нихъ слышалъ ропотъ на правительство, а потому и перемѣнилъ прежнія свои мысли и готовъ во всемъ слѣдовать за вами». Это, по словамъ Наумова, успокоило Катенева.

Катеневъ показалъ, что разбросать билетики въ лотереѣ-аллегри предлагалъ ему самъ Наумовъ. О Данилевскомъ Катеневъ въ своемъ показаніи отозвался, какъ объ «одномъ изъ благороднѣйшихъ и прекраснѣйшихъ молодыхъ людей, не помышляющихъ никогда объ злоумышленіи противъ правительства».

При обыскѣ у Данилевскаго нашли сочиненіе Устрялова «Историческое обозрѣніе царствованія государя императора Николая I» (1847 г.) съ отмѣтками рукою Данилевскаго, которыя основывались преимущественно на сочиненіи Луи Блана «Histoire de dix ans» и сдѣланы были «частью подлинными словами автора на французскомъ языкѣ, частью по-русски въ сжатомъ переводѣ». Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

На страницѣ 107 «противъ изложеннаго въ книгѣ (Устрялова)

отвѣта Имп. Николая кн. Любецкому и гр. Езерскому въ 1830 г., что если поляки дерзнутъ поднять оружіе противъ Россіи и своего государя законнаго, въ такомъ случаѣ сами они и ихъ пушечные выстрѣлы ниспровергнутъ Польшу, сдѣлана отмѣтка (на основаніи сочиненія Луи Блана): «Царь приписалъ на замѣткахъ Езерскаго: «я царь Польши, и я ее переверну»...

Тамъ же противъ статьи: «Неистовство сейма» такая замѣтка: «Тайно литографированъ манифестъ, оканчивавшійся словами: «если Польшѣ суждено пасть рабою среди развалинъ и труповъ,— врагъ нашъ выиграетъ мало,... и вѣрные поляки своею смертію хоть на мигъ укажутъ глазамъ Европы ея угрожаемую свободу»[1]). (изъ сочиненія Луи Блана).

На стр. 108 написано Plus de Nicolas (Духовскій)», т.-е. Недуховскій.

Тамъ же приведены по-французски слова Луи Блана: «Императоръ любилъ маневры, смотры, парады и могъ величаться первымъ капраломъ Европы..., но Константинъ дерзостью своего обращенія и высокомѣріемъ своихъ отказовъ» (казалось) упрекалъ царя благодѣяніемъ уступленной короны... Онъ не хотѣлъ отдѣлить отъ «(польской)» арміи многіе изъ полковъ, которые были ему необходимы для «его забавы и парадовъ»....

На стр. 110 выписаны по-французски слова Луи Блана: «J. des Debats» «Кто не вспомнитъ, что король прусскій шуринъ beau-père, т.-е. тесть» Николая въ то время, когда эпидемія пойдетъ на Берлинъ?... Въ этомъ случаѣ семейныя связи стоятъ слишкомъ дорого для народовъ».

На стр. 112 слова по-французски Луи Блана противъ статьи: Смерть Дибича. «Дибичъ впалъ въ глубокую меланхолію... Онъ искалъ забвенія въ пьянствѣ отъ своихъ огорченій». (de ses anxiétés). Вдругъ узнали, что гр. Орловъ пріѣхалъ въ лагерь... (Орловъ считаетъ два убійства государей въ своихъ семейныхъ преданіяхъ)... Они имѣли свиданіе, вмѣстѣ обѣдали, и 11 іюня... Дибичъ умеръ въ ужасныхъ страданіяхъ» [2]).

На стр. 113 слова Луи Блана по-французски: «Изъ Пултуска гр. Орловъ отправился въ Минскъ, гдѣ находился Великій Князь.

---

[1]) Это мѣсто передано очень неполно и не точно: «Si la Providence a destiné cette terre à un asservissement perpétuel, et si, dans cette dernière lutte, la liberté de la Pologne doit succomber sous les ruines de ses villes et les cadavres de ses défenseurs notre ennemi ne régnera que sur les déserts; et tout bon Polonais emportera en mourant cette consolation qu'il a, du moins par ce combat à mort, mis à couvert pour un moment la liberté de l'Europe menacée». (т. II, ed. 1842, p. 249).

[2]) Вѣроятно, на основаніи этого мѣста въ сочиненіи Луи Блана Петрашевскій говорилъ Антонелли о томъ, что Орловъ отравилъ Дибича, который, какъ извѣстно, умеръ отъ холеры. См. «Голосъ Минувшаго» 1913 г., № 6, стр. 49. Дибичъ умеръ 29 мая стараго стиля (Рус. біогр. словарь).

Они имѣли свиданіе, вмѣстѣ обѣдали, и Константинъ умеръ».— «Княгиня Ловичъ любила своего мужа, тигра, котораго она сдѣлала ручнымъ..., она угасла въ горести благочестивой, безмолвной и тихой».

На стр. 114 слова Луи Блана въ русс. переводѣ. Прокламація сейма: «Во имя Бога и свободы, во имя родины—между жизнью и смертью, во имя царей и героевъ нашихъ предковъ, падшихъ въ брани за «вѣру и свободу» Европы, во имя потомковъ, которые будутъ спрашивать отчета въ ихъ рабствѣ у вашихъ тѣней: слуги Христа (prêtres) граждане и владѣльцы (cultivateurs) всѣ, всѣ возставайте вмѣстѣ»... «Выписки дѣлалъ титулярный совѣтникъ Устряловъ».

По поводу этихъ отмѣтокъ на сочиненіи Устрялова Данилевскій далъ такое объясненіе: «Дѣйствительно, я могу казаться виновнымъ, но говорю по чистой совѣсти, что настоящее дѣло было такъ: поощренный медалью на университетскомъ актѣ за сочиненіе о Крыловѣ и Пушкинѣ, я принялся за новое сочиненіе,—именно изобразить въ художественномъ описаніи будущее тысячелѣтіе Россіи (1862 г.) и для этого, кромѣ русскихъ сочиненій, началъ читать лучшія иностранныя. Въ числѣ ихъ я прочелъ и сочиненіе Луи Блана (Histoire de dix ans). Сочиненіе это остановило меня и вѣрностью фактовъ, и одинаковостью плана съ исторіею проф. моего Устрялова, но нѣкоторыми мѣстами я былъ совершенно пораженъ и не зналъ, могу ли я послѣ нихъ продолжать пользованіе остальными фактами сочиненія. Для этого я ихъ выписалъ, въ надеждѣ при первомъ случаѣ посовѣтоваться... съ профессоромъ.—Самыя выноски и указанія на страницы показываютъ, что эти... мѣста мнѣ не принадлежатъ, а страницы выписаны для указанія скорѣйшаго Устрялову противъ самихъ мѣстъ его труда. Писаны карандашомъ для того, чтобы ихъ очистить послѣ разговора съ Устряловымъ прежде отдачи книги переплетчику».

Агентъ Наумовъ между прочимъ донесъ, что Данилевскій «участвовалъ въ обществѣ Толстова, въ которомъ состоитъ и московскій сочинитель Лажечниковъ, доставляющій имъ свѣдѣнія о московскихъ дѣлахъ». Было выяснено, что Данилевскій совсѣмъ не зналъ Толстова.

Изъ двухъ записокъ Данилевскаго Катеневу, взятыхъ при обыскѣ, слѣдственная комиссія обратила вниманіе на ту, въ которой онъ извиняется, что еще не былъ у Катенева: «все еще не освободился», писалъ онъ, «изъ-подъ ига семейственности». Подпись подъ запискою была такова: «Salut et fraternité». Гр. Д. Данилевскій объяснилъ: «fraternité относилось къ тому, что мы оба писали

статьи въ Полицейской Газетѣ, и подобная же дружественная шутка написана на книгѣ, подаренной Катеневу..., которая была также напечатана въ Полицейской Газетѣ». Упоминаніе же объ «игѣ семейственности» Данилевскій объяснилъ такъ, что его крѣпостной слуга проигралъ всѣ его «хозяйственныя деньги», и потому онъ былъ «стѣсненъ хлопотами по хозяйству». Данилевскій сослался на то, что его чувства «къ семейству исполнены одной любви и уваженія и изложены въ письмахъ», которыя всѣ конфискованы съ его бумагами. Но быть можетъ, изъ словъ объ «игѣ семейственности» слѣдуетъ сдѣлать заключеніе о фурьеристскихъ взглядахъ на бракъ Катенева, на которыя могъ шутливо намекать Данилевскій.

На обвиненіе, будто бы онъ говорилъ о существованіи ламартиновскаго общества, Данилевскій отвѣчалъ, что своимъ знакомымъ онъ никогда не придавалъ названія «ламартиновскаго общества», но всѣмъ имъ говорилъ, что еще съ дѣтства, изучая французскихъ классиковъ, онъ благоговѣлъ предъ сочиненіями Ламартина «Путешествіемъ въ Іерусалимъ»,передъ его «Мучениками» и «въ послѣдніе два года, когда онъ своею христіанскою, поэтическою кротостью умѣлъ среди буйнаго Парижа заслужить благодарность всего свѣта, я постоянно видѣлъ», продолжаетъ Данилевскій, «надъ нимъ перстъ Божій, избравшій это христіанское сердце спасти испытуемый Небомъ народъ». Его защита Ламартина со стороны многихъ вызывала насмѣшки, и потому онъ пересталъ о немъ говорить. Но мѣсяца два тому назадъ началъ читать въ «Современникѣ» его новое сочиненіе: «Признаніе» и «снова увидѣлъ, что всѣ страницы его наполнены одною безпредѣльною вѣрою во Христа и любовью къ Матери его, такъ что современныхъ утопій и духу здѣсь не было... Узнавъ, что въ продажѣ цензурою дозволена его новая книги «Trois mois au pouvoir», гдѣ онъ отдаетъ отчетъ передъ свѣтомъ и Богомъ какъ политикъ, я досталъ эту книгу на время у моего знакомаго, и она конфискована у меня вмѣстѣ съ другими. Въ числѣ послѣднихъ же взята у меня Исторія древней, т.-е. первой французской революціи Минье; но эта книга—руководство для меня въ лекціяхъ исторіи и продается здѣсь съ разрѣшенія цензуры.—Въ этой же библіотекѣ у меня въ числѣ французскихъ и нѣмецкихъ классиковъ нѣсколько трагедій Вольтера и, кажется, есть еще его бесѣды на нѣмецкомъ языкѣ, но откровенно скажу, что ничего этого не читалъ, не интересуясь парадоксальнымъ философомъ, и двѣ книжечки его въ числѣ 150 экземпляровъ моей библіотеки лежали тамъ для красы съ той поры, какъ эту библіотеку мнѣ подарила моя матушка».

Что благонамѣренный тонъ показаній Данилевскаго объясняется не однимъ страхомъ передъ слѣдственною комиссіею, что онъ былъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ пай-мальчикъ и не даромъ впослѣдствіи состоялъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника» видно, напримѣръ изъ слѣдующаго письма его къ родителямъ отъ 1 января 1849 г.: «Безцѣнный ангелъ мамаша и безцѣнный нашъ ангелъ-хранитель папенька!

Честь имѣю васъ поздравить съ Новымъ Годомъ и пожелать вамъ всего новаго, даже счастья, потому, что старое счастье, какъ бы оно ни было близко сердцу, все таки напоминаетъ собою старыя маленькія горести... Горестей же новыхъ дай Богъ вамъ избѣгнуть, а если старыхъ вы еще не забыли (когда только онѣ были вокругъ васъ), то отрекомендуйте имъ ради Бога новое жилище, именно: *западную Европу*,—тамъ ихъ встрѣчаютъ съ отверзтыми объятьями... И въ самомъ дѣлѣ! Кому передъ лицомъ, задумчивымъ и грустнымъ новаго года не предстанетъ прошлый—1848 годъ. Легко сказать: въ такой тѣсной рамкѣ и столько историческихъ событій!... Не говорю уже о Франціи,—о ней столько писано и печатано, что листами этихъ разсужденій можно покрыть все пространство ея въ толстый слой,—да еще такъ, что не только при грядущихъ морозахъ будетъ тепло оборваннымъ радикаламъ ея, но даже она сможетъ скрыть свой явный, какъ день, стыдъ передъ тѣми историками, которые писали дѣянія другихъ реформаторовъ: Петра Великаго, Фридриха I и Екатерины II. На моемъ уже вѣку, въ 1830 г., родился въ Австріи Францъ-Іосифъ, и вотъ уже онъ *Императоръ*, и вкругъ него толпятся народы и (государь) великаго сѣвера шлетъ ему свой громоносный покровительственный поклонъ! А папа?—Давно ли изумлялись его реформамъ, но забылъ онъ источникъ всякаго преобразованія, и вмѣсто *нагорной проповѣди* Того, кого онъ замѣщаетъ въ Римѣ, услыхали народы восторженныя его прокламаціи, чуть не въ стихахъ..., и нѣтъ болѣе Пія, и чуть ли не придется новому Бонапарту воевать за его возрожденіе, какъ нѣкогда другой корсиканецъ воевалъ съ другимъ Піемъ за *свой* императорскій жезлъ?!...

«Нѣтъ, не перо Хамелеона, не голосъ ханжи это говоритъ моимъ безцѣннымъ ангеламъ! Мое убѣжденіе свято... я прямо съ отверзтыми взорами подойду къ Тому, который знаетъ Русь и Москву, ея родину, лучше всѣхъ крикуновъ и, царствуя, даетъ намъ покой и путь къ счастью,—взгляну съ любовью и вѣрой въ его очи такъ, какъ смотритъ въ очи солнца духъ истины!» [1])

[1]) Письмо это было препровождено матерью Данилевскаго къ гр. Орлову при ея письменномъ ходатайствѣ объ освобожденіи ея сына, въ видѣ доказательства того, что сынъ ея былъ всегда «преисполненъ чистой, святой любовью къ царю». Она писала также ректору университета Плетневу и коменданту крѣпости Набокову.

Г. П. Данилевскій былъ арестованъ вмѣстѣ со многими другими по предписанію гр. Орлова въ ночь съ 22 на 23 апрѣля и впервые допрошенъ 10 мая. 17 мая у него былъ произведенъ вторичный обыскъ. Изъ найденныхъ по смерти Данилевскаго 10 полуистлѣвшихъ маленькихъ бумажныхъ лоскутковъ, составляющихъ его наброски во время заключенія, видно, что онъ былъ въ сильномъ унынін, плакалъ, прощался со славой, тосковалъ оттого, что ему не позволили написать матери, но въ то же время писалъ стихи, работалъ надъ своею поэмою изъ мексиканской жизни «Гвая-Ллиръ», читалъ Мольера, романы «Мартынъ-найденышъ» Евг. Сю [1]), «Графъ Монтекристо» Дюма—отца и «Юрій Милославскій» Загоскина, а также «Космосъ» Гумбольдта и проч. [2]).

Благонамѣренность Данилевскаго спасла его. 7 іюля 1849 г. слѣдственная комиссія, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства его дѣла, признала его невиннымъ и ходатайствовала предъ государемъ о немедленномъ его освобожденіи съ тѣмъ, чтобы содержаніе его въ крѣпости не имѣло никакого вліянія на его будущность, и такъ какъ онъ во время арестованія его готовился къ экзамену, котораго вслѣдствіе этого выдержать не могъ, то предлагала «сообщить г. министру народнаго просвѣщенія, чтобы онъ приказалъ допустить Данилевскаго къ выдержанію экзамена, давъ ему нужное время для приготовленія». Государь велѣлъ освободить Данилевскаго и допустить къ экзамену, но «подтвердить ему, чтобы онъ не увлекался чувствами и вредными мечтаніями». 10 іюля Данилевскій былъ выпущенъ изъ крѣпости, при чемъ, однако, съ него взяли подписку о невыѣздѣ безъ разрѣшенія слѣдственной комиссіи.

Въ октябрѣ 1849 г. въ «Библіотекѣ для чтенія» появилась его поэма изъ мексиканской жизни «Гвая-Ллиръ» [3]), по поводу которой рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» справедливо замѣтивъ, что у автора «есть талантъ», выразилъ сожалѣніе, что «на этотъ разъ онъ отправилъ его за вдохновеніемъ такъ далеко. «Полагаемъ», говоритъ рецензентъ, «что поэту можно вдохновляться и предметами болѣе близкими къ обществу и его интересамъ» (№ 289).

Съ 4 апрѣля по 7 іюня 1850 г. Данилевскій сдавалъ выпускные экзамены въ университетѣ и сдалъ ихъ прекрасно.

---

[1]) Изъ дневника Елены Андр. Штакеншнейдеръ видно, что «Мыртынъ-найденышъ» принадлежалъ къ числу романовъ, наиболѣе любимыхъ Ѳ. М. Достоевскимъ. «Голосъ Минувшаго» 1916 г., № 2, стр. 80.

[2]) *Трубачевъ*, стр. XXXI—XXXII. Серьезная любовь Данилевскаго къ литературѣ видна изъ его писемъ къ матери въ 1847 г. (см. тамъ же, стр. XXVI—XXVII).

[3]) «Гвая-Ллиръ или мексиканскія ночи». См. «Сочиненія Г. П. Данилевскаго», СПБ. 1893 г., т. I, стр. 71—103.

V. Б. И. Утинъ.

Вслѣдствіе знакомства съ студентомъ Толстовымъ былъ привлеченъ къ слѣдствію и Борисъ Исааковичъ Утинъ, 17-лѣтній юноша, будущій профессоръ с.-петербургскаго университета. Отецъ его, купецъ 3-ей гильдіи, служилъ комиссіонеромъ по откупамъ Мясникова въ Архангельскѣ, а дядя Фейгинъ, былъ коммерціи совѣтникъ. Антонелли въ началѣ февраля 1849 г. донесъ Липранди, что Толстовъ, будучи у Петрашевскаго, отозвался отъ Утинѣ, своемъ бывшемъ ученикѣ, въ то время учившимся въ Петропавловскомъ училищѣ, «какъ о человѣкѣ съ душою пылкою и горячею головою, который не по лѣтамъ имѣетъ здравый взглядъ на вещи и на котораго онъ, Толстовъ, всегда глядитъ съ любовью, какъ на собственнаго сына». Утинъ былъ православнаго исповѣданія, воспитывался въ Петропавловскомъ нѣмецкомъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ декабрѣ 1848 г. Тотчасъ послѣ этого онъ поѣхалъ въ Архангельскъ для свиданія съ родителями, возвратился въ мартѣ, былъ арестованъ въ апрѣлѣ и потому, по его словамъ, «имѣлъ слишкомъ мало времени, чтобы заниматься какимъ-либо дѣломъ», кромѣ приготовленія въ университетъ.

Допрошенный первый разъ 11 мая, онъ показалъ, что въ разговорахъ съ Толстовымъ «замѣтилъ» въ немъ «вообще недовольство на правительство». Затѣмъ, вѣроятно, по возвращеніи въ казематъ, онъ написалъ:

«Не чувствуя за собой никакой вины и тщетно ломая себѣ голову надъ вопросомъ, за что я вотъ уже третью недѣлю нахожусь въ томительномъ заключеніи, я обрадовался, когда меня, наконецъ, позвали въ Комиссію. Теперь я знаю, что пали подозрѣнія на мое знакомство съ студентомъ Толстовымъ [1])....

«Такъ какъ я готовился ко вступительному экзамену, то Толстовъ заходилъ ко мнѣ, и предметомъ нашихъ разговоровъ были естественно вещи, которыя меня больше всего занимали: университетъ, избраніе факультета, наука, литература, познаніями въ которой онъ меня всегда плѣнялъ. Только рѣдко разговоръ удалялся отъ этихъ предметовъ, но если это иногда случалось, тогда Толстовъ разсуждалъ о судопроизводствѣ, о тяжебныхъ дѣлахъ, говорилъ о несправедливостяхъ, которыя въ нихъ встрѣчаются, о взяткахъ. Въ этихъ рѣзкихъ сужденіяхъ именно и проглядывало его неудовольствіе на правительство. Средствомъ искоренить зло онъ полагалъ увеличеніе числа юристовъ, получившихъ университетское образованіе. Такъ онъ и мнѣ совѣтовалъ итти по юридическому факультету. Основательное изученіе права, думалъ

[1]) Утинъ всюдѣ пишетъ Толстой вмѣсто Толстовъ.

онъ, есть самое полезное знаніе для нашего времени. Скажу, наконецъ, что любимою мечтою Толстова, сколько я знаю, было ѣхать на востокъ, для чего онъ и шелъ по факультету восточной словесности.

«Вотъ все, что я знаю о студентѣ Толстовѣ. Самого меня обвиняютъ, будто я говорилъ о недовольствѣ крестьянъ, которое я замѣтилъ по дорогѣ въ Архангельскъ. Это клевета. Я, напротивъ, всегда говорилъ, что удивлялся, какъ въ Архангельской губ., при бѣдной и суровой природѣ, крестьяне такъ богаты. Мнѣ случилось въ Архангельскѣ быть однажды на пикникѣ, и, вошедши въ домъ крестьянина, мы увидѣли обои, крашеные полы, зеркала,—словомъ все, что свидѣтельствуетъ о благосостояніи.

«Я... чистъ предъ Богомъ и совѣстью. Грустно, что въ началѣ жизни на мою долю пришлось такое испытаніе. Одно стремленіе, одно пламенное желаніе, которое я имѣлъ, имѣю и буду всегда имѣть—есть учиться и быть полезнымъ членомъ общества».

Агентъ Наумовъ, приходившій къ Утину съ Толстовымъ, донесъ, будто бы Толстовъ говорилъ ему объ Утинѣ: «это тоже нашъ товарищъ; онъ путешествовалъ (въ Архангельскъ) съ цѣлью и съ большимъ успѣхомъ». Наумовъ заявилъ еще, что 1 апрѣля 1849 г. при разговорѣ у Утина о государѣ, онъ сказалъ: «всѣ знаютъ, что государя вездѣ ругаютъ, и всѣ недовольны, слѣдовательно нечего и говорить объ этомъ», но Утинъ это рѣшительно отрицалъ. Кромѣ того, по словамъ Наумова, Утинъ 12 апрѣля, показавъ ему вырѣзанную во французскомъ журналѣ La Semaine[1]) статью о Россіи, сказалъ: «какъ глупо наше правительство, —статью вырѣзаетъ, а заголовокъ оставляетъ». Утинъ отрицалъ эти слова, но призналъ, что показывалъ французскій журналъ, въ которомъ была вырѣзана статья, при чемъ замѣтилъ, что ему кажется страннымъ, что заглавіе оставлено.

Мы можемъ теперь возстановить полностью эту вырѣзанную статью. Рѣчь очевидно шла о замѣткѣ, помѣщенной въ еженедѣльной парижской газетѣ La Semaine въ № 13, 1849 г. отъ 1 апр. (по новому стилю) въ отдѣлѣ «Courrier de l'étranger» подъ заглавіемъ «Россія». Вотъ эта замѣтка: «Въ одной изъ чешскихъ пражскихъ газетъ помѣщена слѣдующая корреспонденція изъ Петербурга:

«Читая западноевропейскія газеты, знакомясь съ вашими запросами и вашими взглядами на русскую политику, мы при-

---

[1]) Не та ли это статья, о которой говоритъ Герценъ въ своемъ очеркѣ о Петрашевскомъ и гдѣ авторъ, разсуждая о венгерскихъ дѣлахъ, предсказывалъ, что имп. Николаю будетъ скоро много хлопотъ у себя дома? См. «Голосъ Минувшаго», 1913, № 11; стр. 67—68.

ходимъ къ выводу, что у насъ не такъ, какъ въ Европѣ. Однако вы должны знакомиться съ русскою политикою, такъ какъ страхъ, что Россія можетъ овладѣть вашими странами лишаетъ васъ энергіи и заставляетъ васъ бояться нашего самодержца. Знайте разъ навсегда, что его политика относительно европейскихъ революцій имѣетъ такое же значеніе, какъ англійская дипломатія относительно промышленности и торговли континента. Чѣмъ болѣе будетъ у васъ возстаній, чѣмъ болѣе будетъ у васъ бомбардируемыхъ или осажденныхъ городовъ, тѣмъ болѣе будетъ доволенъ самодержецъ, тѣмъ болѣе обогатится Альбіонъ.

Поэтому русскіе агенты, вмѣсто того, чтобы тушить огонь, стараются раздуть его при помощи рублей. Самодержецъ въ данную минуту не намѣренъ покорить цивилизованный міръ, но онъ хочетъ его ослабить и иначе направить его стремленіе, чтобы не встрѣтить помѣхи своимъ видамъ относительно завоеванія Турціи.

«Николай такъ боится за свою жизнь, что ежедневно мѣняетъ мѣсто своего ночлега (?). Пытки, ссылки въ Сибирь, разжалованіе офицеровъ, генераловъ, конфискаціи имѣній поляковъ, низость нашихъ чиновниковъ, хищность всего оффиціальнаго міра—вотъ наша повседневная исторія.

«Здѣсь (т.-е. въ Петербургѣ) тайно отлитографированы прокламаціи Пестеля, Бестужева, Муравьева и даже новѣйшія рѣчи и писанія Бакунина. Полиція дѣлаетъ набѣги изъ дома въ домъ, чтобы захватить эту контрабанду и всякій, у кого она найдена, получаетъ сотню палочныхъ ударовъ безъ различія возраста и пола».

Послѣднее извѣстіе о появленіи литографированныхъ возваній и статей, при всей видимой его неточности, заставляетъ припомнить о литографіи, задуманной кружкомъ Дурова и подвинутою уже къ осуществленію Спачиневымъ и студ. Филипповымъ. Не ихъ ли это работа? А затѣмъ слѣдуетъ припомнить извѣстіе Герцена о томъ, что статья въ газетѣ «Semaine», предсказывающая, что имп. Николаю будетъ скоро много хлопотъ дома [1]) была толчкомъ, побудившимъ его дать приказъ приступить къ арестамъ Петрашевцевъ.

Оглоблина, какъ мы видѣли, въ своемъ показаніи упомянула что Утинъ, вмѣстѣ съ Толстовымъ, посѣтилъ какого-то фельдъегеря, который разсказалъ о подкопѣ дворца и о бунтѣ въ Москвѣ. Спрошенный объ этомъ Утинъ (быть можетъ, подъ вліяніемъ письма отъ Толстова, попавшаго въ руки слѣдственной комиссіи и при-

[1]) Revue Bleue 1908 3 octobre, t X, 5-e série № 14, p. 419.

соединеннаго къ дѣлу; въ которомъ Толстовъ просилъ его, пожертвовавъ своими «сердечными обстоятельствами», показать, «откуда пошла молва о бунтѣ въ Москвѣ»), заявилъ на слѣдствіи, что услышалъ это «отъ одной дѣвченки, англичанки Маріи Берисъ», которая сообщила ему, что слышала объ этомъ у какого-то знатнаго лица изъ разсказа его посѣтителя, когда была спрятана и все слышала. Утинъ, видимо, измѣнилъ фамилію дѣвушки, по его словамъ совсѣмъ непричастной къ этому дѣлу, но ее все-таки разыскали, и эта Марія Варнъ (а не Берисъ), призванная къ Дубельту, рѣшительно отреклась отъ того, что разсказалъ о ней Утинъ.

Утину предъявили донесеніе Шапошникова и Наумова о томъ, что когда онъ съ Толстовымъ разспрашивали нѣкоего Воронина, жившаго въ Петербургѣ по дѣлу о землѣ съ крестьянами, которое продолжалось уже двадцать лѣтъ, то Толстовъ воскликнулъ: «вотъ какъ мошенничаетъ правительство, а вы все терпите и ничего не дѣлаете»! Утинъ далъ такое показаніе: «Сколько я припомню, Толстовъ сказалъ: «вотъ какія у насъ дѣла дѣлаются».

При обыскѣ у Утина нашли два письма нѣкоего Аристова. Оглоблина показала, что Ив. Петр. Аристовъ жилъ въ одной квартирѣ съ Толстовымъ и затѣмъ, окончивъ курсъ въ университетѣ въ январѣ 1849 г., уѣхалъ въ Костромскую губернію. Липранди въ своей извѣстной запискѣ высказалъ предположеніе, что Аристовъ, подобно Кузьмину въ Тамбовѣ, Черносвитову въ Сибири, Тимковскому въ Ревелѣ, Плещееву въ Москвѣ, Кайданову въ Ростовѣ, былъ въ Костромѣ пропагандистомъ идей тайнаго общества Петрашевскаго и другихъ [1]). Но слѣдственная комиссія отнесла Аристова къ числу лицъ, «не посѣщавшихъ собраній» и на которыхъ «никакихъ обвиненій никѣмъ не выведено». Утинъ показалъ, что былъ знакомъ съ кандидатомъ петербургскаго университета Аристовымъ, котораго, кажется, зовутъ Иванъ Петровичъ, но что «особыхъ сношеній съ нимъ никакихъ не имѣлъ».

Въ бумагахъ Утина были найдены также его сочиненія, «въ которыхъ», по сообщенію кн. Голицына, «проявляются предосудительныя мысли» и рукописный переводъ сочиненія Ф. Фейербаха «Религія будущности», «подобный тому, какой данъ былъ Катеневымъ агенту Наумову», но другой экземпляръ.

Такъ какъ статья Фридриха Фейербаха, брата знаменитаго

---

[1]) Въ бумагахъ Липранди объ Аристовѣ сказано: «Вѣроятно тотъ, о которомъ упоминалъ Толстовъ, что онъ употребляется въ Костромѣ». Быть можетъ, въ связи съ этимъ агентъ Вас. Шапошниковъ, по порученію Липранди, ѣздилъ, во второй половинѣ февраля 1849 г., въ Кострому.

философа Людвига Фейербаха, очевидно служила однимъ изъ средствъ пропаганды, то считаю необходимымъ остановиться на ней. Заглавіе ея въ экземплярѣ Утина: «Религія будущности. Человѣкъ или Христосъ? Быть или не быть?» Приведу нѣкоторыя мѣста изъ этой рукописи.

«Мы справедливо желаемъ счастья здѣсь на землѣ... Искать же выше земного, сверхъестественнаго счастья, какъ удовольствія благочестиваго въ обращеніи съ своимъ Богомъ и т. п., такое стремленіе, какъ презрѣніе настоящаго счастья, должно непремѣнно вести къ пожертвованію послѣднимъ и вообще къ пожертвованію естественной жизнью, должно вести къ смерти и испорченности человѣчества. Желать быть счастливымъ по законамъ разума, значитъ не что иное, какъ желать жить согласно съ законами природы. Желаніе счастья въ истинномъ значеніи есть признаніе человѣческой природы за высшій законъ...

«Благосостояніе людей обусловливается тѣмъ, чтобъ вѣра въ истину, справедливость и святость естественнаго стремленія людей къ счастью, все болѣе и сильнѣе царствовала бы, а потому мы уполномочены и обязаны устранять по силамъ своимъ все, что противится побѣдоносному шествію этой вѣры... Ежели мы желаемъ улучшить состояніе людей, что невозможно безъ признанія человѣческихъ потребностей, то мы должны прежде всего стараться, чтобъ не духъ христіанства владѣлъ человѣчествомъ, осуждающій и проклинающій нашу природу, а другой, совершенно съ нею примиренный.

...«Религія будущности есть не что иное, какъ вѣра въ справедливость естественнаго стремленія къ счастью, вѣра въ силу человѣческой природы, какъ разумное условіе къ удовлетворенію выше сказаннаго...

«Эта вѣра, вѣра въ людей, есть ложь до тѣхъ поръ, пока она допускаетъ возлѣ воли нашей природы волю выше человѣческаго существа, какъ законъ и нравственное правило, потому что одно изъ двухъ: эту волю высшаго существа мы представляемъ себѣ или совпадающею съ волею человѣческой природы, или ей противорѣчащею. Принять первое....—это по крайней мѣрѣ излишнее,—зачѣмъ два одинаково гласящихъ закона? Принять же послѣднее и вѣровать въ него—значитъ быть въ діаметральной противоположности съ вѣрою въ справедливость естественнаго стремленія къ счастью,—значитъ, приговорить самого себя къ смерти.—Да будетъ воля людей!

«Со временемъ общественныя отношенія будутъ такъ устроены, что всѣ будутъ жить въ мирѣ и согласіи, сообразно главнымъ условіямъ земного счастья и благосостоянія...

«Человѣческая природа должна изъ собственнаго своего зародыша, и только изъ него, вся и во всѣхъ людяхъ гармонически развернуться, дѣйствовать и самоудовлетвориться. Мы должны искать нашего счастья не выше и не ниже человѣческой природы... Ложно... требованіе сдѣлаться сходнымъ съ существомъ высшимъ, совершеннѣйшимъ, нежели человѣкъ...

«Нѣтъ спасенія внѣ человѣка! Это единственное выраженіе будущей религіи, вѣрнѣйшая проба для узнанія, положивъ руку на сердце, свободны ли мы отъ всѣхъ религіозныхъ бредней, обращены ли мы къ дѣлу человѣчества... Въ презрѣніи и непризнаніи человѣческой природы заключается корень земныхъ бѣдствій... Трудъ и веселая жизнь, какъ единственный центръ, около котораго вращается наше земное благосостояніе, трудъ и веселая жизнь, по всестороннемъ развитіи, образованіи и удовлетвореніи всего человѣка, какъ направленное къ единственной нашей цѣли,—вотъ наше назначеніе, вотъ путь къ лучшей будущности...

«Отъ принятія сверхъестественнаго высшаго само себя сознающаго существа развивается само собою вѣрованіе, что это высшее существо управляетъ міромъ, и только оно управляетъ имъ, что только отъ одной его благости должно ожидать спасенія, что мы не должны надѣяться ни на нашу природу, ни на содѣйствіе другихъ людей, но на одного его... Проповѣдывать надежду на Бога—значитъ задушить въ зародышѣ человѣческое самосознаніе, поставить въ обязанность невѣрованіе въ людей, уничтожить между ними вѣрность и довѣріе...

«Скоро настанетъ время, когда серьезно подумаютъ объ исключеніи религіи изъ воспитанія людей.—И въ самомъ дѣлѣ! Какъ иначе заглушить источникъ кровавой рѣки, такъ долго протекавшей in majorem Dei gloriam (во славу Бога, какъ любятъ выражаться іезуиты) и еще въ наше время протекающей. Въ наше время! Или мы не слыхали люцернскихъ выстрѣловъ? [1])

«Но что станетъ съ наукою воспитанія, когда она будетъ основываться не на волѣ Божіей, а на волѣ человѣка; когда живая книга природы будетъ признана ея живымъ оракуломъ, когда не искаженіе, а зрѣлость естественнаго человѣка будетъ признана ея торжествомъ, ея высшимъ идеаломъ.—Она то же испытаетъ, что испытали естественныя науки, медицина и правовѣдѣніе. Эти науки были въ доброе старое время болѣе или менѣе

[1]) Вѣроятно намекъ на борьбу въ Швейцаріи, по вопросу объ изгнаніи іезуитовъ, между либеральными кантонами и Зондербундомъ изъ 7 ультрамонтанскихъ кантоновъ и походѣ въ 1843 г. на Люцернъ полковника Оксенбейна, въ войскѣ котораго былъ волонтеромъ петрашевецъ Н. А. Спѣшневъ.

затуманены богословскимъ воззрѣніемъ на міръ, были подъ опекою и вассальствомъ церкви, такъ что, напримѣръ, правовѣдѣніе низошло до степени церковнаго палача, а исторія этихъ наукъ показываетъ, что онѣ сдѣлали быстрые успѣхи и получили надлежащую полноту, освободившись отъ богословія и церкви.

«Что касается до церкви, то мы видимъ намекъ будущности или вѣрнѣе того, что заступитъ ея мѣсто, въ союзахъ, заключаемыхъ въ наше время для различныхъ полезныхъ цѣлей, которые союзы, конечно, настоящею церковью не уважаются или даже осуждаются. Ими пробудится идея всесторонняго союза, котораго назначеніе—словомъ и дѣломъ привести въ извѣстность все служащее къ удовлетворенію, развитію человѣка и образованію счастливаго поколѣнія.—Прежде всего будущая церковь пробудитъ въ насъ самосознаніе о необходимости взаимной помощи, самосознаніе нашихъ силъ въ общественныхъ дѣлахъ для взаимно полезныхъ цѣлей, пробудитъ въ насъ духъ справедливости и довѣрія, сочувствіе къ общему благосостоянію и научитъ насъ мудро организировать нашу дѣятельность и направлять ее къ извѣстнымъ цѣлямъ... Далека еще эта будущая церковь, но близка потребность ея, потребность, основанная на нуждахъ времени... Тогда церковь будетъ отцовскимъ домомъ, гдѣ люди соберутся не какъ братья и сестры во Христѣ, а какъ братья и сестры въ человѣкѣ, потому что общая природа ихъ есть ихъ семейный союзъ.—Вездѣ и повсюду, наконецъ, признается воля человѣка за высшій законъ человѣчества, и Богъ, т.-е. богословіе, будетъ принесено въ жертву человѣку и человѣчеству. Перестанутъ тогда бѣдственныя противорѣчія, тревожащія христіанина, какъ напримѣръ Богъ и чортъ, божеская и человѣческая природа, обязанности къ Богу и обязанности къ человѣку, любовь и вѣра, законъ и милость, здѣшняя жизнь и будущая и т. п.—Человѣчество примирится, наконецъ, съ своею природою, единственнымъ примиреніемъ, въ которомъ оно нуждается.

«Примиреніе, съ человѣческою природою!.. Въ христіанскомъ духѣ, не забудемъ этого, такое примиреніе невозможно. Въ глазахъ истиннаго христіанина уже самое наше существованіе есть непростительное преступленіе. «Я произошелъ отъ грѣшнаго сѣмени, моя мать зачала меня въ грѣхѣ».—Такъ думаетъ истинный христіанинъ, и онъ изъ глубины души своей гремитъ намъ въ отвѣтъ: «Еще не родившись, еще не сосавъ материнскаго молока, ты былъ уже осужденъ, отвергнутъ и проклятъ» [1]).

[1]) Въ публичныхъ библіотекахъ Петербурга, Москвы, Юрьева и Гельсингфорса нѣтъ оригинала этого сочиненія Фридриха Фейербаха (Die Religion der Zukunft III Heft. Mensch oder Christ?) и потому я не могъ провѣрить, насколько правиленъ переводъ.

На вопросъ объ этой статьѣ Б. Утинъ отвѣчалъ, что не переводилъ ея, а купивъ книгу «Das Wesen des Christenthums» [1]) у букиниста, нашелъ въ ней эту рукопись.

Отвѣты Утина были, говоря вообще, осторожны и тактичны, и слѣдственная комиссія нашла нужнымъ его освободить.

Далеко не такъ благополучно, какъ для Г. П. Данилевскаго и Б. И. Утина, окончилось дѣло для Толстова, Катенева и Шапошникова.

Толстовъ принесъ покаяніе въ довольно унизительной формѣ и даже не рѣшался просить себѣ пощады. 25 іюля 1849 г. военный министръ сообщилъ слѣдственной комиссіи, что государь, принимая во вниманіе откровенность, съ которою Толстовъ «изложилъ самыя тайныя мысли свои», повелѣлъ опредѣлить его унтеръ-офицеромъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, чтобы «предоставить ему случай загладить заблужденіе молодости». Такъ какъ на Кавказѣ весьма легко было погибнуть въ бояхъ съ горцами или отъ эпидемическихъ болѣзней, то это было довольно часто примѣняемое имп. Николаемъ средство отдѣлываться отъ людей «неблагонамѣренныхъ».

Судьба Катенева была еще печальнѣе. 23 іюля комендантъ Петропавловской крѣпости увѣдомилъ слѣдственную комиссію, что «содержащійся въ Алексѣевскомъ равелинѣ секретный арестантъ» Катеневъ вслѣдствіе оказавшейся у него болѣзни и разстройства умственныхъ способностей отправленъ для леченія во второй военно-сухопутный госпиталь. Затѣмъ комендантъ увѣдомилъ, что 30 августа Катеневъ отправленъ въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ. Наконецъ, 24 октября военно-судная комиссія узнала, что онъ впалъ въ тихое помѣшательство. По свидѣтельству врача больницы Всѣхъ Скорбящихъ, у него оказалось «отупленіе умственныхъ способностей и душевныхъ силъ», онъ все молчитъ «и на вопросы отвѣчаетъ неудовлетворительно, не обнаруживаетъ никакихъ желаній, неудовольствій и скуки, стоитъ цѣлые дни на одномъ мѣстѣ... и складываетъ машинально свое платье». Поэтому на военный судъ Катенева не вызывали [2]).

Петра Шапошникова военный судъ «за участіе въ совѣщаніяхъ о перемѣнѣ образа правленія въ Россіи, произнесеніе дерзкихъ

---

[1]) Людвига Фейербаха.

[2]) Сошелъ съ ума и былъ помѣщенъ въ той же больницѣ приказчикъ П. Шапошникова, мѣщанинъ Востровъ. Юнаго Мазурина государь велѣлъ отправить въ Москву подъ наблюденіе отца, учредивъ за нимъ кромѣ того и секретный надзоръ со стороны правительства.

словъ «о государѣ» и недонесеніе объ умыслѣ... Катенева на цареубійство» приговорилъ къ смертной казни разстрѣляніемъ. По заключенію генералъ-аудиторіата «за преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ религіи и правительства и о возможности введенія въ Россіи республиканскаго правленія, Шапошникова, какъ обнаружившаго явно склонность къ вольнодумству и навлекающаго на себя сильное подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ выраженій о государѣ, предполагалось, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, отослать въ арестанскія роты инженернаго вѣдомства на шесть лѣтъ, а потомъ опредѣлить на службу въ отдаленныя войска. Государь положилъ такую резолюцію: «рядовымъ въ оренбургскіе линейные баталіоны». 23 декабря 1849 г. Шапошниковъ былъ отправленъ въ Оренбургъ къ военному коменданту.

Въ царствованіе имп. Александра II рядовой Шапошниковъ былъ уволенъ въ отставку и ему разрѣшено было возвратиться въ Москву, его родину, и воспользоваться правами прежняго состоянія съ учрежденіемъ за нимъ секретнаго надзора. Жительство въ Петербургѣ Шапошникову было воспрещено [1]).

По возвращеніи изъ ссылки, онъ поступилъ въ Москвѣ наборщикомъ въ типографію Каткова. Извѣстный пріятель Каткова, проф. П. М. Леонтьевъ, принялъ въ Шапошниковѣ участіе и ходатайствовалъ за него предъ тогдашнимъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, гр. Закревскимъ. Вызванный къ графу, Шапошниковъ на вопросъ, за что былъ сосланъ, отвѣчалъ: «за то, что желалъ въ Россійской имперіи водворить республиканскій образъ правленія». Графъ, разсерженный этимъ отвѣтомъ, прогналъ его, но затѣмъ выяснилось, что во время пребыванія въ арестантскихъ ротахъ, ему велѣно было такъ отвѣчать, и, благодаря хлопотамъ Леонтьева, Шапошникову, если вѣрить сообщенію кн. Оболенскаго, вернули даже стоимость его конфискованной табачной лавочки [2]).

В. Семевскій.

---

[1]) *М. Л. Юдинъ.* «Къ біографіи А. Н. Плещеева». «Историческ. Вѣстн.». 1905 г. № 10, стр. 161—162.

[2]) *Кн. Д. А. Оболенскій.* «Наброски изъ прошлаго». «Истор. Вѣстн.» 1893 г. № 12, стр. 660—661.

Изъ недавняго прошлаго [1]).

Общество любителей художествъ.—Д. П. Боткинъ.—Е. А. Лансере.—Таврическій губернаторъ Всеволожскій.—Болгарская колонія.—И. К. Айвазовскій.—Ѳеодосійское общество.

Зимою 1877 г. я былъ избранъ секретаремъ Московскаго общества любителей художествъ и съ увлеченіемъ занялся дѣлами общества, стараясь пробудить его къ новой жизни, расширивъ его задачи и кругъ дѣятельности. До моего поступленія въ число членовъ этого общества, дѣятельность его ограничивалась, не взирая на обладаніе довольно значительнымъ капиталомъ, лишь тѣмъ, что оно имѣло постоянную выставку картинъ, мѣнявшуюся нѣсколько разъ въ годъ, на которую художники ставили свои произведенія, а любители выставляли пріобрѣтенныя ими картины какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ мастеровъ. Время отъ времени обществомъ устраивались для поощренія художниковъ конкурсы обыкновенно по тремъ родамъ живописи: исторической, жанровой и пейзажной. За лучшія произведенія по этимъ тремъ родамъ живописи авторамъ ихъ выдавались денежныя преміи, кромѣ того разъ въ годъ устраивались аукціоны, на которые члены-художники могли представлять свои работы и на которыхъ продавались картины, представляемыя въ общество, какъ членскіе взносы художниковъ, такъ какъ послѣдніе ежегоднаго членскаго взноса въ размѣрѣ 10 руб.не платили, а, желая стать членами общества, должны были дать въ собственность общества какую-нибудь картину, которая и зачислялась имъ, какъ единовременный и пожизненный взносъ.

Если эта дѣятельность общества могла удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись ему въ началѣ его существованія, то ко времени моего поступленія, наряду съ измѣнившимися условіями, измѣнились и потребности, возникла

---

[1]) См. Гол. Мин. №№ 1, 4, 5—6, 7—8 9, 10.

нужда въ проявленіи иной дѣятельности со стороны общества, имѣвшаго задачей развитіе и поощреніе отечественнаго искусства. Одной изъ главныхъ такихъ потребностей явилась помощь какъ престарѣлымъ и больнымъ художникамъ, такъ равно и молодымъ начинающимъ талантамъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до моего поступленія въ члены общества и избранія въ секретари, я организовалъ частнымъ образомъ небольшую вспомогательную кассу, оказывавшую, хотя и незначительную, но все-таки порой очень своевременную, помощь нуждающимся товарищамъ. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ много помогъ Михаилъ Романовичъ Романовъ, о которомъ я уже упоминалъ выше. Какъ студентъ, онъ былъ знакомъ съ подобнаго рода организаціями среди университетской молодежи и помогъ мнѣ поставить это дѣло на болѣе или менѣе правильныя начала. Главнымъ источникомъ доходовъ для нашей кассы служили домашнія лотереи, которыя мы устраивали среди знакомыхъ и на которыхъ разыгрывались картины участниковъ кассы.

Дѣло это шло настолько удачно, что ко времени моего избранія въ секретари общества, у насъ имѣлся уже небольшой капиталъ въ нѣсколько тысячъ рублей и своего рода частный уставъ, выработавшійся изъ практики дѣла и вполнѣ пригодный для представленія его на утвержденіе.

Занявъ мѣсто секретаря Московскаго общества любителей художествъ, первой моей заботой было образовать при немъ и кассу для вспомоществованія художникамъ, какъ престарѣлымъ и лишившимся способности работать, такъ и молодымъ начинающимъ. Надо сказать, что комитетъ общества состоялъ тогда изъ нѣсколькихъ богатыхъ людей, преимущественно изъ купечества и нѣсколькихъ художниковъ, приближенныхъ къ этимъ лицамъ и до извѣстной степени зависящихъ отъ нихъ.

Предсѣдателемъ общества былъ въ то время Дмитрій Петровичъ Боткинъ, родной братъ писателя Боткина, лейбъ-медика проф. Боткина и недавно умершаго художника Боткина.

Дмитрій Петровичъ, какъ и всѣ Боткины, богатый человѣкъ, былъ большимъ любителемъ картинъ, но, въ противоположность Павлу Михайловичу Третьякову и Кузьмѣ Терентьевичу Солдатенкову, покупалъ исключительно картины иностранныхъ художниковъ: его домъ, особнякъ на Покровкѣ, представлялъ собою, хотя и не особенно большое, но зато прекрасно подобранное собраніе произведеній иностранныхъ мастеровъ, среди которыхъ можно было видѣть работы всѣхъ выдающихся иностранныхъ художниковъ того времени.

Картинъ русскихъ художниковъ Боткинъ не покупалъ и

вообще при пріобрѣтеніи картинъ больше руководствовался именами, чѣмъ своимъ личнымъ вкусомъ и пониманіемъ. Благодаря этому, онъ нерѣдко дѣлалъ ошибку, заказывая нѣкоторымъ художникамъ повтореніе съ ихъ картинъ, имѣвшихъ особенный успѣхъ. Настоящій любитель никогда этого не сдѣлаетъ, ибо всякое повтореніе художникомъ его картины будетъ всегда слабѣе оригинала, въ который онъ вкладываетъ первый порывъ своего вдохновенія.

Какъ человѣкъ, Дмитрій Петровичъ былъ, что называется, себѣ на умѣ, съ порядочной дозой хитрости. Въ немъ совершенно отсутствовало живое и теплое отношеніе къ дѣлу, во главѣ котораго онъ стоялъ, вслѣдствіе чего онъ не сочувствовалъ моимъ взглядамъ и находилъ, что никакихъ нововведеній въ обществѣ не требуется, такое же отношеніе проявляли и большинство остальныхъ членовъ комитета не-художниковъ, считавшихъ, что обществу надо продолжать свое существованіе такъ же, какъ оно существовало до тѣхъ поръ. Что касается художниковъ, то Рачковъ напр. и Черкасовъ (послѣдній служилъ смотрителемъ и завѣдующимъ постоянными выставками) были рѣшительными противниками всякаго новшества и крайне недружелюбно смотрѣли на молодежь; при такомъ настроеніи комитета я увидѣлъ, что нелегко будетъ провести тѣ измѣненія въ дѣятельности и уставѣ общества, которыя я предполагалъ, и что достичь этого можно будетъ только при измѣненіи состава членовъ комитета и при проведеніи въ члены общества новыхъ лицъ, иначе смотрящихъ на дѣло.

Съ помощью гравера академика Николая Семеновича Мосолова, художника Николая Васильевича Неврева и Михаила Романовича Романова, который въ то время уже окончилъ университетъ и служилъ при Московскомъ Окружномъ Судѣ, намъ удалось привести въ исполненіе эту первую часть нашей программы. Предложенный нами на общемъ собраніи членовъ общества проектъ измѣненія устава съ добавленіемъ къ нему и благотворительной дѣятельности, не взирая на оппозицію нѣкоторыхъ изъ членовъ комитета, былъ принятъ общимъ собраніемъ, равно какъ и предложеніе, истекающее изъ измѣненія устава объ увеличеніи числа членовъ комитета нѣсколькими новыми лицами.

При этомъ въ число членовъ комитета попалъ и Романовъ, принявшій самое дѣятельное и полезное участіе въ редакціи новаго устава общества, и, когда послѣдній былъ законченъ, поѣхавшій со мной въ Петербургъ для представленіе его на утвержденіе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и для доклада

объ этомъ покровительницѣ общества, цесаревнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Въ этотъ мой пріѣздъ въ Петербургъ я познакомился въ домѣ дяди Константина Вильгельмовича Олива съ покойнымъ скульпторомъ Евгеніемъ Александровичемъ Лансере, высокоталантливымъ художникомъ и очень симпатичнымъ человѣкомъ. За свою, къ сожалѣнію, кратковременную жизнь (онъ умеръ 39 лѣтъ 23 мая 1887 г.) имъ было сдѣлано до 400 вещей. Его произведенія въ большинствѣ случаевъ пріобрѣтались фабрикантами серебряныхъ и бронзовыхъ вещей. Когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ уже женатъ на дѣвушкѣ, происходившей тоже изъ очень талантливой семьи, она была урожденная Бенуа.

Семьи Бенуа и Маковскихъ представляютъ собою рѣдкій случай передающейся изъ рода въ родъ наслѣдственной талантливости.

Евгеній Александровичъ жилъ въ то время въ домѣ своего тестя и работалъ неутомимо. Его всегда можно было застать за работой, въ которой ему не мѣшали и многочисленные посѣтители. Обладая огромной памятью и знаніемъ, онъ работалъ, прибѣгая рѣдко къ натурѣ, которой пользовался только для предварительнаго изученія: такъ, я помню, когда онъ лѣпилъ араба, поймавшаго маленькихъ львятъ, онъ нарочно пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ въ то время въ одномъ звѣринцѣ львица стала счастливой матерью.

Крупныхъ вещей Лансере почти не работалъ; я помню только двѣ довольно крупныя фигуры, приблизительно въ треть натуральной величины: это были два соколиныхъ охотника, которыхъ онъ дѣлалъ по заказу для греческой королевы Ольги Константиновны. Изъ нихъ одинъ изображалъ сокольничаго времени московскихъ царей, а другой киргиза, охотящагося съ беркутомъ. Всѣ свои вещи Лансере лѣпилъ изъ воска и они были небольшого размѣра. Постоянно изучая въ своихъ поѣздкахъ по Европѣ, Россіи и Алжиру типы различныхъ породъ лошадей и подмѣчая свойственныя имъ при разныхъ обстоятельствахъ положенія и аллюры, онъ воспроизводилъ ихъ съ необычайной жизненностью, правдой и разнообразіемъ.

Его отдѣльныя фигурки и цѣлыя группы были полны той тонко подмѣченной и изящной реальностью, которою отличались картины Деталя и Мейсонье. Да, я могу сравнить Лансере только съ этими художниками, онъ въ нашей скульптурѣ былъ тѣмъ, чѣмъ они были въ живописи.

Съ какой любовью, вкусомъ и знаніемъ передавались имъ въ его статуэткахъ не только характерныя черты людей и лоша-

дей, но и всякая складка одежды, всякій ремешокъ, украшеніе сбруи или военной аммуниціи. Изъ его вещей я въ особенности помню: «Табунъ степныхъ киргизскихъ лошадей съ гоняющимъ ихъ табунщикомъ», сколько жизни и движенія въ этой группѣ! Затѣмъ запорожца, обтирающаго саблю гривой своей лошади, которая въ то время спокойно чешетъ мордой свою колѣнку, тогда, какъ захваченный казакомъ, какъ добыча, стоящій рядомъ съ нимъ породистый турецкій жеребецъ, ржетъ, глядя вдаль, куда исчезли его товарищи. Помню также не менѣе поэтичную группу молодой казачки, прощающейся съ казакомъ, привставшей, чтобы его обнять, къ нему на стремя. Изъ произведеній Лансере я не знаю ни одного, которое не было бы вполнѣ художественно, какъ по мысли, такъ равно и по исполненію.

Въ домѣ у Лансере и у Бенуа искусство царило, всѣ его любили, всѣ интересовались имъ и хотя братья жены Лансере были по большей части архитекторами, какъ ихъ отецъ, но въ то же время занимались и художествомъ, какъ напр. извѣстный кавалеристъ Альбертъ Николаевичъ Бенуа, ставшій однимъ изъ нашихъ лучшихъ пейзажистовъ, и Александръ Николаевичъ, оригинальный художникъ, избравшій себѣ спеціальностью сюжеты изъ жизни XVII и XVIII вв.

У Лансере встрѣчалъ я и другого скульптора Обера, пріятеля Евгенія Александровича. Онъ лѣпилъ преимущественно животныхъ и, хотя былъ весьма талантливымъ скульпторомъ, но далеко не пользовался той популярностью, какъ Лансере. Одно время Оберъ занялся было и живописью и сталъ пробовать писать лошадей, но его опыты въ этомъ направленіи не были удачны. Какъ скульпторъ, онъ хорошо рисовалъ и передавалъ рельефъ и лѣпку мышцъ, но совершенно не чувствовалъ колорита, вслѣдствіе чего живопись его была черна и суха. Евгенію Александровичу я обязанъ полученіемъ академическихъ званій. Навѣстивъ меня въ Москвѣ, онъ видѣлъ мои работы, въ то время я мало писалъ картинъ, а занимался больше изученіемъ техники рисунка и живописи, считая себя не обладающимъ еще въ достаточной степени техникой, чтобы браться за картины.

Увидѣвъ мои работы, Лансере нашелъ, что мнѣ пора приняться писать и выставлять картины, а не заниматься только одними этюдами, и при этомъ любезно предложилъ мнѣ выставить на первой предстоящей весенней выставкѣ въ Академіи Художествъ большой, въ натуральную величину, вполнѣ законченный этюдъ съ молодой смѣющейся крестьянки въ яркомъ и живописномъ костюмѣ, который крестьянскія женщины тогда еще носили въ нашихъ мѣстахъ. Лансере увѣрилъ меня, что Академія дастъ

мнѣ за нее званіе класснаго художника. Я конечно воспользовался этимъ предложеніемъ и дѣйствительно не только получилъ званіе и дипломъ изъ Академіи, но кромѣ того картина эта продалась въ Петербургѣ. Такой успѣхъ меня очень поощрилъ и, побывавъ послѣ женитьбы въ Крыму, я задумалъ написать рядъ картинъ изъ прошлаго этого края.

Съ этою цѣлью, проводя зиму въ Москвѣ, я занялся ознакомленіемъ съ историческими свѣдѣніями о времени татарскаго владычества въ Крыму и съ археологіей этой эпохи. Посѣщая библіотеку Румянцевскаго музея и Оружейную палату, я заготовлялъ эскизы для задуманныхъ картинъ, не переставая въ то же время работать этюды, какъ масляными красками, такъ равно и акварелью.

Для происходившихъ у меня акварельныхъ вечеровъ я бралъ натурщика изъ школы живописи, а костюмы изъ гардероба Большого театра. Разрѣшеніе пользоваться театральными костюмами мы имѣли, благодаря инспектору школы Константину Александровичу Трутовскому, выхлопотавшему на это позволеніе у театральной дирекціи.

Гардеробомъ въ Большомъ театрѣ завѣдывали тогда два лица, представлявшіе изъ себя въ полномъ смыслѣ Гоголевскіе типы, словно, какъ на неприступномъ островѣ уцѣлѣвшіе среди моря несмѣтнаго множества театральнаго тряпья, гдѣ-то на самомъ верху театральнаго зданія. Это были главный смотритель за костюмами и его помощникъ.

Первый изъ нихъ былъ толстый, неопрятный, кривой на одинъ глазъ, человѣкъ, къ которому, какъ нельзя болѣе кстати, могла быть примѣнена поговорка, что Богъ шельму мѣтитъ; всякій разъ, когда приходилось совершать безконечный подъемъ по узенькой желѣзной лѣстницѣ на высь театра, чтобы получить отъ него костюмъ, онъ старался выманить себѣ какую-нибудь подачку, то начиная жаловаться на свою бѣдность, то на причиняемыя ему безпокойства нашей разборчивостью при выборѣ костюма. Сопровождавшій его сильный запахъ сивухи, какъ нельзя лучше свидѣтельствовалъ, къ какой конечной цѣли клонились эти выпрашиванія.

Полною ему противоположностью являлся его помощникъ, извѣстный въ гардеробной подъ именемъ Кудимыча: маленькій, худощавый и тихій человѣкъ, онъ когда-то хотѣлъ стать живописцемъ и одно время учился у какого-то иконописца, но очевидно, за полнымъ отсутствіемъ таланта, принужденъ былъ бросить это занятіе, къ которому тѣмъ не менѣе сохранилъ большую любовь и въ свободное время писалъ съ фотографій и съ разныхъ

картинокъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ довольно-таки отчаянныя копіи; но главное примѣненіе своихъ познаній въ живописи, дававшее ему даже нѣкоторый заработокъ, онъ нашелъ въ закрашиваніи синяковъ и кровоподтековъ на физіономіяхъ гостинодворскихъ приказчиковъ и купеческихъ сынковъ послѣ ихъ буйныхъ похожденій въ праздничные дни.

Живя недалеко отъ Большого театра, въ торговомъ центрѣ Москвы, онъ имѣлъ весьма обширную практику. Каждый понедѣльникъ съ ранняго утра являлись къ нему лица, нуждавшіеся въ его искусствѣ, не смѣющіе предстать предъ грозными очами своихъ патроновъ съ поврежденными физіономіями или, какъ они выражались, «съ испорченными портретами», и Кудимычъ, посадивъ такого кліента передъ собой, тщательно реставрировалъ ему физіономію, взимая плату по рублю за лицо. Доходъ этотъ, какъ онъ говорилъ, въ особенности возрасталъ послѣ большихъ праздниковъ, а главное во время Масляницы, Рождества и Пасхи.

Однажды, не желая подыматься на верхъ театра, чтобы сдать взятый костюмъ, я завезъ послѣдній къ нему на квартиру и засталъ Кудимыча какъ разъ за работой. Среди занимаемой имъ небольшой комнаты, противъ окна, сидѣлъ молодой, очевидно не лишенный удали, гостинодворскій приказчикъ съ большимъ сине-зеленымъ пятномъ подъ глазомъ и на скулѣ, а противъ него съ палитрой и муштабелемъ помѣщалась маленькая худая фигурка Кудимыча, закрашивающаго въ тонъ окружающаго тѣла эти слѣды сильныхъ ощущеній весело проведенной ночи. Нѣсколько другихъ лицъ съ повязанными физіономіями, молча и мрачно, сидѣли вдоль одной изъ стѣнъ комнаты въ ожиданіи своей очереди. Эту картину во вкусѣ голландскихъ жанристовъ довершала супруга Кудимыча, высокая дородная женщина, съ большими претензіями на бонтонность, проявлявшуюся у нея въ куреніи папиросъ и въ командованіи надъ своимъ тишайшимъ супругомъ, котораго она держала въ ежовыхъ рукавицахъ. Въ моментъ моего появленія она его за что-то отчитывала громкимъ и властнымъ голосомъ, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ его кліентовъ, изъ чего я заключилъ, что это была женщина, принадлежащая къ разряду непріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что семейная жизнь скромнаго Кудимыча была не изъ розовыхъ.

Вернувшись въ Москву къ началу осени, увидя во время моихъ лѣтнихъ работъ, что я слабъ въ пейзажѣ и въ особенности въ передачѣ эффектовъ неба и освѣщенія облаковъ, я на зиму поступилъ ученикомъ къ очень хорошему пейзажисту Александру Александровичу Киселеву.

Киселевъ, обладавшій большимъ талантомъ, прежде чѣмъ посвятить себя совершенно искусству, былъ студентомъ университета, но не задолго до окончанія курса, будучи замѣшанъ въ одну изъ такъ часто повторявшихся тогда университетскихъ исторій, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость, послѣ освобожденія изъ которой, въ виду невозможности продолжать своихъ научныхъ занятій, отдался всецѣло искусству. Въ то время, когда я у него занимался, онъ состоялъ уже членомъ передвижной выставки и впослѣдствіи получилъ мѣсто преподавателя въ Академіи художествъ въ Петербургѣ и занималъ его до своей кончины.

Въ Крыму мною были написаны три картины: Старикъ мулла, читающій Коранъ; Вечерняя молитва, изображающая двухъ татарскихъ всадниковъ, которые при заходѣ солнца, сойдя со своихъ коней, молятся въ степи на вершинѣ кургана, и двухъ татарскихъ воиновъ, слѣдящихъ на берегу Сиваша за движеніемъ русскихъ войскъ на Арабатской стрѣлкѣ, во время похода на Крымъ фельдмаршала Ласси. Картины эти были мною тоже выставлены и проданы въ Петербургѣ, и за нихъ я получилъ званіе класснаго художника второй степени.

Въ обществѣ любителей художествъ былъ тѣмъ временемъ полученъ новоучрежденный уставъ, и мы внесли въ кассу общества имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи для вспомоществованія молодымъ художникамъ деньги. Сумму эту я пополнилъ еще пятью тысячами, пожертвованными мною изъ собственныхъ средствъ. Первому, кому пришлось воспользоваться устройствомъ при обществѣ вспомогательной кассы, былъ престарѣлый и совершенно въ то время больной профессоръ живописи Пукиревъ, авторъ извѣстной картины, находящейся въ Третьяковской галлереѣ «Неравный бракъ». Изъ молодыхъ художниковъ получили между прочимъ вспомоществованіе на поѣздки для работы этюдовъ и извѣстные впослѣдствіи пейзажисты Левитанъ и Святославскій.

Горячо интересуясь дѣлами общества и желая, сколь возможно, расширить его дѣятельность и возбудить въ публикѣ интересъ къ произведеніямъ искусства, я продолжалъ встрѣчать на этомъ пути постоянныя, до нѣкоторой степени скрытыя, сопротивленія со стороны старыхъ членовъ комитета и предсѣдателя общества.

Не желая допускать никакихъ новшествъ, они пользовались для отклоненія всякихъ предложеній аргументомъ, что главныя три залы выставки заняты пожертвованной обществу Павломъ Михайловичемъ Третьяковымъ серіей картинъ Вас. Вас. Вере-

щагина изъ Туркестанской войны, и что согласно условію, на основаніи котораго картины эти были пожертвованы, общество не имѣетъ права выставлять въ этихъ залахъ никакихъ другихъ картинъ, пока въ нихъ будутъ находиться картины Верещагина, для которыхъ общество въ теченіе 10 лѣтъ должно было выстроить отдѣльное помѣщеніе. Если же условіе это не будетъ выполнено, то Павлу Михайловичу предоставлялось право взять картины обратно. Условіе это было крайне стѣснительно для общества, парализуя совершенно его дѣятельность, такъ какъ для выставки другихъ новыхъ картинъ, представляющихъ для публики болѣе живой интересъ, у него оставалась только одна небольшая и темная зала, гдѣ обыкновенно происходили аукціоны, выставлялись конкурсныя работы и собирались засѣданія.

Ничуть не желая конечно умалять заслугу Павла Михайловича по отношенію къ русскому искусству, его прекрасная картинная галлерея, этотъ драгоцѣнный музей, завѣщанный Москвѣ, навсегда прославилъ и обезсмертилъ его имя, и въ будущемъ историки русскаго искусства будутъ говорить о немъ, какъ о первомъ русскомъ человѣкѣ, опередившемъ правительство въ дѣлѣ созданія хранилища для отечественнаго искусства; но въ дѣлѣ съ Верещагинской коллекціей, онъ былъ себѣ на умѣ. Когда онъ ее пріобрѣлъ, галлерея его еще не существовала, и онъ, будучи членомъ комитета общества, отлично зналъ, что послѣднее не въ состояніи будетъ выполнить главнаго пункта условія, т.-е. построить отдѣльнаго зданія, а потому подарокъ Верещагинской коллекціи обществу со стороны Третьякова, можно объяснить весьма понятнымъ желаніемъ коллекціонера помѣстить временно свое пріобрѣтеніе въ надежныя руки и въ хорошее помѣщеніе. На дѣлѣ такъ и вышло, ибо по истеченіи десятилѣтняго срока, когда галлерея Павла Михайловича была готова, онъ взялъ эти картины обратно, а общество въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ было стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ и не могло устраивать никакихъ выставокъ; единственное исключеніе было сдѣлано для картины Мюнхенскаго художника Габріэла Макса «Нерукотворенный ликъ Христа».

Эта картина въ свое время заставила очень много о себѣ говорить. Максъ продалъ ее какому-то антрепренеру, который и сталъ развозить и показывать ее во всѣхъ главныхъ городахъ Европы. Узнавъ, что онъ прибылъ въ Петербургъ, я сообщилъ объ этомъ на засѣданіи комитета и предложилъ пригласить его, когда онъ пріѣдетъ въ Москву выставить картину въ помѣщеніи общества, съ условіемъ, чтобы часть входной платы шла въ пользу

общества. Несмотря на то, что выставка этой картины давала очень большіе сборы, комитетъ, съ Боткинымъ во главѣ, не одобрилъ моего предложенія, пользуясь обычнымъ аргументомъ, что въ залахъ, гдѣ стоятъ картины Верещагина никакихъ иныхъ картинъ выставлять нельзя. При этомъ Боткинъ еще добавилъ, что картина Макса показывается при вечернемъ освѣщеніи, а это уже совершенно недопустимо, такъ какъ такого рода обстановка роняла бы достоинство общества, напоминая собою какой-то балаганъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого разговора, заѣхавъ однажды по дѣламъ общества къ Боткину, я засталъ у него господина съ длинными волосами, въ бѣлой жилеткѣ, съ галстукомъ, завязаннымъ большимъ бантомъ, своимъ видомъ напоминавшаго иностранца, виртуоза или импрессаріо. Каково же было мое удивленіе, когда Дмитрій Петровичъ, знакомя насъ, назвалъ его господиномъ Леманомъ, владѣльцемъ картины Макса, и сообщилъ, что покончилъ съ нимъ относительно выставки въ помѣщеніи общества. Поступокъ этотъ какъ нельзя лучше характеризуетъ Боткина и его отношеніе ко мнѣ.

Всесильный аргументъ о неприкосновенности помѣщенія, въ которомъ находились картины Верещагина, оказался въ данномъ случаѣ, какъ бы несуществующимъ. Антрепренеръ Леманъ въ залѣ, гдѣ выставилъ свою картину, преспокойно завѣсилъ темнымъ коленкоромъ Верещагинскія произведенія, задрапировалъ окна и показывалъ ликъ Христа при свѣтѣ нѣсколькихъ сильныхъ лампъ, окруженныхъ рефлекторами.

Лѣто 1879 г. мы провели какъ всегда въ Тамакѣ. Въ это лѣто къ намъ пріѣхала моя двоюродная сестра Линочка, вышедшая замужъ за Валеріана Платоновича Пукалова. Пукаловъ купилъ себѣ участокъ земли въ Ялтѣ и собирался построить на немъ дачу. Оставивъ у насъ свою жену и дочку, самъ поѣхалъ въ Ялту, гдѣ въ первый же день своего пріѣзда попалъ подъ арестъ. Государь проводилъ то лѣто въ Ливадіи и часто пріѣзжалъ въ Ялту, гдѣ жила княжна Долгорукова, впослѣдствіи Свѣтлѣйшая княгиня Юрьевская. Она занимала двѣ купленныя для нея Александромъ II смежныя между собой дачи и, такъ какъ ея дачи находились поблизости отъ участка, пріобрѣтеннаго Пукаловымъ, то вся эта мѣстность тщательно охранялась сыщиками, скрывавшимися чуть ли не за каждымъ кустомъ. Прибывъ въ Ялту Пукаловъ первымъ дѣломъ отправился осматривать свой участокъ. Съ видомъ фланера онъ нѣсколько разъ обошелъ его снаружи, останавливаясь и соображая, какія гдѣ воздвигнуть

постройки и затѣмъ, такъ какъ участокъ по крымскому обычаю былъ огороженъ невысокой каменной стѣною, перелѣзъ черезъ нее; но едва ступилъ онъ на землю по другую сторону стѣнки, какъ былъ схваченъ двумя агентами охраны, сидѣвшими тамъ въ засадѣ и уже нѣсколько времени наблюдавшими за нимъ, такъ какъ его хожденіе передъ участкомъ показалось имъ подозрительнымъ. Валеріанъ Платоновичъ попробовалъ было протестовать, но видя, что ничего не подѣлаешь, потребовалъ, чтобы его отвели къ начальнику охраны, знавшему его лично; но на бѣду послѣдняго не оказалось дома и Пукалову пришлось пробыть подъ арестомъ до возвращенія генерала, вернувшаго ему свободу; въ то время можно было легко попасть въ подобную непріятную исторію.

Тогдашній Таврическій губернаторъ Всеволожскій былъ человѣкъ крайне легкомысленный, занимавшійся только кутежами и охотой, которая всегда сопровождалась пьяными оргіями. Онъ и служащихъ подбиралъ себѣ подъ пару, и о похожденіяхъ представителей высшей администраціи ходило тогда не мало разсказовъ.

Такъ на одной охотѣ въ окрестностяхъ Симферополя начальникъ губернаторской канцеляріи въ пьяномъ видѣ подрался съ полицмейстеромъ, въ другой разъ подвыпившій губернаторъ грозилъ застрѣлить везшаго его татарина-ямщика за то, что тотъ недостаточно скоро ѣхалъ; испуганный угрозами начальника губерніи ямщикъ, ни слова не говоря, соскочилъ съ козелъ, отпрегъ одну изъ пристяжныхъ лошадей и, вскочивъ на нее, ускакалъ въ городъ, оставивъ буйнаго губернатора добираться, какъ знаетъ, до ближайшей станціи.

Участникомъ губернаторскихъ кутежей былъ и губернскій предводитель дворянства, генералъ Поповъ, очень богатый человѣкъ, обладавшій большими имѣніями въ Крыму; между прочимъ у него было имѣніе въ семи верстахъ отъ Симферополя; въ этомъ-то имѣніи чаще всего и происходили вакханаліи предводителя съ губернаторомъ.

Однажды секретарю депутатскаго дворянскаго собранія, человѣку уже пожилому, притомъ очень степенному и порядочному, пришлось повезти для подписи предводителю въ его имѣніе какія-то срочныя бумаги. Пріѣхавъ туда, онъ какъ разъ попалъ на одну изъ обычныхъ тамъ оргій. За ужиномъ, видя, что пьянство начинаетъ принимать угрожающіе размѣры и его, непьющаго человѣка, принуждаютъ пить наравнѣ съ другими, онъ, воспользовавшись моментомъ какого-то шумнаго тоста, незамѣтно вышелъ изъ-за стола и, придя въ отведенную для него комнату, благоразумно

раздѣлся и легъ, заперевъ на всякій случай дверь на замокъ. Между тѣмъ пирующая компанія, замѣтя его отсутствіе, пришла въ пьяное негодованіе и рѣшила, что его за такую измѣну надо высѣчь розгами. Недолго думая, всѣ гурьбой отправились къ его комнатѣ, но, найдя ея дверь запертой и встрѣтивъ рѣшительный отказъ со стороны секретаря открыть ее, стали ломать дверь; тогда секретарь со страху, чуя недоброе, какъ былъ въ одномъ бѣльѣ, выскочилъ черезъ окно въ садъ и пустился бѣжать въ Симферополь.

Губернаторъ Всеволожскій своими выходками и самодурствомъ напоминалъ легендарныхъ сибирскихъ губернаторовъ XVIII вѣка, объявлявшихъ другъ другу войну или осаждавшихъ дома богатыхъ купцовъ съ цѣлью получить съ нихъ выкупъ для уплаты своихъ карточныхъ долговъ. Когда Всеволожскій былъ назначенъ Таврическимъ губернаторомъ, симферопольское купечество получило предупрежденіе отъ купцовъ его прежняго мѣста служенія, чтобы они ничего въ долгъ губернатору не отпускали, такъ какъ онъ не имѣетъ обыкновенія платить по счетамъ. Легко себѣ можно представить, какая распущенность царила при такой главѣ администраціи среди мелкихъ ея органовъ, и какъ они относились ко всѣмъ дѣламъ и нуждамъ края.

По сосѣдству съ Имаретомъ, за городомъ Старымъ Крымомъ находилась самая старая въ Крыму болгарская колонія, образовавшаяся вскорѣ послѣ завоеванія Крыма русскими, изъ болгарскихъ бѣглецовъ, искавшихъ въ Россіи спасеніе отъ турецкихъ звѣрствъ; изъ этой своего рода колоніи-матери образовалось со временемъ нѣсколько другихъ колоній и между прочимъ одна, находящаяся недалеко отъ начала Керченскаго полуострова вблизи Азовскаго моря. Въ этой послѣдней кромѣ болгаръ жили и греки; тѣ и другіе жили зажиточно и въ полномъ довольствѣ, что однако не мѣшало имъ оставаться людьми крайне некультурными и темными. Эта ихъ некультурность послужила поводомъ къ возникновенію среди нихъ религіозной секты, приведшей своихъ послѣдователей на скамью подсудимыхъ. Случай этотъ настолько характеренъ, что считаю не лишнимъ разсказать его.

Въ одной болгарской семьѣ старокрымской колоніи хранилась икона царя Константина и царицы Елены, принесенная съ собой предками этой семьи еще изъ Болгаріи. Одинъ изъ членовъ этой семьи, купивъ себѣ землю въ колоніи близъ Азовскаго моря, переселился туда на жительство. Не знаю по какой

причинѣ къ нему пріѣхала впослѣдствіи и старуха мать или бабушка, жившая до тѣхъ поръ около Стараго Крыма. Перебравшись на новое мѣсто, она привезла съ собой и вышеупомянутую семейную икону. Однажды ночью старухѣ этой явились во снѣ царь Константинъ и царица Елена и повелѣли ей объявить ея односельчанамъ, чтобы они выбрали изъ своей среды царя, которому бы дали имя Константина и царицу, названную Еленой, и образовали бы войско, послѣ чего къ нимъ явится Георгій Побѣдоносецъ на бѣломъ конѣ и поведетъ ихъ къ Царьграду, море разступится передъ ними на двѣ стороны, и они, какъ израильтяне, пройдутъ по его дну.

Проснувшись, женщина стала передавать свой сонъ односельчанамъ, и послѣдніе, сочтя его за откровеніе свыше, рѣшили послѣдовать повелѣнію святыхъ, избрали царя и царицу и стали набирать войско, при чемъ увѣровавшіе въ это пророчество стали исполнять тѣ обряды, которымъ ихъ научила та же старуха. Не желавшихъ примкнуть къ нимъ, они считали одержимыми злымъ духомъ, котораго надо было изгонять изъ упорствующаго побоями, иногда настолько жестокими, что подвергавшійся имъ терялъ сознаніе; тогда для приведенія его въ чувство его окунали по приказанію царя головою внизъ въ колодезь, что и заставляло его очнуться. Обыкновенно послѣ такого избіенія бѣсъ покидалъ упорствующаго, и онъ присоединялся къ адептамъ новаго ученія, число которыхъ все увеличивалось.

Прошло болѣе года, а никто изъ властей не зналъ о томъ, что совершается въ этомъ отдаленномъ селеніи; когда его болгарская часть вся приняла новую вѣру, то болгары начали обращать въ нее и грековъ, составлявшихъ другую половину населенія: дѣло шло успѣшно, греки тоже увѣровали въ предстоящее явленіе Георгія Побѣдоносца на бѣломъ конѣ и стали поступать въ ряды будущаго войска и выполнять обряды, придуманные старухой.

На бѣду среди грековъ оказался одинъ старикъ лѣтъ 80-ти, который, не взирая на то, что его два сына приняли новую вѣру, отказывался перейти въ нее, говоря, что ему остается уже немного времени жить, и онъ не хочетъ мѣнять своей вѣры передъ смертью. Какъ ни уговаривали старика его сыновья, царь Константинъ и его сподвижники, старикъ оставался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи. Тогда рѣшили изгнать изъ старика сидящаго въ немъ упрямаго бѣса побоями.

Царь Константинъ, придя къ нему въ сопровожденіи его двухъ сыновей и другихъ вѣрующихъ, вооруженныхъ палками, и услыша вновь категорическій отказъ старика, приказалъ

приступить къ изгнанію нечистой силы; въ этомъ изгнаніи приняли участіе и оба сына; отъ усердныхъ ли побоевъ или отъ сильнаго волненія, но старикъ скоро оказался безъ признаковъ жизни, что привело въ немалое смущеніе его сыновей, но царь Конс антинъ объявилъ имъ, что это ничего не значитъ, и что отецъ ихъ воскреснетъ черезъ три дня. Когда же черезъ три дня старикъ не только не воскресъ, но трупъ его началъ разлагаться, то это такъ подѣйствовало на сыновей, считавшихъ и себя виновными въ этомъ смертоубійствѣ, что они, мучимые угрызеніями совѣсти, ничего не говоря односельчанамъ, поѣхали въ Ѳеодосію и, явясь въ полицейское управленіе, разсказали исправнику обо всемъ. Немедленно конечно въ это селеніе былъ посланъ урядникъ съ полицейскими, и всѣ эти будущіе завоеватели Царьграда съ царемъ Константиномъ во главѣ были арестованы, не взирая на оказанное ими сопротивленіе, при которомъ былъ раненъ урядникъ.

Въ тотъ день, когда все это обнаружилось, я какъ разъ былъ въ Ѳеодосіи, гдѣ извѣстіе объ этомъ происшествіи взволновало весь городъ.

Арестованные просидѣли въ тюрьмѣ около трехъ лѣтъ въ ожиданіи надъ собой суда, на судѣ присяжные ихъ оправдали, принявъ во вниманіе ихъ плохое знаніе русскаго языка и полнѣйшее невѣжество.

Вскорѣ послѣ разбора этого дѣла мнѣ пришлось быть въ этомъ селеніи у одного изъ генераловъ царя Константина житочнаго болгарина, просидѣвшаго три года въ тюрьмѣ, что конечно очень дурно отразилось на его хозяйствѣ.

Я купилъ у него иноходца и за кофеемъ, которымъ онъ меня угостилъ, спросилъ его: «Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ могли вы, человѣкъ состоятельный и немолодой, повѣрить разсказамъ старой женщины и устраивать все то, что вы устроили? Хорошо, что вы отдѣлались только трехлѣтнимъ предварительнымъ заключеніемъ, а вѣдь могло бы быть и хуже?» На это онъ мнѣ отвѣтилъ: «Теперь, когда все это прошло, мы и сами видимъ и сознаемъ, какую глупость сдѣлали, но тогда, господинъ, на насъ такое затменіе нашло, что мы всѣ вѣрили, что какъ только наберемъ больше народу, такъ и явится Георгій Побѣдоносецъ и поведетъ насъ черезъ море на Царьградъ; крѣпко вѣрили въ это, такіе дураки были».

Этотъ эпизодъ характеризуетъ умственное развитіе большинства тогдашняго мѣстнаго населенія.

Въ Ѳеодосіи первымъ лицомъ былъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, онъ въ полномъ смыслѣ былъ отцомъ этого города,

постоянно заботившимся объ его развитіи и улучшеніи. Изъ обильнѣйшаго источника прекрасной ключевой воды, который находился въ одномъ изъ принадлежащихъ ему имѣній Субаши, онъ безвозмездно далъ провести воду городу, ощущавшему часто въ ней недостатокъ въ лѣтнее время, и благодаря его же хлопотамъ въ Ѳеодосіи былъ устроенъ торговый портъ. Послѣ того, какъ по возрожденіи Черноморскаго флота возникъ вопросъ о переводѣ коммерческаго порта изъ Севастополя въ Ѳеодосію, жители Севастополя стали усиленно хлопотать передъ правительствомъ объ оставленіи имъ коммерческаго порта, прося правительство, если оно признаетъ несовмѣстимость пребыванія въ Севастопольскихъ бухтахъ военнаго и торговаго флота, устроить коммерческій портъ въ Камышевой бухтѣ, около Херсонеса въ пяти верстахъ отъ Севастополя. Переговоры эти тянулись очень долго и, не будь Ивана Константиновича, старанія Севастопольцевъ могли бы увѣнчаться успѣхомъ; благодаря же Айвазовскому, имѣвшему большія связи среди Петербургскихъ правящихъ сферъ, побѣда осталась на сторонѣ Ѳеодосіи; равнымъ образомъ онъ не мало хлопоталъ и о томъ, чтобы на Ѳеодосію и Керчь была проведена вѣтвь желѣзной дороги, соединяющей города эти съ Лозово-Севастопольской линіей.

Незадолго до описываемаго мною времени Иванъ Константиновичъ женился во второй разъ. Первымъ бракомъ онъ былъ женатъ на англичанкѣ, очень красивой дѣвушкѣ, бывшей гувернанткой въ одномъ семействѣ. Встрѣтившись съ нею въ имѣніи Суковыхъ Шахъ-Мурзѣ, Иванъ Константиновичъ тамъ же сдѣлалъ ей предложеніе, но впослѣдствіи они разошлись: жена его, поселившаяся въ Одессѣ, на желаніе Ивана Константиновича развестись съ нею, не соглашалась дать ему развода въ порядкѣ, требуемомъ англиканской церковью, даже и послѣ того, что онъ былъ разведенъ съ нею своимъ братомъ армянскимъ епископомъ, согласно армянскимъ церковнымъ законамъ. Этимъ-то разводомъ, полученнымъ имъ отъ армянской церкви, онъ и воспользовался, чтобы вступить во вторичный бракъ съ очень красивой и умной молодой вдовой Ѳеодосійскаго купца Саркизова, тоже армянкой, Анной Никитичной Саркизовой.

Бракъ этотъ устроила сестра Ивана Константиновича, Мазирова, но такъ какъ свадьба, въ виду отсутствія развода со стороны церкви первой жены, не могла быть совершена открыто, то ее устроили тайно. Невѣста Ивана Константиновича, овдовѣвшая незадолго передъ тѣмъ, уѣхала къ своимъ роднымъ въ городъ Армянскъ, находящійся недалеко отъ Перекопа, чтобы провести у своихъ родителей первый годъ вдовства, какъ это при-

нято армянскими обычаями, а такъ какъ Иванъ Константиновичъ рѣшилъ обвѣнчаться съ нею до истеченія этого года, то они и уговорились, чтобы въ назначенный день она выѣхала на желѣзнодорожную станцію Таганашъ, Лозово-Севастопольской дороги, куда имѣлъ прибыть и Айвазовскій. Приглашенный изъ Армянска армянскій священникъ долженъ былъ ожидать ихъ на вокзалѣ и тамъ же совершить обрядъ вѣнчанія, послѣ котораго Айвазовскій поѣдетъ въ Петербургъ, а его молодая жена вернется къ своимъ родителямъ доживать полагающійся годичный срокъ траура, до окончанія котораго оставалось уже немного времени.

Обо всемъ этомъ было извѣстно только ближайшимъ родственникамъ жениха и невѣсты, и свадьба эта, совершившаяся на станціи Таганашъ, была для всѣхъ полной неожиданностью. Пріѣхавъ вскорѣ послѣ этого въ Петербургъ и узнавъ о пребываніи тамъ Айвазовскаго, я поѣхалъ къ нему и былъ имъ встрѣченъ словами: «А знаете ли какую я на старости лѣтъ сдѣлалъ глупость? Я женился и при томъ на молодой женщинѣ» — и онъ разсказалъ мнѣ, какъ все произошло, показавъ при этомъ мнѣ написанный имъ миніатюрный видъ Таганашской станціи при вечернемъ освѣщеніи, который онъ хотѣлъ дать сдѣлать брошкой для своей жены.

Бракъ этотъ, признанный сначала незаконнымъ, былъ узаконенъ черезъ нѣсколько лѣтъ по Высочайшему повелѣнію въ день юбилея пятидесятилѣтней художественной дѣятельности Айвазовскаго, который праздновался въ Петербургѣ. Хотя Иванъ Константиновичъ и назвалъ свой поступокъ глупостью, на дѣлѣ же онъ нашелъ въ лицѣ Анны Никитишны, не взирая на существующую между ними разницу лѣтъ, любящую и преданную жену, съ которой въ полномъ согласіи прожилъ до своей кончины, обезпечивъ ее послѣ смерти прекраснымъ имѣніемъ Субаши, цѣнность котораго превышаетъ милліонъ. Феодосійскій домъ Ивана Константиновича представлялъ собою три соединенные подъ одною крышею дома; въ одной половинѣ онъ жилъ самъ, средняя часть была предназначена для его младшей дочери, Жанны Ивановны, вышедшей замужъ за морского инженера Арцеулова, а въ противоположномъ концѣ жила его дочь, Александра Ивановна, бывшая замужемъ за Михаиломъ Харлампіевичемъ Лампси. Къ той части дома, въ которой Айвазовскій жилъ самъ, онъ пристроилъ большой залъ, фасадъ котораго шелъ вдоль переулка; этотъ залъ предназначался для помѣщенія въ немъ картинъ, оставшихся у него непроданными. Въ этой картинной галлереѣ можно было видѣть: «переходъ

израильтянъ черезъ Чермное море», рядъ картинъ, изображающихъ открытіе Америки Колумбомъ, большую длинную картину, представляющую море въ постепенныхъ его переходахъ отъ полнаго спокойствія къ сильной бурѣ, и много другихъ вещей. Въ концѣ этого зала была устроена небольшая театральная сцена для любительскихъ спектаклей. Залъ этотъ, имѣвшій отдѣльный ходъ изъ переулка, сообщался и съ верхними комнатами дома посредствомъ широкой двойной лѣстницы.

Иванъ Константиновичъ былъ радушнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ и любилъ, чтобы его посѣщали всѣ проѣзжавшіе черезъ Ѳеодосію знаменитости, сановники, лица высшей столичной аристократіи; артисты и литераторы всегда заѣзжали къ нему. Ему не разъ приходилось принимать и Великихъ князей; къ нему очень благоволилъ Константинъ Николаевичъ. Что я въ особенности всегда цѣнилъ и уважалъ въ Айвазовскомъ, такъ это его одинаково радушную простоту, съ какою онъ принималъ какъ министра или московскаго милліонера такъ равно и скромнаго мѣстнаго жителя или заѣзжаго начинающаго художника.

Иногда, зимуя въ Ѳеодосіи, онъ давалъ балы и костюмированные вечера.

Съ домомъ Ивана Константиновича Айвазовскаго у меня связано много пріятныхъ воспоминаній. Бывая въ Ѳеодосіи, я не пропускалъ случая навѣстить его. Любовь къ обществу не мѣшала его работѣ. Имѣя обыкновеніе вставать рано, онъ всегда работалъ утромъ часовъ до двухъ, послѣ чего дѣлалъ визиты, навѣщалъ знакомыхъ или принималъ посѣтителей. Зимой по вечерамъ онъ иногда рисовалъ сепіей или карандашомъ, а иногда съ собравшимися гостями игралъ въ винтъ.

Кромѣ Стрѣхиныхъ и семьи стараго отставного адмирала Соковнина, занимавшагося на досугѣ изобрѣтеніемъ летательныхъ аппаратовъ, русскихъ семей въ Ѳеодосіи было немного, и Ѳеодосійское общество состояло по большей части изъ лицъ греческаго и генуэзскаго происхожденія.

Изъ числа послѣднихъ была семья Дуранте, занимавшаяся торговлей хлѣбомъ; что касается семей греческаго происхожденія, каковы были: Граматюковы, Лоренцовы, Лампси, Каломары и др., владѣвшіе прежде большими имѣніями, садами и домами, то они въ описываемое мною время почти всѣ были болѣе или менѣе раззорены, и ихъ имѣнія и дома мало-по-малу переходили въ другія руки, преимущественно купцовъ карамовъ. Насколько быстро шло оскудѣніе греческаго и татарскаго дворянства, настолько же напротивъ прогрессировало за ихъ

счетъ обогащеніе караимовъ. Во время моего дѣтства послѣдніе еще не играли никакой роли въ жизни города и края, жили въ слободкахъ Ѳеодосіи и представляли собою людей мало культурныхъ, которые, не взирая не имѣвшееся уже тогда въ ихъ рукахъ значительное состояніе, позволявшее имъ вести крупную торговлю, придерживались старины, строго соблюдая свои обычаи и предразсудки.

Типичнымъ представителемъ прежнихъ караимовъ являлся Шепетей, о которомъ я говорилъ въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Не прошло и 25-ти лѣтъ, какъ картина совершенно измѣнилась: изъ слободки караимы перешли жить въ центръ города, почти всѣ лучшіе дома стали принадлежать имъ, и большія имѣнія перешли въ ихъ руки. Татарскіе костюмы замѣнились общеевропейской одеждой, а молодежь, не только мужескаго, но и женскаго пола стала усиленно учиться и, по окончаніи гимназическаго курса, ѣздить въ столицу и за границу доканчивать свое образованіе въ университетахъ и на высшихъ женскихъ курсахъ. По своимъ способностямъ и стремленію къ образованію караимы представляли рѣзкую противоположность греческому и татарскому дворянству, которое въ большинствѣ случаевъ вело разгульную жизнь, проматывая доставшіяся имъ отъ ихъ предковъ крупныя состоянія: этимъ-то и пользовались караимы, чтобы мало-по-малу отбирать у нихъ ихъ имѣнія. Представляя собой объединенную общими интересами тѣсно сплоченную общину, они зорко слѣдили за этими лицами, предоставляя нерѣдко кому-нибудь одному изъ своей среды исключительное право на эксплоатацію одного изъ нихъ. Запутывающемуся или кутящему помѣщику давались взаймы деньги, сообразуясь со стоимостью его имущества, пока онъ окончательно не попадалъ въ ихъ руки, и тогда имущество его или отбиралось за долги, или пріобрѣталось за безцѣнокъ.

Самымъ некультурнымъ классомъ были татары, съ ихъ дворянами мурзами во главѣ: изъ послѣднихъ многіе обладали въ прошломъ очень большими состояніями, сохранить которыя удалось весьма немногимъ, большинство же было или совершенно разорено или шло къ разоренію. Надо сказать, что разореніе это совершалось самымъ безразсуднымъ образомъ, заключаясь въ дикомъ швырянiи денегъ. Такъ загулявшіе мурзаки закуривали трубки сторублевыми бумажками, бросали безъ счета пачки ассигнацій цыганскимъ музыкантамъ, славящимъ ихъ, проигрывали въ карты и т. д.

Къ ученію татарская молодежь за весьма рѣдкими исключеніями была совершенно неспособна, и рѣдкій изъ нихъ кончалъ четыре класса гимназіи.

Мнѣ припоминается характерный разсказъ о томъ, какъ сынъ Османъ-Бея Фазиль-Бей держалъ экзаменъ, чтобы поступить на службу при Таврическомъ губернаторѣ; между прочими вопросами у него спросили, знаетъ ли онъ наизусть какое-нибудь русское стихотвореніе.

— Разумѣется знаю,—отвѣчалъ самоувѣренно Фазиль-Бей.

— Какое же?—спросилъ экзаминаторъ.

— Волшебный корабль знаю.

— Ну скажите.

Фазиль началъ декламировать:

«Корабль по морю несется, несется, несется...» и на этомъ остановился въ большомъ недоумѣніи; тогда присутствовавшій на этомъ экзаменѣ отецъ его Османъ-Бей сказалъ ему:

— Ахъ, Фазиль,Фазиль, какъ же ты не знаешь, что несется,— курица несется.

Обрадовавшійся Фазиль заявилъ экзаминаторамъ, что «разумѣется курица несется».

Этотъ анекдотическій разсказъ весьма близокъ къ дѣйствительности. Этотъ Фазиль-Бей, промотавъ послѣ отца всѣ свои имѣнія, вступилъ въ компанію какихъ-то Карасу-Базарскихъ фальшивомонетчиковъ и, чтобы не попасть въ руки полиціи, когда шайка была открыта, бѣжалъ въ Турцію. Мѣстомъ, гдѣ прокучивали свои состоянія татарскіе мурзаки былъ главнымъ образомъ Карасу-Базаръ, прозванный вслѣдствіе этого Карасу-Парижемъ. Кто бывалъ въ этомъ городѣ, тому трудно себѣ представить, какъ возможно въ такомъ захолустномъ и грязномъ городкѣ проматывать крупныя состоянія, нельзя даже вообразить, на что можно здѣсь тратить деньги: въ немъ не было ни мало-мальски порядочныхъ гостиницъ, ни ресторановъ, ни красивыхъ и дорого оплачиваемыхъ женщинъ. Тратить большія деньги въ этой татарской Капуѣ можно было, только закуривая ими въ кофейняхъ и шашлычныхъ свои трубки или швыряя ихъ пригоршнями цыганамъ музыкантамъ, разыгрывающимъ разныя величанія гуляющему.

На что еще татарская аристократія тратила большія деньги, такъ это на свадебныя торжества. Богатыя мурзацкія свадьбы стоили иногда по 20 и болѣе тысячъ рублей; предшествовавшія имъ торжества длились по нѣсколько недѣль: гостей съѣзжалось множество, угощались не только приглашенные гости, но и все собирающееся на эти торжества окрестное татарское населеніе и мѣстные цыгане, такъ наз. курбеты. На свадьбу приглашались музыканты, устраивались скачки и состязанія въ борьбѣ; званые и незваные гости пили сколько хотѣли шампанскаго, водки

и бузы. Не взирая на некультурность татарскаго дворянства, за отсутствіемъ другихъ женщинъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Таврической губ. въ предводители дворянства выбирались татары; такъ въ Перекопскомъ уѣздѣ предводителемъ былъ мурза Карашайскій, въ Ѳеодосійскомъ—Джанъ-Арсланъ мурза Булгаковъ, въ Ялтинскомъ—Абдурахманчикъ.

Я не могу забыть пріѣзда въ Симферополь на выборы и по другимъ случаямъ мурзы Карашайскаго. Дорожа очень своимъ званіемъ предводителя и стараясь всегда быть снова избраннымъ, Карашайскій привозилъ съ собою на выборы цѣлую многочисленную свиту избирателей изъ числа обѣднѣвшихъ мурзаковъ, которыхъ онъ привозилъ, отвозилъ и содержалъ въ Симферополѣ на свой счетъ. Эта свита такъ и ходила за нимъ по пятамъ и уже съ утра собиралась частью въ общей залѣ и вестибюлѣ гостиницы, въ которой онъ останавливался, частью на улицѣ передъ гостиницей, смотря, такъ сказать, по чину и одеждѣ. Когда же наконецъ изъ своего номера важно появлялся, заложивъ за спину руки, Али Мурза, въ дворянскомъ мундирѣ и при орденахъ, въ незастегнутомъ пальто, чтобы лучше были видны всѣ его регаліи, вся эта толпа приближенныхъ устремлялась къ нему, при чемъ многіе, забѣжавъ сзади, цѣловали его сложенныя за спиной руки; этотъ безъ-менъ со стороны представлялъ довольно оригинальное и забавное зрѣлище. Сопровождаемый этой толпой своихъ избирателей шествовалъ онъ въ Дворянское собраніе, изрѣдка перекидываясь со своими спутниками короткими и отрывистыми фразами; по окончаніи засѣданія въ собраніи онъ такимъ же порядкомъ возвращался домой, и если въ тотъ день не было вечерняго засѣданія, то, придя въ гостиницу, часть свиты распускалъ до слѣдующаго утра, а часть оставалась сидѣть въ вестибюлѣ или у крыльца на случай какихъ-либо экстренныхъ порученій. При отпускѣ свиты сцена поцѣлуя рукъ за спиной вновь повторялась.

Ѳеодосійскій предводитель дворянства Джанъ-Арсланъ мурза Булгаковъ былъ совершенно въ другомъ родѣ: онъ когда-то, чему-то и гдѣ-то учился и гдѣ-то служилъ; жена его и дочери одѣвались по-европейски, говорили по-русски и выходили, когда у нихъ въ гостяхъ бывали мужчины. Джанъ-Арсланъ ѣздилъ даже за-границу, былъ въ Парижѣ и при случаѣ любилъ блеснуть знаніемъ французскаго языка, но послѣднее не всегда выходило удачно; такъ, освѣдомляясь о здоровіи родителей одного молодого человѣка, онъ спрашивалъ его: «Comment va-maman?» и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, повторялъ

свой вопросъ:«et comment va papan?»Этими двумя фразами насчетъ здоровья mama et papan кажется ограничивались его знанія французскаго языка. Впрочемъ Булгаковъ былъ добродушнымъ человѣкомъ, державшимъ себя скромно и безъ претензій, онъ всегда былъ готовъ помочь каждому, въ чемъ только могъ.

Большинство крымскаго греческаго дворянства происходило отъ тѣхъ греческихъ пиратовъ, мѣстопребываніемъ которыхъ была въ старину Балаклава; эти когда-то отважные морскіе разбойники, дѣлавшіе постоянные набѣги на турецкія владѣнія и грабившіе и уничтожавшіе на Черномъ морѣ турецкія суда, помогали русскимъ при завоеваніи Крыма и въ войнахъ съ Турціей, за что имъ и были даны Екатериной II различнаго рода привилегіи, чины, земли и дворянство.

Мать Веніамина Михайловича Тарновскаго Марья Александровна, разсказывала мнѣ, что знавала въ Одессѣ одного изъ бывшихъ начальниковъ этихъ пиратовъ, доживавшаго тамъ мирно свой буйный вѣкъ, въ полученномъ имъ отъ Екатерины чинѣ русскаго адмирала. Ему тогда было 112 или 115 лѣтъ. Этотъ старый корсаръ, бывшій когда-то грозой для турокъ, когда его знала Марья Александровна, превратился отъ времени въ маленькаго изсохшаго старичка, но еще очень бодраго, любившаго вспоминать свои прежніе подвиги и показывать навѣщавшимъ его одесскимъ дамамъ драгоцѣнности, похищенныя имъ въ былое время у турокъ. Онъ очень не любилъ, когда говорили о его лѣтахъ: однажды тогдашній одесскій архіерей какъ-то въ разговорѣ сказалъ, что ему пора уже думать о смерти, и что въ его лѣтахъ нельзя разсчитывать долго прожить. «Ну, этого знать нельзя», отвѣтилъ адмиралъ, «ты быть можетъ еще раньше меня умрешь»,—и, дѣйствительно, архіерей вскорѣ умеръ, та же участь постигла еще двухъ—трехъ человѣкъ, говорившихъ адмиралу о его смерти, и которымъ онъ тоже отвѣчалъ: «Смотри какъ бы ты еще раньше меня не умеръ». Эти случаи такъ подѣйствовали на одесское общество, что всѣ боялись напоминать старику о его годахъ.

До Крымской войны балаклавскіе жители составляли отдѣльный, такъ называемый Балаклавскій греческій батальонъ, который былъ уничтоженъ только послѣ Крымской кампаніи, что не мѣшало всѣмъ балаклавцамъ и до послѣдняго времени величать себя капитанами.

Н. Шатиловъ.

И. А. Гончаровъ, какъ членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати [1]).

(*По неизданнымъ рукописямъ*).

Настаивая на репрессивныхъ мѣрахъ въ отношеніи радикально-нигилистическихъ органовъ, обнаруживая терпимость къ органамъ умѣренно-либеральнымъ, Гончаровъ, однако же, счелъ себя вынужденнымъ въ томъ же 1866 году дать отпоръ тому литературно-общественному направленію, которое старалось присвоить себѣ монополію на патріотизмъ и повсюду, не исключая даже высшаго правительства, готово было видѣть то польскую, то нигилистическую, то обѣ эти интриги вмѣстѣ.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого направленія были, конечно, «Московскія Вѣдомости». Выступивъ противъ него, Гончаровъ отнюдь не совершилъ особаго акта гражданскаго мужества, такъ какъ весной 1866 года оно своими неумѣренными притязаніями раздражило и непосредственнаго начальника Гончарова—Валуева настолько, что онъ объявилъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» въ періодъ съ 23 марта по 7 мая цѣлыхъ три предостереженія. Третье предостереженіе, хотя и не было принято Катковской газетой, однако, все же поставило ее въ очень тяжелое положеніе. Каракозовскій выстрѣлъ, какъ бы подтверждавшій основательность ея непрестаннаго, принимавшаго иногда прямо-таки истерическій характеръ крика о гнѣздящейся въ Россіи крамолѣ, снова упрочилъ ея шансы и возвысилъ авторитетъ...

Отзывъ Гончарова, о которомъ идетъ рѣчь, лишь вскользь касается «Московскихъ Вѣдомостей», и трактуетъ исключительно о брошюрѣ нѣкоего Данилова, всецѣло проникнутой катковскимъ направленіемъ, которую авторъ написалъ

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 11.

и задумалъ издать подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ покушенія Каракозова.

И самый отзывъ Гончарова о брошюрѣ Данилова и два относящіяся къ этому дѣлу письма его на имя предсѣдателя совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати сенатора Щербинина, я привожу цѣликомъ, напомнивъ, предварительно читателямъ, что второе письмо писалось черезъ нѣсколько дней послѣ пріостановки «Московскихъ Вѣдомостей» на два мѣсяца. (См. № 99 «Сѣверной Почты», 1866 г.):

[*Письмо Гончарова Щербинину.*

«Исполняя порученіе Вашего Превосходительства (отъ 30 апрѣля за № 793), честь имѣю представить при этомъ мой отзывъ о брошюрѣ «Будущность Россіи», изъ котораго Вы изволите усмотрѣть, что я не считаю удобнымъ обращеніе въ публикѣ этого памфлета, который, при нынѣшнихъ событіяхъ, и вообще натянутомъ положеніи политическихъ, государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, можетъ усилить только раздраженіе и безъ того уже сильно возбужденнаго событіемъ 4-го апрѣля, денежнымъ кризисомъ и прочими обстоятельствами настроенія умовъ въ обществѣ, и потому спѣшу препроводить и брошюру и мое мнѣніе на случай, если Вы и Цензурный Комитетъ рѣшили также пріостановить изданіе брошюры. Въ противномъ случаѣ, т. е., если Вы изволите полагать возможнымъ выпустить ее въ свѣтъ, мнѣніе мое можетъ быть отложено до разсмотрѣнія его въ завтрашнемъ засѣданіи Совѣта.

Съ чувствомъ уваженія и преданности имѣю честь быть
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
И. Гончаровъ.

1 мая 1866 г.

Будущность Россіи въ зависимости отъ своевременнаго разрѣшенія вопросовъ русско-польскаго и русско-нѣмецкаго путемъ національной политики русскаго правительства и практической дѣятельности русскихъ гражданъ. Соч. Данилова.

Брошюра г. Данилова выражаетъ то же самое, что выражала газета «День», и что продолжаютъ выражать «Московскія Вѣдомости» о необходимости сильнаго и единодушнаго со стороны Россіи противодѣйствія польскому и нѣмецкому вліяніямъ, какъ за границею, такъ и внутри Имперіи подкапывающимся подъ благосостояніе и славу Отечества.

Такое патріотическое настроеніе, господствующее въ русскомъ обществѣ и во всемъ народѣ, выражалось двумя названными

газетами, какъ извѣстно, съ такимъ горячимъ увлеченіемъ, что онѣ впадали по временамъ въ раздражительныя порицанія нѣкоторыхъ правительственныхъ, неудовлетворительныхъ, по ихъ мнѣнію, мѣропріятій, бросали (особенно «Московскія Вѣдомости») тѣнь неблаговидныхъ подозрѣній на административныя сферы съ намеками на самыя лица, почти съ обвиненіями въ умышленной государственной измѣнѣ.

Въ брошюрѣ г. Данилова, мѣстами слабѣе, мѣстами сильнѣе, повторяется то же самое. Авторъ принялъ на вѣру и раздѣлилъ всѣ сомнѣнія и подозрѣнія «Московскихъ Вѣдомостей» относительно содѣйствія *русской партіи* польскому и нѣмецкому вліянію и *въ заключеніи* книги прибавилъ свое собственное тяжкое подозрѣніе относительно событія 4-го апрѣля. На стр. 164 и 168 онъ говоритъ что *открытое нападеніе на жизнь любимаго Государя не могло быть предпринято не только однимъ преступникомъ-выскочкой, но даже и какой-нибудь одной новообразованной шайкой: въ этомъ очевидно нѣтъ никакого смысла. Не дѣйствовала ли тутъ рука, направленная такой сильной партіей, которая имѣла свой опредѣленный планъ и которая могла располагать обширными средствами* и т. д. Далѣе авторъ выражаетъ ту мысль, что самый отчаянный злодѣй не согласился бы идти на вѣрную и позорную смерть, если бы не надѣялся спастись самъ (о чемъ въ настоящемъ случаѣ нельзя было и думать) или быть спасеннымъ *другими*.

Одно это выписанное мѣсто дѣлаетъ невозможнымъ выпускъ брошюры въ ея настоящемъ видѣ. Это бы значило подливать въ огонь масло. По городу ходили изъ устъ въ уста слова преступника, сказанныя будто имъ въ первую минуту въ толпѣ о причинѣ покушенія (о надѣлѣ крестьянъ землей); въ первые дни послѣ покушенія, пока имя преступника оставалось неизвѣстнымъ, въ народѣ слышались невыгодные толки о *помѣщикахъ* и т. п. Неясныя, но сильныя подозрѣнія, намеки на какую-то *русскую партію*, на измѣну, брошенныя неосторожно черезъ печатное слово въ толпу—конечно не будутъ служить къ ея успокоенію, а дадутъ новую силу преждевременнымъ догадкамъ и темнымъ заключеніямъ, умолкнувшимъ нынѣ въ ожиданіи того, что откроется по слѣдствію.

Поэтому я полагаю необходимымъ предложить С.-Петербургскому Цензурному Комитету сдѣлать распоряженіе о *пріостановленіи книги въ свѣтъ и о преданіи автора суду* на основаніи пункт. 9, 10 и 11 Гл. IV Указа 6 апрѣля 1865 г., если только авторъ не приметъ рѣшенія выпустить или измѣнить, какъ приведенное выше на стр. 167—168, такъ и нижепоказанныя мѣста, которыя, распространяя ложные слухи, подозрѣнія и намеки

на учрежденія и вѣдомства, не могутъ *не колебать довѣрія* къ самому правительству, *не возбуждать* неуваженія къ его дѣйствіямъ и наконецъ не поселять или не усиливать взаимныхъ враждебныхъ отношеній между разными мѣстностями и племенами Имперіи, какъ напримѣръ отношеній русскаго населенія къ нѣмецкому.

Авторъ дѣлаетъ очеркъ польскаго вопроса, начавъ съ раздѣла Польши до нашихъ временъ, потомъ сопоставляетъ русскую и нѣмецкую національности, какъ крайне враждебныя другъ другу,—грозитъ преобладаніемъ нѣмецкаго вліянія—и причины всему этому видитъ въ томъ, что мы со времени Екатерины II уклонились отъ русской политики и добровольно подчинились нѣмецкому и вообще западному вліянію, употребляющему польскій вопросъ для ослабленія и разложенія Россіи.

Отдавая справедливость *русской политикѣ* нынѣ царствующаго Государя, авторъ однако замѣчаетъ, что воля Монарха встрѣчаетъ *замедленія* въ исполненіи и *уклоненія* въ примѣненіяхъ *указаннаго* и что это совершается *лицами, находящимися въ составѣ правительства* (стр. 10) (На страницѣ 8 этихъ лицъ авторъ называетъ *туземными любителями*. Вообще вся книга пополнена намеками и всѣ страницы испещрены курсивомъ).

На стр. 30, авторъ говоря, что шляхетство польское было не что иное, какъ каста, не имѣвшая ничего общаго съ Польшей, какъ съ отечествомъ, которое составляетъ не одна малочисленная каста, а весь народъ, отвергаетъ существованіе такой *уродливости* въ Россіи, но прибавляетъ, что у насъ была другая уродливость: каста *бюрократическая*.

На стр. 34 и 35, называя ошибкою возстановленіе Польши, Даниловъ обличаетъ Императора Александра I, какъ покровителя польской самостоятельности, *не только хвалившаго Адама Чарторійскаго за его польскій патріотизмъ, но и поощрявшаго его польскія тенденціи*, что и породило, говоритъ авторъ, на стр. 36 *извѣстныя «reveries» польскаго шляхетства*.

На стр. 75 обвиняя *прежнюю* Россію, съ ея антинаціональной политикой, авторъ говоритъ, что обязанность *теперешней* Россіи—исправлять старыя ошибки и потому она не можетъ не видѣть польскихъ враждебныхъ *корпорацій* или обществъ, также не *можетъ не замѣчать и въ своей средѣ людей, такъ или иначе враждебныхъ безразличному единству и будущему благосостоянію Русской Имперіи*. Этотъ намекъ подробно развиваетъ (и все курсивомъ) на стр. 76 и 77, противъ находящихся въ русскихъ владѣніяхъ враждебныхъ Россіи *отдѣльныхъ партіяхъ и лицахъ*. Авторъ предлагаетъ *давить и стирать съ лица земли все*,

что есть въ Россіи непріязненнаго общимъ интересамъ русской націи.

Если, говоритъ авторъ на стр. 80, мы называемъ польскій сепаратизмъ увлеченіемъ, близорукимъ и фанатическимъ, то онѣмеченіе горстью иноплеменныхъ русскихъ подданныхъ, во имя нѣмецкаго фатерлянда, въ русскихъ областяхъ, должно назвать государственнымъ преступленіемъ.

Далѣе на стр. 83, 84 и 85, авторъ повторяетъ прежніе раздражительные толки журнальной прессы объ антинаціональномъ направленіи нѣмецкой части населенія Остъ-Зейскаго края, по поводу латышей, требуетъ простора русскому языку и православію, ограниченія нѣмецкой прессѣ, словомъ, оставивъ польскій вопросъ, повелъ атаку противъ нѣмецкаго вліянія.

Затѣмъ опять слѣдуютъ намеки и обвиненія противъ русскихъ, *которые помогаютъ чужеземцамъ устраивать гибель своей родины или своего государства* (на стр. 87—90): здѣсь авторъ намекаетъ и на журнальную, *завѣдомо-фальшивую* прессу, которая изъ *корысти*, или изъ *ложныхъ увлеченій* дѣйствуетъ во вредъ Россіи.

На стр. 112, 113, 125—130, 144 г. Даниловъ порицаетъ реальное направленіе, породившее соціалистовъ и нигилистовъ, и вообще всю систему народнаго образованія, и на стр. 145 говоритъ *объ искусственномъ развращеніи нашего простонародія развитіемъ въ немъ пьянства, поощряемаго питейнымъ дѣломъ.*

На стр. 153, 154 и 160 опять намеки *на своекровныя предательства, на маскированную измѣну, на кругъ общественныхъ дѣятелей, составляющихъ замкнутый отъ общества кружокъ*, куда проникаютъ *интриги, козни* и проч. Тутъ для подкрѣпленія, приводятся и выписки изъ «Московскихъ Вѣдомостей» такого же содержанія.

Нельзя не пожалѣть, что брошюра «*Будущность Россіи*», заслуживающая сочувствія по своимъ патріотическимъ цѣлямъ, написана тономъ желчнаго памфлета, способнаго повести не къ возбужденію патріотизма въ обществѣ и народѣ, высказывающагося энергически при всякомъ знаменательномъ событіи въ Россіи и безъ печатныхъ понужденій, а къ порожденію безплодныхъ волненій и глухихъ подозрѣній насчетъ зла, не ясно сознаннаго самими авторами подобныхъ печатныхъ заявленій и во всякомъ случаѣ преувеличеннаго отъ полноты слѣпого усердія. Печатное слово требуетъ осторожности, и если оно часто обнаруживаетъ истину, то въ неискусныхъ рукахъ можетъ еще скорѣе ввести въ заблужденіе.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ.*

1 мая 1866 .

Письмо Гончарова къ Щербинину.

«Честь имѣю представить при этомъ Вашему Превосходительству присланную мнѣ вторично брошюру *Будущность Россіи*, вмѣстѣ съ приложеніями.

Среди отмѣтокъ перомъ и карандашемъ на корректурныхъ листахъ, я никакъ не могъ разобрать, что должно войти въ текстъ, что назначено къ исключенію. Иныя мѣста зачеркнуты карандашемъ, въ другихъ сдѣланы поправки перомъ.

Впрочемъ, я полагаю, что послѣ указанія Совѣта, по докладу моего мнѣнія о причинахъ неудобства допущенія въ печать нѣкоторыхъ мѣстъ (съ подробнымъ изложеніемъ этихъ причинъ и съ отмѣтками страницъ), Г. Ценсоръ, а еще менѣе Комитетъ Цензурный не затруднятся рѣшить, какимъ образомъ удобнѣе можетъ быть замѣнено или исправлено то или другое сомнительное въ цензурномъ отношеніи мѣсто.

Пробѣжавъ вновь брошюру *Будущность Россіи*, съ ея громкимъ заглавіемъ, съ ея странными и какими-то глухими намеками, я невольно припоминаю мнѣніе Вашего Превосходительства: «что эта брошюра вся неудобна», и нахожу его справедливымъ особенно теперь, когда Московскія Вѣдомости пріостановлены, и безпокойный Польскій и Остзейскій вопросы нѣсколько успокоились.

Авторъ брошюры затрагиваетъ ихъ въ томъ же тонѣ и духѣ, въ которомъ не позволено продолжать полемику и Московскимъ Вѣдомостямъ.

Кромѣ того, появленіе брошюры совпадаетъ неловко съ обнародованіемъ Высочайшаго Рескрипта, въ которомъ выражена заботливость правительства къ пресѣченію вреднаго направленія въ обществѣ, обнаруженнаго Слѣдственною Комиссіею.

Тутъ весьма не кстати является г. Даниловъ съ своими таинственными, курсивными намеками и обвиненіями, съ подробнымъ, а можетъ быть невѣрнымъ изображеніемъ того же зла, о которомъ говорится въ Рескриптѣ и обнаруженіемъ котораго занимается Слѣдственная Комиссія.

Законъ не представляетъ средствъ останавливать книгу, тѣмъ болѣе, что авторъ подчинился указаніямъ цензуры и изъявилъ готовность исключить указанныя ему мѣста, а *исключить бы слѣдовало*, какъ Вы справедливо изволили говорить, *все*.

Впрочемъ, можетъ быть я преувеличиваю значеніе этой книженки, и она, развѣ только своимъ заглавіемъ, да безчисленными курсивами способна какъ курьезъ обратить на себя вниманіе, а для большинства публики останется незамѣтной.

Я нездоровъ, но если мнѣ хоть немного будетъ легче, я явлюсь въ Совѣтъ лично доложить свое мнѣніе.

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга

Гончаровъ.

17 мая 1866 г.

Если эти документы и даютъ основаніе думать, что реакціонный потокъ, широко разлившійся въ русской жизни послѣ 4-го апрѣля 1866 г., не заставилъ Гончарова перейти въ лагерь торжествовавшихъ побѣду единомышленниковъ страстнобульварскаго публициста, то все же, вызванный имъ подъемъ «охранительныхъ» тенденцій не могъ пройти мимо него безслѣдно. Мнѣ думается, что не безъ вліянія его написанъ Гончаровымъ нижеслѣдующій отзывъ объ «Исторіи Французской революціи» Карлейля.

«Исторія французской революціи», соч. Карлейля. Переведено подъ редакціею Ляпидевскаго. Томъ I-й.
(По представленію Московскаго Цензурнаго Комитета. 18 мая № 240).

Это не есть собственно исторія, а историческій памфлетъ, въ которомъ авторъ съ безпощадной ироніей проводитъ анализъ событіямъ и лицамъ, подготовившимъ революцію. Онъ истощаетъ весь запасъ сарказмовъ на царствованія Людовиковъ XIV, XV и XVI, на ихъ министровъ и на главныхъ дѣятелей тѣхъ эпохъ и величественными чертами, какъ Божій гнѣвъ, изображаетъ грядущую кару, терроръ санкюлотизма. Безпощадно издѣвается онъ надъ игрою судьбы, мѣняющей царства, народы и королей, описывая (стр. 5—9) умирающаго Людовика XV, потомъ съ тою же глубокою ироніею говоритъ (стр. 9 — 20) о происхожденіи власти, о ея возрастаніи, потомъ паденіи, о томъ, въ какія жалкія подобія и карикатуры обратились (въ лицѣ того же Людовика и его двора) представители власти, вожди, и ихъ помощники— дворянство. Авторъ напоминаетъ варварскія феодальныя привилегіи, сопоставляя съ ними положеніе бѣднаго стада, народа, смѣется надъ блестящимъ золотымъ вѣкомъ, надъ возвращеніемъ Астреи; съ юморомъ смотритъ на вступленіе на престолъ Людовика XVI, смѣется надъ его пустыми, веселыми министрами, приводя между прочимъ (стр. 47—49), какъ голодный народъ въ 1775 году окружилъ Версаль, требуя хлѣба, какъ король сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и какъ въ отвѣтъ на прошеніе народа, двоихъ повѣсили.

То же самое, мѣстами сильнѣе, мѣстами слабѣе, повторяется на стр. 51, 52, 68, 75, 76, 142. Авторъ приводитъ рядъ неискусныхъ министровъ, ошибочныхъ или преступныхъ мѣръ, постепенно ведущихъ къ хаосу и гибели, и власть, и государство и народъ,

къ которому во многихъ мѣстахъ, между прочимъ на стр. 178, 179 онъ выказываетъ сочувствіе.

Къ числу самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ относятся страницы съ 300 до 306 включительно, гдѣ авторъ, изображая появленіе санкюлотизма, какъ грозной силы, какъ кары Божіей, задаетъ себѣ вопросы: гдѣ революція и кто производитъ ее? Отвѣчая себѣ на это авторъ (на стр. 301) совѣтуетъ отнестись безпристрастно къ санкюлотизму и рѣшаетъ, что *революція находится въ сердцѣ и головѣ каждаго француза* (стр. 302). На стр. 305 авторъ приходитъ къ знаменательному выводу, что никакая конституція не можетъ идти объ руку съ безвѣріемъ—или то будетъ не конституція, а анархія. Этотъ упрекъ обращаетъ онъ къ Сіесу и къ національному собранію. А на стр. 306 онъ выражаетъ удивленіе тому, какимъ евангеліямъ могутъ вѣрить люди, даже евангелію Жанъ-Жака, т. е. его Contrat social.

Замѣчателенъ также сарказмъ, направленный (стр. 352) на врожденное французамъ *искусство возстанія*, искусство, къ которому, по словамъ автора, *пылкая и неглубокая французская натура—всѣхъ способнѣе.*

Далѣе на стр. 317, 321, 322, 329 и 336, ярко изображаются бѣдствія народа и *законъ коварства*, т. е. *притѣсненія знатныхъ, который можно отразить и уничтожить*, потомъ мщеніе санкюлотизма, *завоевавшаго своего Короля* (Людовика XVI) стр. 336.

Книга отличается блистательнымъ изложеніемъ, остроумными сближеніями, съ преобладаніемъ глубокой и ядовитой ироніи. Для образованныхъ развитыхъ классовъ общества книга эта не опасна, и при томъ не составитъ новости и не прибавитъ ничего къ тому, что писали о революціи Мишле, Луи-Бланъ, Минье Кине и др., сочиненія которыхъ большею частію свободно обращались въ оригиналѣ въ публикѣ и конечно прочитаны были въ свое время всѣми образованными людьми.

Нельзя сказать того же о переводахъ этихъ сочиненій на русскій языкъ. Всѣ занимающіеся исторіею и вообще образованные люди прочтутъ книгу Карлейля въ подлинникѣ или во французскомъ переводѣ: въ русскомъ же переводѣ она неминуемо поступитъ въ многочисленный классъ полуобразованныхъ и даже вовсе необразованныхъ людей. Спрашивается, что могутъ извлечь неприготовленные историческимъ знаніемъ читатели изъ этой ядовитой сатиры, направленной на слабость и ошибки верховной власти (хотя бы и не у насъ: но вѣдь аналогія есть неизбѣжное свойство природной логики), на разладъ ея съ народомъ? Наконецъ, какое впечатлѣніе должны производить на простые умы яркія картины насилій, возстаній, ниспроверженія сильныхъ и богатыхъ, на разливъ санкюлотскаго террора и проч?.

Если все это не научитъ простыхъ читателей *искусству возстанія*, къ которому, по словамъ Карлейля, такъ способна французская натура, то всѣ эти уроки, сопоставленія бѣдныхъ съ богатыми, эти желчныя нападенія на правительство, не пройдутъ безслѣдно и конечно не могутъ не заронить такихъ идей и соображеній, которыя принесутъ во многихъ русскихъ умахъ, если не опасный, то уродливый плодъ, и во всякомъ случаѣ поведутъ къ путаницѣ или извращенію здравыхъ понятій и добрыхъ чувствъ русскаго народа, нуждающагося въ другой, болѣе питательной и здоровой умственной пищѣ.

Въ заключеніе мнѣ остается согласиться съ мнѣніемъ Московскаго Цензурнаго Комитета, что книга Карлейля, на основаніи 4 отдѣла ст. 9 п. 2 Указа 6 апрѣля 1865 г., подлежитъ судебному преслѣдованію и я не понимаю, по какой причинѣ Комитетъ не привелъ своего предположенія въ исполненіе, а предпочелъ ожидать окончанія прочихъ томовъ, т. е. когда чаша вреда, принесеннаго уже первымъ томомъ, переполнится черезъ край и когда останется только возможность покарать злоупотребленіе печати, тогда какъ привлеченіе переводчика къ суду могло бы предупредить и самую передачу слѣдующихъ томовъ на русскій языкъ.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ*.

25 мая 1866 г.

Гораздо большую терпимость обнаружилъ Гончаровъ къ другому сочиненію по исторіи Французской Революціи—къ сочиненію Минье, переведенному Лихачевой. Исторія злоключеній этой книги стоитъ въ непосредственной связи съ послѣдствіями реакціи весны 1866 г., а потому съ ней не безынтересно познакомиться.

Исторія французской революціи, соч. Минье. Томъ второй. Переводъ Е. Лихачевой.

Г. Лихачева, въ прошеніи на имя Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 3 ноября, объясняетъ, что, получивъ въ февралѣ сего года отъ Комитета Цензуры иностранной свидѣтельство о томъ, что «Исторія французской революціи» сочиненіе Минье, въ продажѣ на французскомъ языкѣ дозволено, она перевела на русскій языкъ и напечатала первый томъ, который не былъ задержанъ цензурою и поступилъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ продажу. Оканчивая затѣмъ переводъ и печатаніе второго тома, она между тѣмъ узнала, « по слухамъ», что на нѣкоторыя прежнія сочиненія о французской революціи, допущенныя цензурою на иностранныхъ языкахъ, вновь наложено запрещеніе и притомъ послѣдовало распоряженіе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о

томъ, что переводъ сочиненій, дозволенныхъ на иностранныхъ языкахъ, не освобождается отъ судебнаго преслѣдованія.

Поставленная этими распоряженіями цензурнаго вѣдомства въ затруднительное положеніе и обязавшись между тѣмъ передъ подписчиками выдачею второго тома, за который получены уже деньги, г-жа Лихачева нынѣ представила въ Главное Управленіе корректурные листы отпечатаннаго второго тома сочиненія Минье съ просьбою подвергнуть ихъ предварительному осмотру, сдѣлать, если окажется нужнымъ, измѣненія, несмотря на то, что она сама, по словамъ ея, смягчила и измѣнила многое въ переводѣ противъ подлинника, а затѣмъ разрѣшить выпускъ второго тома въ свѣтъ, такъ какъ отъ задержанія его, по выходѣ въ свѣтъ, она понесла бы до 2.000 руб. сер. убытку.

По разсмотрѣніи мною, вслѣдствіе порученія г. Предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, второго тома соч. Минье, просьбы г-жи Лихачевой, а также, и дѣла, производившагося въ Совѣтѣ по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома того же сочиненія въ русскомъ переводѣ, оказывается:

1) Первый томъ Исторія революціи соч. Минье дѣйствительно появился въ мартѣ сего года въ русскомъ переводѣ въ печать и хотя Цензурный Комитетъ находилъ въ немъ рѣзкія въ цензурномъ отношеніи мѣста, но эти мѣста и вообще вся книга, которая, по мнѣнію г. Цензора, революціонной пропаганды въ себѣ не заключала, судебному преслѣдованію не подлежала, и потому первый томъ безпрепятственно выпущенъ былъ въ свѣтъ. Но Цензурный Комитетъ, принимая въ соображеніе, какъ важность содержанія этой книги, такъ и то, что издательницы этой книги г-жи Лихачева и Суворина обратили уже на себя вниманіе изданіемъ «Книги для чтенія для дѣтей», немедленно донесъ о выходѣ этой книги Главному Управленію по дѣламъ печати.

Совѣтъ Главнаго Управленія отъ 23 мая далъ знать Цензурному Комитету, что онъ не встрѣтилъ препятствій *лишь на сей разъ* къ оставленію книги безъ заарестованія и судебнаго преслѣдованія по нѣкоторымъ изложеннымъ въ донесеніи Комитета соображеніямъ, но въ то же время нашелъ, что книга, заключающая исторію революціи, являясь въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ, уже тѣмъ самымъ составляетъ пропаганду революціи, если не съ цѣлью достиженія республики, то хотя бы конституціоннаго правительства, далѣе, что нѣкоторыя мѣста книги могли бы подлежать судебному преслѣдованію и что наконецъ самый фактъ изданія книги г-жами Лихачевой и Сувориной, извѣстными уже изданіемъ неблагонамѣренныхъ книгъ, не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія суда.

2) Вслѣдствіе предложенія Совѣта Главнаго Урпавленія отъ 14 мая СПБ. Комитету Цензуры Иностранной о пересмотрѣ книгъ революціоннаго направленія съ 1854 года, «Исторія французской революціи» соч. Минье, бывшая разрѣшенною въ продажѣ на французскомъ языкѣ, отнесена Комитетомъ къ числу запрещенныхъ.

3) Циркуляромъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ (отъ 4 іюня) къ гг. Начальникамъ губерній дано знать, что разрѣшеніе иностранною цензурою обращенія въ Россіи книги на иностранномъ языкѣ вовсе не заключаетъ въ себѣ изъятія отъ отвѣтственности за содержаніе оной въ случаѣ перевода на русскій языкъ.

Обращаюсь теперь къ просьбѣ г-жи Лихачевой и къ представленному ею отпечатанному второму тому сочиненія Минье.

Просьба о просмотрѣ цензурнымъ порядкомъ перевода ея и о выпискѣ въ свѣтъ, на основаніи законовъ 6-го апрѣля, разрѣшена быть не можетъ, такъ какъ книга заключаетъ въ себѣ болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Равнымъ образомъ нельзя принять въ уваженіе приводимаго просительницею того обстоятельства, что она, относительно перевода изданія въ свѣтъ 2-го тома соч. Минье, будто бы поставлена въ затруднительное положеніе не по своей винѣ, а противорѣчивыми распоряженіями цензуры, такъ какъ обстоятельство это опровергается своевременнымъ опубликованіемъ вышеприведеннаго циркуляра г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ относительно переводовъ иностранныхъ сочиненій на русскій языкъ.

Что касается до самого перевода 2-го тома соч. Минье, то я имѣю честь представить о немъ слѣдующее заключеніе. Томъ этотъ содержитъ въ себѣ исторію или, вѣрнѣе, очеркъ событій съ 1793 года до восшествія на престолъ Наполеона.

Очеркъ этотъ нельзя счесть пропагандою революціонныхъ началъ; авторъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ относится къ событіямъ, не только не увлекая къ сочувствію къ той эпохѣ и ея героямъ, но не рѣдко возбуждая противуположныя чувства особенно въ изложеніи исторіи террора. Если же необходимо знакомить ту часть русской публики, которая не можетъ читать французскихъ писателей въ подлинникѣ, съ исторіею революціи, то желательно бы было, чтобы она могла знакомиться съ событіями этого рода черезъ такихъ писателей, какъ Минье, судя по 2-му тому его сочиненія.

Во всей книгѣ я отмѣтилъ очень немногія выраженія, которыя, можетъ быть, сочла бы нужнымъ обойти строгая предварительная цензура и кромѣ того въ приложеніи отрывковъ изъ Кине есть также два три мѣста, которыя бы въ подцензурномъ

изданіи, можетъ быть, подлежали исключенію, тамъ, напримѣръ, гдѣ авторъ, говоря о папѣ, небрежно отзывается о самой религіи. Зато конецъ статьи Кине подъ заглавіемъ «Утопія», гдѣ онъ, приводя параллель старыхъ и новыхъ понятій и указывая на примѣръ Америки, положительно доказываетъ несостоятельность соціальныхъ и коммунистическихъ доктринъ[1]). Такое блистательное положеніе Кине въ пользу здравыхъ общественныхъ началъ, вмѣстѣ съ строгимъ и неувлекающимъ къ сочувствію изложеніемъ Минье исторіи событій и лицъ террора, по моему мнѣнію, не могутъ не способствовать къ охлажденію слабыхъ или юныхъ умовъ, могущихъ увлекаться утопіями соціализма и коммунизма.

Между тѣмъ изъ всего вышеизложеннаго видно, что появленію въ свѣтъ второго тома соч. Минье, какъ справедливо опасается издательница, предстоитъ участь задержанія и преслѣдованія судебнымъ порядкомъ по двумъ причинамъ, независимо отъ содержанія книги: во 1) потому что продажа этой книги вновь запрещена Комитетомъ Цензуры Иностранной и на французскомъ языкѣ и во 2) что СПБ. Комитетъ внутренней Цензуры, по смыслу вышеприведеннаго предложенія замѣчаній и указаній Главнаго Управленія относительно выпуска въ свѣтъ перваго тома, поставленъ, такъ сказать, въ обязанность подвергнуть аресту и судебному преслѣдованію и продолженіе того же самаго сочиненія.

Первая изъ этихъ причинъ т. е. запрещеніе въ продажѣ Исторіи революціи Минье на французскомъ языкѣ вѣроятно будетъ отстранена отмѣною этого запрещенія, о чемъ въ настоящее время производится въ Совѣтѣ Главнаго Управленія дѣло, вслѣдствіе заявленія Члена г. Колл. Сов. Фукса о неправильности наложеннаго Комитетомъ Цензуры Иностранной запрещенія на «Исторію французской революціи» соч. Минье.

Что касается до второго обстоятельства, т. е. предстоящей Цензурному Комитету обязанности подвергнуть аресту и судебному преслѣдованію нынѣ отпечатанный второй томъ сочиненія Минье, то я долгомъ считаю замѣтить, что если Комитетъ не находилъ поводовъ къ судебному преслѣдованію въ первомъ томѣ, и если Совѣтъ, склоняясь на соображенія Комитета, счелъ возможнымъ оставить тотъ томъ свободнымъ отъ наложенія ареста и преслѣдованія по суду, то второй томъ, не заключая рѣшительно никакихъ поводовъ къ наложенію ареста и обвиненію передъ судомъ, можетъ поставить судебное вѣдомство въ затруднитель-

[1]) Фраза не докончена Гончаровымъ. *В. Е—въ.*

ное положеніе и привести къ результатамъ, противнымъ обвиненію со стороны Комитета, т. е. оправдать 2-ой томъ, какъ безвредный, и даже значительно смягчающій рѣзкія и неблагонамѣренныя мѣста, замѣченныя въ I-мъ томѣ.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго истекаетъ, по моему мнѣнію, необходимость:

1) Пріостановить окончательное рѣшеніе дѣла о выходѣ въ свѣтъ 2-го тома сочиненія Минье до тѣхъ поръ, пока состоится предполагаемая въ Совѣтѣ Главнаго Управленія отмѣна наложеннаго Комитетомъ Цензуры Иностранной запрещенія на сочиненіе Минье;

2) разрѣшить С.-Петербургскому Комитету внутренней цензуры не налагать ареста и на второй томъ «Исторіи французской революціи» Минье, если онъ появится въ печать въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ нынѣ г-жею Лихачевой и съ тѣми измѣненіями или исключеніями, какія Комитетъ съ своей стороны, съ изъявленнаго уже согласія переводчицы, признаетъ еще нужнымъ сдѣлать. Но такъ какъ журналъ Совѣта Главнаго Управленія, соображеніями коего поставлено Цензурному Комитету въ обязанность руководствоваться относительно сочиненія Минье, утвержденъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, то я полагалъ бы нужнымъ войти съ представленіемъ къ Его Высокопревосходительству новыхъ соображеній по поводу разрѣшенія выпуска въ свѣтъ второго тома означеннаго сочиненія, и

3) въ случаѣ утвержденія г. Министромъ представленія Совѣта дать знать о семъ г-жѣ Лихачевой.

При семъ возвращается дѣло за № 118.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ.*

16 ноября 1866 г.

Въ томъ же ноябрѣ Гончарову пришлось говорить и о другомъ изданіи г-жи Лихачевой. Съ этимъ его отзывомъ мы уже переходимъ въ область сужденій Гончарова о произведеніяхъ дѣтской и учебной литературы; явился же онъ результатомъ представленія Вятскаго губернатора Министру внутреннихъ дѣлъ. Вотъ его полный текстъ.

«Путешествіе къ центру земли», соч. Ю. Верна и *«Очеркъ происхожденія и развитія земного шара»*, изд. Лихачевой и Сувориной.

(По представленію г. Вятскаго Губернатора г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ отъ 5 октября 1866 г. за № 601).

Г. Вятскій Губернаторъ, приводя ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе отъ 13 мая и разъясненіе онаго въ циркулярѣ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 31 мая, относительно преподаванія наукъ въ духѣ христіанской религіи, объясняетъ, что ни онъ самъ,

ни подвѣдомственныя ему губернскія власти не могутъ препятствовать развитію въ юношествѣ антирелигіозныхъ идей, если въ рукахъ онаго будутъ находиться книги, уничтожающія всякое довѣріе къ священному писанію.

Къ числу такихъ книгъ г. Губернаторъ относитъ между прочимъ найденную имъ въ рукахъ 12-ти лѣтняго мальчика въ одномъ семействѣ въ Вяткѣ: «*Путешествіе къ центру земли*», соч. Верна и «*Очеркъ происхожденія и развитія земного шара*», изд. Лихачевой и Сувориной.

Въ первой изъ статей т. е. въ «*Путешествіи къ центру земли*» г. Губернаторъ признаетъ безвредную сказку; въ «*Очеркѣ происхожденія и развитія земного шара*» напротивъ онъ видитъ сочиненіе, которое не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на дѣтей, такъ какъ изложенныя въ ней геологическія ипотезы въ умахъ взрослыхъ просвѣщенныхъ людей могутъ служить къ подтвержденію смысла сказаній Моисея, а дѣтямъ внушать только то убѣжденіе, что уроки законоучителя въ гимназіи— обманъ и нужны лишь для экзамена, истина же заключается въ изданіи Лихачевой и Суворинои, а это значитъ убивать въ дѣтяхъ религіозное чувство и т. д.

Затѣмъ г. Губернаторъ проситъ сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, какъ относительно вышеупомянутой книги, такъ и вообще другихъ подобныхъ изданій, присовокупляя, что, по сдѣланнымъ имъ справкамъ, нѣкоторыя изданія Лихачевой и Суворинои, по распоряженію Св. Синода (основанному на заключеніи Главнаго Управленія по дѣламъ печати) запрещены въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и что такое же распоряженіе послѣдовало и по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

На представленіе г. Губернатора г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ изволилъ положить резолюцію: «можно увѣдомить, что это уже сдѣлано».

По разсмотрѣніи означенной книги, я, согласно съ мнѣніемъ г. Вятскаго Губернатора, нахожу, что первая половина ея т. е. «*Путешествіе къ центру земли*» есть дѣйствительно безвредная сказка, написанная съ цѣлью представить наглядный образъ внутренности земного шара, согласно съ новѣйшими геологическими предположеніями. И вторая половина книги т. е. «*Очеркъ происхожденія и развитія земного шара*» не должна бы, по моему мнѣнію, внушать такихъ строгихъ опасеній, какъ выражаетъ г. Губернаторъ, относительно вреднаго вліянія, этой статьи на умы дѣтей. Вредъ этотъ можетъ заключаться только въ преждевременности подобнаго чтенія для ребенка, такъ какъ означенная книга, хотя и популярно, но неудобопонятно для дѣтскаго

возраста излагаетъ теоріи новѣйшихъ геологическихъ предположеній о происхожденіи и развитіи земного шара, слѣдовательно трудъ и вниманіе ребенка или потратятся безплодно на одолѣніе неодолимой для его ума задачи, или же приведутъ его къ неполному или неправильному понятію о прочитанномъ. Но вредъ такого рода ребенокъ можетъ встрѣтить во всякой, писанной не для дѣтей, и особенно имѣющей хотя отчасти спеціальный или ученый характеръ книги. Разбираемая же книга уже по содержанію своему къ числу дѣтскихъ книгъ не относится несмотря на ея популярное изложеніе и на форму сказки, приданную «*Путешествію къ центру земли*». По самому тону и характеру сказки видно, что и она написана для взрослыхъ людей, съ цѣлью познакомить ихъ съ занимательными предположеніями новой науки.

Что же касается до антирелигіознаго вліянія, которое эта книга, по мнѣнію г. Губернатора, можетъ имѣть на умы дѣтей, то я не могу безусловно согласиться съ такимъ предположеніемъ. Въ книгѣ нѣтъ никакихъ сближеній и сопоставленій съ сказаніями Моисея относительно числа вѣковъ или тысячелѣтій сотворенія міра и никакихъ выводовъ въ подрывъ довѣрія къ священному писанію. Только на послѣднихъ двухъ страницахъ второй статьи авторъ вскользь касается теоріи Дарвина о перерожденіи животныхъ видовъ и приводитъ между прочимъ мнѣніе о происхожденіи человѣка отъ гориллы, но тутъ же рядомъ приводитъ и противоположное тому мнѣніе другихъ ученыхъ. Онъ упоминаетъ также и цифру тысячелѣтій, протекшихъ отъ созданія міра и отъ начала существованія человѣка, далеко превосходящую ту, какая приводится обыкновенно въ преподаваемой исторіи, избѣгая однако же при этомъ всякаго намека на эту разность и выдавая эти цифры и періоды, какъ предположенія науки.

Самъ г. Губернаторъ свидѣтельствуетъ, что ученыя изысканія такого рода дадутъ развитому и образованному уму только «болѣе возможности согласовать ученыя открытія съ сказаніями Моисея»: съ этимъ нельзя не согласиться, и я полагаю, что популярное изложеніе физическихъ, математическихъ и другихъ наукъ, и между прочимъ и очеркъ геологическихъ предположеній, подобный разсматриваемому, въ рукахъ умнаго, религіознаго и добросовѣстнаго наставника послужитъ драгоцѣннымъ пособіемъ къ утвержденію своихъ воспитанниковъ въ идеяхъ премудрости, всемогущества и величія Творца вселенной. Его же обязанность объяснить ученикамъ, что разность въ показаніяхъ числа тысячелѣтій или *дней* библейскихъ и числа вѣковъ, пола-

гаемыхъ для сотворенія міра наукою, есть только наружная, кажущаяся разница, легко объясняющаяся духомъ, средствами и различными цѣлями Св. Писанія и науки.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что одна и та же книга, безвредная и даже полезная для взрослыхъ, можетъ принести нѣкоторую долю вреда дѣтямъ, будучи предоставлена ихъ чтенію безъ надзора и руководства наставниковъ. Къ числу такихъ книгъ можно отнести почти всѣ невходящія прямо въ дѣтскую литературу книги.

Мѣры о недопущеніи такихъ книгъ въ школы входятъ въ кругъ обязанностей Министерства Народнаго Просвѣщенія: ни въ этой сферѣ, и еще менѣе въ сферѣ частной, семейной жизни, цензурная администрація не располагаетъ никакимъ другимъ средствомъ, какъ только указать Министерству Просвѣщенія на тѣ изъ книгъ, которыя могли бы оказать вредное или преждевременное дѣйствіе на умы дѣтей.

Эта обязанность, какъ объясняетъ и г. Вятскій Губернаторъ, уже исполнена Главнымъ Управленіемъ, сообщившимъ о нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ изданіяхъ г-жъ Лихачевой и Сувориной Св. Синоду и Министерству Народнаго Просвѣщенія, а изъ резолюціи г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, положенной на представленіи г. Вятскаго Губернатора, видно, что подобное распоряженіе принято и относительно указаннаго г. Губернаторомъ изданія.

Поэтому, я полагаю, Совѣту Главнаго Управленія по дѣламъ печати остается, увѣдомивъ г. Губернатора, согласно резолюціи г. Министра, о сдѣланномъ распоряженіи, принять его представленіе къ свѣдѣнію.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ.*

28 ноября 1866 г.

Нельзя не счесть весьма характернымъ для «валуевскаго порядка» въ дѣлахъ печати тотъ фактъ, что мнѣніе, очевидно, довольно таки невѣжественнаго провинціальнаго администратора, оказалось совершенно достаточнымъ, чтобы министръ въ особой резолюціи призналъ желательнымъ заградить данной книгѣ доступъ въ школы.

Гончарову ничего не оставалось, какъ попытаться подвести извѣстный фундаментъ подъ эту резолюцію, для чего онъ долженъ былъ пуститься въ довольно шаткія разсужденія о томъ, что нѣкоторыя книги иногда могутъ приносить пользу, а иногда вредъ; не будь этой резолюціи министра, Гончаровъ, по всей вѣроятности, всталъ бы на другую точку зрѣнія въ отношеніи данной книги, такъ какъ изъ этого отзыва, во всякомъ случаѣ

вытекаетъ, что чрезмѣрная мнительность вятскаго губернатора не внушала ему никакого сочувствія. Если Гончаровъ обнаружилъ излишнюю строгость и къ другому дѣтскому изданію журналу «Семейные вечера», то и это, въ значительной степени, объясняется, какъ увидитъ читатель изъ второго изъ приводимыхъ ниже отзывовъ, давленіемъ министерской резолюціи.

«Семейные Вечера». Дѣтскій журналъ. Изд. Ростовской.

Въ № 5 этого дѣтскаго журнала, въ статьѣ (стр. 181, 182, и 183) подъ заглавіемъ *«Нѣсколько случаевъ изъ частной жизни Императора Николая»* (записанныхъ будто бы, какъ сказано въ выноскѣ, со словъ князя П. М. Волконскаго), разсказанъ анекдотъ о томъ, какъ Императоръ Николай, идучи съ княземъ Волконскимъ на охоту и встрѣтивъ по дорогѣ лужу, нанялъ мужика перенести ихъ обоихъ на сухое мѣсто. При чемъ Государь, чтобы посмѣяться надъ скупостью князя, торговавшагося съ крестьяниномъ, приказывалъ послѣднему сбросить князя въ воду, если онъ не заплатитъ извѣстной суммы.

Подобный анекдотъ изъ близкаго прошедшаго, кажется не совсѣмъ умѣстенъ въ дѣтской книжкѣ и потому я полагалъ бы сообщить объ этомъ г. Предсѣдателю С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета для внушенія цензору, разсматривающему дѣтскій журналъ «Семейные вечера».

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ.*

20 апрѣля 1866 г.

«Семейные вечера». Дѣтскій журналъ № 12.

Въ № 12 этого журнала помѣщенъ цѣлый водевиль или комедія съ куплетами, какъ называетъ ее сочинительница, г-жа Ростовская, которая есть и издательница журнала. Въ этой комедіи, подъ заглавіемъ *«Кошка и мышка»*, изображается любовь молодыхъ людей, встрѣчающая препятствія и потомъ заключающаяся женитьбой.

Далѣе, въ разсказѣ *«Цыгане»*, на стр. 754, цыганка, спасшая жизнь Валаху, на объясненіе въ любви этого послѣдняго отвѣчала, что въ бракъ съ нею, цыганкою, онъ вступить не можетъ, а любовницей его быть она не хочетъ.

Ни въ комедіи *«Кошка и мышка»*, ни въ разсказѣ *«Цыгане»*, нѣтъ ничего противнаго правиламъ цензуры; я обратилъ вниманіе на нихъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ текущемъ году изволилъ обратить строгое вниманіе на дѣтскіе журналы, вслѣдствіе чего, какъ отъ цензурныхъ Комитетовъ, такъ и отъ Совѣта по дѣламъ книгопечатанія потребованы были подробные отчеты о содержаніи и направленіи всѣхъ періодическихъ изданій, назначаемыхъ для дѣтей, и уси-

лена была строгость цензурнаго надъ ними наблюденія. 2) Еще въ прошломъ засѣданіи въ Совѣтѣ былъ обсуждаемъ вопросъ, по поводу изданія «Практической грамматики» Алябьева, о неудобствѣ помѣщенія въ дѣтскихъ книгахъ описанія нѣкоторыхъ сторонъ и явленій жизни, которыя могли бы преждевременно и вредно дѣйствовать на развитіе молодыхъ читателей.

Между тѣмъ въ журналѣ «*Семейные вечера*» помѣщается цѣлая піеса, содержаніе и ходъ которой основаны на любви молодыхъ людей, а въ разсказѣ «*Цыгане*» заключается явный намекъ на различіе между женой и любовницей. Конечно все это лишнее въ дѣтскомъ журналѣ, цѣлію которыхъ должно быть соединеніе развлеченія съ возможной пользой.

Если бы родители и воспитатели пожелали предложить дѣтямъ что-либо выходящее изъ круга дѣтскихъ понятій, то недостатка въ такомъ чтеніи помимо дѣтскихъ книгъ никогда бы не встрѣтилось, поэтому нѣтъ надобности пополнять дѣтскія книги повѣстями съ описаніями любви и т. п. предметовъ. Тѣмъ болѣе неудобно помѣщеніе піесъ такого содержанія въ журналѣ, посвященномъ имени Государыни Императрицы и принятымъ, какъ говоритъ издательница въ своемъ объявленіи, для чтенія дѣтей Ея Величества.

Если цензурѣ можетъ быть вмѣнено въ обязанность ограждать дѣтскія изданія отъ сочиненій, которыя по закону не могутъ быть признаны вредными, но которыя по здравому смыслу не могутъ не быть отнесены къ неудобнымъ для дѣтскаго возраста то и въ настоящемъ случаѣ я считалъ бы не безполезнымъ предложить Цензурному Комитету поставить на видъ, чтобы недопускаемы были въ дѣтскихъ журналахъ сочиненія несвойственнаго дѣтскому возрасту содержанія.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ*.

15 декабря 1866 г.

Упоминаемая во второмъ отзывѣ грамматика Алябьева, рецензированная Гончаровымъ, дала поводъ ему выступить съ основательными возраженіями противъ оцѣнки ея Московскимъ цензурнымъ комитетомъ, постановившимъ начать судебное преслѣдованіе противъ ея автора. Едва ли правильно было бы здѣсь видѣть проявленіе особыхъ терпимости и снисходительности Гончарова, какъ цензурнаго дѣятеля. Дѣло въ томъ, что основанія, которыми руководствовался Московскій цензурный комитетъ, подавъ свою жалобу прокурору, были настолько мелки и несущественны, что никоимъ образомъ не могли дать законнаго повода не только къ обвиненію, но и къ возбужденію судебнаго дѣла. Стремясь ликвидировать эту исторію, Гончаровъ не болѣе

какъ спасалъ своихъ московскихъ сослуживцевъ по цензурному вѣдомству отъ несомнѣннаго посрамленія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть самый отзывъ его:

Практическая грамматика русскаго языка для народныхъ училищъ, (Представленіе Московскаго Цензурнаго Комитета, отъ 25 ноября, за № 570).

Московскій Цензурный Комитетъ увѣдомляетъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, что онъ отнесся къ прокурору Московскаго Окружного Суда о начатіи судебнаго преслѣдованія противъ автора изданной безъ цензуры книги «*Практическая грамматика для народныхъ училищъ*», за помѣщеніе въ ней выбора статей, не только несоотвѣтствующихъ цѣли преподаванія дѣтямъ правилъ нравственности и образцовъ прекраснаго, но и положительно противорѣчащихъ этой цѣли, по мнѣнію Комитета, приведеніемъ, въ басняхъ, сказкахъ и стихахъ, примѣровъ, противныхъ чистотѣ нравовъ и доброму, благонамѣренному направленію.

Комитетъ примѣняетъ къ этому нарушенію правилъ печати ст. 1002 Ул. о Наказ. Угол. и Исправ. Изд. 1866 г.

Изъ всѣхъ пяти или шести, указанныхъ Цензурнымъ Комитетомъ мѣстъ, ни каждое порознь, ни всѣ въ совокупности, не должны бы были, по моему мнѣнію, вызывать такую рѣшительную мѣру, какъ преданіе автора суду, такъ какъ эти мѣста, среди многихъ другихъ, приведенныхъ въ книгѣ басенъ, сказокъ и стиховъ, совершенно безвреднаго и обыкновеннаго содержанія, не составляютъ собою такъ называемаго направленія, и особенно направленія того свойства, какое приписываетъ книгѣ Цензурный Комитетъ. Впрочемъ, если прибѣгнуть къ натяжкѣ, то можно приписать книгѣ «*Практическая грамматика*» характеръ демократическій, потому что почти всѣ примѣры, басни, стихи въ этой грамматикѣ-хрестоматіи заимствованы изъ простонароднаго духа, старинныхъ легендъ и сказаній, не исключая и извлеченій изъ новѣйшихъ писателей, изъ которыхъ взяты примѣры, относящіеся тоже до простонародія.

Но такое направленіе можетъ подлежать судебному преслѣдованію только въ такомъ случаѣ, когда оно рѣзко и положительно проникнуто враждебнымъ духомъ противъ высшихъ сословій и дѣйствительно способно поселить такое же расположеніе въ юныхъ умахъ. Разбираемая книга не представляетъ очевидныхъ къ тому доказательствъ, которыя могли бы послужить судебной власти поводомъ къ обвиненію ея автора «въ возбужденіи одного сословія противъ другого», какъ говоритъ Цензурный Комитетъ, несмотря на два или три помѣщенныя стихотворенія (Пахарь, стр. 44 и 45), на басню Крылова «*Листы и Корни*», «*Утро на берегу озера*» (31—37 стр.) и «*Косарь*» (62—64 стр.) Кольцова и

Никитина, ибо, какъ я выше сказалъ, рядомъ съ этими примѣрами приведено множество другихъ, самаго простого содержанія, гдѣ нѣтъ признака никакого антагонизма сословій, и между этими примѣрами названные стихи Кольцова и Никитина имѣютъ видъ совершенной случайности, и притомъ они не довольно рѣзко изображаютъ картину крестьянскихъ страданій. Авторъ могъ бы въ новѣйшей нашей литературѣ найти гораздо сильнѣе примѣры въ этомъ родѣ, если бы имѣлъ цѣлью возбуждать вражду въ низшихъ классахъ противъ высшихъ.

Кромѣ басни «Листы и корни» приведены басни «*Оселъ и Соловей*», «*Лисица и Ворона*».

Конечно, желательно бы было, чтобъ авторъ избѣгнулъ помѣщенія приведенныхъ трехъ стихотвореній Кольцова и Никитина въ книгѣ, назначаемой для дѣтскаго возраста, какъ представляющихъ печальную картину участи крестьянина, впадающую въ односторонность и еще болѣе можно бы было пожелать исключенія изъ дѣтской книги нѣкоторыхъ мѣстъ изъ легенды объ Ильѣ Муромцѣ (стр. 6,15), далѣе пѣсенъ (стр. 132—135), гдѣ говорится о любви, довольно скромно, но тѣмъ не менѣе это можетъ подѣйствовать на развитіе преждевременныхъ понятій въ дѣтяхъ о несвойственныхъ имъ чувствахъ и чувственности. Наконецъ, въ сказкѣ «*Лутонюшка*», на стр. 68, есть одна подробность, которая неудобна вообще въ печатной книгѣ.

Если можно, основательно и неосновательно, подозрѣвать автора, по тремъ первымъ стихотвореніямъ, въ намѣреніи возбуждать въ дѣтяхъ простонародія вражду къ высшимъ и имущественнымъ классамъ, то едва ли можно ему, или кому бы то ни было приписать намѣреніе умышленно развращать дѣтей пѣснями или легендами эротическаго содержанія. Я, съ своей стороны, приписываю помѣщеніе особенно послѣднихъ—безтолковымъ выборомъ и безтактности составителя этой грамматики.

Что касается до общаго характера всего сборника, то, по внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ статей, я прихожу къ слѣдующему заключенію: г. Алябьевъ, назначая свою книгу для народныхъ училищъ, имѣлъ конечно въ виду дѣтей самыхъ низшихъ и небогатыхъ классовъ общества и старался въ выборѣ примѣровъ для чтенія приблизиться къ понятіямъ, нравамъ и языку простонародія, чѣмъ и объясняется помѣщеніе множества простыхъ русскихъ поговорокъ, ходячихъ въ народѣ сказокъ, легендъ и басенъ. Прибавлю даже, что вѣроятно съ этою цѣлію заимствованы имъ и изображающія печальную судьбу крестьянина стихотворенія Кольцова и Никитина: у этихъ писателей, говорящихъ настоящимъ языкомъ простого люда, сколько я помню, радостныхъ картинъ

крестьянскаго быта нѣтъ, а языкъ другихъ писателей, изображающихъ веселый бытъ нашихъ крестьянъ, былъ бы для дѣтей низшаго сословія не совсѣмъ удобопонятенъ.

Впрочемъ одного помѣщенія нѣкоторыхъ грубыхъ подробностей въ легендѣ объ Ильѣ Муромцѣ и пѣсенъ о любви, достаточно для того, чтобы побудить цензурную администрацію отнестись къ начальству народныхъ училищъ съ указаніемъ на «*Практическую грамматику*», какъ неудобную для введенія къ преподаванію въ эти школы: вотъ все,что могло бы сдѣлать Главное Управленіе по дѣламъ печати въ настоящемъ случаѣ.

Преслѣдованіе же судебнымъ порядкомъ этой книги, по всей вѣроятности,окажется несостоятельнымъ тѣмъ болѣе, что 1002 ст. Улож. о Наказ., на которую ссылается авторъ,относится до педагоговъ и подвергаетъ наказанію ихъ, а не авторовъ книгъ, признанныхъ вредными, «за распространеніе послѣднихъ въ школахъ».

Такъ какъ этотъ случай преданія суду автора книги по иниціативѣ МосковскогоЦензурнаго Комитета,кажется, есть первый, то я полагалъ бы небезполезнымъ, если Совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія признаетъ изложенныя мною соображенія правильными, сообщить ихъ Московскому Цензурному Комитету, не стѣсняя его никакою обязательною мѣрою и предоставивъ его же иниціативѣ прекратить, если онъ найдетъ нужнымъ, судебное преслѣдованіе противъ автора книги, или же ожидать судебнаго рѣшенія.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ*.

12 декабря 1866 г.

Не могу не отмѣтить въ связи съ этимъ отзывомъ одного факта, которому трудно было бы повѣрить, если бы онъ не подтверждался, такъ сказать, документально: Гончаровъ, очевидно, совсѣмъ не былъ знакомъ съ поэзіей Кольцова, разъ разсматривая его вмѣстѣ съ Никитинымъ, утверждалъ, что «у этихъ писателей... радостныхъ картинъ крестьянскаго быта нѣтъ». Lapsus прямотаки поразительный, въ особенности, если принять во вниманіе, что виновнымъ въ немъ оказывался не только великій художникъ русскаго слова, не только чиновникъ цензурнаго вѣдомства, знаніе литературы являлось какъ бы профессіональной обязанностью котораго, но и писатель съ несомнѣннымъ успѣхомъ пытавшій свои силы на поприщѣ литературной критики.

Теперь перехожу къ отзывамъ Гончарова о драматическихъ произведеніяхъ. Здѣсь, прежде всего, я долженъ отмѣтить, что при рѣшеніи вопроса о томъ, возможна ли постановка той или другой пьесы на сценѣ, Гончаровъ, повидимому, руководствовался соображеніями принципіальнаго характера; принципъ же его

сводится къ тому, чтобы не пускать на сцену пьесъ обличительнаго направленія.

Такъ онъ высказался противъ постановки пьесы Турбина только потому, что авторъ бросаетъ въ ней «поздній и ненужный камень въ отжившія злоупотребленія власти помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми»; комедія Гайдербурова бракуется имъ, главнымъ образомъ, потому, что въ ней онъ усматриваетъ и «тенденцію автора доказать, что безвыходное положеніе обманутой дѣвушки есть послѣдствіе не ея вины, а разлада въ понятіяхъ общества о нравственныхъ и другихъ жизненныхъ вопросахъ», и «ироническій протестъ противъ уродливыхъ терпимыхъ обществомъ брачныхъ узъ»; комедія Иванова признается Гончаровымъ неудобной къ постановкѣ ввиду обнаруженнаго авторомъ намѣренія «представить картину падшихъ правилъ чести, честности и вообще добрыхъ нравовъ въ кругу мелкихъ чиновниковъ, по причинѣ крайней бѣдности». Вотъ эти отзывы Гончарова:

Пансіонерка на станціи. Дорожныя сцены, соч. Турбина.

Эта піеска, ничтожная въ сценическомъ отношеніи, написана съ цѣлью вызвать раздражительныя воспоминанія о злоупотребленіяхъ крѣпостного права. Старый лакей и няня, провожая свою барышню, пансіонерку, 14 лѣтъ, изъ пансіона въ деревню, разсказываютъ ей на станціи эпизоды изъ жизни ея родныхъ, помѣщиковъ прежняго быта, конечно не въ пользу послѣднихъ.

Если бъ эти сцены входили въ составъ какой-нибудь большой піесы, то не обратили бы на себя вниманія и прошли бы незамѣченными, но, будучи представлены на сцену отдѣльно, онѣ ясно говорятъ о цѣли, съ которою написаны—это бросить поздній и ненужный камень въ отжившія злоупотребленія власти помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми. Поэтому я нахожу не совсѣмъ удобнымъ отмѣнять наложенною прежнею цензурою запрещеніе къ постановкѣ «*Пансіонерки*» на сцену.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ*

14 марта 1866 г.

Фантазерка, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Гайдебурова.

Вотъ вкратцѣ содержаніе піесы:

Героиня, дочь чиновника Мельникова, Маша, является передъ зрителемъ уже обольщенною и покинутою своимъ обольстителемъ, съ ребенкомъ на рукахъ, котораго должна содержать, такъ же какъ и своего стараго больного отца. Ей помогаетъ нѣкто Морозовъ, богатый молодой человѣкъ, который нанимаетъ ей и отцу ея квартиру съ богатой обстановкой, предупреждаетъ всѣ ея желанія и бываетъ у ней каждый день по два раза. Маша тяготится своимъ положеніемъ, отказывается отъ денегъ, подарковъ

Морозова и постоянно скучаетъ. Отецъ ея, безъ ея вѣдома, посѣщаетъ пансіонскую подругу Маши Леночку, разсказываетъ ей о тоскѣ своей дочери и проситъ посѣтить ихъ. Та соглашается и при посѣщеніи узнаетъ отъ Маши, что ей тяжело ея положеніе, что Морозовъ не женихъ ея, что она его не любитъ и желала бы оставить этотъ образъ жизни, переѣхать на другую квартиру и существовать трудомъ. Леночка обѣщаетъ отыскать ей мѣсто, но занятая собственной свадьбой, отчасти забываетъ свое обѣщаніе, а потомъ признается, что искала, но не нашла средствъ помочь ей, чему, между прочимъ,по словамъ ея, мѣшаетъ и то, что у ней ребенокъ на рукахъ, съ которымъ нигдѣ ее не примутъ.

Маша, однако, понадѣясь на обѣщаніе подруги, разошлась съ Морозовымъ и перешла на другую квартиру, гдѣ живетъ съ отцемъ въ крайней бѣдности, тщетно ожидая работы. Она готова рѣшиться на какую-нибудь крайность, но хозяинъ дома, гдѣ она поселилась, пожилой и богатый человѣкъ, предлагаетъ ей руку, и она выходитъ за него замужъ.

Задачею автора было представить дѣвушку, которая послѣдствіями своего увлеченія становится въ безвыходное положеніе. Она честна по натурѣ, борется съ нищетой,не желая принимать помощи отъ Морозова и,не находя ни въ комъ сочувствія, рѣшается выйти замужъ за богатаго и «неуклюжаго», какъ сказано въ піесѣ, богача.

Въ цензурномъ отношеніи піеса останавливаетъ на себѣ вниманіе тѣмъ, во-первыхъ, что героиня является передъ зрителемъ обольщенною и покинутою съ ребенкомъ: не только въ ней самой не обнаруживается раскаянія, стыда за прошлое, но даже и посторонніе, и между прочимъ другая дѣвушка, ея подруга, отзывается о ея прошломъ легко и снисходительно; во-вторыхъ, хотя Морозовъ въ піесѣ и названъ женихомъ Маши, но для зрителя слишкомъ очевидно, что она находится у него на содержаніи. Это видно изъ разговора ея отца съ подругой ея Леночкой и изъ свиданія двухъ подругъ, въ которомъ Маша сознается, что Морозовъ ей не женихъ и что она тяготится своимъ положеніемъ. Словомъ, въ глазахъ зрителя Маша, не неся никакой нравственной расплаты за прошлое, несетъ только одни матеріальныя лишенія, происходящія отъ разлада общественныхъ понятій, и является какъ бы правою.

Наконецъ Машу посѣщаетъ какой-то пріятель, практическій философъ, который обнаруживаетъ передъ ней ея безвыходное положеніе, невозможность прокормить себя съ ребенкомъ и отцомъ работой, приносящей пять рублей въ мѣсяцъ, называетъ ее фантазеркой за настойчивость жить своими трудами и убѣждаетъ раздѣ-

лить съ кѣмъ-нибудь тяжесть своего положенія, предлагая, то себя, то вновь сойтись съ другомъ.... съ мужемъ, прибавляетъ потомъ, т.-е. съ Морозовымъ. Но получивъ гордый отказъ, уходитъ, наотрѣзъ отказавшись искать ей работы.

Эти сомнительныя предложенія, проистекающія изъ грубой практичности, совѣтующей не идеальничать, а жить съ вѣкомъ, тоже слишкомъ прозрачны для зрителя.

Авторъ, набрасывая покровъ на отношенія Маши къ Морозову, впадаетъ въ противорѣчіе. Онъ заставляетъ ее разойтись съ нимымъ женихомъ Морозовымъ, молодымъ человѣкомъ, покинуть нанимаемую имъ квартиру, отвергнуть его помощь, по чувству гордости, между тѣмъ она выходитъ за пожилого и неуклюжаго богача. Отъ этого противорѣчія не спасаетъ автора и слабая оговорка, которою Маша объясняетъ свой взглядъ на бракъ: она говоритъ, что если бъ судьба заставила ее искать спасенія въ бракѣ, то она предпочла бы выйти за человѣка, котораго можно ненавидѣть, чѣмъ за человѣка, котораго бы любила: выходить по расчету, по ея мнѣнію, не совѣстно, а выходитъ немного по любви, немного по расчету—гадко. Между тѣмъ въ свиданіи съ подругой своей она объясняетъ ей, что не любитъ и Морозова. Спрашивается, почему же она вышла за пожилого и «неуклюжаго» богача и не вышла за Морозова, если послѣдній былъ ея женихъ.

Вообще піеса выходитъ странна: драматическаго движенія въ ней нѣтъ, оно отодвинуто на второй планъ и представляетъ какъ бы маскировку тенденціи автора доказать, что безвыходное положеніе обманутой дѣвушки есть послѣдствіе не ея вины, а разлада въ понятіяхъ общества о нравственныхъ и другихъ жизненныхъ вопросахъ.

Самый бракъ ея съ богачемъ является у автора не какъ примирительный исходъ въ судьбѣ несчастной дѣвушки, а какъ ироническій протестъ противъ уродливыхъ терпимыхъ обществомъ брачныхъ узъ.

Паденіе женщины со всѣми послѣдствіями увлеченія часто служитъ источникомъ сценическихъ произведеній: борьба понятій о долгѣ, чувство чести, раскаянія, стыда съ страстью—вотъ что составляетъ обыкновенно драматическій интересъ подобныхъ сюжетовъ. Въ разсматриваемой комедіи ничего этого нѣтъ: о первомъ увлеченіи ея упоминается только, какъ о совершившемся фактѣ, и героиня является зрителю уже во второй разъ въ какихъ-то сомнительныхъ отношеніяхъ къ молодому человѣку, которыми тяготится, не любя его, и хочетъ непремѣнно жить своими трудами. И она сама, и окружающія ее лица, холодно

относятся къ ея первой ошибкѣ—и зрителю представляется только та мораль, что общество какъ будто напрасно караетъ безучастіемъ жертву увлеченія, которой нѣтъ другого выхода изъ ея положенія, какъ продолжать итти по тому же пути паденія, если не подвернется смѣшная случайность выйти замужъ за неразборчиваго и «неуклюжаго» богача.

Однимъ словомъ, въ комедіи «Фантазерка» сквозитъ намѣреніе представить невозможность, въ современномъ обществѣ, для женщины послѣ увлеченія возвратиться на путь честной и трудолюбивой жизни.

Эта піеса, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ числу такихъ, которыя, по смыслу извѣстной резолюціи г. Министра, по направленію своему, на русскую сцену допущена быть не можетъ.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ*.

7 октября 1866 г.

Голенькій охъ, а за голенькимъ — Богъ! Комедія въ 3-хъ актахъ, соч. Иванова.

Содержаніе піесы заключается въ томъ, что одинъ чиновникъ подговариваетъ другого, слабаго характеромъ, бѣднаго отца семейства, обмануть богатаго мужика, нанявшись въ рекруты, вмѣсто его сына, при чемъ они читаютъ ему будто бы выписку изъ указа, разрѣшающую эту противузаконную сдѣлку, и берутъ съ мужика въ задатокъ сто рублей.

Эта плутовская сдѣлка скоро обнаруживается, мужикъ обращается къ семейному чиновнику съ требованіемъ обратно денегъ, но тронутый бѣдностью его семейства, слезами и поклонами жены и дочери, не только не подвергаетъ отца и мужа законной отвѣтственности, но даритъ имъ тысячу рублей.

Кажется, въ виду у автора было представить въ комедіи картину падшихъ правилъ чести, честности и вообще добрыхъ нравовъ въ кругу мелкихъ чиновниковъ, по причинѣ крайней бѣдности.

Не имѣя таланта, авторъ, какъ многіе подобные ему, впалъ въ натяжку, въ односторонность, изобразивъ вмѣсто правды, картину грязнаго быта и грубыхъ нравовъ. Такъ, напримѣръ, чиновники, выманивая у богатаго мужика задатокъ при незаконной сдѣлкѣ, выпиваютъ, вмѣстѣ съ нимъ, штофъ водки, сопровождая это угощеніе приличнымъ случаю разговоромъ и такимъ образомъ обращаютъ сцену въ кабакъ. Другая черта нравовъ еще хуже: это когда Донъ-Жуанъ изъ писцовъ проситъ чиновника свести его съ дочерью другого семейнаго человѣка, давая ясно понять, что онъ вовсе не намѣренъ жениться, и предлагаетъ матери и дочери въ пособіе рубль серебромъ. Ему отчасти помогаетъ въ его видахъ хозяйка дома, гдѣ живетъ семейство.

Всего хуже сцена, гдѣ мужикъ, прощая чиновнику задатокъ, играетъ роль простой, великодушной натуры: авторъ хотѣлъ вывести человѣка изъ грубой среды, который характеромъ несравненно выше стоитъ чиновническаго, сравнительно болѣе развитого и образованнаго круга. Но онъ нарисовалъ картину возмутительнаго униженія и оскорбленія человѣческаго достоинства: мужикъ ломается надъ бѣдностью, заставляетъ женщинъ кланяться себѣ, издѣвается надъ ними и потомъ оскорбительно прощаетъ залогъ и даритъ деньги, а семейство въ слезахъ идетъ молиться за этого благодѣтеля изъ мужиковъ.

На этой псевдо-комедіи прежнею театральною цензурою коротко и ясно отмѣчено *запрещается*, безъ объясненія причинъ.

Изъ вышеизложеннаго причины эти очевидны, и я не вижу поводовъ къ отмѣнѣ этого запрещенія, такъ какъ піеса грѣшитъ и противъ вкуса и приличія, и направленіемъ своимъ противорѣчитъ смыслу резолюціи г. Министра относительно пропуска піесъ на русскую сцену.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ*.

20 октября 1866 года.

Изъ пьесъ съ извѣстною общественною тенденціей Гончаровъ далъ сравнительно благопріятный отзывъ лишь о комедіи «*Жиды*». Этотъ отзывъ интересенъ еще въ томъ отношеніи, что позволяетъ до нѣкоторой степени судить объ отсутствіи въ міросозерцаніи Гончарова элементовъ антисемитизма.

Жиды, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Корженевскаго, переводъ съ польскаго.

Г. Цензоръ драматическихъ сочиненій изложилъ содержаніе піесы и мнѣ остается высказать свое заключеніе.

Піеса не была допущена прежнею цензурою на сцену, по объясненію г. Цензора, потому что въ ней жиды и мелкіе шляхтичи являются въ выгодномъ свѣтѣ, тогда какъ богатые и вельможные паны представлены расточительными, жестокими и вообще безнравственными людьми.

Все это справедливо, но въ піесѣ рѣшительно нѣтъ такъ называемой тенденціи. Со стороны автора незамѣтно намѣренія враждебно сопоставить высшій и низшій, богатый и бѣдный классы между собою. Это является просто, какъ бы случайно, и ходъ дѣйствія натуралепъ и ненатянутъ. Зависимость бѣдныхъ отъ богатыхъ, притѣсненіе первыхъ послѣдними взято въ самомъ общемъ значеніи, какъ это служило и служитъ постоянною темою въ различныхъ родахъ литературныхъ произведеній. Представляя нѣкоторыхъ богатыхъ и знатныхъ пановъ расточительными и пустыми людьми, авторъ относится (какъ справедливо замѣчено

въ отзывѣ г. Цензора) съ уваженіемъ къ другимъ, прежнимъ панамъ, и въ княжнѣ, происходящей изъ древняго рода, выводитъ благородный и великодушный характеръ.

Въ піесѣ нѣтъ также никакихъ намековъ на современныя соціальныя идеи и политическія обстоятельства.

Даже главная цѣль автора, на которую указываетъ названіе піесы «Жиды» и которую также нельзя назвать тенденціею—это показать, что между евреями есть добрые и честные люди—эта цѣль теряется въ общемъ ходѣ піесы и отступаетъ на второй планъ. Намековъ на національныя и религіозныя различія нѣтъ никакихъ.

Согласно съ мнѣніемъ г. Цензора, я нахожу, что піеса эта могла бы быть допущена къ представленію на сценѣ, тѣмъ болѣе, что она, не заключая высокихъ драматическихъ достоинствъ, очень эффектна, представляетъ много живыхъ сценъ и бойко очерченныхъ характеровъ.

Но представляя это мое заключеніе вообще о піесѣ, не могу не обратить вниманіе Совѣта на одно обстоятельство, которое почти выходитъ изъ сферы общихъ цензурныхъ соображеній: именно то, что комедія «Жиды» представитъ на русской сценѣ довольно рѣдкое, почти исключительное явленіе тѣмъ, что въ ней выводятся дѣйствующими лицами только поляки и евреи, что дѣйствіе происходитъ въ Бердичевѣ и его окрестностяхъ, со всею польскою обстановкою, съ нравами, характерами, именами, вообще бытомъ Польши.

Поэтому, кромѣ рѣшенія вопроса о допущеніи комедіи «Жиды» на сцену въ общемъ цензурномъ смыслѣ, нельзя не принять въ соображеніе и вопроса о томъ, удобно ли, при современныхъ отношеніяхъ русской національности къ польской, ставить на русской сценѣ піесу, содержаніе и обстановка которой взяты изъ польскаго быта, хотя и безъ намековъ на обстоятельства, породившія вражду между обѣими національностями.

Я съ своей стороны и въ этомъ обстоятельствѣ не нахожу особеннаго неудобства къ запрещенію піесы на сцену, во всякомъ случаѣ полагалъ бы нужнымъ представить это обстоятельство на благоусмотрѣніе г. Министра.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ.*

20 октября 1866 г.

Къ пьесамъ съ тенденціею моральною, въ особенности къ такимъ, въ которыхъ угнетенная невинность торжествуетъ или погрязшая въ грѣхѣ душа возрождается къ новой жизни, Гончаровъ относился много снисходительнѣе. Вотъ его отзывы

о двухъ такихъ пьесахъ, изъ которыхъ видно, что онъ былъ готовъ согласиться на постановку на сценѣ ихъ обѣихъ.

Древняя исторія. Комедія въ 4-хъ дѣйств. соч фонъ-Швааха (Погосскаго).

Піеса эта, какъ видно изъ отзыва г. Цензора, дважды подвергалась запрещенію: одинъ разъ въ цензурѣ третьяго отдѣленія, а въ другоіі—въ Совѣтѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

Главнымъ и, кажется, единственнымъ поводомъ къ запрещенію было то обстоятельство, что героиня піесы, поставленная въ положеніе — или потери имущества съ молотка и нищеты своего семейства, или избавленія себя и семьи посредствомъ позора, предпочитаетъ въ отчаяніи послѣднее и жертвуетъ честью, отдавшись богатому и развратному купцу или подрядчику.

Послѣ двукратнаго запрещенія піесы, авторъ измѣнилъ главный мотивъ запрещенія. Героиня, видя гибель семьи, которую любитъ, особенно престарѣлаго дѣда, борется съ отчаяніемъ и стыдомъ и въ рѣшительную минуту описи дома и всего имущества, повидимому соглашается на постыдныя предложенія, но затѣмъ только, чтобы выиграть время, въ надеждѣ склонить къ жалости развратнаго богача. Она соглашается на свиданіе съ нимъ, но, обманувшись въ надеждѣ, съ гордостью и презрѣніемъ отвергаетъ его предложенія и выходитъ побѣдительницею изъ соблазна, соглашаясь лучше умереть съ семьей въ нищетѣ. Тогда уже является на выручку ей ея учитель, кандидатъ университета, бывшій въ отлучкѣ, предлагаетъ ей руку и громко провозглашаетъ торжество женской чести, упрекая клеветниковъ своей невѣсты, которые узнавъ, что она была на свиданіи у богача, исключили ее изъ своего круга.

Я, согласно съ г. Цензоромъ, прихожу къ тому заключенію, что піеса въ этомъ передѣланномъ видѣ могла бы быть допущена на сцену, но не могу однако же не замѣтить, что въ комедіи еще осталось нѣсколько рѣзкихъ сценъ тамъ именно, гдѣ торговка Швестеръ, жена Комолаго и самъ Комолый стараются склонить дѣвушку пожертвовать своею честью для спасенія семьи. Между прочимъ къ числу такихъ относится и та сцена въ IV актѣ, гдѣ тетка героини и кухарка слишкомъ явно выражаютъ ожиданіе встрѣтить дѣвушку уже опозоренную. Такъ Агафья называетъ дѣвушку *заклеванною* и припоминаетъ какого-то *офицера, увозившаго Груньку*. Все это даетъ зрителю слишкомъ замѣтно чувствовать, что должно происходить у богача съ дѣвушкою. Торговка Швестеръ и жена Комолова напоминаютъ собою старухъ, занимающихся сводничествомъ, и употребляютъ циническіе пріемы къ самому грубому обольщенію дѣвушки.

Піеса написана, какъ справедливо замѣчаетъ г. Цензоръ,

хорошо и не лишена драматическаго движенія. Но допущена она, по моему мнѣнію, можетъ быть на сцену только тогда, когда авторъ рѣшится смягчить грубыя сцены обольщенія, нѣсколько оскорбляющія чувство приличія. Я полагаю, что авторъ можетъ выйти изъ этого затрудненія, безъ ущерба піесѣ—и потому можно бы было предложить ему сдѣлать эти измѣненія, подъ наблюденіемъ г. Цензора драматическихъ произведеній.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ.*

28 ноября 1866 г.

Rèdemption, comèdie en cinq actes et un prologue, par Octave Feuillet.

Вотъ въ двухъ словахъ содержаніе піесы. Актриса французскаго театра, Мадленъ, окруженная блестящею молодежью, среди роскоши поклоненія, томится скукой и ищетъ развлеченія въ добрыхъ дѣлахъ. Пріоръ монастыря объясняетъ ей, что эта скука и томленіе есть не что иное, какъ потребность души, ищущей удовлетворенія, и что для обращенія къ лучшимъ мыслямъ и чувствамъ Мадленѣ недостаетъ любви честнаго человѣка. Но невѣрующая ни въ душу, ни въ честную любовь Мадлена запасается у химика ядомъ, чтобы прекратить жизнь и томленіе. Мимоходомъ она замѣтила молодого человѣка, избѣгавшаго встрѣчи съ ней и обнаружившаго гордость и презрѣніе и къ ней, и къ ея образу понятій и жизни и энергически высказавшаго свой приговоръ о ней одному изъ ея поклонниковъ. Мадлена собираетъ у себя за ужиномъ ищущихъ ея вниманія молодыхъ людей и приглашаетъ также и Мориса, котораго уже успѣла оцѣнить и полюбить, и который подмѣнилъ склянку съ ядомъ другимъ безвреднымъ веществомъ. Мадлена прощается съ поклонниками и, видя непреклонность Мориса, принимаетъ мнимый ядъ. Онъ тронутъ несомнѣннымъ доказательствомъ раскаянія, признается въ любви и женится на ней, чѣмъ и исполняется предсказаніе пріора.

Изъ журнала Совѣта по дѣламъ книгопечатанія отъ 28 октября прошлаго года видно, что піеса «La dame aux camelias», содержаніе которой тожественно отчасти съ разбираемой комедіей, не была допущена на сцену, вслѣдствіе изложенныхъ въ журналѣ соображеній. Я не читалъ піесы «La dame aux camelias» и знаю о ея содержаніи только по докладу г. Цензора драматическихъ сочиненій и по бывшимъ въ Совѣтѣ преніямъ, но изъ журнала Совѣта не могу не видѣть (въ пункт. 1,2) значительной разницы въ подробностяхъ того и другого произведенія т.-е. «La dame aux camelias» и разсмотрѣнной мною теперь комедіи «Rèdemption». Въ первой, какъ видно изъ журнала Совѣта, героиня покинувъ любовника то-

питъ свое горе въ роскоши и развратѣ, и, что въ піесѣ значительное мѣсто занимаетъ, *безъ всякой* надобности, изображеніе образа *жизни павшихъ женщинъ*.

Наконецъ хотя г. Министръ и изволилъ согласиться съ большинствомъ Членовъ Совѣта о недопущеніи піесы «La dame aux camelias» на сцену, но въ резолюціи своей Его Высокопревосходительство однако же опредѣлительно указалъ, что при разсмотрѣніи піесъ для французской сцены вниманіе цензуры должно быть обращено *на приличіе*, такъ какъ публика Михайловскаго театра, по выраженію г. Министра, *окончательно образована* на свой ладъ, изъ чего конечно слѣдуетъ, что для нея менѣе и даже, по моему мнѣнію, совсѣмъ не нужно опасаться вліянія того или другого направленія.

Обращаясь затѣмъ къ піесѣ «Rèdemption», я нахожу, что въ ней—вся задача автора посвящена тому, чтобы довести заблуждающуюся женщину до раскаянія путемъ нравственнаго переворота, что женщина эта въ душѣ и умѣ своемъ заключаетъ богатые задатки возвышенныхъ мыслей и чистыхъ нравственныхъ потребностей, которыя пробуждаются отъ прикосновенія съ лучшими человѣческими сторонами. Она давно возненавидѣла всю окружающую ея среду роскоши и порока и готова была на крайній исходъ изъ нея, на пожертвованіе жизнью. Она *не падаетъ опять въ развратъ*, какъ героиня «La dame aux camelias», хотя авторъ и не скрылъ очерствѣлости ея сердца, до котораго она доведена своимъ образомъ жизни и отчаяніемъ найти что-нибудь лучшее. Словомъ въ ней очевидно для зрителя совершается борьба, но не съ порокомъ, который она безсознательно уже ненавидитъ, а съ невозможностью найти правильный выходъ изъ него, что и составляетъ драматическій мотивъ всей піесы. Нашедши этотъ выходъ, она съ жадностью бросается къ нему и въ немъ находитъ возрожденіе къ утраченнымъ лучшимъ женскимъ чувствамъ.

Далѣе авторъ не вдается въ соблазнительное изображеніе подробностей жизни падшихъ женщинъ, какъ «La dame aux camelias», судя по журналу Совѣта, хотя и вводитъ въ піесу ужинъ у актрисы. Но здѣсь нѣтъ, кромѣ самой поверхностной и внѣшней обстановки такого сюжета, никакихъ соблазнительныхъ, нарушающихъ *приличіе* или затрагивающихъ чувственность подробностей или сценъ. Ужинъ этотъ сопровождается блестящей болтовнею, остроумными или юмористическими блестками и кончается прощаніемъ навсегда актрисы съ поклонниками, которые напрасно добивались ея благосклонности. Она увольняетъ и послѣдняго изъ нихъ, которому говоритъ безъ насмѣшки, какъ прочимъ, что не любитъ его, и остается съ Морисомъ, открываетъ ему тревожное состояніе

души и порывается умереть. Но здѣсь окончательно совершается тотъ нравственный переворотъ, о которомъ сказано выше.

Однимъ словомъ, драма построена на несомнѣнно нравственной основѣ; авторъ строго исполняетъ свою задачу—представить возможность *искупленія* порочной жизни; піеса исполнена глубокихъ нравственныхъ замѣтокъ, энергическихъ выраженій прекрасныхъ сильныхъ чувствъ, серьезныхъ и строгихъ мыслей. Octave Feuillet мимоходомъ наноситъ мѣткій ударъ матеріализму, въ лицѣ химика Маттено, котораго циническое безнравственное ученіе лопается, какъ мыльный пузырь, передъ строгостью глубокаго, представляемаго піесою нравственнаго урока.

Я полагалъ бы возможнымъ согласиться съ представленіемъ г. Цензора о пропускѣ комедіи «Rèdemption» на сцену, съ тѣми необходимыми исключеніями, которыя имъ отмѣчены въ піессѣ. Что касается до заглавія «Rèdemption», то, по моему мнѣнію, оно даже и въ русскомъ переводѣ «*Искупленіе*» по обширности и многоразличію выражаемаго имъ понятія, не могло бы никого ввести и въ русской публикѣ въ соблазнъ, а въ публикѣ французскаго театра и подавно. Впрочемъ, кажется, піеса носитъ другое заглавіе «Amour».

Въ заключеніе припомню, что на французской сценѣ уже появлялись піесы, гдѣ героинями выводились женщины, подобныя Мадленѣ, между прочимъ старое произведеніе Виктора Гюго, «Comedienne de Venise», которая давалась много лѣтъ сряду на нашей сценѣ. Я полагаю, что въ піесахъ съ подобными сюжетами не званіе, образъ жизни и т. п. такихъ героинь должны быть принимаемы цензурою въ соображеніе, а взглядъ и вообще болѣе или менѣе строгое и серьезное отношеніе самого автора къ своему сюжету. Поэтому нельзя не дѣлать строгаго цензурнаго различія между такими талантами, какъ Викторъ Гюго, Октавъ Фелье, Сарду и др. и между Дюма съ К-о, Поль-де-Кокомъ и проч., хотя бы они избирали одинаково щекотливые сюжеты для своихъ произведеній.

Припомню наконецъ и то, что въ послѣднее время, уже при нынѣ дѣйствующей цензурѣ, на сценѣ французскаго театра нерѣдко появляются піесы съ содержаніемъ изъ быта камелій, наприм. «Mimi Bamboche», «Diables roses», «Vie parisienne» и др., гдѣ разыгрываются оргіи веселости и легкихъ нравовъ, и гдѣ героинями являются постоянно женщины полусвѣта. Піесы тѣ не признаются цензурою ни нравственными, ни безнравственными и пропускаются единственно изъ видовъ не лишать публику веселыхъ развлеченій. Поэтому піеса, съ героиней изъ

этой сферы, заключающая въ себѣ сверхъ того и нравственный урокъ, имѣетъ еще болѣе права поступить на сцену.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ.*

17 декабря 1866 года.

Чтобы исчерпать найденныя мною служебныя донесенія Гончарова за 1866 г. остановлю вниманіе читателей еще на двухъ донесеніяхъ. Одно изъ нихъ касается сочиненія Лотца по антропологіи; другое — стихотвореній Курочкина, не вызывавшихъ особыхъ опасеній цензурнаго характера, но давшихъ поводъ Гончарову сказать нѣсколько горькихъ и несправедливыхъ словъ по адресу ихъ автора. Вотъ эти донесенія;

Микрокозмъ Опытъ антропологіи соч. Лотце, переводъ Евгенія Корша. Москва, 1866. Часть первая.

По поводу этой книги поступило [1]) въ Главное Управленіе по дѣламъ печати представленіе Московскаго Цензурнаго Комитета, отъ 13 января с. г. за № 15, съ выраженіемъ нѣкоторыхъ сомнѣній относительно двойственнаго заключенія автора въ вопросѣ о безсмертіи души, т.-е. съ точки зрѣнія науки и съ точки зрѣнія религіи.

Авторъ говоритъ, что предъисторическое, такъ же какъ и загробное существованіе души не могутъ быть предметомъ человѣческаго *познанія*, равно какъ и вопросы о преимуществахъ особой природы души не подлежатъ разрѣшенію *безпристрастнаго ума*, т.-е. науки; *тутъ мы должны*, говоритъ онъ, *довольствоваться вѣрою.*

Это единственное мѣсто (на стр. съ 491—493), гдѣ авторъ, среди глубокаго философскаго и антропологическаго изслѣдованія о душѣ, нѣсколько сближается съ религіозной точкой зрѣнія. Во всей же остальной книгѣ задачей ему служитъ борьба съ матеріалистическимъ воззрѣніемъ, отвергающимъ бытіе души. Идея всей книги (а можетъ быть и всего сочиненія, 2-я и 3-я части котораго еще не поступили въ печать на русскомъ языкѣ) сжато выражена въ слѣдующихъ строкахъ, которыми авторъ заключаетъ 2-ю книгу I-й части, на стр. 331 и 332: «...., матеріализмъ, говоритъ онъ, можетъ еще прибавляться въ школѣ, ютящей въ себѣ такъ много противоположныхъ помысловъ; пожалуй, онъ можетъ даже подчасъ торжествовать, но сами его исповѣдники живою своею дѣятельностью будутъ явно противорѣчить своему же ошибочному мнѣнію. Ибо всѣ они будутъ попрежнему любить и ненавидѣть, надѣяться и опасаться, мечтать и изслѣдовать,

[1]) Представленіе Московскаго Цензурнаго Комитета поступило въ январѣ, а самая книга доставлена только въ концѣ февраля—вотъ причина, по которой заключеніе мое представляется такъ поздно.

и тщетны будутъ ихъ старанія увѣрить насъ, что вся эта разнообразная игра духовныхъ дѣятельностей, которую безсильно истребить даже и мышленное отвращеніе отъ всего сверхчувственнаго, есть лишь порожденіе ихъ тѣлесной организаціи, и что интересъ къ истинѣ, обнаруживаемой одними, или честолюбивая раздражительность, замѣтная у другихъ, происходитъ только изъ отправленій ихъ мозговыхъ волоконъ. Изъ всѣхъ заблужденій человѣческаго духа самымъ чуднымъ казалось мнѣ всегда то, какъ дошелъ онъ до сомнѣнія въ своемъ собственномъ существѣ, которое онъ одинъ непосредственно переживаетъ, или какъ онъ попалъ на мысль возвратить себѣ это существо въ видѣ подарка со стороны той внѣшней природы, которую мы знаемъ только изъ вторыхъ рукъ, именно посредствомъ нами же отринутаго духа».

Это господствующая мысль и цѣль книги Лотце, и потому можно считать излишними цензурныя сомнѣнія относительно нѣкоторыхъ подробностей или положеній, особенно когда послѣднія заключаютъ въ себѣ только внѣшнее, такъ сказать, или скорѣе мнимое противорѣчіе съ рѣшенными религіей или нравственностью вопросами какъ, напримѣръ, въ разсматриваемомъ случаѣ: философія, какъ наука, имѣетъ свои точки зрѣнія, слѣдовательно свои права и пріемы, которымъ, можетъ быть, уже пора дать нѣкоторый просторъ и въ русской печати. Если ученіе матеріализма въ религіи и нравственности дѣлаетъ въ молодомъ поколѣніи значительные успѣхи, то нельзя не отнести и къ совершенному безмолвію противуположнаго лагеря въ нашей печати. Однако же должно замѣтить, что съ нѣкоторыхъ поръ, когда доступъ въ публику книгъ по части философскихъ и естественныхъ наукъ, какъ чрезъ иностранную, такъ и черезъ внутреннюю цензуру, сдѣлался значительно свободнѣе, въ журналистикѣ нашей стало возникать направленіе, старающееся дать отпоръ матеріалистической и антирелигіозной пропагандѣ. Для примѣра укажу на «Православное обозрѣніе», которое въ прошломъ году представило образецъ замѣчательно тонкаго и сильнаго анализа и опроверженія доктринъ пантеистовъ и матеріалистовъ, начиная отъ Спинозы до Фейербаха, Бюхнера и другихъ. Это утѣшительное явленіе не осталось безъ вниманія и въ свѣтской литературѣ: *Отечественныя Записки* на своихъ страницахъ, въ и 2-й книжкахъ нынѣшняго года, поспѣшили заявить объ этомъ фактѣ, отнесясь къ нему съ уваженіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, въ скоромъ будущемъ, съ расширеніемъ круга наукъ и печати у насъ, рядомъ съ вредной и антирелигіозной пропагандой, проникающей контрабанднымъ путемъ, свободно и само собою, какъ въ Англіи и Франціи, возникнетъ цѣлая

параллельная литература здраваго и чистаго религіознаго и нравственнаго ученія.

Обращаясь къ книгѣ Лотце «Микрокозмъ», замѣчу, что Цензурный Комитетъ, поставившій сомнѣнія по ней, самъ же удовлетворительно и разрѣшилъ ихъ т.-е. въ пользу книги. Оправдавъ выше приведенныя сомнѣнія, онъ находитъ книгу, не только безвредною, но даже полезною, такъ какъ авторъ ея старается удержать заносчивость матеріалистовъ въ границахъ разума и науки. Мнѣ остается согласиться вполнѣ съ этимъ заключеніемъ, изъявивъ только съ своей стороны опасеніе, что едва ли книга эта въ русскомъ переводѣ принесетъ ту пользу, какой ожидаетъ отъ нея Комитетъ. Знакомые съ пріемами и языкомъ философскаго мышленія т.-е. спеціалисты прочтутъ книгу въ оригиналѣ, а любителямъ и вообще публикѣ представляется почти неодолимый трудъ прочесть ее въ переводѣ, представляющемъ замѣчательный образецъ насилованія русскаго языка, чуждаго нѣмецкой конструкціи, которой рабски близко держится переводчикъ, и мало обработаннаго для выраженія абстрактныхъ тонкостей философіи.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ.*

9 марта 1866 г.

Стихотворенія В. Курочкина.
(Представленіе С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, отъ 29 октября 1866 г., № 1160).

Стихотворенія г. Курочкина, какъ видно изъ представленія Комитета, перепечатаны съ 5-го изданія, слѣдовательно, большею частію (за исключеніемъ осьми) извѣстны публикѣ. Цензурный Комитетъ однако же, находя нѣкоторыя мѣста книги не совсѣмъ согласными съ духомъ правилъ о печати, хотя и не представляющими поводовъ къ судебному преслѣдованію, счелъ нужнымъ остановить выходъ книги въ свѣтъ.

Разсмотрѣвъ мѣста, остановившія на себѣ вниманіе Комитета, я нахожу съ своей стороны, что большая часть замѣчаній Комитета объ этихъ мѣстахъ сдѣланы въ смыслѣ строгой предварительной цензуры, что не совсѣмъ удобопримѣнимо къ книгѣ, пользующейся правомъ безцензурнаго изданія, тѣмъ болѣе, что Цензурный Комитетъ, въ случаѣ несогласія автора на исключеніе многихъ отмѣченныхъ мѣстъ, затруднился бы, какъ основательно полагаетъ самъ Комитетъ, подвергнуть г. Курочкина судебному преслѣдованію.

Строгій Цензоръ, можетъ быть, исключилъ бы, напримѣръ, циническій намекъ (на стр. 84—въ стихотвореніи «Анюта») въ словахъ *Ну, а ситцевыя платья мни—какъ хочешь, ничего* или

нашелъ бы кощунство на стр. 119—121, въ насмѣшливомъ припѣвѣ мужа, оплакивающаго жену: *устрой, Господь, рабу свою въ раю* и т. п. Но всѣ эти мелочи незамѣтно исчезаютъ въ большой книгѣ.

Въ представленіи Комитета вѣрно опредѣленъ характеръ пѣсенъ Беранже, въ которыхъ развивались и выражались тенденціи вольности, равенства, честнаго труда, честнаго веселья въ контрастѣ съ богатствомъ, праздностью и проч., какъ они параллельно развивались въ низшихъ классахъ французскаго общества. Но все это выражается во французскомъ подлинникѣ, въ умныхъ, тонкихъ, игривыхъ и иногда энергическихъ куплетахъ Беранже.

Въ русскомъ переводѣ напротивъ, по бездарности переводчика, вышелъ безхарактерный сборъ неуклюжихъ стиховъ, ни къ чему не относящихся, какихъ-то темныхъ, мѣстами непонятныхъ, намековъ, и вся книга вообще едва стоитъ выше нашихъ старыхъ пѣсенниковъ, услаждавшихъ досуги лакейскихъ и дѣвичьихъ.

Изъ трехъ капитальныхъ піесъ, послужившихъ поводомъ къ задержанію книги, и именно «Безумцы», «Кукольная Комедія» «Маркизъ де Караба», слѣдовательно бы, по моему мнѣнію, предложить Курочкину исключить только первую т.-е. «*Безумцы*», и то потому развѣ, чтобы не знакомить тотъ кругъ читателей, въ которомъ будетъ обращаться книга автора, съ именами Фурье, Санъ Симона и Анфантенъ, потому что кромѣ именъ ихъ, сказано о нихъ только, что они были великіе люди.

Въ «*Кукольной Комедіи*» разсказано, что капитанъ невольничьяго судна заставляетъ забыть негровъ о своемъ рабствѣ не бичами, а кукольной комедіей, говоря имъ въ каждомъ куплетѣ: «рабы, смотрите, какъ смѣшно!».

Если даже и обобщить эту плохую аллегорію, то и тогда трудно было бы приложить ее къ чему-нибудь въ современномъ русскомъ быту, особенно послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

«*Маркизъ де Караба*» представляетъ образчикъ глупаго и чванливаго барства, но такой допотопной эпохи, что едва ли напомнитъ собою не только типъ нашихъ помѣщиковъ, но даже и феодальныхъ бароновъ, или испанскихъ грандовъ стараго времени, потому что этотъ баринъ ставитъ себя выше короля и проч.

Книга г. Курочкина выходитъ шестымъ изданіемъ и вѣроятно повредила уже многимъ, давъ образцы изложенныхъ въ переводѣ мыслей и стиховъ и дурно дѣйствуя на эстетическое развитіе ея читателей, но по этой особенно причинѣ она всего менѣе представляетъ вреда въ цензурномъ отношеніи.

Членъ Совѣта *И. Гончаровъ*.

31 октября 1866 г.

Характеризовать Курочкинскіе переводы Беранже, лучшіе изъ имѣющихся доселѣ, какъ бы «безхарактерный сборъ неуклюжихъ стиховъ», утверждать, что вся книга едва стоитъ выше нашихъ старыхъ пѣсенниковъ, «услаждающихъ досуги лакейскихъ и дѣвичьихъ», можно было не иначе, какъ или по личному нерасположенію къ автору, или по нетерпимо-враждебному отношенію къ тому общественно-литературному теченію, къ которому онъ примыкалъ,—хотя, съ другой стороны нельзя отрицать и того, что литературный вкусъ и критическое чутье иногда страннымъ образомъ измѣняли Гончарову, конечно, не Гончарову—автору «Обломова», а дѣйствительному статскому совѣтнику Гончарову, Гончарову-цензору. Какъ еще на одинъ примѣръ этого сошлюсь на приводимый г. Воѣнскимъ отзывъ его о № 34 «Дня» за 1865 г., въ которомъ Гончаровъ упоминаетъ объ «отсутствіи особенной силы и яркаго дарованія въ перѣ» такого «публициста», какъ И. С. Аксаковъ....

1866 годъ не былъ послѣднимъ годомъ службы Гончарова въ главномъ управленіи по дѣламъ печати: онъ служилъ въ немъ и въ теченіе почти всего 1867 года. Однако, отзывовъ его, относящихся къ этому послѣднему году, мнѣ въ архивѣ главнаго управленія найти не удалось, за исключеніемъ тѣхъ, которые уже были напечатаны г. Мазеномъ въ «Русской Старинѣ». Ихъ всего четыре: два изъ нихъ посвящены органамъ періодической печати, два драматическимъ произведеніямъ; въ общемъ почти всѣ они малозначительны. Въ отзывѣ о передовой статьѣ уже знакомой намъ подцензурной газеты «Современный Листокъ», въ которой «прилично и умѣренно, хотя и настойчиво выражается желаніе, чтобы восточные христіане... освобождались отъ мусульманскаго ига», Гончаровъ склоняется къ отмѣнѣ наложеннаго на эту статью цензоромъ Сватковскимъ запрещенія. Въ отзывѣ о № 7 газеты «Недѣля» Гончаровъ, вмѣстѣ съ С.-Петербургскимъ Комитетомъ, осуждаетъ рѣзкую выходку этой газеты противъ Наполеона III, но, характеризуя самую газету, какъ отличающуюся «благонамѣренностью и патріотизмомъ», считаетъ возможнымъ въ отношеніи ея ограничиться лишь внушеніемъ редактору. Отзывъ объ «Утрѣ Хрептюгина» Щедрина содержитъ въ себѣ указаніе, что къ запрещенію этой пьесы, дѣйствіе которой ведется «скромно и прилично», «причины нѣтъ никакой», и потому она можетъ быть допущена на сцену «безъ всякаго затрудненія».

Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, отзывъ о старой (напечатанной въ 1849 г.) драмѣ Сологуба «Мѣстничество», запрещенной въ свое время драматической цензурой «по причинѣ введенной въ пьесу широкой картины своеволія и буйства стрѣль-

цовъ, принимающихъ на себя роль мстителей за нанесенное ихъ товарищу оскорбленіе отъ бояръ». Драматическій цензоръ Никльгеймъ докладывалъ Совѣту главнаго управленія, что «съ смягченіемъ или исключеніемъ сцены буйства стрѣльцовъ, драма могла бы быть допущена къ представленію». Гончаровъ, на мой взглядъ проявилъ въ отношеніи этой пьесы гораздо большую строгость, чѣмъ цензоръ. Онъ, во-первыхъ, постарался доказать, что «стрѣлецкое своеволіе составляетъ почти главную бросающуюся въ глаза зрителя картину», а потому не является отдѣльнымъ эпизодомъ, «который бы по произволу могъ быть выпущенъ». Во 2-хъ, Гончаровъ отмѣчаетъ, что въ пьесѣ содержится «горячій протестъ молодого Мстиславскаго противъ злоупотребленія родительской власти»; признавая, что этотъ протестъ совершенно справедливъ и разуменъ, Гончаровъ, однако, добавляетъ, что «сцена русскаго театра до сихъ поръ не выдерживаетъ постановки такихъ щекотливыхъ вопросовъ». Далѣе авторъ отзыва отмѣчаетъ тенденцію пьесы дать понятіе, «какая рѣзкая черта отдѣляетъ преимущество породы отъ преимущества личныхъ заслугъ»; такимъ вопросомъ, по его мнѣнію, цензура «неохотно даетъ проникать въ печать, а еще менѣе на сцену». Наконецъ, Гончаровъ нападаетъ на художественныя стороны пьесы, не находя въ ней достоинствъ, которыя могли бы выкупить «показанныя выше уклоненія отъ цензуры». Изъ всѣхъ этихъ соображеній, безпощадно, какъ видитъ читатель, топившихъ пьесу, Гончаровъ дѣлалъ выводъ, что только съ «капитальными измѣненіями», при которыхъ «драма явилась бы другою пьесою», ее было бы возможно допустить на сцену; «въ противномъ же случаѣ, т. е. если пьеса останется въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, лишь съ нѣкоторыми легкими измѣненіями»,— драматическій цензоръ, повидимому, и предлагалъ такія,—ее допускать на сцену нельзя.

Едва ли можно сказать, вмѣстѣ съ г. Мазономъ, что въ этомъ отзывѣ, какъ и въ другихъ отзывахъ 1865 г. нашелъ себѣ выраженіе скромный либерализмъ Гончарова. Зато въ немъ, безъ сомнѣнія, достаточно ярко проявлялись другія его черты, отмѣчаемыя французскимъ изслѣдователемъ: «дипломатическая осторожность, и надъ всѣмъ этимъ господствующая привязанность къ службѣ, или шире говоря, *къ традиціи*». Что же касается традицій русскаго цензурнаго вѣдомства, то ихъ было бы совершенно несправедливо подозрѣвать даже въ «скромномъ либерализмѣ». Не слишкомъ повиненъ въ немъ и Гончаровъ, какъ дѣятель главнаго управленія по дѣламъ печати. Этотъ выводъ, само собой разумѣется, не безразличенъ ни для изслѣдователя,

спеціально изучающаго жизнь, личность и творчество Гончарова, ни для широкой публики, привыкшей судить о немъ, какъ объ авторѣ «Обломова», котораго талантливый критикъ «Современника» истолковалъ, какъ отходную, пропѣтую на даровыхъ хлѣбахъ вскормленной, праздностью и тунеядствомъ крѣпостнической эпохи повитой дворянской Руси. Здѣсь, конечно, нельзя не отмѣтить указанной еще К. А. Военскимъ «поразительной двойственности духовной жизни писателя», благодаря которой «никакая канцелярія не убила въ Гончаровѣ источника чистаго блистательнаго творчества, бившаго ключемъ въ его произведеніяхъ». Я меньше, чѣмъ кто-либо другой склоненъ отрицать эту двойственность, тѣмъ не менѣе не могу не указать, что между «канцелярскими» впечатлѣніями Гончарова и его художественнымъ творчествомъ послѣднихъ лѣтъ, безспорно, есть точки соприкосновенія. Такъ едва ли возможно закрывать глаза на связь между борьбою, которую Гончаровъ, въ качествѣ цензурнаго дѣятеля, велъ съ отечественнымъ «нигилизмомъ», воплотившимся въ «Русскомъ Словѣ», и тѣмъ, какъ онъ изобразилъ этотъ нигилизмъ своей художественной кистью въ лицѣ Марка Волохова, одного изъ наиболѣе примѣчательныхъ героевъ романа «Обрывъ». Читатель помнитъ, конечно, какими нелестными свойствами надѣленъ Маркъ Волоховъ: онъ считаетъ для себя позволительнымъ не только красть чужія яблоки и занимать деньги безъ отдачи, но и съ помощью грязнаго обмана, прикрываясь именемъ любимой дѣвушки, вымогать сотни рублей у человѣка, въ отношеніи котораго является счастливымъ соперникомъ: Мало того, Маркъ Волоховъ по роману—и пьяница и отчаянный бездѣльникъ, такъ какъ единственное дѣло, которымъ онъ слегка занимается, пропаганда дешеваго матеріализма и дешеваго либерализма, четырнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ, беретъ у него слишкомъ мало времени. Не довольствуясь такимъ посрамленіемъ Марка всѣмъ содержаніемъ романа, Гончаровъ въ VI главѣ послѣдней части обрушивается на него уже отъ себя, изрекая ему и его единомышленникамъ слѣдующій уничтожающій приговоръ: «Новое ученіе не давало ничего, кромѣ того, что было до него: ту же жизнь, только съ уничиженіями, разочарованіями и впереди обѣщало—смерть и тлѣнъ. Взявши девизы своихъ добродѣтелей изъ книги стараго ученія, оно обольстилось буквою ихъ, не вникнувъ въ духъ и глубину, и требовало исполненія этой буквы съ такой злобой и нетерпимостью, противъ которой остерегало старое ученіе. Оставивъ себѣ одну животную жизнь, «новая сила» не создала, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого, лучшаго идеала жизни». Если, съ одной стороны, при-

нять во вниманіе, что послѣднія главы «Обрыва», по собственному сознанію автора «дописывались» въ 1867 и 1868 г.г., а съ другой, что походъ Гончарова противъ «Русскаго Слова» относится къ концу 1865 и началу 1866 годовъ, то можно съ полнымъ основаніемъ заключить, что въ данномъ случаѣ служебныя впечатлѣнія Гончарова оказали самое непосредственное вліяніе на художественное его творчество; иными словами, что Гончаровъ-чиновникъ, Гончаровъ-сотрудникъ Валуева подчинилъ себѣ автора «Обломова». Характерно, что нѣсколькими годами позднѣе, распростившись съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, Гончаровъ написалъ статью, въ которой вопросъ о старой и новой правдѣ трактуется совершенно иначе. Правда, эта статья («Милліонъ терзаній») посвящена произведенію, изображающему конфликтъ между «отцами» и «дѣтьми» 20-хъ годовъ, тогда какъ въ «Обрывѣ» Гончаровъ изображалъ 60-ые, но тѣмъ не менѣе въ ней разбросано не мало сужденій, равнымъ образомъ примѣнимыхъ къ любой борьбѣ, независимо, такъ сказать, отъ времени и мѣста. Напомнимъ эти прекрасныя строки «Милліона терзаній»: «Роль и физіономія Чацкихъ неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель лѣни и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь, «жизнь свободную»... Его идеалъ «свободной жизни» опредѣлителенъ: это—свобода отъ всѣхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество... Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другими... Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей, при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой—Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей уживаются старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ,—все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного съ здоровымъ... Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго—и *кто бы ни были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла,—будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ—ни группировались люди—имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта «учиться на старшихъ глядя», съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ «свободной жизни» впередъ и впередъ, съ другой*... Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ, и едва ли состарится когда-нибудь Грибоѣдовскій Чацкій... Въ честныхъ, горячихъ рѣчахъ... позднѣйшихъ Чацкихъ будутъ вѣчно слышаться Грибоѣдовскіе мотивы и слова».

Переходя къ этимъ позднѣйшимъ Чацкимъ, Гончаровъ ссылается на двѣ характерныя, по его мнѣнію, личности: на Бѣлинскаго и на,—кого бы вы думали читатель?,—на Герцена, въ

сарказмахъ котораго ему слышится «эхо Грибоѣдовскаго смѣха и безконечное развитіе остротъ Чацкаго». Разъ уже Гончаровъ всталъ на эту точку зрѣнія, несомнѣнно, что онъ тѣмъ самымъ логически обязывался признать разновидностями типа Чацкаго и тѣхъ представителей молодого поколѣнія, которые вдохновляли своими писаніями радикальную журналистику 60-хъ годовъ, привлекая недоброжелательное вниманіе его, какъ цензора. Этого Гончаровъ не сдѣлалъ въ статьѣ «Милліонъ терзаній», точка надъ і не была поставлена, но самый фактъ *такого* освѣщенія вопроса объ «отцахъ» и «дѣтяхъ», какъ то, которое въ ней содержится, говоритъ очень много и прежде всего, говоритъ, что, скинувъ вицмундиръ валуевскаго чиновника, Гончаровъ получилъ возможность шире и объективнѣе взглянуть на окружающую его общественную жизнь.

В. Евгеньевъ.

Дантонъ и процессъ короля.

Дантонъ или Робеспьеръ? До середины прошлаго вѣка альтернатива эта, поскольку она существовала и тогда, почти всегда разрѣшалась въ пользу Робеспьера. При всемъ различіи своихъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ историки революціи сходились на признаніи его центральной фигурой эпохи. Критиковали, конечно, и Робеспьера, но отрицательныя по отношенію къ нему оцѣнки совпадали обыкновенно съ отрицательнымъ отношеніемъ къ самой Революціи: Робеспьеръ какъ бы олицетворялъ ее въ себѣ. Послѣ 1848 г. голоса республиканцевъ раздробились: конкуррентами Робеспьеру на званіе истинныхъ представителей Революціи выступаютъ съ этого времени то Дантонъ, то Эберъ, пока къ концу 60-хъ годовъ и особенно при 3-й республикѣ, единогласіе не возстановляется снова, но уже въ противоположномъ прежнему смыслѣ: побѣдителемъ изъ этой посмертной распри вождей выходитъ Дантонъ. Его провозглашаютъ образцомъ политической мудрости; въ немъ видятъ вмѣстилище всѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ доблестей. «Среди героевъ Французской Революціи, пишетъ въ 1882 г. Оларъ («Danton», стр. 5—6), ни одинъ не могъ сравняться съ Дантономъ по нравственности, просвѣщенности, гуманности, безкорыстію и незлобію... Его смерть на три четверти вѣка замедлила утвержденіе во Франціи благоустроенной республики»...

Основная причина этой эволюціи мнѣній лежитъ конечно въ политической области. Дантонъ и Робеспьеръ символизируютъ собою два теченія демократической мысли—либерально-индивидуалистическое и эгалитарно-соціалистическое,—борьба которыхъ охватываетъ во Франціи весь XIX вѣкъ и продолжается фактически до сихъ поръ. Естественнымъ отголоскомъ ея явилась борьба и научныхъ мнѣній. До революціи 1848 г. въ передовыхъ кругахъ французской буржуазіи господствовало традиціонное «якобинство», теченіе искавшее опоры въ «народѣ», какъ совокупности трудящихся классовъ, и отправлявшееся отъ идеи народоправства, какъ панацеи общественныхъ золъ. Республиканизмъ тої эпохи приближался идейно къ соціализму; соціализмъ же былъ

доктриной, опиравшейся въ значительной степени на религіозное чувство. Робеспьеръ, съ его деизмомъ и культомъ общественности, вполнѣ удовлетворялъ поэтому идеалу республиканца и демократа, Робеспьеръ же приковывалъ къ себѣ и вниманіе историковъ. Въ послѣдній періодъ имперіи и при 3-й республикѣ все это измѣнилось: бывшее «третье сословіе» окончательно распалось къ этому времени на враждующіе классы; эгалитарная программа перестала привлекать къ себѣ сочувствіе буржуазныхъ республиканцевъ; истиннымъ представителемъ Революціи сдѣлался въ ихъ глазахъ, уже не «доктринеръ» и «мистикъ» Робеспьеръ, а свободомыслящій философъ» и «атеистъ» [1]) Дантонъ. Контъ и его школа первые превознесли Дантона апостоломъ разума и прогресса [2]). Франко-прусская война присоединила къ его философскому ореолу ореолъ патріота и предшественника Гамбетты. 3-я республика окончательно внесла его въ гражданскіе святцы, признала своимъ офиціальнымъ патрономъ. Якобинскія традиціи, а вмѣстѣ съ нимъ и благоговѣніе передъ памятью Робеспьера, не умерли лишь на крайней лѣвой радикализма: въ области политики онѣ сохранились въ формѣ радикально-соціалистической программы (гражданскій миръ путемъ разумныхъ уступокъ трудящимся); въ области науки—проявили себя въ дѣятельности робеспьеровскихъ историческихъ обществъ, первое изъ которыхъ, «Общество робеспьеровскихъ этюдовъ» (Société des études Robespierristes), было основано въ 1908 г. подъ руководствомъ извѣстнаго знатока религіозной исторіи Революціи Альбера *Матьэ*, второй,—«Робеспьеровское Общество» (Société Robespierre) возникло въ 1911 г. изъ стараго (основаннаго еще въ 1832 году) научно- политическаго кружка «Робеспьеровская Секція» (Section Robespierre). Органъ «Общества Робеспьеровскихъ этюдовъ» «Революціонныя Анналы» (Annales Révolutionnaires) уже 8-й годъ публикуютъ на своихъ страницахъ статьи, документы и справки характеризующія въ опредѣленномъ направленіи и самого Робеспьера, и его политическихъ друзей и враговъ, прежде всего, конечно, Дантона.

Исторической наукѣ нѣтъ дѣла до политической стороны дантоно-робеспьеровской распри: она беретъ изъ нея только то, что принадлежитъ ей по праву, а именно тотъ фактическій матеріалъ, который непрерывно вырастаетъ въ процессѣ этого спора. Съ этой, чисто научной точки зрѣнія, цѣнна для нея и анти-

---

[1]) Въ дѣйствительности Дантонъ не былъ атеистомъ. Ср. J a u r è s. Législative. Стр. 248.

[2]) Извѣстная монографія Робинэ---«Mémoire sur la vie privée de Danton» (1865) легла въ основу всѣхъ позднѣйшихъ офиціальныхъ оцѣнокъ. Ср. François Vermale. Danton, Rebespiere, Auguste Comte et M. Aulard. («Annales Révolutionnaires» V. 625—640).

дантоновская компанія «Революціонныхъ Анналъ» [1]). Мы остановимся здѣсь на послѣднемъ этапѣ этой кампаніи—на одномъ очень важномъ эпизодѣ біографіи Дантона, получившемъ неожиданное освѣщеніе, благодаря опубликованнымъ два года тому назадъ бумагамъ Теодора Ламета [2]), а именно на сношеніяхъ Дантона съ роялистами въ октябрѣ 1792 г., т.-е. передъ началомъ процесса короля.

«Ты участвовалъ въ заговорѣ Ламетовъ и поддерживалъ ихъ», обвинялъ Дантона Сэнъ-Жюстъ въ 1794 г.: «за исключеніемъ насъ слѣпыхъ, всей Европѣ извѣстно, что Дантонъ и Лакруа входили (съ ними) въ сдѣлку о возстановленіи королевской власти». Обвиненіе это, какъ и весь скомбинированный Сэнъ-Жюстомъ обвинительный матеріалъ, было принято доселѣ считать клеветой [3]). Тѣмъ болѣе интересны теперь показанія такого освѣдомленнаго свидѣтеля, какъ самъ руководитель «заговора» Ламетъ, — свидѣтеля, не возбуждающаго къ тому же ни малѣйшаго подозрѣнія въ смыслѣ недоброжелательства къ Дантону и сознательнаго желанія очернить его память.

Бумаги Ламета, съ 1883 г. находящіяся въ Парижской Національной Библіотекѣ, только въ 1912 г. обратили на себя вниманіе изслѣдователей и только въ слѣдующемъ, 1913 г., появились, отчасти, въ печати. Первая половина ихъ—«Мемуары»—была опубликована въ отрывкахъ Альберта Матьэ въ его «Революціонныхъ Анналахъ» [4]) и in extenso—Эженомъ Вельвертомъ [5]). Вторая половина—«Замѣтки и воспоминанія»—появилась, въ изданіи Вельверта же, какъ разъ наканунѣ войны [6]). Эта вторая часть, въ историческомъ отношеніи особенно для насъ интересна.

Вскорѣ послѣ сентябрьскихъ убійствъ Теодоръ Ламетъ, вслѣдъ за другими роялистами, принужденъ былъ бѣжать за границу. Законъ грозилъ эмигрантамъ смертью, но это не помѣшало ему

---

[1]) Отсылаемъ интересующихся особенно къ слѣдующимъ статьямъ: 1) Alb. Mathiez. Le massaire et le procès du Champ de Mars» (A. R. III, 1—60); 2) Dr. Blottière. Danton et Marie Antoinette (A. R. V. 23—36); 3) Mathiez. La fortune de Danton (A. R. V. 453—477). Мелкій фактическій матеріалъ разбросанъ въ отдѣлѣ хроники во всѣхъ томахъ.

[2]) Théodore de Lameth, членъ Законодательнаго Собранія, старшій братъ извѣстныхъ членовъ Конституанты Александра и Шарме Ламетовъ.

[3]) Вотъ что говоритъ о немъ послѣдній крупный историкъ Революціи Жоресъ: «...Ce qu'il y eut d'atroce, c'est que comme on n'avait pas conire Danton et ses amis les éléments matériels de culpabilité immediate et flagrante... il fallait, pour les accuser, dénaturer tout leur passé, colomnier toute leur vie. Oui, il fallait faire de Danton un royaliste, il fallait en faire un vendu»... («Convention». Стр. 1767—1768).

[4]) Alb. Mathiez. Danton dans les mémoires de Théodore de Lameth. Ann. Rev. VI. 1—34.

[5]) Théodore de Lameth. Mémoires publiées avec introduction et notes par Eugène Welvert. Paris 1913.

[6]) Théodore de Lameth. Mémoires et souvenirs. Paris. 1914.

въ октябрѣ же вернуться тайно въ Парижъ. На очереди стояло дѣло, для совершенія котораго Ламетъ готовъ былъ пожертвовать жизнью—нужно было спасти заключеннаго въ Тампль короля. Дантонъ былъ первымъ, къ кому постучался Ламетъ.

Мы полностью приводимъ его разсказъ о свиданіяхъ съ Дантономъ: онъ во многихъ отношеніяхъ интересенъ. Но само собою разумѣется, что написанный черезъ четверть вѣка послѣ событій («Мемуары» писались Ламетомъ при Реставраціи), онъ не можетъ претендовать на дословную передачу ихъ разговора. Да Ламетъ, и какъ мемуаристъ, далекъ отъ идеала безстрастнаго и безпристрастнаго лѣтописца.

«...На слѣдующій день (по пріѣздѣ въ Парижъ) раннимъ утромъ я былъ, пишетъ Ламетъ, у Дантона. Онъ не былъ уже министромъ юстиціи и занималъ очень скромное помѣщеніе на улицѣ Кордельэ. Жена его — молодая и красивая женщина съ мягкими манерами—провела меня къ нему въ спальню, гдѣ я засталъ его лежащимъ на складной постели. «Вы въ Парижѣ?»—воскликнулъ онъ.—«А я думалъ, что вамъ удалось бѣжать. Откуда вы?»

— Изъ Лондона, отвѣтилъ я.

Сумасшедшій! И вы разсказываете мнѣ объ этомъ? Вы забыли, вѣрно, о существованіи смертной казни?

— Не забылъ. Но вы спасли жизнь моего брата [2]). Я вручаю вамъ теперь и мою. Признаюсь, что заслуги въ этомъ нѣтъ съ моей стороны никакой: я знаю, на какія преступленія способны вы, на какія—нѣтъ.

«Любезностей по моему адресу отъ васъ не приходится ждать, но я беру добрую сторону вашихъ словъ и стараюсь удовлетвориться ею. Однако, вы не попусту явились сюда. Чего вы хотите?»

— Еще разъ и сугубо доказать вамъ мое довѣріе, а кстати направить васъ на единственный, оставшійся для васъ спасительный путь. Вы губите Францію и идете къ собственной гибели.

— У васъ трусливыя мысли.

— Я полагаю, что доказываю противное.

— Неужели вы не понимаете,—воскликнулъ съ силой Дантонъ,—что пройти черезъ эту гнусную демократію (sale démocratie) необходимо, чтобы добиться свободы?»

— Я не думаю этого. Но во всякомъ случаѣ, не слишкомъ ли

---

[1]) Братъ Теодора Шарль былъ арестованъ вскорѣ послѣ 10-го авг. Теодоръ поспѣшилъ использовать всѣ свои связи и все вліяніе въ качествѣ члена Законодательнаго Собранія, чтобы спасти брата отъ вѣрной смерти. Рѣшающую роль сыгралъ въ этомъ дѣлѣ Дантонъ. Освобожденіе Шарля Ламета и участіе въ немъ Дантона подробно описаны въ «Мемуарахъ Теодора. Ср. Ann. Rév. VI. 17—27.

далеко зашли вы, содѣйствуя? Не приходится ли сожалѣть уже о важности содѣйствій?

— Всему придетъ свой конецъ. Я потащу колесницу Революціи.

— Нѣтъ, Дантонъ, если вы не опомнитесь во время, то не вы, а васъ потащутъ.

— Сознаю, что отступать будетъ трудно... Но что же вы хотѣли мнѣ сообщить?

— Вы уже догадались, что, когда увидѣли меня вернувшимся во Францію, изъ которой мнѣ только что удалось бѣжать.

— Понимаю. Дѣло идетъ о королѣ?

— Да. Послѣ того, что случилось, приходится ждать всего: людямъ, которые заключили его въ башню Тампль, понадобится, быть можетъ, и послѣднее преступленіе. Но вы не замѣшаны прямо ни въ сверженіи, ни въ арестѣ короля. Спасите его. Ваша память покроется славой.

— Онъ самъ виноватъ. Вы оплакиваете созданіе его собственныхъ рукъ.

— Скажите лучше—обстоятельствъ, оказавшихся сильнѣе его, да и кого угодно, вѣроятно, на его мѣстѣ,—обстоятельствъ и людей, которые его окружали.

— Почему не былъ онъ искреннимъ?

— Передъ лицомъ подобныхъ событій немудрено показаться неискреннимъ. Но не будете же вы отрицать за нимъ реальныхъ достоинствъ—его желанія видѣть французовъ счастливыми? Онъ доказалъ его до Революціи, когда дѣйствовалъ вполнѣ свободно, не принуждаемый никѣмъ.

— Часто слабость принимаютъ за благородство и доброту.

— Конечно это бываетъ, но здѣсь не то. Именно то, въ чемъ сомнѣваетесь вы, является характернѣйшей чертой Людовика XVI.—чертой, бросающейся въ глаза. Факты сильнѣе словъ. Ихъ можно привести, сколько угодно, но вотъ вамъ первый пришедшій на память. Я не былъ близокъ ко двору, но короля видѣлъ часто. Однажды послѣ королевской охоты я былъ приглашенъ на ужинъ въ его кабинетъ. Онъ былъ тогда во всей полнотѣ своей власти. «Играете вы на билліардѣ?», спросилъ онъ меня, когда мы встали изъ за стола. Я отвѣчалъ утвердительно. «Такъ идемте, сыграемъ», сказалъ король, «Но предупреждаю,—не въ крупную—не больше экю». «Ваше Величество опасается разориться?» отвѣчаю я. «Да, да съ живостью воскликнулъ король,—вы, вѣдь, играете на собственныя деньги, а мои —достояніе всѣхъ.» Такое уваженіе къ собственности въ устахъ внука Людовика XIV, такое забвеніе о себѣ, какъ королѣ, выраженное съ такою простотой, любовь къ другимъ глубоко проникли мнѣ въ сердце и остались тамъ навсегда. Неужели васъ не трогаетъ мой разсказъ?

— Напротивъ, все это дѣлаетъ ему честь. Только оставьте ваши разсказы при себѣ: похвалами по его адресу вы раздражите, а не тронете людей, для которыхъ гибель его рѣшена.

— Но какъ же можно судить его, разъ воля націи, законно и торжественно выраженная, признала его безотвѣтственнымъ и неприкосновеннымъ?

— Наивность! Да какое же дѣло до этого тѣмъ, кто и хочетъ, и можетъ? Развѣ Карлъ I былъ убитъ по строгой буквѣ законовъ?

— Значитъ, вы думаете, что большинство Конвента его осудитъ?

— Ни минуты не сомнѣваюсь въ этомъ. Охотниковъ платить за чужую жизнь своей собственной вообще немного, а ужъ большинства-то изъ нихъ никогда не составить. Разъ преданный суду, онъ погибъ. Предположимъ даже, что огромное большинство людей поступило бы такъ, какъ поступили бы вы, маленькая кучка, его все-таки убьютъ.

— Но найдутся же въ собраніи люди съ сердцемъ? А жирондисты? ихъ поведеніе было тоже преступнымъ, но они не осудятъ его. Ихъ партія велика.

— Нашли чего ждать! Да вѣдь имъ-то онъ и обязанъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Напуганные случившимся, они ограничатся тѣмъ, что произнесутъ красивыя рѣчи, и всѣ въ концѣ концовъ подадутъ голоса за осужденіе.

— Вотъ что, сказалъ я Дантону,—та помощь и преданность, которыхъ я жду отъ васъ, касается освобожденія короля и королевской семьи, все равно какъ—открытымъ мятежемъ (un mouvement audacieux) или содѣйствіемъ побѣгу. Какой-нибудь способъ нужно найти.

— Какой—въ томъ и вопросъ,—отвѣчалъ Дантонъ.—Какъ спасти короля, разъ его предадутъ суду? Онъ погибъ, какъ только предстанетъ предъ судьями.

— Въ словахъ вашихъ жестокая правда. Но вѣдь на голову Франціи падетъ ужаснѣйшее изъ преступленій. Республика ваша станетъ ненавистной даже для тѣхъ, кто по невѣжеству или недоумѣнію еще вѣритъ въ ея возможность!

— Толкуйте объ этомъ съ Робеспьеромъ, Маратомъ и ихъ поклонниками!

— Но вы-то, Дантонъ, чего *вы* хотите? Что *вы* можете сдѣлать? Не убѣждены ли вы, что во имя самой справедливости, во имя интересовъ всѣхъ, съ точки зрѣнія какого-угодно принципа необходимо спасти добродушнаго и несчастнаго государя—его самого и его семью? Будьте искренни, Дантонъ!

— Что думаю я и чего хочу, вамъ извѣстно. Что же до того, что я могу, то не знаю право, что завтра ждетъ, въ наши дни, самаго

популярнаго сегодня человѣка. Но довольно объ этомъ. Я не хочу показать себя ни хуже ни лучше того, что я есть. Я питаю къ вамъ полное довѣріе. Его кладу я въ основу намѣреній и плановъ, къ которымъ вы склонили меня. Я не вѣрю въ безупречность короля, но считаю полезнымъ и нахожу справедливымъ извлечь его изъ настоящаго положенія. Со всею смѣлостью и со всей осторожностью я сдѣлаю все, что могу. При какой-нибудь надеждѣ на успѣхъ я не остановлюсь передъ рискомъ. Но если надежды не будетъ... Открыто заявляю вамъ: *я не желаю жертвовать своей головой за голову короля, и я буду въ числѣ тѣхъ, которые выскажутся за казнь*».

— Зачѣмъ,—сказалъ я Дантону,—зачѣмъ прибавляете вы эти слова?

— Затѣмъ, чтобы быть съ вами искреннимъ: вы сами просили объ этомъ меня,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ:—Но подумайте и о себѣ. Вамъ больше чѣмъ кому бы то ни было угрожаетъ опасность ареста. Васъ могутъ схватить.

— Ну что же, вы придете на помощь.

— На помощь... Ну, знаете, если я и могу еще кому-нибудь помочь, такъ не вамъ: вамъ—не стоитъ, пожалуй, и пробовать. Я сдѣлаю, что обѣщалъ. Напоминать не нужно. Вѣрьте мнѣ, и, если можете, уѣзжайте скорѣе изъ Франціи....

Послѣ перваго визита къ Дантону Лэметъ повидался еще съ Маморо и Демуленомъ и, заручившись отъ нихъ обѣщаніями содѣйствія, снова пришелъ къ Дантону. «Какъ и въ первый разъ, пишетъ онъ, я нашелъ его поглощеннымъ желаніемъ спасти короля (ji le trouvoi... prècocupé du desir de sanoer le roi). Онъ успѣлъ за это время посвятить въ свои проекты Лакруа. Этотъ отставной офицеръ, человѣкъ огромнаго роста и столь же огромнаго краснорѣчія, честолюбивый и алчный могъ во многомъ ему пригодиться. Кромѣ того Дантонъ всецѣло и безусловно (quelque fôt la couleur qu il portât) разсчитывалъ на преданность кордельэровъ. Онъ разсказалъ мнѣ о мѣрахъ, обдуманныхъ имъ, и о шагахъ, предпринятыхъ для ихъ осуществленія... Однако онъ слишкомъ полагался на свою популярность: увлеченный ею, онъ долго не замѣчалъ, что Робеспьеръ уже велъ подъ него свой подкопъ, а позднѣе, когда замѣтилъ, ужъ изъ чувства самосохраненія отдался на волю своего буйнаго темперамента, который увлекъ его въ (противоположную) пропасть, — заставилъ забыть о справедливости и честныхъ идеяхъ, только что владѣвшихъ его умомъ»....

Во всемъ этомъ разсказѣ самое интересное для насъ самый фактъ свиданія монтаньерскаго вождя съ эмигрантомъ и агентомъ

роялистовъ наканунѣ королевскаго процесса. Во второй его половинѣ подтверждаются и такія детали обвиненія Сэнъ-Жюста, какъ тѣсная связь съ Дантономъ Лакруа.

Но какія побужденія двигали Дантона въ его переговорахъ? тотъ же Ламетъ, во второй части своихъ бумагъ—въ историческихъ примѣчаніяхъ къ чужимъ мемуарамъ даетъ на этотъ вопросъ любопытный отвѣтъ.

Вотъ наиболѣе интересныя для насъ примѣчанія Ламета къ «Мемуарамъ государственнаго человѣка» [1]), разсказывающимъ о дѣятельности испанскаго посланника Окариза наканунѣ процесса Людовика и въ частности о его переговорахъ съ депутатомъ Шабо [2]), который ручался при условіи вознагражденія «четырехъ виднѣйшихъ вождей своей партіи», за принятіе конвентомъ принципа аппеляціи къ народу:

«Сообщеніе автора мемуаровъ во многихъ отношеніяхъ справедливо», пишетъ Ламетъ; Кавалеръ Окаризъ, посланникъ Испаніи, сдѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти короля. Въ распоряженіи его, дѣйствительно, было два милліона, но этой суммы оказалось недостаточно, и такъ какъ получить добавочныя деньги черезъ Испанію представлялось уже невозможнымъ (за недостаткомъ времени), то онъ обратился за ними къ правительству Англіи. Послѣднее, несмотря на самыя горячія просьбы, отвѣтило ему отказомъ»... «Неправда однако, читаемъ мы въ слѣдующемъ примѣчаніи, будто депутатъ Шабо дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ самостоятельно и будто онъ обманывалъ Окариза, только притворясь его союзникомъ. Возможно, конечно, что Шабо, человѣкъ сумасбродный и мало порядочный, надѣялся извлечь для себя изъ переговоровъ извѣстную матеріальную выгоду, но дѣло въ томъ, что онъ былъ тогда только агентомъ Дантона. Дантонъ же дѣйствительно хотѣлъ спасти короля. Событія того времени мнѣ хорошо извѣстны: я самъ пріѣзжалъ въ это время изъ Англіи послѣ шестинедѣльнаго тамъ пребыванія, несмотря на то, что только что изданный тогда законъ угрожалъ эмигрантамъ смертью. Я пріѣзжалъ для свиданія съ Дантономъ, и мнѣ удалось его склонить къ желательнымъ для меня шагамъ. Въ другомъ мѣстѣ я описываю все это подробно (см. приведенный выше отрывокъ изъ «Мемуаровъ» И. Х.), здѣсь же прибавлю лишь разсказъ, неоднократно слышанный мною изъ устъ моего брата Шарля,

[1]) «Mémoires tirées des papiers d'un homme d'Etat». Paris. 1831—1835. Авторомъ двухъ первыхъ томовъ этихъ мемуаровъ былъ Бошонъ (Beauchomp), бывшій служащій «Comité de sureté générale» и полиціи Директоріи.

[2]) François Chabot, извѣстный членъ Закон. Собранія и Конвента, осужденный и казненный въ 1794 году одновременно съ дантонистами.

жившаго въ то время въ Англіи. Мы жили въ Лондонѣ вмѣстѣ съ Д'эгильономъ [1]),—разсказывалъ онъ мнѣ,—когда къ намъ явился однажды Талонъ [2]) (отецъ Madame de Cayla [3]) въ состояніи крайняго возбужденія. «Какой ужасъ,—говорилъ онъ.—я только что былъ у Питта; онъ хочетъ, чтобы король Франціи былъ казненъ! Я не могъ ни тронуть, ни поколебать его ничѣмъ. Дантонъ ручается, что Людовикъ XVI будетъ живъ, но на одномъ условіи: нужно, чтобы Англія прибавила два милліона къ деньгамъ, имѣющимся у кавалера Окариза. Немедленной выдачи ихъ не требуется: достаточно внести ихъ въ какой-нибудь Лондонскій банкъ. Я поэтому и примчался сюда изъ Парижа, полагая въ своей наивности, что дѣло устроить легко, но проектъ оказался невыполнимымъ: Питтъ хочетъ, чтобы Франція имѣла своего Карла I. Мерзко, ужасно, но сдѣлать нельзя ничего»!...

Итакъ Ламетъ утверждаетъ, подчеркивая при этомъ свою достаточную освѣдомленность, что переговоры между Окаризомъ и Дантономъ велись въ Парижѣ черезъ Шабо и Талона: къ двумъ милліонамъ, бывшимъ уже у Окариза, необходимо было прибавить новые два милліона [4]), и въ этомъ случаѣ Дантонъ бралъ дѣло спасенія короля на себя, ручаясь за его успѣхъ. Въ виду имѣлось, конечно, воздѣйствіе на депутатовъ: авторъ «Мемуаровъ государственнаго человѣка» говоритъ это прямо, Ламетъ—подтверждаетъ косвенно—своимъ молчаніемъ. Первые два милліона, если вѣрить этому автору, предназначались для подкупа депутатовъ [5]). Естественно предположить, что для этой же цѣли испрашивались и остальные два—что Дантону необходимо было еще кое-кого подкупить.

Гюставъ Руанэ, посвящающій этому вопросу спеціальную статью въ первомъ выпускѣ «Революціонныхъ Анналъ» за те-

---

[1]) Duc D'Aiguillon, сынъ извѣстнаго министра Людовика XV, членъ Конституанты, эмигрировавшій изъ Франціи послѣ 10 августа.

[2]) Antoine-Omer Talon, бывшій королевскій магистратъ, агентъ двора при Конституантѣ. При жизни Мирабо именно онъ завѣдывалъ тайными фондами двора для подкупа депутатовъ. Спастись за границу послѣ 10 августа ему удалось съ помощью паспорта, выданнаго Дантономъ. Въ показаніяхъ своихъ, данныхъ при арестѣ въ 1803 г. (онъ былъ арестованъ Бонапартомъ, какъ агентъ Бурбоновъ) Талонъ утверждалъ, что въ числѣ тайныхъ агентовъ его по охранѣ личности короля до его бѣгства въ Варени состоялъ и Дантонъ. Ср. «Annales Révolutionnaires» VII. 98—100.

[3]) Фаворитка Людовика XVIII.

[4]) Въ одномъ изъ писемъ, адресованныхъ Робеспьеру изъ тюрьмы Шабо говоритъ именно о «*четырехъ милліонахъ*», которые будто бы предлагалъ ему Окаризъ.

Ср. «Annales Révolutionnaires» VIII. 16(2).

[5]) По мнѣнію Г. Руанэ подъ «четырьмя выдающимися вождями своей партіи» Шабо разумѣлъ—Лакруа, Базиро, Фабра Д'Эглантина и Камилла Демулена. Ср. Ann. Rév. VIII. 19.

кущій (1916 г.) [1]). Намъ остается лишь познакомить читателя съ его аргументами.

Можно ли, спрашиваетъ Руанэ, представить себѣ Дантона, въ моментъ полнаго расцвѣта его популярности и политическаго вліянія, въ роли простого подкупателя голосовъ? Была ли ему нужда компрометировать себя рискованными предложеніями, когда онъ силой одного своего краснорѣчія и опираясь на свой революціонный авторитетъ могъ склонить Конвентъ къ желаемому для него рѣшенію, даже если бы дѣло шло о большемъ, чѣмъ принятіе предложенія объ отсрочкѣ казни или объ аппеляціи къ народу? Голосованіе 17-го января показало, что для нужнаго Окаризу исхода процесса не хватило фактически всего 27 голосовъ [2]). Такое количество депутатовъ Дантонъ легко бы нашелъ среди колеблющихся и голосовавшихъ вопреки убѣжденію. Стоило ему взойти на трибуну и заявить себя сторонникомъ аппеляціи къ народу, и множество колеблющихся голосовъ присоединились бы къ нему: рабочіе нашли бы въ немъ надежный громоотводъ противъ пугавшаго ихъ народнаго гнѣва.

Кромѣ того, если бы дѣло дѣйствительно шло о подкупѣ не подкупленныхъ еще депутатовъ, то развѣ Дантонъ удовольствовался бы вкладомъ денегъ въ Лондонскій банкъ? Подкупать нужно было на наличныя, а не на обѣщанія и посулы, и если онъ не потребовалъ немедленной выдачи денегъ, то это—лучшее доказательство того, что они предназначались не для другихъ, а для него, и при томъ не на текущія нужды, а *на черный день*. Дантонъ рисковалъ очень многимъ. Онъ понималъ, что освобожденіе короля повлечетъ за собой или новую вспышку Революціи или поворотъ назадъ—и возстановленіе монархіи. И то и другое разбивало его политическую карьеру и грозило его богатству, которое онъ какъ истинный буржуа своего времени успѣлъ вложить въ національныя земли [3]). Дантонъ соглашался пожертвовать ими, но за приличный эквивалентъ. Два милліона въ Лондонскомъ банкѣ и перспектива спокойной жизни и отдыха отъ политическихъ бурь должна была мирить его съ потерей революціонной карьеры и накопленнаго во Франціи состоянія.

— Сдѣлка, какъ мы знаемъ, не состоялась—Питтъ не далъ Талону денегъ.

И. Херасковъ.

---

[1]) Gustave Rouanet. Danton et la mort de Luis XVI «Annales Révolutionnaires». Janvier—Fevrier 1916. Стр. 1—33.

[2]) За казнь безъ отсрочки высказалось 387 депутатовъ при общемъ числѣ голосовавшихъ 721 и при абсолютномъ большинствѣ въ 361 голосъ.

[3]) Ср. Alb. Mathiez. «Fortune de Danton». (Annales Révolutionnaires. V. 453—477).

Отъ редакціи.

Обвиненіе въ подкупности сыграло роковую роль въ судьбѣ многихъ дѣятелей Французской Революціи. Незначительному меньшинству удалось, подобно Максимиліану Робеспьеру «Несовратимому», сохранить свое имя кристаллично-чистымъ. Но Мирабо, Дантонъ, почти всѣ революціонеры, склонившіеся на путь оппортунистической политики, подверглись и при жизни и послѣ смерти не только упрекамъ въ подкупности, но и систематическому обвиненію, подкрѣпленному разнаго рода доказательствами. Для однихъ этотъ посмертный судъ закончился опредѣленнымъ обвинительнымъ вердиктомъ, для другихъ онъ еще въ фазѣ предварительнаго слѣдствія. Статья И. М. Хераскова прекрасно знакомитъ съ одной изъ такихъ фазъ все болѣе и болѣе развертывающагося предъ нами историческаго судоговоренія по «дѣлу Дантона». Столѣтіе слишкомъ протекло съ того момента, какъ Дантонъ положилъ свою голову подъ ножъ гильотины, но соціально-политическія теченія современнаго момента отнюдь не способствуютъ безстрастному и безпристрастному судоговоренію,—напротивъ вносятъ въ слѣдственный процессъ, ведущійся учеными и историками и публицистами, много скрытности и непримиримости.

Первой развязкой въ сложной аргументаціи подкупности Дантона, проявившейся въ эпоху процесса Людовика XVI, теперь выставленныя показанія Теодора Ламета въ его недавно изданныхъ мемурахъ. Но самый разговоръ Дантона съ Ламетомъ, въ которомъ поднимается вопросъ о спасеніи короля, обработанъ авторомъ мемуаровъ такъ тенденціозно въ роялистическомъ духѣ, и отношенія Дантона къ политическимъ организаціямъ и къ Робеспьеру представлены настолько туманно, обидно и невѣрно, что, примыкая къ мнѣнію Мадлэна, извѣстнаго біографа Дантона, можно признать правдоподобной лишь основу бесѣды. «Быть можетъ Дантонъ и думалъ спасти короля, соединившись съ жирондистами» осторожно предполагаетъ Мадлэнъ, «но послѣдніе отвергли его авансы». Постольку этотъ фактъ и слѣдуетъ покамѣстъ признать выясненнымъ строгой исторической критикой.

Вторымъ звеномъ обвинительнаго слѣдствія служитъ примѣчаніе Ламета къ «Мемуарамъ государственнаго человѣка». Но и это изданіе и примѣчанія къ нимъ вызываетъ серьезныя методологическія сомнѣнія. Вѣдь съ 20-хъ годовъ XIX вѣка дождемъ сыплются псевдо-мемуары XVIII вѣка, составленные либо экс-революціонерами, желающими реабилитировать свое бурное прошлое, либо беззастѣнчивыми журналистами, бьющими на эффектъ и

сенсацію, зачастую экъ-чиновниками бывшаго революціоннаго правительства, которые заинтересованы новой карьерой при монархическомъ правительствѣ. Таковъ пресловутый Боншалъ. Естественно, что къ его разсказамъ объ организаціи испанскимъ посланникомъ Окаризомъ подкупа, слѣдуетъ отнестись съ сугубой осторожностью. И даже допуская фактъ предложенія Дантону денегъ, слѣдуетъ дать доказательства, соглашался ли Дантонъ на подкупъ. Изъ всѣхъ разсказовъ, ходившихъ среди роялистовъ о четырехмилліонной суммѣ для подкупа, ясно только, что они *предпринимали шаги въ этомъ направленіи*, что въ дѣло замѣшаны были лица, знакомые Дантону, но ни самое участіе, ни согласіе его все еще не установлено.

Третье звено—косвенныя доказательства и гипотезы на основаніи разговоровъ среди роялистовъ. Къ этому способу анализа прибѣгаетъ въ своей статьѣ Гюставъ Руанэ. Признавая доказаннымъ уже, что Дантонъ требовалъ 4 милліона, онъ на основаніи психологическихъ соображеній находитъ, что милліоны должны были вознаградитьДантона за потерю имъ революціонной карьеры. Но на тѣхъ же основаніяхъ возможно противопоставить буржуазной алчности властное честолюбіе знаменитаго оппортуниста-революціонера, диктовавшее ему иной путь... Досюда доведенъ обвинительный актъ contra Dantonem. И долгъ строго-безпристрастной исторической критики вынести свой приговоръ лишь на основаніи тщательно анализированныхъ и провѣренныхъ документовъ, а не тенденціозныхъ показаній роялистовъ, слуховъ и психологическихъ гипотезъ.

А. Васютинскій.

Изъ воспоминаній о В. С. Соловьевѣ.

Имѣя въ виду въ ближайшемъ будущемъ изложить мои воспоминанія о князѣ С. Н. Трубецкомъ и мысленно переживая то прошлое, которому онъ былъ близокъ, я вижу отчетливо рядомъ съ нимъ покойнаго друга его, философа Владиміра Сергѣевича Соловьева, внутренній и внѣшній обликъ котораго, у каждаго, кто его зналъ, не могъ не остаться рельефно врѣзаннымъ въ памяти. Высокій (въ сущности лишь казавшійся высокимъ), тонкій, изящный, съ головой пророка и блѣднымъ красивымъ лицомъ, обрамленнымъ длинными, спадавшими волосами, онъ напоминалъ Іоанна Крестителя на картинѣ Иванова и производилъ взглядомъ большихъ, казавшихся синими, глазъ своихъ, блестѣвшихъ иной разъ въ бесѣдѣ вдохновеніемъ, поразительное впечатлѣніе. Нельзя было усомниться, увидавъ Соловьева, что передъ вами особый человѣкъ,—пророкъ, геніальный поэтъ... На немъ лежала печать высшей духовной силы и одаренности; не показалось бы невѣроятнымъ, еслибы вокругъ его лба засіяли лучи. Такимъ былъ Соловьевъ, когда я послѣ долгаго перерыва встрѣтилъ его вновь, уже зрѣлымъ мужемъ, въ Москвѣ у Трубецкихъ; но я помню его еще совсѣмъ юнымъ, студентомъ, еще не установившимся, ищущимъ, но уже и тогда обѣщавшимъ выйти на особую дорогу, освѣтивъ ее своимъ дарованіемъ.

Я былъ товарищемъ по университету со старшимъ братомъ Владиміра Сергѣевича, Всеволодомъ, авторомъ—впослѣдствіи—нѣсколькихъ, охотно читавшихся въ свое время большою публикою, историческихъ романовъ, и хорошо помню отца его С. М. Соловьева, лекціи котораго по русской исторіи мнѣ пришлось слушать на первомъ курсѣ юридическаго факультета, лекціи, полныя интереса, читавшіяся имъ торжественно, громкимъ, звучнымъ голосомъ, почему-то прервавшіяся со второго семестра. Нѣсколько разъ я встрѣчалъ его и внѣ университета (въ шестидесятыхъ годахъ), а именно лѣтомъ въ подмосковной дачной мѣстности около деревни Иванькова и великолѣпной усадьбы княгини Шаховской. Встрѣчалъ я его въ тамошнемъ паркѣ,

гуляющимъ неизмѣнно со своей семьей,—важнаго и величаваго, красиваго старца съ бѣлой бородой, производившаго впечатлѣніе удивительнаго спокойствія и уравновѣшенности. Съ В. С. я познакомился у Ф. Л. Соллогуба въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Обоихъ этихъ талантливыхъ людей, тогда еще совсѣмъ молодыхъ, столь разныхъ, казалось бы, по воззрѣніямъ, по отношенію хотя бы къ религіи, ко всему мистическому, по самой ихъ жизни и интересамъ, связывала большая дружба, выросшая на почвѣ какой-то общности даже въ ихъ разномысліи; общность эта, очевидно, происходила отъ склонности обоихъ ко всему художественному, къ фантастикѣ, къ поэзіи въ особенности, и отъ потребности въ созданіи поэтическихъ образовъ въ стихотворной формѣ и въ такомъ же творчествѣ, но юмористическаго характера, —въ духѣ «Кузьмы Пруткова», которымъ оба одинаково восхищались. Оба написали небольшія стихотворенія подъ заглавіемъ «Чѣмъ люди живы»; въ нихъ, несмотря на указанное уже мною коренное различіе міровоззрѣнія авторовъ тоже, чувствуется нѣкоторая общность. Стихотвореніе Соллогуба «Чѣмъ люди живы» приведено мною въ очеркѣ, посвященномъ ему (Въ первомъ томѣ моей книги «Изъ прошлаго»); начало его таково:

Люди живы красотою,
Въ Божьемъ мірѣ разлитою:
Струнъ природы хоромъ стройнымъ,
Солнца свѣтомъ — полднемъ знойнымъ,
Вешнихъ водъ веселымъ плескомъ,
Снѣга дѣвственнаго блескомъ,
Дѣвы ясными очами,
Звѣздъ мерцающихъ лучами,
Сердца сладкимъ замираньемъ
Милыхъ устъ живымъ лобзаньемъ...

А вотъ два первыхъ четверостишія хранящагося у меня въ подлинникѣ наброска Соловьева на ту же тему:

Люди живы Божьей лаской,
Что на всѣхъ незримо льется,
Божьимъ словомъ, что безмолвно
Во вселенной раздается.
Люди живы той любовью,
Что атомъ къ атому тянетъ,
Что надъ смертью торжествуетъ
И въ аду не перестанетъ...

Соллогубъ написалъ интереснѣйшую поэму, придавъ ей драматическую форму, «Соловьевъ въ Фиванидѣ», (содержаніе и отрывки поэмы приведены въ первомъ томѣ моей книги), къ сожалѣнію не закончивъ ее, и въ этой «мистеріи» изобразилъ борьбу

діавола съ Соловьевымъ и побѣду послѣдняго. Поэма, талантливо написанная, интересная по массѣ художественныхъ мелочей и остроумныхъ подробностей, во всемъ, что касается главнаго ея содержанія,—то есть борьбы Соловьева съ духомъ зла, изложена въ шуточной, юмористической формѣ, представляетъ изъ себя какъ бы карикатуру на Соловьева въ его вѣрѣ въ реальное существованіе діавола, а между тѣмъ В. С., убѣжденно говорившій о діаволѣ, какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ, очень оцѣнилъ поэму Соллогуба, жалѣлъ, что она не закончена, и распространялъ ее между знакомыми. У меня хранится письмо В. С. къ одной его хорошей знакомой, въ которомъ встрѣчается такое мѣсто:

Соловьева въ Фивандѣ
Вамъ списали въ лучшемъ видѣ
Въ черную тетрадь.

Иронизированіе Соллогуба надъ борьбой Соловьева съ діаволомъ не только не огорчало его, но напротивъ сближало съ Соллогубомъ, который, въ противоположность В. С., не вѣря въ духовную сторону «спиритизма», охотно посѣщалъ спиритическіе сеансы и дружилъ съ медіумами профессіоналами и диллетантами, интересуясь технической стороной дѣла, тѣмъ, какъ эти господа производятъ тѣ и другія явленія. Соловьевъ, напротивъ, допуская шарлатанство и обманы со стороны медіумовъ, не сомнѣвался, однако, въ возможности реальнаго проявленія сношеній духовнаго міра съ нашимъ, и самъ на себѣ не разъ испытывалъ такое проявленіе. Соллогубъ писалъ, напримѣръ:

Насталъ полночи часъ...
Забыли черти насъ!
Стоитъ недвижимъ столъ,
Не слышно стука въ полъ.
Сѣлъ «нѣкто» на диванъ,
И стукнуло въ стаканъ—
Слуга то невзначай
Имъ двинулъ, ставя чай,
«Увы внутри столовъ
«Нѣтъ больше дьяволовъ!

1) Соловьевъ не разъ говорилъ, что иногда ему приходится, когда онъ остается одинъ въ комнатѣ, или даже и при другихъ, явственно слышать легкіе удары въ окружающіе его предметы, не производимые находящимися тутъ же или невдалекѣ лицами. С. Н. Трубецкой разсказывалъ мнѣ, что разъ, когда онъ вдвоемъ

съ Соловьевымъ ужинали въ общей залѣ какого-то ресторана, В. С. во время оживленнаго разговора, внезапно поблѣднѣвъ, откинулся, замолчавъ, на спинку стула и такъ пробылъ нѣкоторое время съ закрытыми глазами, какъ бы въ безсознательномъ состояніи. С. Н. не нарушилъ его, а когда Соловьевъ раскрылъ глаза и «ожилъ», онъ сообщилъ, что ему представилось видѣніе,— кто-то несуществующій приходилъ къ нему. Было такъ, что Соловьевъ вѣрилъ въ ближайшее сосѣдство надземнаго міра, а Соллогубъ не только не вѣрилъ, но иронизировалъ надъ этимъ и выставлялъ Соловьева въ смѣшномъ видѣ, а между тѣмъ они въ совершенствѣ понимали другъ друга и очень любили быть во взаимномъ обществѣ.

Соловьевъ обладалъ въ молодости сердцемъ, отдававшимся порою чувству любви, именуемой платонической; Соллогубъ тоже съ своей стороны легко увлекался, но онъ не признавалъ исключительно духовной близости съ женщиной и доказывалъ, опираясь на природу человѣка, въ равной степени обладающаго духовными и физическими наклонностями, необходимость въ настоящемъ чувствѣ любви единенія обѣихъ сторонъ человѣка— духовной и физической. Въ этомъ они опять радикально расходились, и Соллогубъ опять таки не воздержался отъ стихотворнаго выпада въ сторону Соловьева, написавъ слѣдующее:

Подражаніе Фирдуси.

(Посвящается В. С. Соловьеву).

Пора спати»: Гдѣ же? Осмѣлюсь спросить высоко опоясаннаго господина моего?
За предѣлами сущаго...
Изъ санскритской драмы: «Облако мысли».

«Небольшія стаи кряковыхъ утокъ окончательно разбиваются на пары, поднимаются и дѣлаются смиреѣе».
Аксаковъ: «Записки охотника».

Не унывай, пѣвецъ! Омойся, остригися!
И тусклый свой сапогъ вновь лакомъ наведи.
Для лиры новою струной обзаведися
И пѣсни новыя на новый ладъ веди.
Не для тебя зима, не для тебя морозы,
Пѣвцамъ не суждена холодной ночи мгла,
Для нихъ цвѣтутъ весь годъ въ садахъ Багдада розы,
И сладкій имъ шербетъ красотка припасла.
Съ высокой грудію, съ очами антилопы,
Она весь день толчетъ и мнетъ рахатъ-лукумъ

Ты юной дѣвѣ въ честь—весь день скандируй стопы
Подъ сладкій ступки стукъ и лавра легкій шумъ.
Въ тѣни зеленыхъ рощъ и благовонныхъ кущей
Пускай она толчетъ! А ты ей пой, да пой,
Пока толкомое не станетъ сладкой гущей,
Доколь пѣвомое не станетъ чепухой.
Достигнувши сего,—печали позабывши,
Хватай ее, о другъ, безтрепетной рукой,
И жизни тайный смыслъ ей трепетно прививши,
Ты вкусишь творчества торжественный покой.

Соловьевъ, получивъ это стихотвореніе, много смѣялся, такъ же какъ надъ рисункомъ Соллогуба, на которомъ В. С. изображенъ въ видѣ воспѣтаго самимъ же Соловьевымъ пророка, одѣтаго въ мантію изъ двухъ рогожекъ, окруженнаго недоумѣвающими собаками, между тѣмъ какъ къ нему, видимо въ видахъ ареста пророка, перелѣзаетъ черезъ заборъ, городовой. Стихотвореніе, о которомъ я говорю, напечатано, но я напомню его читателямъ этого очерка.

Пророкъ.

Угнетаемый насиліемъ
Черни дикой и тупой,
Онъ питался сухожиліемъ
И яичной скорлупой.
Изъ кулей рогожныхъ мантію
Онъ себѣ соорудилъ
И всецѣло въ некромантію
Умъ и сердце погрузилъ.
Со стихіями надзвѣздными
Онъ въ сношенія вступалъ,
Проводилъ онъ дни надъ безднами
И въ болотахъ ночевалъ.
А когда, порой, въ селенія
Онъ задумчиво входилъ,
Всѣхъ собакъ въ недоумѣніе
Образъ дивный приводилъ.
Но органами правительства,
Бывъ безъ вида обрѣтенъ,
Тотчасъ онъ на мѣсто жительства
По этапу водворенъ.

Рисунокъ Соллогуба достоинствами своими не уступалъ стихотворенію, его вдохновившему, а это произведеніе юмористической музы В. С. нельзя не признать классическимъ по отдѣлу подобныхъ твореній. Оно было написано Соловьевымъ, кажется, по поводу бывшаго съ нимъ эпизода, закончившагося тѣмъ, что его, было, арестовали въ Петербургѣ, поѣхавъ куда, онъ забылъ захватить паспортъ, и его выручилъ уже изъ бѣды близкій ему князь А. Д. Оболенскій, занимавшій въ то время видный постъ въ Петербургѣ.

И С. Н. Трубецкой и Ф. Л. Соллогубъ отличались разсѣянностью и малою заботой лично о себѣ и мелкихъ удобствахъ жизни, а Соллогубъ до кончины не зналъ, какъ велики его личныя матеріальныя средства и не придавалъ никакого значенія деньгамъ. Но эти черты нашли полное свое развитіе именно въ личности В. С. Онъ нерѣдко совершенно забывалъ о томъ, что нормально люди каждодневно и регулярно обѣдаютъ, а въ большинствѣ еще и завтракаютъ или ужинаютъ, и питался чѣмъ и какъ придется, пропуская въ этомъ отношеніи даже сутки и больше. Соловьевъ поступалъ такъ вовсе не по соображеніямъ аскетизма,—аскетомъ онъ не былъ и съ точки зрѣнія принципа не считалъ нужнымъ избѣгать вкусной кухни и тонкихъ напитковъ, но *потребности* въ баловствѣ подобнаго рода онъ не ощущалъ, и отсутствіе удобствъ жизни его не безпокоило. Къ деньгамъ онъ относился тоже очень своеобразно: средства Соловьева были весьма ограниченныя. онъ жилъ почти исключительно литературнымъ заработкомъ, Но когда онъ получалъ гонораръ, то есть, становился временнымъ обладателемъ нѣкоторой денежной суммы, онъ тратилъ деньги какъ будто капиталу его не было предѣловъ, и онъ—прирожденный богачъ. Совсѣмъ не любовь къ роскоши или желаніе произвести впечатлѣніе тратами руководили тутъ В. С., а скорѣе чувство ничтожества денегъ, пренебреженіе къ власти ихъ и самая простая мысль—разъ какъ есть деньги, надо ихъ тратить, ибо таково ихъ назначеніе. Просившему у Соловьева денегъ взаймы или прямо въ видѣ дара и помощи,—разъ какъ В. С. былъ въ этотъ моментъ «богачемъ»,—не бывало отказа и, конечно, при такихъ условіяхъ матеріальная обезпеченность В. С. длилась недолго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что образъ жизни Соловьева,—онъ прожилъ жизнь холостякомъ—напоминавшій существованіе пророка, описаннаго въ приведенномъ мною стихотвореніи (одежда изъ рогожи, питаніе—яичная скорлупа и ночлегъ—болота), содѣйствовалъ зарожденію и развитію въ немъ болѣзней, сведшихъ его преждевременно въ могилу. Онъ не обращалъ никакого вниманія на случавшееся съ нимъ нездоровье, самъ никогда къ врачебной помощи не обращался, а къ тому же жилъ, не считаясь съ нормальными, здоровыми условіями жизни. Едва ли когда-либо онъ провелъ цѣлую ночь во снѣ; обычно онъ работалъ,—а читалъ и писалъ В. С. невѣроятно много,—ночью, уснувъ немного лишь съ вечера. Слабый на видъ организмъ его какъ будто не зналъ утомленія, физическая сторона его побѣждалась въ полной мѣрѣ духовной, и В. С. дѣйствительно не замѣчалъ усталости и не обращалъ на нее вниманія, какъ и на другія физиче-

скія явленія и ощущенія, съ которыми на самомъ дѣлѣ ему, при малѣйшей заботѣ о себѣ, было бы необходимо считаться.

В. С., несомнѣнно первый по значенію въ наукѣ русскій мыслитель, и хотя сущность его заключалась именно въ философіи и религіозной вѣрѣ, былъ въ жизни, въ промежуткахъ между работой, человѣкомъ общительнымъ, оживленнымъ, любившимъ общество и охотно проводившимъ время въ кругу друзей за веселой бесѣдой, въ которую онъ вносилъ свойственный ему юморъ и фантазію. Онъ охотно бывалъ въ дамскомъ обществѣ, велъ съ друзьями обоего пола большую оживленную переписку, въ высшей степени интересную и остроумную, наполняя письма небольшими стихотворными экспромтами, его цѣнили поэтому не только въ «академической» средѣ между профессорами и учеными, но въ разнообразныхъ слояхъ общества. Поэтому у В. С. было много друзей, особенно же знакомыхъ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, но, хотя онъ чаще жилъ въ Петербургѣ, симпатизировалъ онъ больше Московской жизни и часто бывалъ въ Москвѣ. Особенно близкими ему людьми были Москвичи—профессора Л. М. Лопатинъ, С. Н. Трубецкой, В. С. Преображенскій и Гротъ. У В. С. легко было вызвать смѣхъ, а смѣялся онъ очень громко и долго, почти истерично, о чемъ даже предупреждалъ, бывая гдѣ-нибудь въ семейномъ домѣ въ первый разъ.

Въ 1896 г. В. С. читалъ у С. Н. Трубецкого по только что законченной имъ рукописи свои «три разговора»,—произведеніе, въ которомъ онъ полемизируетъ съ Л. Н. Толстымъ, съ которымъ онъ всегда ярко расходился въ воззрѣніяхъ. Мнѣ думается, что это расхожденіе съ Толстымъ зависѣло у обоихъ писателей отъ радикальнаго различія ихъ натуръ; оно образовывалось первоначально скорѣй подъ вліяніемъ чувства, чѣмъ строгой умственной посылки, которая уже являлась потомъ, чтобы подкрѣпить, подыскавъ нужныя положенія, почуствованное. Соловьевъ—мистикъ, вѣрующій поэтъ, испытывавшій явленія «видѣній», слышавшій вокругъ себя необъяснимые звуки, *не могъ* быть единомышленникомъ Толстого-реалиста, отвергающаго все «чудесное», все не принимаемое его разумомъ. Но для меня, въ самой ихъ глубинѣ, оба они были люди одной вѣры, всю свою жизнь отдавшіе исканію истины и служенію добру.

Кромѣ супруговъ Трубецкихъ при чтеніи Соловьевымъ его произведенія присутствовали я и Л. М. Лопатинъ. По окончаніи (кажется чтеніе длилось два вечера) и по поводу его возникли, конечно, пренія, и я—прирожденный Толстовецъ—потщился, было, отстаивать предъ тремя философами взгляды Льва Николаевича; но эта смѣлая попытка очень быстро окончилась совершеннымъ

разгромомъ выдвинутыхъ мною положеній и я, побѣжденный, но не убѣжденный неотразимыми доводами моихъ противниковъ,—они же друзья, замолчалъ.

Послѣднее мое свиданіе съ В. С. состоялось при очень странной обстановкѣ дней за десять съ небольшимъ предъ его кончиной. Это было 15 іюля 1900 года. Я тогда еще состоялъ Предсѣдателемъ Московскаго Окружнаго Суда и оставался, безъ семьи, одинъ въ Москвѣ, въ ожиданіи моего ваканта, начинавшагося 17 іюля. С. Н. Трубецкой лѣто это проводилъ съ семьей въ «Узкомъ»—подмосковномъ имѣніи единокровнаго брата своего П. Н. Трубецкого, который былъ въ то время за границей. Еще наканунѣ я по телефону, имѣющемуся въ «Узкомъ», сговорился съ Трубецкимъ о томъ, что пріѣду къ нему 15-го въ Узкое, отстоящее отъ Москвы верстахъ въ 14, обѣдать часамъ къ пяти.

Вернувшись домой изъ Окружнаго Суда въ третьемъ часу, я замѣтилъ, что въ передней на вѣшалкѣ кромѣ моего пальто виситъ чья-то «разлетайка». На вопросъ мой, кто это у меня, старый и добродушный служитель мой Иванъ невозмутимо отвѣтилъ: «Не знаю, больной какой-то», а на вопросъ, да гдѣ же онъ, объяснилъ,—въ кабинетѣ Вашемъ, лежитъ, конечно». На восклицаніе мое, какъ же это ты пускаешь ко мнѣ въ кабинетъ незнакомыхъ больныхъ, Иванъ ничего не отвѣтилъ, и я отправился въ кабинетъ. Тамъ на широкомъ и низкомъ диванѣ дѣйствительно лежалъ незнакомецъ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ и такъ положивъ голову на принесенную ему Иваномъ съ моей постели подушку, что я лица его не могъ разглядѣть, но замѣтилъ только, что незнакомецъ былъ коротко остриженъ. Я постоялъ надъ нимъ, кашлянулъ, что-то громко сказалъ, но лежавшій человѣкъ молчалъ и не мѣнялъ позы. Я совершенно растерялся, не зная, что надо въ подобныхъ странныхъ случаяхъ дѣлать (не караулъ же кричать!), но въ это время больной обернулся, взглянулъ на меня, и я узналъ въ немъ Владиміра Сергѣевича.

Онъ очень измѣнился, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что онъ остригъ обычно длинные волосы свои, а кромѣ того онъ былъ смертельно блѣденъ. На вопросъ, что съ нимъ, В. С. отвѣтилъ, что сейчасъ чувствуетъ морскую болѣзнь, и что ему надо немного отлежаться, а что завернулъ онъ ко мнѣ, пріѣхавъ нынче изъ Петербурга, такъ какъ въ редакціи журнала «Вопросы философіи и психологіи», ему сказали, что я ѣду нынче къ Трубецкому, куда онъ проситъ и его захватить. Я, конечно, согласился, но В. С. былъ настолько плохъ на видъ, что я усомнился въ возможности везти его въ «Узкое» и отправился на телефонъ,

чтобы спросить у Трубецкого совѣта. С. Н. отвѣтилъ, что если у Соловьева тошнота и головокруженіе, то его можно везти, что такія явленія у него бываютъ нерѣдко, какъ результатъ малокровія мозга. Я предупредилъ Трубецкого, что мы запоздаемъ, и пошелъ къ Соловьеву; онъ продолжалъ лежать, пилъ глотками содовую воду, иногда словно забывался, но черезъ мгновеніе уже болталъ, сообщивъ мнѣ между прочимъ, что получилъ въ редакціи, «Вопросовъ» авансъ, чему чрезвычайно радъ, такъ какъ это компенсируетъ полученную въ день именинъ (15 іюля—празднованіе Св. Владиміра) болѣзнь;—это онъ даже передалъ въ формѣ четверостишія, которое я къ величайшему сожалѣнію не записалъ и забылъ. Время шло, а В. С. просилъ дать ему еще полежать; уже было больше пяти часовъ, и я предложилъ Соловьеву, отложивъ поѣздку въ «Узкое», остаться и переночевать у меня, а къ Трубецкому отправиться завтра. Но онъ ни за что не соглашался отложить до слѣдующаго дня посѣщеніе Трубецкого и наконецъ объявилъ, что такъ какъ я, повидимому, не хочу ѣхать, то онъ отправится одинъ. При этомъ В. С. дѣйствительно всталъ и отправился, плохо стоя на ногахъ отъ слабости, въ переднюю. Оставить его силою у себя я не рѣшился и предпочелъ везти В. С. въ «Узкое». Другихъ кромѣ связки книгъ вещей съ нимъ не было, и остановился ли онъ гдѣ-либо въ Москвѣ, я отъ него добиться не могъ; онъ повторялъ упорно только одно: «я долженъ нынче быть у Трубецкого».

Я нанялъ «лихача» и не безъ труда помогъ В. С. влѣзть въ пролетку, которую пришлось закрыть, такъ какъ начиналъ накрапывать дождь. Когда мы вышли на крыльцо, къ В. С. подбѣжалъ нищій и бросился цѣловать его руки, приговаривая, «ангелъ Владиміръ Сергѣевичъ, именинникъ!» Соловьевъ вынулъ изъ кармана, не глядя, и подалъ нищему какой-то скомканный кредитный билетъ, объяснивъ, что это его собственный нищій, который всегда предчувствуетъ время его пріѣзда въ Москву и, гдѣ бы онъ ни остановился, безошибочно находитъ его.

Этотъ нищій и по-днесь существуетъ, пребывая всего чаще около крыльца дома Л. М. Лопатина или около церкви Покрова въ Левшинѣ; онъ одѣтъ довольно чисто и прежде носилъ фуражку съ краснымъ околышемъ; у него сѣдая борода и онъ нерѣдко бывалъ трезвъ; между нашими общими знакомыми онъ извѣстенъ какъ «Соловьевскій нищій».

Поѣздка наша въ «Узкое» была не только тяжела, но прямо кошмарна; В. С. совсѣмъ ослабѣлъ, и его приходилось держать, а между тѣмъ движеніе пролетки возбудило въ немъ вновь морскую болѣзнь; дождь усилился и мочилъ наши ноги, и стало, благодаря

вѣтру, холодно. Ѣхали мы очень тихо, такъ какъ на шоссе растворилась липкая грязь, и пролетка скользила на бокъ и было уже темно. Въ одномъ мѣстѣ дороги В. С. попросилъ остановиться, чтобы немного отдохнуть, добавивъ «а то пожалуй сейчасъ умру». И это казалось, судя по слабости В. С., совершенно возможнымъ. Но вскорѣ онъ попросилъ ѣхать дальше, сказавъ, что чувствовалъ то самое, что долженъ ощущать воробей, когда его ощипываютъ и прибавилъ, «съ вами этого конечно не могло случиться». Вообще, несмотря на слабость и страданіе, въ промежутки, когда ему дѣлалось лучше, В. С., какъ всегда, острилъ, подшималъ самого себя на смѣхъ и извинялся, что такъ мучаетъ меня своимъ нездоровьемъ.

Пріѣхали мы въ «Узкое» поздно; Соловьевъ былъ такъ слабъ, что его пришлось изъ пролетки вынести на рукахъ. Его тотчасъ же положили въ кабинетѣ на диванъ и онъ, очень довольный, что добрался, все-таки, до Трубецкихъ, просилъ, чтобы ему дали покойно полежать. Трубецкой продолжалъ еще думать, что болѣзненное состояніе В. С.—обычный припадокъ его малокровія мозга, но на слѣдующее же утро выяснилось, что положеніе В. С. гораздо серьезнѣе и тяжелѣе.

Я эту ночь провелъ тоже въ «Узкомъ» и утромъ видѣлся съ В. С., который, хотя продолжалъ лежать, уговаривалъ меня не ѣхать, какъ я собирался, на другой же день къ себѣ въ деревню, а подождать немного, пока онъ поправится, и отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ нашимъ общимъ друзьямъ Мартыновымъ. Трубецкому В. С. передалъ, что этою ночью онъ видѣлъ во снѣ, но совершенно явственно, Лихунчана, который на древне-греческомъ языкѣ сказалъ ему, что онъ вскорѣ умретъ. Соловьевъ въ это утро не былъ въ забытьи, онъ даже весело острилъ, но память ему уже измѣняла и онъ, напримѣръ, не могъ вспомнить, гдѣ онъ, пріѣхавъ въ Москву, оставилъ свои вещи, оказавшіяся потомъ въ «Славянскомъ базарѣ». Мнѣ въ это же утро надо было вернуться въ Москву чтобы въ Судѣ сдать должность моему замѣстителю на время лѣтняго ваканта, и я уѣхалъ изъ «Узкаго», не дождавшись явки врача, за которымъ послали Трубецкіе. Провожая меня, Прасковья Владиміровна Трубецкая сказала, что она увѣрена, вопреки мнѣнію С. Н., что Соловьевъ не поправится; при этомъ она вспомнила, что какъ-то разставаясь съ В. С., она сказала ему «прощайте», но онъ поправилъ ее, сказавъ «пока до свиданія, а не прощайте. Мы навѣрное еще увидимся, я передъ смертью пріѣду къ Вамъ». Несознаваемымъ предчувствіемъ В. С. смерти она объясняла такое упорное стремленіе его добраться къ Трубецкимъ ибо ни экстреннаго, ни простого дѣла у него въ то время къ С. Н. не было.

Оставивъ «Узкое», я былъ вынужденъ по своимъ дѣламъ на слѣдующій же день уѣхать въ деревню, но успѣлъ узнать отъ Трубецкихъ, что, врачъ нашелъ положеніе В. С. очень тяжелымъ и опаснымъ, а болѣзнь его даже затруднялся опредѣлить, такъ какъ, казалось, всѣ жизненные органы Соловьева находятся въ очень плохомъ состояніи; но наиболѣе рельефно опредѣлялась болѣзнь почекъ. Какъ извѣстно В. С., проболѣвъ въ «Узкомъ» у Трубецкихъ дней 14, скончался тамъ, при чемъ почти все время находился въ состояніи забытья и галлюцинировалъ.

Н. Давыдовъ.

Театръ и зрители.

IV. Наступленіе реализма[1]).

Новое царствованіе, новыя вѣянія, общественное «пробужденіе» застали театръ готовымъ къ принятію на себя роли обличителя, нравоучителя, если надо, полемиста. Въ новыхъ условіяхъ жизни зритель искалъ возбужденія не отъ одного изображенія быта, среды, мрачныхъ условій русской жизни. Ему нужны были пылкія тирады, нравоучительныя, имѣющія приложеніе къ дѣйствительности, сентенціи, громы обличенія, сокрушительные монологи. «Надо крикнуть на всю Россію», восклицалъ одинъ изъ персонажей внезапно прославившейся пьесы, и театральная публика рукоплескала «крику», готовая обличать, карать старое и воздвигать новое.

Вокругъ праздновалось какое-то возрожденіе. Были удивленные: да неужели возможно обойтись безъ прежнихъ стѣсненій? Были принимавшіе новую эру, какъ должное. Съ изумленіемъ и радостной недовѣрчивостью отнеслись къ новизнѣ «Отечественныя Записки»; какъ въ свою отвоеванную страну входилъ съ полнымъ правомъ «Современникъ»; ничего не принимала «Библіотека для чтенія»; недоумѣвалъ, но одобрялъ «Москвитянинъ». Даже Никитенко, даже угрюмый и мрачный Никитенко, готовъ былъ отказаться отъ обычнаго своего недовѣрія. «Въ обществѣ начинаетъ прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей, заноситъ онъ въ свой дневникъ въ октябрѣ 1855 г.—Но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться. Все, что до сихъ поръ являлось у насъ хорошаго или дурного,—все являлось не по свободному, самобытному движенію общественнаго духа, а по указанію и по волѣ высшей власти... Многіе у насъ теперь даже начинаютъ толковать о законности и гласности, о замѣнѣ бюрократіи въ администраціи болѣе правильнымъ отправленіемъ дѣлъ. Лишь бы все это не испарилось въ словахъ!.. Теперь намъ предстоитъ собрать всѣ свои силы и дружно ихъ сосредоточить на благія дѣла».

Какъ будто всѣ сошлись въ однихъ ожиданіяхъ, сужденіяхъ,

---

[1]) См. «Голосъ Минувшаго» №№ 10—11.

приготовленіяхъ къ дѣлу. «Наше время имѣетъ свой отличительный, благотворный характеръ. Если характеръ этотъ не успѣлъ еще ярко выразиться въ фактахъ, то главныя черты его—жаръ дѣятельности, стремленіе къ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ, отклоненіе отъ рутины слышатся и чувствуются въ очень многомъ... Дай Богъ, чтобъ стремленіе общества, выражаясь въ благотворныхъ для отечества событіяхъ, жило долго, росло и развивалось подъ свѣтомъ милостей народолюбиваго Государя,—и народъ-богатырь возстанетъ во всей своей силѣ и могуществѣ». («От. Зап.» 1856, №11). Но и факты общественной дѣятельности уже были налицо, и народолюбіе сказывалось не въ однихъ словахъ: тѣ же «Отеч. Зап.» съ сочувствіемъ цитировали уставъ народной школы, учрежденной ревнующимъ о просвѣщеніи помѣщикомъ Веревкинымъ. Курсъ ученія, установленный Веревкинымъ, трехгодичный; производятся экзамены: «Прилежнымъ выдаются награды; невыдержавшимъ же испытанія не позволяютъ ни жениться ни выходить замужъ». Можно ли было помѣщику болѣе ярко показать свою любовь къ просвѣщенію?!

Рѣчи о человѣческомъ достоинствѣ, о вредѣ взяточничества слышались изъ офиціальныхъ устъ. «Морской сборникъ» и артиллерійскій журналъ писали «о частной и служебной жизни артиллерійскихъ офицеровъ». Выше всего офиціальные органы ставили способность «любить правду, честь ближняго, не посягать на чужое достояніе... Надобно, чтобъ общественное мнѣніе громило, поражало порокъ взяточничества, чтобъ блестящія гостиныя не удивляли толпу, не дающую себѣ даже труда спросить самое себя, на чье достояніе такъ пируютъ въ этой раззолоченной гостиной»... Такія рѣчи послѣ былого запрещенія говорить о событіяхъ на Западѣ не могли не показаться невѣроятными. «Военный сборникъ» говорилъ о необходимости человѣческаго отношенія къ солдату, о нравственномъ вліяніи, о «солдатокрадствѣ», т.-е. обкрадываніи солдатъ и т. п. Въ приказѣ командующаго гвардейскимъ корпусомъ, отданномъ по случаю маневровъ, можно было читать такія слова: «Замѣчанія свои начальникъ отнюдь не долженъ облекать въ форму выговора; онъ долженъ высказывать ихъ въ видѣ поясненій и наставленій, которыми офицеръ могъ бы воспользоваться... Лучше допустить невольную ошибку одного или двухъ офицеровъ, нежели всѣхъ ихъ сковать опасеніемъ сдѣлать что-либо безъ приказанія и обратить чрезъ то въ машины, служащія лишь къ передачѣ приказаній старшаго»...

Если офиціальные органы и офиціальные лица говорили такимъ языкомъ, то о восторженныхъ порывахъ журналистики нечего и говорить. Нельзя передать всего того, что говорилось

о взяточничествѣ. Если бы слова могли обладать правомъ повторяться только опредѣленное, хотя бы и очень большое, число разъ, то слово «взятка» навсегда исчезло бы изъ нашего словаря,— до такой степени бурно клокотала пѣна негодованія противъ берущихъ взятки, до такой степени часто ненавистное слово повторялось публицистами. Чиновникъ, такъ давно владѣвшій обывателемъ, попалъ на скамью подсудимыхъ, былъ осужденъ, приговоренъ, раздавленъ... въ теоріи. Конечно, въ теоріи: практика продолжалась почти безъ измѣненій, хотя газеты и журналы продолжали обличать «одного чиновника», живущаго «въ одномъ городѣ» и дозволившаго себѣ «одинъ возмутительный поступокъ».

Въ качествѣ подсудимаго чиновникъ попалъ и въ театръ,— и первое произведеніе, заставившее много говорить о себѣ, создавшее цѣлую критическую и театральную литературу, такъ и называлось «Чиновникъ». Графъ Сологубъ, авторъ произведенія, осудилъ взяточничество устами добродѣтельнаго чиновника Надимова. Состоятельный человѣкъ, Надимовъ поступилъ на службу изъ желанія привить въ средѣ чиновничества добрые нравы и благородное отношеніе къ обязанностямъ. Въ качествѣ слѣдователя онъ пріѣхалъ въ имѣніе графини для разбора тяжбы между ней и недобросовѣстнымъ сутягой Дробинкинымъ. Ему предложили взятку, онъ гордо отвергъ и произнесъ противъ взяточничества горячій монологъ: «Они-то (взяточники) и распространили между нами какое-то странное начало равнодушной безнравственности... Намъ надо... исправиться, надо крикнуть на всю Россію, что пришла пора,—и дѣйствительно она пришла,—искоренить зло съ корнями! Теперь словами не поможешь, надо дѣйствовать... и лучшее порицаніе дурному—примѣръ хорошаго; надо, чтобы каждый изъ насъ, кто дорожитъ честью своего края, пожертвовалъ собой и, не гнушаясь мелкихъ должностей, въ себѣ показывалъ бы другимъ образецъ... Начало положено; теперь каждый честный человѣкъ уже оттѣсняетъ собой взяточника... Тотъ, кто служитъ по совѣсти, уже вознагражденъ сознаніемъ, что онъ ведетъ насъ къ исправленію»... Благородство Надимова не терпитъ искушеній; онъ богатъ и свободно можетъ дать 10 тыс. рублей своему сопернику по стремленію къ рукѣ графини, чтобы избавить его отъ послѣдствій растраты. Въ очень старыхъ пьесахъ добродѣтель торжествуетъ полностью; торжествуетъ она и у Сологуба: Надимовъ вознаграждается за свои чиновничьи доблести не только уваженіемъ зрителя, но и рукой графини, и ея любовью. Сердце зрителя открывается ему безраздѣльно; онъ—герой дня, существо возвышенное, жертвующее собой для отечества, для общества, во имя гражданскаго долга.

Напрасно рецензенты говорятъ, что легко быть честнымъ, и не брать взятокъ, когда можешь бросать по 10 тысячъ рублей въ подарокъ мало знакомымъ людямъ, но это не замѣчается зрителями: такъ давно не видалъ онъ на сценѣ истинно благородныхъ людей, героевъ дѣйствительной жизни. Напрасно Н. Павловъ въ блестящей статьѣ доказываетъ всю поверхностность и комизмъ рѣчей и дѣйствій Надимова,—зритель не замѣчаетъ: чтобы видѣть смѣшную сторону благороднаго пустомельства нужно время и спокойствіе,—аплодирующему зрителю нѣтъ времени и не можетъ онъ справиться съ волненіемъ. Павловъ пользуется «Чиновникомъ» какъ темой для ознакомленія читателей съ элементарнымъ курсомъ гражданскихъ добродѣтелей. Онъ обращается къ Надимову, какъ къ живому лицу, какъ къ собесѣднику противоположныхъ воззрѣній, и говоритъ: «Вы какъ-то странно понимаете дѣло. Вы требуете, чтобы каждый жертвовалъ собой; но развѣ правильный ходъ государственной жизни нуждается въ жертвахъ? Развѣ она въ нихъ должна искать опору себѣ?.. Государственная жизнь имѣетъ цѣлью не то, чтобы каждый жертвовалъ собой, а наоборотъ удовлетвореніе потребностей каждаго какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ». Павловъ понимаетъ не только интересы государства, но и интересы личности; онъ какъ бы приглашаетъ читателей воспринять ученіе о томъ, что общество состоитъ изъ конкретныхъ личностей, для блага которыхъ все должно быть направлено. Но общій восторгъ, борясь съ злоупотребленіями, побуждаетъ кричать: общество, государство, законъ. И даже самъ Павловъ вдругъ забываетъ интересы «каждаго» въ гражданскомъ общежитіи и протестуетъ, когда Надимовъ въ интересахъ общества, государства, закона, долга, говоритъ: «для меня», «я убѣдился»... Павловъ недоволенъ: «Надо смирять буйство всегда ограниченной личности,—этого требуютъ и законы разума и приличія образованныхъ обществъ» («Русскій Вѣстникъ» 1856 г. №№ 11—14).

Конечно, Павловъ правъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ героемъ Сологуба; конечно, въ отвѣтъ на пустыя вскрикиванія пустого говоруна, онъ прочиталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» блестящую лекцію о гражданскомъ долгѣ и доказалъ, что между взяточникомъ и Надимовымъ нѣтъ большой разницы («взятки—произволъ», Надимовъ «всѣмъ составомъ своего существа» вноситъ произволъ). Все это вѣрно для насъ, теперь читающихъ статью Павлова; все это, можетъ быть, было вѣрно и для тогдашнихъ читателей его статьи, но совершенно ненужно и непонятно для зрителей, внимавшихъ словамъ Надимова въ теченіе первыхъ представленій пьесы. Для нихъ борьба съ прежнимъ темнымъ духомъ чиновни-

чества была геройствомъ, жертвой, подвигомъ. Казалось, что дѣйствительно надо было крикнуть на всю Россію протестъ противъ прежняго, и этому крику они обрадовались, ради него аплодировали автору, аплодировали актерамъ, не замѣчали явныхъ несообразностей и пустоты сологубовскаго произведенія. А потомъ, когда появилась статья Павлова, они, можетъ быть, съ удивленіемъ раскрыли глаза на дѣйствительную сущность громко говорящаго героя, но дѣло уже было сдѣлано: Надимовъ «крикнулъ на всю Россію». Пусть послѣ этого онъ охрипъ,—его крикъ былъ услышанъ зрителями и новыми авторами.

Гражданскіе выпады пьесы до такой степени отвѣчали всему духу обновленія, что они нашли сочувствіе не въ одномъ Александринскомъ театрѣ. «На прошедшей недѣлѣ,—писалъ 29 февраля 1856 г. Никитенко,—государь былъ на домашнемъ спектаклѣ у великой княгини Маріи Николаевны. Давали, между прочимъ, пьесу гр. Сологуба «Чиновникъ». Въ ней сказано очень много смѣлыхъ вещей о безнравственности, т.-е. о воровствѣ нашихъ властей. По окончаніи спектакля государь, встрѣтивъ Плетнева сказалъ ему:

— Не правда ли, пьеса очень хороша?

— Она не только хороша, ваше величество,—отвѣчалъ Плетневъ,—но составляетъ эру въ нашей литературѣ. Въ ней говорится о состояніи нашихъ общественныхъ нравовъ то, чего прежде нельзя было и подумать, не только сказать во всеуслышаніе.

— А давно бы пора говорить это,—замѣтилъ государь».

Сологубъ дѣлаетъ первый шагъ. Тотчасъ же начинается соревнованіе драматурговъ въ изображеніи взяточниковъ на сценѣ. Пишутъ мужчины, пишутъ женщины; даже Островскій создаетъ «Доходное мѣсто», которое, по цензурнымъ условіямъ, можетъ быть представлено на сценѣ уже нѣсколько позднѣе,—признакъ того, что не все обстоитъ благополучно даже въ эти годы надеждъ и нетронутой вѣры въ искренность преобразованій. Женское творчество создаетъ для взяточниковъ прежнюю чувствительную обстановку съ раскаяніями, самопожертвованіями, смертями. Въ драмѣ «Честность» Аделаида Павловна Заворская внезапно узнаетъ, что роскошь, украшающая ее—результатъ взяточничества ея мужа. «Такъ весь этотъ блескъ, всѣ эти бронзы, эти наряды, все — краденое, чужое. И каждый имѣетъ право указать на меня, какъ на участницу воровства, а на моего сына, какъ на сына безчестнаго человѣка». Несчастной женщинѣ совѣтуютъ бросить мужа, но она предпочитаетъ спасти его отъ дурныхъ дѣяній. Подъ ея вліяніемъ мужъ оставляетъ взяточничество, но

попадаетъ подъ судъ и приговаривается къ арестантскимъ ротамъ. Жена самоотверженно слѣдуетъ за нимъ; грустная исторія кончается внезапной смертью мужа отъ аневризмы.

Любопытна роль театральной критики въ разборѣ такихъ пьесъ: главное вниманіе обращено не на характеры, но на «математическую» близость къ дѣйствительности изображаемаго положенія. Критика находитъ въ пьесѣ несоотвѣтствіе съ дѣйствительной ролью женщины въ дѣлѣ взяточничества... «Въ настоящее время, когда брошено уже нѣсколько камней въ неправедное стяжаніе, — осторожно пишетъ критикъ «Отеч. Зап.», — авторъ хотѣлъ бросить въ него еще новый рукою женщины. Онъ хотѣлъ сказать, что женщина умная, съ сердцемъ честнымъ и благороднымъ пренебрегаетъ безчестно нажитыми деньгами,—и несчастіе, и бѣдность не ослабятъ ея любви и преданности къ мужу»... Критикъ утверждаетъ, что подобныя женщины необыкновенно рѣдки; напротивъ, роскошь женщинъ— вотъ частая причина взяточничества мужей. «Не одна зрительница, безъ сомнѣнія, съ наслажденіемъ слѣдила за этой женщиной съ сердцемъ благороднымъ и любящимъ, но, вѣрно, ни одна, видя страданія Заворской, не сниметъ бриліантовъ, какими бы средствами ни были пріобрѣтены эти драгоцѣнности». Какъ бы прочитавъ заранѣе «Доходное мѣсто», рецензентъ говоритъ о большей правдоподобности пьесы, въ которой жена своей безумной роскошью толкала бы честнаго мужа на путь взяточничества.

Театръ не останавливался на обличеніяхъ,—онъ полемизировалъ. Пьеса Сологуба вошла занозой въ сердце мелкихъ чиновниковъ, увидѣвшихъ себя обвиненными и опозоренными благородствомъ Надимова. Вѣдь они составляли значительную часть театральной публики, въ особенности въ Александринскомъ театрѣ; вѣдь они могли способствовать успѣху или провалу пьесъ, а тутъ, пораженные и обиженные, должны были выслушивать грозныя обвиненія и молчать, не видя къ себѣ сочувствія другихъ зрителей. Большіе корабли, которымъ предоставлялось и большое плаваніе среди огромнаго моря крупныхъ взятокъ, не имѣли своего прокурора, а они, маленькіе, пробавляющіеся ничтожными доброхотными даяніями, поражались громами краснорѣчивыхъ рѣчей сологубовскаго героя. Они искали защитника, къ нему взывали, его ждали. И онъ явился..

Съ возраженіемъ «Чиновнику» Сологуба вышелъ на сцену «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» Львова. Театръ вступилъ въ область полемики. Трехактная комедія развѣнчивала Надимова. Онъ говорилъ хорошо, но послѣдователи его поступали скверно. Лисицкій, чиновникъ надимовскаго типа въ комедіи

Львова, въ разговорѣ съ просителемъ, умолявшемъ «оправить» его, восклицалъ: «Двѣнадцать лѣтъ служу я въ Петербургѣ и все въ одномъ мѣстѣ; проживаю ежегодно отъ 20 до 30 тысячъ; разстраиваю, можетъ быть, свое имѣніе и для чего-жъ я всѣмъ этимъ жертвую, какъ не для того, чтобы быть дѣйствительно полезнымъ членомъ обществу, а не сидѣть сложа руки въ глуши какой-нибудь... Отечество нуждается въ людяхъ безкорыстныхъ... Благодаря Бога, у насъ вы теперь не услышите даже слова «благодарность»... Но все это краснорѣчіе новаго Надимова не препятствуетъ ему брать взаймы деньги у посѣтителей. Истиннымъ героемъ является мелкій, бѣдный, но честный чиновникъ, Волковъ, который такъ аттестуетъ свою фамилію: «Отецъ мой оставилъ по себѣ добрую память, а мнѣ честное имя». Въ противоположность Надимову, который какъ бы самъ вызывалъ просителей предлагать ему деньги, а потомъ за предложеніе начиналъ сердиться и поражать краснорѣчіемъ, благородный Волковъ сначала не сердится на предложеніе украсть «дѣло» и получить за кражу соотвѣтственную мзду. Онъ лишь не можетъ перенести оскорбленія памяти отца, обнаруживая при этомъ силу истинно надимовскаго негодованія. За что сердиться?—грустно спрашиваетъ онъ: «Мы всѣ такъ перемараны, что самимъ показаться въ люди совѣстно... Но, господинъ Иванчиковъ, вы сказали давеча, что знавали отца моего, и пришли къ его сыну, какъ къ мошеннику... (*схватываетъ стулъ*) Вонъ отсюда, гадина! или я (*задыхаясь*) раздавлю тебя»...

Ясно, что бѣдный чиновникъ можетъ быть не менѣе благороденъ, чѣмъ состоятельный Надимовъ. Жена Волкова, оставаясь одна, признается: «Я—слабая женщина, но я не была бы минуту покойна, если бъ знала, что мужъ мой нечестнымъ путемъ пріобрѣтаетъ тѣ средства, которыми мы существуемъ... Я страдаю, одинъ Богъ видитъ какъ, но горжусь моей нищетой»... А самъ Волковъ такъ объясняетъ драму своей жизни, драму жизни всего бѣднаго, но честнаго чиновничества: «Я—бѣдный чиновникъ, не больше. А знаете ли вы (*забываясь, обращается къ публикѣ*), какая ужасная, потрясающая душу всю драма заключается въ двухъ этихъ ничтожныхъ словахъ. Бездомный скиталецъ, труженикъ вѣчный, бѣдный чиновникъ не смѣетъ разсчитывать даже на чье-нибудь состраданіе. Кровопійца, грабитель! вотъ тѣ понятія, которыя такъ часто родятся у васъ при мысли о бѣдномъ чиновникѣ».

Это уже не театръ, а собраніе, не монологъ актера, а рѣчь оратора. Могъ ли бѣдный чиновничій зритель равнодушно слушать его слова? Онъ былъ имъ защищенъ отъ обвиненій, оправданъ, даже возведенъ на пьедесталъ. И, сидя гдѣ-нибудь вверху, въ

ложѣ или въ галлереѣ, онъ съ благодарностью хлопалъ артисту, произносившему чудныя реабилитирующія слова; онъ вызывалъ автора; онъ кричалъ ему: «спасибо! спасибо!»—«крики, вѣроятно, впервые раздающіеся въ русскомъ театрѣ»,—задумчиво резонировалъ свидѣтель необыкновенныхъ благодарностей, несшихся по адресу Львова. «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» имѣлъ необыкновенный, «колоссальный» успѣхъ. Вѣроятно, его пересмотрѣло все чиновничество столицы; по крайней мѣрѣ въ теченіе многихъ представленій театръ былъ наполненъ «сверху донизу» и билеты, какъ свидѣтельствуютъ современники, доставались съ большимъ трудомъ.

Успѣхъ не могъ не окрылить счастливаго автора «Свѣта». Онъ продолжалъ изслѣдованіе въ той же области добродѣтельнаго чиновничества и вскорѣ создалъ новую комедію, которая не имѣла такого огромнаго отклика въ чиновнической части зрителей, но которая, какъ постановка опредѣленныхъ рѣзко выраженныхъ «служебныхъ» тезисовъ, далеко оставила за собой первую пьесу. «Не мѣсто краситъ человѣка,—человѣкъ мѣсто», называлась она въ печати, «Предубѣжденіе»—на сценѣ. Андрей Николаевичъ Фроловъ (въ ремаркѣ авторъ пояснялъ: «горячая голова и открытая душа») оканчиваетъ курсъ университета со степенью кандидата, но безъ средствъ. Онъ усиленно подчеркиваетъ, что денегъ у него нѣтъ и что эскапады, à la Надимовъ, не для него. Онъ поступаетъ на службу и выбираетъ для этого должность... станового пристава. Само собой разумѣется, что это возбуждаетъ протестъ всѣхъ, кто его знаетъ и ему сочувствуетъ. Свой выборъ Фроловъ объясняетъ такъ: «Здѣсь я не стѣсненъ требованіями свѣта; въ трудахъ съ утра до ночи, я не нуждаюсь ни въ какихъ украшеніяхъ для моей личности: вотъ этотъ сюртукъ замѣняетъ мнѣ все; мнѣ здѣсь ввѣрены жизнь и спокойствіе 30-ти тысячъ человѣкъ; я могу быть имъ полезенъ; мнѣ дана власть защитить обиженнаго, вредать правосудію виноватаго, водворить миръ въ семействѣ,—потъ для чего я пошелъ въ эту должность»... Продолжая полемику съ «Чиновникомъ» Соллогуба, начатую въ прошлой пьесѣ, Фроловъ вполнѣ основательно утверждаетъ: «Съ состояніемъ люди не пойдутъ въ подобныя должности. Разсказывать они могутъ о пользѣ, которой государство должно отъ нихъ ждать, а пойти не пойдутъ»... На свою бѣду идеальный становой приставъ любитъ дочь генерала Славомірскаго, Наденьку; любитъ и она. Объ этой любви Фроловъ, а вмѣстѣ съ нимъ и зритель, узнаетъ послѣ слѣдующаго объясненія, вызваннаго предложеніемъ Наденьки оставить службу.

Фроловъ (строго): Надежда Александровна, я васъ люблю больше жизни. Годъ цѣлый я васъ не видалъ, и не было мгновенія, въ которое бы я о васъ не думалъ. Для васъ я готовъ десять разъ умереть, но на-

рушить долгъ службы, никогда! никогда! (*Наденька стоитъ въ раздумьѣ*). Позвольте мнѣ итти къ моимъ обязанностямъ... Имѣю честь кланяться.

Наденька (*бросается къ нему*): О, я уважаю васъ и люблю!

Фроловъ (*въ восторгѣ бросается на колѣна*): О, Наденька! Наденька! сколько счастья!

Однако, хорошо говорить «счастье»,—надо его добиться: вѣдь генералъ живъ и ни за что не хочетъ имѣть зятемъ станового пристава. Онъ сперва третируетъ Фролова, какъ обыкновеннаго станового, заставляетъ его стоять въ своемъ присутствіи, говоритъ ему «ты», но потомъ, по разнымъ причинамъ, смягчается (вѣдь Фроловъ, какъ и можно было предвидѣть, сынъ стараго друга генерала), даже согласенъ на бракъ съ дочерью, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Фроловъ оставилъ мѣсто станового: «Откажитесь отъ мѣста»,—настаиваетъ генералъ.

Фроловъ: Кто рѣшился разъ посвятить себя на общую пользу, тотъ долженъ быть готовъ на всякую жертву.—*Славомірскій:* И это ваше послѣднее слово?—*Фроловъ:* Послѣднее, генералъ.—*Славомірскій* (*гордо*): Ступайте.—*Фроловъ:* Генералъ...—*Славомірскій:* Ступайте! ступайте! ступайте!—*Фроловъ* (*вздыхая*): Богъ вамъ судья, генералъ. (*Почтительно кланяется и уходитъ въ дверь направо*).

И до такой степени это все гордо и благородно, что, кажется, дверь, въ которую выходитъ Фроловъ, должна носить слѣды почтительнаго негодованія и благородной горделивости. Побѣда, понятно, остается за Фроловымъ; его гражданскія побужденія сламливаютъ даже непреклонность генерала.

Чиновникъ благородный, чиновникъ загнанный общественнымъ мнѣніемъ, чиновникъ-взяточникъ, чиновникъ, строющій благосостояніе на несчастіи другихъ, чиновникъ реабилитированный, чиновникъ-карьеристъ, покрывающій дурныя дѣянія мишурой громкихъ словъ,—все изслѣдовалъ театръ того времени. Разбору «Мишуры», занимавшейся чиновникомъ послѣдняго типа, даже Добролюбовъ посвятилъ цѣлую статью. Такъ страстно, такъ отзывчиво схватились драматурги за чиновника, что черезъ два года послѣ пьесы Соллогуба критика стала просить пощады: «Насъ одолѣла чиновничья литература,—писали «От.Зап.» по поводу «Мишуры»,—всему есть время: то, что хорошо сначала по новизнѣ и смѣлости выраженія, скоро старѣетъ, если въ немъ не заключена мысль, слишкомъ глубокая, или если на немъ не лежитъ печать художественнаго творчества... Пора вспомнить, что есть у насъ болѣе животрепещущіе, современные, общечеловѣческіе интересы»... И даже «Мишуру» журналъ хвалилъ за осудительное отношеніе къ выкрикамъ о честности. Въ два года крики успѣли оглушить, и зритель усталъ ихъ воспринимать; такъ быстро въ эти годы проносились надъ театромъ вѣянія обличеній, раскрыванія азбучныхъ истинъ, благородныхъ лозунговъ.

крикливыхъ увѣреній!.. «На сценѣ свирѣпствовали пьесы съ честнымъ направленіемъ»,—вспоминаетъ эти годы г-жаШубертъ;—«не помню, кто-то, кажется, Дружининъ сказалъ: Теперь вотъ какъ нужно писать пьесы. Благородный отецъ (Григорьевъ), дочь, кисейная барышня (Шубертъ), ея женихъ (Максимовъ) и губернская сплетница (Линская). Мы влюблены, мы счастливы, скоро свадьба. Вдругъ узнается, что женихъ взялъ взятку. Отецъ въ гнѣвѣ, дочь въ отчаяніи; свадьбѣ не бывать. Драматическое положеніе: женихъ въ недоумѣніи,—онъ взятокъ не беретъ, онъ честенъ, и... о радость! Все напутала сплетница Линская: онъ взялъ лишнюю взятку въ преферансъ. Все кончается благополучно»...

7.

Рядомъ съ чиновникомъ на сцену вышелъ мужикъ. Появлялся онъ на ней и въ очень давнія времена или для благородной поддержки патріотическихъ пьесъ, или для демонстрированія своей любви къ помѣщику, или, наконецъ, какъ объектъ насмѣшекъ въ видѣ какого-нибудь Филатки или Мирошки. Какъ человѣкъ, самостоятельно переживающій какія-то скорби и болѣсти, какъ субъектъ, интересный самъ по себѣ, онъ появился на сценѣ и занялъ на ней довольно прочное мѣсто лишь съ водвореніемъ тамъ бытового репертуара. И, конечно, его пожелалъ видѣть на сценѣ не товарищъ по несчастію, не мужикъ. Само собой разумѣется, что «нагольный полушубокъ» составлялъ лишь незначительную часть посѣтителей райка и оказывать замѣтнаго вліянія на репертуаръ не могъ; а если бы и вліялъ, то въ противоположномъ направленіи, едва ли находя интересъ въ тѣхъ иллюстраціяхъ деревенскихъ настроеній, которыя давалъ, напримѣръ, А. Потѣхинъ для сцены. Деревенскаго обывателя потребовала та же публика, которая хотѣла и купца и чиновника: она думала найти въ немъ новый поводъ для волненія, нѣчто неиспытанное, своеобразно размягчающее и своеобразно волнующее. Въ моментъ, когда зрители желали пересматривать всю дѣйствительность, нельзя было обойти и деревенскаго жителя.

Само собой разумѣется, что онъ явился въ образѣ идеализированномъ и прекрасномъ. Онъ сталъ фигурировать въ произведеніяхъ Потѣхина чуть ли не съ первыхъ шаговъ автора на литературномъ поприщѣ; онъ продолжалъ занимать его въ теченіе многихъ лѣтъ, появляясь то въ исключительной кампаніи своихъ односельчанъ (напр.: «Судъ людской—не Божій»), то вмѣстѣ съ представителями другихъ сословій (напр. «Шуба овечья—душа человѣчья», «Отрѣзанный ломоть», «Молодые побѣги»). Соотвѣт-

ственно съ тѣмъ, какое положеніе въ обществѣ занималъ вопросъ о крестьянской массѣ, произведенія Потѣхина то изображали идеальное, чувствительное сердце крестьянина, то говорили о признаніи въ немъ человѣка со стороны благородныхъ представителей другихъ сословій, то указывали на элементы разложенія и порчи, проникавшіе въ деревню вмѣстѣ съ городской цивилизаціей.

Въ началѣ эпохи было только благородство, только чистота и невинность. Первымъ драматическимъ опытомъ автора (по крайней мѣрѣ первымъ, увидѣвшимъ подмостки) была четырехактная драма «Судъ людской—не Божій». Кажется, это произведеніе, даже если не знать ничего объ эпохѣ, можетъ одно дать понятіе о зрителѣ, значительно отставшемъ въ данномъ вопросѣ отъ читателя и въ особенности отъ «знатока». Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ читатели стали сочувствовать мужику, какъ знакомились съ нимъ изъ разсказовъ Тургенева, изъ чувствительныхъ ламентацій Григоровича. Григоровичъ, который сначала даже предпочитался Тургеневу, успѣлъ къ этому времени нѣсколько утомить читателей. Въ литературныхъ кругахъ уже поднимались жалобы. «Бѣдный мужичокъ, бѣдная старушка, бѣдный мальчикъ, бѣдная дѣвочка, бѣдная лошадка, бѣдный песъ, бѣдная избушка, продранные лаптишки», такъ представляли въ 1852 г. Григоровича «Отеч. Записки». «Всего досаднѣе то, что они плачутъ или говорятъ такъ, какъ будто плачутъ. Плачетъ и мужичокъ, мычитъ и коровка, стонетъ и песикъ, груститъ и березка, скрипитъ и сосенка... Основать разсказъ на томъ, что старуха плакала, идя подъ гору, плакала старуха, идя на гору, плакала старуха, сидя на перевозѣ,—воля ваша, а, наконецъ, эта старуха надоѣдаетъ вамъ»... Но такъ цѣнила литературная компанія: уже близко было для нея появленіе Николаевъ Успенскихъ и Слѣпцовыхъ съ ихъ «голой правдой» о народѣ. Зрители же хотѣли волноваться «дѣйствительностью», чувствовать слезы деревенской жизни; а какъ вызвать чувствительность въ зрителѣ, только что перешедшемъ отъ романтизма къ реализму, не возбудивъ въ немъ исключительныхъ сожалѣній, не показавъ ему продолжительныхъ слезъ? Какъ бы ни былъ склоненъ къ «дагеротипной» дѣйствительности зритель, но мужику онъ могъ сочувствовать только идеальному, понималъ и принималъ его только добродѣтельнымъ. Онъ охотно спорилъ о правѣ купца на сочувствіе или на порицаніе, могъ негодовать на взяточничество чиновниковъ, могъ смѣяться вмѣстѣ съ Тургеневымъ надъ дворянами, собравшимися у предводителя на завтракъ; все это были свои городскіе, ежедневно встрѣчаемые люди. Но мужикъ былъ гость и «въ салонахъ рус-

ской беллетристики», и на сценѣ. Сочувствіе къ нему особенно поддерживалось полнымъ незнакомствомъ съ нимъ.

У Потѣхина сочувствіе крестьянину превратилось въ идеализированіе его. Три главныхъ лица дѣйствуютъ въ драмѣ «Судъ людской—не Божій»; всѣ три благородны, всѣ съ чуткой совѣстью, съ твердыми убѣжденіями, съ сознаніемъ долга. Каждое изъ трехъ лицъ прегрѣшаетъ съ своей точки зрѣнія передъ собственнымъ нравственнымъ судомъ и каждое стремится искупить прегрѣшенія тяжелымъ подвигомъ, требующимъ на всю жизнь служенія Богу и отреченія отъ личнаго счастья. Молодая крестьянская дѣвушка Матрена и молодой парень Ваня, полюбивъ, забыли, что они еще не вѣнчаны. Отецъ, узнавъ объ этомъ, разсердился и почти проклялъ дочь. И хотя Ваня и Матрена продолжаютъ любить другъ друга и съ большой радостью готовы покрыть грѣхъ свой бракомъ, и хотя отецъ раскаивается въ томъ страшномъ проклятіи, которое онъ чуть было не произнесъ надъ дочерью и хотя онъ также былъ бы радъ свадьбѣ дочери съ ея возлюбленнымъ, но чуткая совѣсть всѣхъ троихъ подсказываетъ имъ, что только страданіемъ, пожизненнымъ отреченіемъ отъ личнаго счастья, тяжкимъ подвигомъ могутъ они искупить свои прегрѣшенія. Всѣ трое порознь идутъ на богомолье. Странная случайность приводитъ ихъ всѣхъ въ одну и ту же избу, гдѣ, узнавъ другъ друга и покаявшись въ грѣхахъ, они рѣшаются опутать себя веригами на всю жизнь. Матрена, несмотря на просьбы отца, отрекается отъ брака съ любимымъ человѣкомъ и посвящаетъ себя на служеніе Богу. Ея возлюбленный, узнавъ объ этомъ, сначала приходитъ въ отчаяніе: «Такъ вырвите изъ меня мое сердце, растопчите вы его ногами, растерзайте вы меня по кускамъ, разнесите тѣло бѣлое!» Но жажда подвига охватываетъ и его. Онъ хочетъ «послужить Богу, послужить царю-батюшкѣ, матушкѣ Россіи православной... На самого ворога хочу итти я, своей мочью хочу помѣриться. Ухъ, просторно мнѣ одному, разгуляется моя душа, взыграется ретивое сердце!» Отецъ также обрекаетъ себя на постоянное страданіе и укоры совѣсти. Въ той же избѣ присутствуетъ случайно помѣщикъ Скрипуновъ. Полный дворянской спеси, онъ сначала смѣется надъ смиренными представителями крестьянскаго благородства, но величіе идеальной души захватываетъ даже его невозвышенную душу и, утирая слезы, онъ восклицаетъ: «Трогательная исторія! Именно наши крестьяне! Удивительный народъ! Съ душой!» Этими словами кончается пьеса.

Замѣчательно, что драма изъ народнаго быта не даетъ ни одной черты деревенской жизни. Несмотря на любовь къ «математически вѣрной дѣйствительности», зритель не видалъ настоящаго чиновника ни въ Надимовѣ, ни въ Волковѣ, ни въ Фроловѣ. Но

онъ видѣлъ дѣйствительность въ жгучихъ вопросахъ, около которыхъ вертѣлись и Надимовъ, и Волковъ, и Фроловъ. Это былъ вопросъ устроительства русской жизни, острый вопросъ улучшенія отношеній между чиновничествомъ и обывательской средой, вопросъ о долгѣ, о справедливости, о личномъ достоинствѣ. Въ пьесахъ изъ народнаго быта жгучимъ былъ лишь одинъ вопросъ: о признаніи крестьянина человѣкомъ. Только это и было важно; только этой «математически вѣрной дѣйствительности» пока и искали на сценѣ.

Въ томъ же году, что и «Судъ людской» была написана, но не могла быть поставлена на сценѣ «Шуба овечья—душа человѣчья». Уже самое названіе указываетъ на защищаемый тезисъ: крестьянинъ—человѣкъ. Да и не только человѣкъ, а лучше другихъ людей. Крестьянство рядомъ съ представителями помѣщичьяго класса, противопоставленное имъ, должно выиграть въ глазахъ зрителей. Идеализація народа соединяется здѣсь съ пессимистическимъ взглядомъ на людей дворянскаго сословія. Идеально добрая, глубоко чувствующая крестьянка, вслѣдствіе разныхъ превратностей судьбы получила образованіе, но не потеряла связей съ крестьянской средой и сохранила привязанность къ своей семьѣ. Ея братъ—простой мужикъ, не получившій никакого образованія, воздѣлывающій землю, но ясно понимающій превосходство крестьянъ надъ средой, въ которой живетъ его сестра, какъ гувернантка. Дѣятельное добро, ясное сознаніе, рѣшительность въ дѣйствіяхъ—таковы свойства крестьянъ; грубость, испорченность, жестокость или распущенность, или, наконецъ, слабость воли и безсиліе хорошихъ порывовъ,—свойства барства. Въ концѣ концовъ высокая нравственность крестьянки и энергія крестьянина побѣждаютъ апатію одного изъ лучшихъ представителей барства и побуждаютъ его проявить хотя временно силу для защиты угнетенной невинности. Оскорбленныя и попранныя права личности возстановляются...

Противопоставленіе двухъ общественныхъ слоевъ, явное преимущество, отдаваемое крестьянству передъ помѣщиками, были достаточными поводами, чтобы пьеса долго не видѣла сцены.

Крестьянинъ—человѣкъ, это доказано. Наступаетъ моментъ, когда онъ уже юридически освобождается отъ крѣпостной зависимости. Тогда авторы, сочувствующіе крестьянству, какъ сочувствуетъ ему зритель, уже безъ страха и сомнѣнья громятъ крѣпостное право, крѣпостническіе взгляды устарѣлыхъ представителей былой неправды. Надо не только показать негодность этихъ прежнихъ, но и надежду, возлагаемую на молодыхъ, и произвести новую демонстрацію благородныхъ крестьянскихъ характеровъ. Потѣхинъ принимаетъ на себя миссію совмѣстить все это въ одной

драмѣ. Главныя лица пьесы «Отрѣзанный ломоть»—два поколѣнія барства: съ одной стороны, бывшій предводитель дворянства, старый крѣпостникъ, гроза крестьянъ и тиранъ въ семьѣ,—Хазиперовъ; съ другой—сынъ его Николай и молодой посредникъ Демкинъ. Насколько первый озлобленъ, преисполненъ ненависти и яда, настолько эти двое благожелательны къ крестьянамъ и полны прекрасныхъ намѣреній. Кромѣ намѣреній, однако, въ Николаѣ ничего нѣтъ. Въ другое время изъ него авторъ создалъ бы отрицательный типъ, но въ данный моментъ онъ весь на сторонѣ Николая, сочувствуетъ ему, одобряетъ его слова, его дѣйствія, хотя кромѣ пустыхъ словъ и нелѣпыхъ дѣйствій отъ Николая ничего не видно и не слышно. Онъ появляется въ родительскомъ домѣ внезапно и вмѣстѣ съ его пріѣздомъ оживаютъ въ душѣ людей, обижаемыхъ старикомъ Хазиперовымъ надежды на водвореніе справедливости и мира. Въ немъ видятъ защитника: мать, постоянно оскорбляемая мужемъ, сестра, чувствамъ которой ставитъ преграду отецъ, крестьяне, которыхъ стремится обдѣлить и обидѣть тотъ же старый крѣпостникъ. Матери и сестрѣ Николай не приноситъ никакой пользы и даже не пытается ихъ освободить отъ семейнаго гнета; очевидно, это мало интересно. Главное—въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ. Когда они являются съ петиціей, Николай всѣмъ подаетъ руки, усаживаетъ, обѣщаетъ все устроить для благополучія деревни. Но, кромѣ внѣшняго либеральничанья онъ ни на что неспособенъ. Не устроивъ дѣлъ крестьянъ, не освободивъ семьи, хладнокровно оставивъ сестру во власти самодура-отца, онъ отрясаетъ прахъ отъ ногъ своихъ, гордо заявляя, что онъ—отрѣзанный ломоть, что съ семьей и прежней средой у него ничего нѣтъ общаго. Вся короткая эпопея его похожденій была бы карикатурой на модное рисованіе либеральнымъ отношеніемъ къ народу, если бы она не была написана въ тонѣ яснаго сочувствія къ Николаю. Очевидно, въ демонстративномъ пожиманіи рукъ крестьянамъ, во внѣшнемъ признаніи ихъ права на равенство съ бариномъ, та часть общества, взгляды которой отражались въ пьесахъ Потѣхина, видѣла важный подвигъ, служеніе народному дѣлу.

Потѣхинскими пьесами не ограничивались экскурсіи въ народную среду. Отдавали дань и неизвѣстный теперь Ростиславскій («Разставанье»), и столь же неизвѣстный Кондыревъ («Пагуба») и Новицкій, и даже Дьяченко, и всѣмъ извѣстный Писемскій съ знаменитой «Горькой судьбиной». Было и простое ознакомленіе съ деревенскими обычаями, были и драмы, и обличенія. «Горькая судьбина», представленная въ цензуру въ 1859 г., за полтора года до манифеста 61-го года, произвела сенсацію въ цензурныхъ сферахъ. Первый цензоръ Палаузовъ чуть было не пре-

пустилъ ее, но во-время спохватились, довели до свѣдѣнія министра и признали, что печатать такую пьесу въ минуту, «когда крестьянскій вопросъ въ самомъ разгарѣ» «неблагоразумно». Министръ призвалъ Писемскаго къ себѣ, очень хвалилъ пьесу, обѣщалъ пропустить, но тогда, когда настанетъ для этого благопріятное время. Какъ рѣдко бываетъ для цензурныхъ обѣщаній, время это скоро пришло: «Горькая судьбина» не только была напечатана, но и поставлена на сценѣ, и имѣла успѣхъ, длящійся до нашихъ дней. И вмѣстѣ съ ней появились другія, метавшія стрѣлы въ только что отмѣненное крѣпостное право. Для зрителя это имѣло интересъ новизны, жгучую остроту рѣзкостей, направленныхъ на забронированное до того времени цензурными загражденіями учрежденіе. И то, чего такъ боялись нѣсколько лѣтъ назадъ, о чемъ нельзя было говорить, теперь удостоивалось одобренія не только зрителей, но и властей: авторамъ пьесы изъ крѣпостного права «Было да прошло» В. И. Родиславскому и К. Д. Новицкому было пожаловано по брилліантовому перстню.

Весь этотъ репертуаръ, вся серія нравственныхъ, дидактическихъ, обличительныхъ, «цивическихъ» (какъ любили тогда выражаться) пьесъ, всѣ кипѣнія чиновничьихъ грѣховъ, крестьянскихъ доблестей, прогрессивныхъ стремленій говорили о приподнятомъ настроеніи и гражданственной возбужденности зрителя. Совпали два вліянія: естественная эволюція зрителя отъ романтизма къ реализму и гражданское пробужденіе общества вслѣдствіе неожиданныхъ событій въ жизни государства. Зритель усталъ находить наслажденіе въ страстяхъ чуждыхъ ему герцоговъ и разбойниковъ и, какъ всегда и вездѣ, искалъ источника новыхъ наслажденій въ приближеніи къ знакомому. Реалистическій театръ сразу показалъ ему отрицательныя стороны старой дѣйствительности, и это заключеніе театра совпало съ подъемомъ государственной жизни. Первое вліяніе дало начало Островскому и бытовому репертуару; второе содѣйствовало переходу бытовыхъ пьесъ въ пьесы обличительныя, нравоучительныя, полемическія.

Зритель быстро жилъ, горячо волновался, громко требовалъ, и его требованіями былъ созданъ этотъ эфемерный театръ неопредѣленно-прогрессивныхъ влеченій и опредѣленно-отрицательнаго отношенія къ старому быту, — театръ реалистическихъ тенденцій и романтически-гражданственныхъ выкрикиваній. Новый репертуаръ говорилъ о глубокихъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ зрителѣ; не менѣе громко говорилъ объ этомъ новый актеръ, пришедшій на смѣну старыхъ.

И. Игнатовъ.

«Рыдающія души».

(Поэты-помѣщики 1840-хъ годовъ).

Мѣсяцъ по небу гуляетъ,
Тихо и тепло...
Что-же сердце замираетъ,
Что-жъ такъ тяжело?—
Ноетъ грудь, душа рыдаетъ
И сильнѣй болитъ...

Такъ начинается стихотвореніе съ датой «12 августа 1847 года» въ одномъ изъ старинныхъ альбомовъ, лежащихъ сейчасъ передо мной.

Вы, конечно, знаете эти альбомы, то въ синемъ, то въ красномъ сафьянѣ, съ золочеными застежками въ видѣ бабочки или дубовой вѣтки, съ розеткой посреди переплета для сантиментальной надписи: «souvenir».

Эти альбомы и прекрасно переплетенныя тетради, почти всегда съ золотымъ обрѣзомъ, старомодныя, но холеныя и опрятныя, словно барышни прежнихъ временъ, являются хранилищами литературныхъ опытовъ многочисленныхъ провинціальныхъ поэтовъ, большею частію изъ среды баръ-помѣщиковъ, особенно расплодившихся въ 40-хъ годахъ.

Воспитанные на заучиваніи нашихъ и западныхъ лириковъ, обладая постояннымъ досугомъ и мертвенно скучая въ тиши своихъ дворянскихъ гнѣздъ, баре-крѣпостники любили изливать свои чувства на бумагѣ преимущественно въ стихотворной формѣ. Кромѣ того, тогда это было модно, и они одинъ передъ другимъ интересничали и напускной разочарованностью, и тоской, и жгучими порывами страсти, и сантиментальными лирическими изліяніями. Мнимое горе, измышленная безотрадность одинокаго существованія въ поискахъ нѣжной сочувствующей души—были любимыми мотивами этой помѣщичьей лирики.

Души помѣщиковъ-поэтовъ «рыдаютъ», они нѣжно грустятъ, но въ то же время руки ихъ безпощадно заушаютъ на каждомъ шагу крѣпостныхъ слугъ, длинные чубуки трубокъ падаютъ ударами на безотвѣтныхъ людей, а уста, въ интервалахъ между нѣвучими риѳмами, изрекаютъ грозные приговоры: «на конюшню»!

Интересный документъ, обрисовывающій нравственный обликъ одного изъ такихъ поэтовъ-крѣпостниковъ, находится у меня подъ рукою.—Это—альбомъ-дневникъ нѣкоего А. А. Б-а, въ которомъ авторъ, изливая въ стихахъ наполнявшія его нѣжныя чувства, попутно записывалъ свои распоряженія по хозяйству, по управленію многолюдной вотчиной и дворней, сдѣланные расходы и проч.

Вотъ, напримѣръ, подъ помѣтой 11 февраля 1844 года, на свѣтло-голубомъ листочкѣ, какъ изливается Б—ъ:

Было время,—давно
Пролетѣло оно,—
И я веселъ бывалъ,
И я горя не зналъ.
Какъ лучъ солнца игривъ,
Какъ струя говорливъ,
Я не зналъ мрачныхъ дней,
Безотрадныхъ ночей...
А теперь! Я грущу,
Какъ могила молчу;
Я не вѣрю друзьямъ,
Ихъ словамъ, ихъ слезамъ.—
Я смотрю на людей,
Какъ на хищныхъ звѣрей...

Такъ безнадежно жалуется разочарованный поэтъ и тутъ же переходитъ, уже въ прозѣ, къ житейскому:

«Никишку наказали: воротился пьянъ изъ города, да нагрубилъ Аннушкѣ. Ѳедотъ-конюхъ потерялъ два недоуздка съ жеребятъ. Высѣкли. Послѣ, сказывалъ Егоръ, онъ бранилъ меня въ людской. Богъ съ нимъ, я ему прощаю»..., великодушно замѣчаетъ въ заключеніе «кроткій» помѣщикъ.

«Ѳеофана Безпятова продалъ Николаю Аркадьевичу Дурнову на свозъ, безъ семьи. Давно надлежало разорить это осье гнѣздо. Егоръ самъ свезъ Ѳеофана въ Глѣбовское. Оттуда отправятъ въ Саратовскую вотчину. Слава тебѣ, Господи!»—записываетъ дальше, уже въ мартѣ, Б—въ. И вдругъ эта запись внезапно прерывается стихами:

Дни за днями бѣгутъ,
Съ ними ночи идутъ,
А тоска все со мной,
Все далекъ мой покой!—
. . . . . .

рыдаетъ помѣщикъ. И должно быть, съ цѣлью разогнать тоску барина, Егоръ, постоянно фигурирующій въ поэтическомъ дневникѣ и бывшій, вѣроятно, дворовымъ и въ то же время поставщикомъ барскаго гарема, приводитъ къ Б—у какую-то Наташку...

«Въ ночи Егоръ привелъ ко мнѣ Наташку...,—заноситъ безъ всякаго стѣсненія баринъ-поэтъ въ свой дневникъ. Дальше идутъ подробности свиданія, но онѣ совершенно нецензурны.

Не подумайте, однако, что всѣ помѣщики-поэты 40-хъ годовъ были таковы, какъ Б—въ, т.-е. крѣпостнически свирѣпы и бездарны. Нѣтъ, среда тогдашнихъ баръ, къ удивленію, несмотря на царившую въ ней распущенность и далеко неблагопріятныя условія для развитія дарованій, выдвигала, время отъ времени, людей талантливыхъ. Таковы были, между прочимъ, два неразрывные друга, сдѣлавшіе вмѣстѣ ополченскій походъ 1855—56 гг.—Н. С. О—ъ и К. А. Доводчиковъ. Послѣдній, въ 1840-хъ годахъ, даже печатался въ «Литературной газетѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и «Альманахѣ» Бенедиктова.

Вотъ для примѣра одно изъ стихотвореній Н. С. О—на.

Нѣмая ночь легла кругомъ,
Все на землѣ спитъ крѣпкимъ сномъ;
Но я не сплю... Гляжу во тьму,—
Мнѣ скучно, страшно одному...
Передо мной, въ тиши ночной,
Встаютъ видѣнія толпой
И тѣни вкругъ меня идутъ,
И духи пѣсни мнѣ поютъ.
Но вотъ свѣтлѣй: огнемъ горя,
Взглянула на землю заря...
Пропала ночь, пропала тѣнь,
Засеребрился Божій день,
И солнце въ золотыхъ лучахъ
Идетъ гулять на небесахъ...

Къ сожалѣнію, однако, и большинство лирическихъ стихотвореній О—на и Доводчикова представляютъ собою тоскливыя изліянія во вкусѣ Б—а, впрочемъ болѣе красивыя по формѣ и искреннія.—Лишь изрѣдка эта безотрадная лирика прерывается стихотворными шутками, эпиграммами, или такими, сатирическими поэмами, какъ нашумѣвшая въ свое время «*Панорама*»—К. А. Доводчикова, съ безпощадной правдой изображающая нравы Ярославскаго общества 40-хъ годовъ, или его знаменитый «*Пошехонскій балъ*».

Въ заключеніе настоящаго краткаго очерка, считаемъ нелишнимъ привести здѣсь «*Исповѣдь*» К. А. Доводчикова, въ которой вырвалось, если хотите, съ искреннимъ порывомъ самоопредѣленіе поэта, характерное и для эпохи, и для его нравственнаго облика.—Вотъ это стихотвореніе:

МОЯ ИСПОВѢДЬ.

Люблю я трубку и вино,
Люблю я толстую Анютку,
Люблю знакомое окно,
Люблю и острую я шутку.

Вы не увидите меня
Въ салонѣ пышномъ и богатомъ,
Гдѣ горделивая жена,
Забывъ о муженькѣ рогатомъ,
Своихъ покорнѣйшихъ друзей
Чуть удостаиваетъ слова,
И блескомъ опытныхъ очей
Тревожитъ львенка молодого.

Вы не увидите меня
Въ передней богача-вельможи,
Гдѣ подлецовъ стоитъ семья,
Приладивъ форменныя рожи.

Тамъ часто встрѣтишь старика,
Тамъ встрѣтишь юношу въ расцвѣтѣ:
Всѣ ждутъ подачки, иль пинка,
Смотря въ глаза своей кометѣ.

Вы не увидите меня
Въ монастырѣ, съ ханжами въ сборѣ [1],
Гдѣ, жизнь грѣховную кляня,
Монахи запиваютъ горе...

Хоть попъ анаѳемой грозитъ [2],—
Охъ, не люблю я пустосвята.
Онъ святъ, онъ святъ,—онъ не грѣшитъ,
Онъ врагъ соблазна и разврата.

А между тѣмъ, его жена
Совсѣмъ другое утверждаетъ
И говоритъ, что сатана
Его давно обуреваетъ...

---

[1]) Варіантъ: Въ монастырѣ или соборѣ.
[2]) Варіантъ: ...гремитъ.

Мнѣ таборъ подавай цыганъ,
Да пѣсню звонкую, лихую,
Да съ пуншемъ огненнымъ стаканъ,
А остальное, братцы...

Люблю я пѣсню на рѣкѣ,
Люблю я ухорскую пляску,
Люблю на бѣленькомъ чулкѣ
Я видѣть алую подвязку...

Живу, себѣ на свой я ладъ,—
Отдамъ послѣднюю рубашку
Тому, кто мнѣ и другъ и братъ.
Да! Жить люблю я нараспашку!

1846 г. Апрѣль 20. Ярославль.

Подъ этой «Исповѣдью», вѣроятно, охотно подписался бы и другъ и товарищъ К. А. Доводчикова, Н. С. О—нъ. Онъ, такъ же какъ Доводчиковъ, «любилъ жить нараспашку». Зато оба они и заплатили за эту жизнь безвременною гибелью: ихъ засосалъ въ себя дикій и темный провинціальный разгулъ, по-просту говоря—они спились и ум рли оба, едва переживъ третій десятокъ лѣтъ.

Кириллу Доводчикову принадлежитъ, между прочимъ, стихотвореніе, написанное въ 1844 г., которое своимъ началомъ сильно напоминаетъ извѣстные стихи А. Н. Апухтина: «Ночи безумныя, ночи безсонныя», написанные значительно позднѣе.

Вотъ это стихотвореніе:

Ночи разгульныя, ночи безсонныя,
Вамъ не вернуться назадъ.
Рѣчи красавицы, жгучія, знойныя,
Мнѣ о быломъ не звучатъ.

Молодо сердце—и вѣрить хотѣло,
Полною жизнію жить и любить.
Что-же ты, сердце, такъ рано созрѣло?
Что-же такъ рано ты начало жить?

Отжило ты—и душа очерствѣла,
Буйная жизнь утомила меня,
Вѣра въ добро и любовь отлетѣла,
Вотъ и дождался я чернаго дня...

Рѣчи красавицы, жгучія, знойныя,
Мнѣ о быломъ не звучатъ...
Ночи разгульныя, ночи безсонныя
Вамъ не вернуться назадъ.

Въ автографической тетрадкѣ К. А. Доводчикова, принадлежащей мнѣ, передъ этимъ стихотвореніемъ находится довольно рѣдкая для поэта помѣтка: въ «*Библіотекѣ для чтенія*». Конечно, это значитъ, что стихи «Ночи разгульныя» были напечатаны въ названномъ журналѣ.—Тогда,—кто знаетъ? Можетъ быть, именно это стихотвореніе провинціальнаго (даже пошехонскаго) поэта вдохновило А. Н. Апухтина спѣть на тотъ же мотивъ, но совершенно въ иномъ родѣ.

Въ судьбѣ Доводчикова должно было имѣть немалое значеніе знакомство съ двумя писателями: С. Ѳ. Дуровымъ и А. И. Пальмомъ. Стихотвореніе Доводчикова «Дума» (1844 г. іюня 14), посвященное Пальму, было напечатано въ Альманахѣ Бенедиктова. Стихотвореніе С. Ѳ. Дурову (мая 1844 г.), слабое по формѣ, но свидѣтельствующее о дружбѣ автора съ довольно извѣстнымъ поэтомъ (впослѣдствіи петрашевцемъ и товарищемъ Достоевскаго по каторгѣ) мы печатаемъ здѣсь. Помѣщаемъ и шуточное стихотвореніе Доводчикова, посвященое ополченію во время Крымской кампаніи.

С. Ѳ. Дурову.

Недолго съ вами пожилъ я,—
И вновь изъ мирнаго жилья
Я вырванъ мачехой судьбою,—
И унесенъ мірской волною.
А было время, я мечталъ,
Что Богъ на радость жизнь мнѣ далъ:
Кто не мечталъ въ былые годы,—
Въ дни дѣтской вѣры и свободы!...
Недавно встрѣтилъ я тебя,
И пылкимъ сердцемъ полюбя,
Молилъ я истиннаго Бога,
Чтобъ вмѣстѣ насъ свела дорога;—
Но это были—такъ... мечты,
Остатки прежней теплоты
Души и сердца: между нами
Сталъ свѣтъ съ молвою и друзьями.—
Я жизнь и время убивалъ,
Но все тебя не забывалъ:
Ты доброй иногда звѣздою
Блестѣлъ надъ грѣшной головою.—
Я уѣзжаю.—Никогда
Насъ вмѣстѣ не сведетъ судьба,—
И скоро, можетъ быть, на дроги

Я попаду съ большой дороги.—
Но ты, не знай тяжелыхъ думъ:
Ты сердцемъ добръ, твой свѣтелъ умъ;
Пусть будетъ вѣчно осѣнять
Тебя святая благодать.
Заклятый врагъ приличій свѣта,
Я—образъ милаго поэта
И самый звукъ твоихъ рѣчей,
Вѣрь, сохраню въ душѣ моей!

Ополченіе 1855-й годъ.

«Не хвались, идучи на рать».

Жилъ покойно регистраторъ
Съ незапамятныхъ временъ;
Вдругъ на западѣ ораторъ,
Нѣкто—баринъ Пальмерстонъ,
Заварилъ такую кашу,
Что и матушку-то нашу,
Нашу родину, злодѣй
Подъ сюркупъ подвелъ, ей-ей.—
Русаки пріободрились,
Помолились, ополчились.
Ничего не смысля, зря,
Регистраторъ за царя
Такъ и лѣзетъ на Вандаловъ,
Готфовъ, Скифовъ, Саксовъ, Галловъ;
Изукрасился крестомъ,
И пошолъ въ походъ верхомъ.
Бросилъ сына, бросилъ женку
И родимую сторонку,
Занялъ Польшу и Литву,
И затмилъ собой молву
Всѣхъ героевъ:—Болеслава,
Гедимина пала слава
Передъ новою звѣздой.—
Регистратора брадой
Не клялися чуть евреи,
И въ цукерняхъ гнулись шеи
Всякой шляхты передъ нимъ,
Регистраторомъ моимъ.—
Видитъ западъ, дѣло плохо:

Ну, какъ онъ да къ намъ придетъ,—
Вѣдь задастъ переполоху,
Въ Пошехонье уведетъ.—
Чортъ возьми его!—Смиримся:
Лучше будетъ, помиримся...
Регистраторъ же,—тово,
Будто дѣло не его,
Съ паномъ пьетъ и пляшетъ съ панной,
Бардзо сличной и коханной,
Дѣлитъ съ ратникомъ сухарь,—
И воинственной отвагой
Бьется сердце подъ сермягой,
Какъ, бывало, билось встарь
Отъ любви и отъ сомнѣній,
И утратъ, и увлеченій.—
Ахъ,—какъ былъ онъ глупъ тогда,
Въ эти старые года!...
Миръ насталъ.—Подъ отчій кровъ
Опочить онъ отъ трудовъ
Возвратился, и смиренно
На диванѣ задремалъ,
Будто онъ въ судьбѣ вселенной
И участья не биралъ.—
Разъ, наливку онъ сливаетъ,
Смотритъ,—тройка подъѣзжаетъ,
И на ветхое крыльцо
Презловѣщее лицо
Становаго выступаетъ.
Становой то бы, пожалуй,
Самъ собой и добрый малый,—
Да ужъ слово: «становой»—
Пахнетъ за версту бѣдой.—
Не терпѣлъ мірскія власти
Нашъ герой по земской части.
Вотъ пріѣзжій чинъ изъ шубы
Вылѣзъ, странно сморщилъ губы,
И въ дверяхъ еще шумитъ:
«Съ царской милостью!» кричитъ:
«Секретарь вѣдь вы губернскій!»
(Экой чинъ! А чинъ-то мерзкій!)..
Вотъ какъ взысканы Царемъ!....
«Девятнадцать серебромъ
«Вы пожалуйте».—За что же?—

«Да за милость».—О, мой Боже!
— Девятнадцать серебромъ!...
— Какъ? За что?—«Да за дипломъ».
Тутъ герой нашъ ободрился,
Твердой волей укрѣпился,
И по сей еще моментъ
Вноситъ деньги за патентъ.—

Мы привели здѣсь лишь очень немногое изъ того матеріала, какой даютъ произведенія нашихъ поэтовъ-помѣщиковъ 1840-хъ годовъ, и то по одной лишь Ярославской губ. А сколько еще этого матеріала хранится по разнымъ угламъ Россіи въ семейныхъ альбомахъ, тетрадяхъ и даже письмахъ! Безъ сомнѣнія, въ этомъ матеріалѣ слѣдовало бы разобраться: вѣдь среди массы хлама, все-же найдется кое-что характерное для эпохи и цѣнное въ бытовомъ отношеніи.

Евг. Опочининъ.

Арестъ В. О. Португалова въ г. Вяткѣ.

I.

Покойный отецъ мой, Веньяминъ Осиповичъ Португаловъ, въ 1872 г. пріѣхалъ въ г. Самару, куда былъ приглашенъ на земскую службу врачемъ-ординаторомъ въ губернскую больницу. Немало поработавъ надъ реорганизаціей земскаго больничнаго дѣла въ г. Самарѣ и самарской губ., онъ не могъ не откликнуться на призывъ предсѣдателя вятской губернской земской управы Колотова, энергичнаго и образованнаго земскаго дѣятеля, поставившаго себѣ задачей покрыть всю вятскую губернію сѣтью больницъ, пріемныхъ покоевъ и тѣмъ оздоровить въ санитарномъ отношеніи вятское крестьянство. Задача Колотова само-собою совпадала съ идеальными стремленіями Вен. Ос., поставившаго цѣлью всей своей жизни помогать словомъ и дѣломъ страждущему человѣчеству. Такимъ образомъ переѣздъ въ Вятку, ссылочный городъ, куда въ былое время высылались на службу передовые люди Россіи, начиная съ А. И. Герцена и М. Е. Салтыкова и кончая корреспондентами провинціальныхъ газетъ, былъ окончательно рѣшенъ [1]), а между тѣмъ и съ Самарой было жалко и досадно разставаться.

Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ въ Самарѣ жилось какъ-то свободнѣе и легче, чѣмъ въ другихъ городахъ, не такъ стѣснялась общественная самодѣятельность и не слишкомъ сильно давила рутина властной опеки въ лицѣ администраціи, были разрѣшены публичныя лекціи по научнымъ и соціальнымъ вопросамъ, была открыта школа для фельдшеровъ и фельдшерицъ съ общеобразовательнымъ курсомъ; открывшееся *первое* земское собраніе въ г. Самарѣ могло насчитывать въ рядахъ своихъ губернскихъ гласныхъ около десятка горячихъ и честныхъ головъ, подоспѣвшая судебная реформа много способствовала гласности и освѣщенію многихъ темныхъ сторонъ самарской общественной жизни, даже видныя мѣста въ казенныхъ учрежде-

[1]) И В. О-ъ принялъ мѣсто Старшаго Санитарнаго врача Вятскаго Земства.

ніяхъ были заняты безусловно честными даровитыми и выдающимися людьми...

Самарскимъ губернаторомъ въ описываемое время былъ *Г. С. Аксаковъ*, родной братъ извѣстныхъ славянофиловъ Конст. Ивана Серг. Аксаковыхъ и сынъ Серг. Тимоф., имѣвшій большое помѣстье при с. Страховѣ Бузулукскаго уѣзда. Григ. Серг., правовѣдъ по образованію, до своего назначенія самарск. губернаторомъ занималъ такое же мѣсто въ Уфѣ, такъ какъ близъ этого городка у него было другое имѣніе Белебей-Аксаково, при маленькой нынѣ желѣзнодорожной станціи Самаро-Злат. жел. дор. того же названія, гдѣ и посейчасъ еще виситъ большой поясной портретъ Серг. Тимоф. Врядъ ли когда-нибудь еще Самара увидитъ такого губернатора, какимъ былъ образованный и гуманный Григор. Серг.! До него еще можно назвать достойныхъ вниманія Грота и Мансурова, но послѣ, насколько не измѣняетъ память,—никого! Въ губернаторство Г. С. Аксакова извѣстный писатель, народникъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ былъ присланъ въ Самару изъ г. Чернаго Яра. Астрах. губ. этапнымъ порядкомъ и подлежалъ высылкѣ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Самар. губ. Друзьямъ этого истиннаго народнаго писателя удалось убѣдить Аксакова оставить Якушкина въ Самарѣ для поправленія дѣйствительно расшатаннаго здоровья, и губернаторъ устроилъ такъ, что Якушкинъ, числясь больнымъ и занимая койку въ отдѣленіи врача Португалова, могъ свободно отлучаться и бывать у своихъ друзей: М. И. Писарева (извѣстнаго актера) и Андреевскаго, ред. «Зари», и отдохнуть душой и тѣломъ среди искренно любящей его самарской интеллигенціи. Поэтому-то, пожалуй, и не будетъ удивительнымъ, что Г. С. Аксаковъ не долго усидѣлъ губернаторомъ: «*подтянуть*» прислали помпадура Климова, приступившаго къ разгрому земства и высылкѣ его выдающихся дѣятелей. Г. С. Аксаковъ ушелъ въ свою «бузулукскую деревню», вступилъ въ ряды земскихъ гласныхъ, а затѣмъ въ 80-хъ годахъ скончался въ званіи губернскаго предводителя дворянства.

Во главѣ контрольнаго вѣдомства стоялъ въ высшей степени либеральный и честный человѣкъ, *Мордвиновъ*, или, какъ тогда его называли въ Самарѣ, «*генералъ-студентъ*», потому что въ молодости онъ былъ уволенъ изъ университета за безпорядки и уже не могъ докончить своего образованія, но, благодаря своей энергіи, честности и либеральнымъ убѣжденіямъ, сталъ «новымъ человѣкомъ» и быстро выдвинулся въ эпоху образованія контрольныхъ палатъ, руководимаго извѣстнымъ Татариновымъ. Мордвиновъ вмѣстѣ съ своей любвеобильной къ народу женой Зинаи-

дой Александровной, умершей очень недавно, оказалъ большую помощь голодающему населенію Самарской губерніи во время голода въ 1871—72 г. Въ этомъ благомъ дѣлѣ онъ нашелъ ревностнаго помощника въ лицѣ *П. А. Рихтера*, управляющаго тогда самарской удѣльной конторой и впослѣдствіи ставшаго во главѣ департамента удѣловъ. Управляющимъ казенной палатой въ Самарѣ въ это время былъ *Е. Н. Анучинъ*, братъ извѣстнаго профессора-этнографа и антрополога Дмитр. Ник.; онъ много поработалъ въ Самарѣ надъ созданіемъ статистическаго комитета и первый приступилъ къ собранію статистическихъ свѣдѣній; имъ при содѣйствіи Рихтера и Станевича была составлена карта самарскаго края; Евг. Ник. въ послѣднее время управлялъ херсонской казенной палатой и умеръ въ преклонномъ возрастѣ. Въ числѣ членовъ суда былъ такой выдающійся человѣкъ, какъ *П. А. Матвѣевъ*, считающійся солиднымъ знатокомъ юридическихъ обычаевъ крестьянскаго населенія средней Россіи.

Новые суды выдвинули и талантливыхъ адвокатовъ *В. С. Мамышева* и *Н. В. Рейнгардта*, самыхъ близкихъ друзей Вен. Ос. и обоихъ ихъ постигла печальная судьба: Мамышевъ былъ замѣчательный ораторъ; онъ сбросилъ съ себя прокурорскій мундиръ, открылъ своими живыми рѣчами новую эру въ жизни самарскаго правосудія, и его носила на рукахъ вся Самара, но его сгубилъ тотъ соціальный недугъ—пьянство, который названъ былъ Вен. Ос. *пагубой человѣка*. Мамышевъ долженъ былъ бросить адвокатуру и послѣдніе годы жилъ въ Волоколамскѣ, а затѣмъ въ гор. Вереѣ Московской губерніи (на своей родинѣ), занимая должность уѣзднаго члена суда. *Н. В. Рейндгардтъ* живъ (и до сихъ поръ) и до послѣдняго времени не переставъ заниматься адвокатурой и литературой, хотя послѣ перенесенной операціи глазъ, очень плохо видитъ... Самарское земство, открытое въ 1866 г. Б. П. Обуховымъ (впослѣдствіи товар. министра внутр. дѣлъ и сенаторъ), считалось передовымъ; во главѣ губернской земской управы стоялъ *А. Н. Хардинъ*, человѣкъ неподкупной честности и твердыхъ убѣжденій; его ближайшимъ сотрудникомъ былъ *А. А. Жемчужниковъ* (впослѣдствіи издатель журнала «Слово»). Пока губернаторомъ въ Самарѣ былъ Гр. С. Аксаковъ, земство не только не встрѣчало никакого противодѣйствія со стороны администраціи, а, наоборотъ, пользовалось ея содѣйствіемъ, оно было на высотѣ своего призванія во время самарскаго голода 1871 г. Когда на губернскомъ земскомъ собраніи возникъ серьезный вопросъ о томъ, какую же гарантію можетъ представить земство въ возмѣщеніе выданной правитель-

ствомъ ссуды, то гласный *И. П. Ждановъ* [1]) (отъ бузулукск· уѣзда) всталъ и сказалъ: «Правительство можетъ считать себя обезпеченнымъ, ибо не жалкими нашими имѣньишками мы пополнимъ ссуду, а 2 милліонами рабочихъ рукъ!...» Благодаря такому составу гласныхъ, самарское земство съ честью вышло изъ постигшаго губернію бѣдствія... Смѣнившій Аксакова губернаторъ Климовъ прежде всего придрался къ предсѣдателю земской управы Хардину за то, что онъ по пріѣздѣ его въ Самару, не счелъ долгомъ ему представиться; Хардинъ же поступилъ такъ потому, что совсѣмъ не считалъ себя подчиненнымъ губернатору, подкидалъ, что губернаторъ, какъ вновь прибывшій, первый сдѣлаетъ ему визитъ. Климовъ донесъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и Хардинъ административнымъ порядкомъ былъ высланъ въ Екатеринбургъ, Пермской губ., гдѣ и пробылъ съ годъ.

Самой главной задачей открывшагося земства было устройство больнично-санитарнаго дѣла въ губерніи, съ этой цѣлью прежде всего былъ сформированъ составъ идейныхъ работниковъ врачей и фельдшеровъ: старшимъ врачомъ былъ приглашенъ М. В. Кулаевскій, честнѣйшій, работящій, гуманный, терпѣливый, безкорыстный, притомъ въ высшей степени скромный и деликатный человѣкъ; къ несчастью, его вскорѣ послѣ занятія должности старшаго врача постигъ тяжкій недугъ—горловая чахотка, отъ которой онъ и скончался весной 1874 г. на 39 году жизни. Сотрудниками М. В. Кулаевскаго были знатоки своего дѣла А. О. Кулешъ и К. И. Догадкинъ, составлявшіе еженедѣльно совѣты по разрѣшенію больничныхъ вопросовъ и чтенію лекцій въ фельдшерской школѣ, которыя эти врачи и читали по различнымъ отдѣламъ медицины. Къ этому же періоду времени надо отнести и учрежденіе въ Самарѣ земской школы для приготовленія сельскихъ учительницъ, къ сожалѣнію, нынѣ закрытой. Руководителемъ этой школы былъ приглашенъ С. Р. Издебскій, другъ В. О. Португалова по ссылкѣ въ Пермскую губ. Въ высшей степени гуманный человѣкъ и знатокъ естественныхъ наукъ, Издебскій привлекъ лучшія интеллигентныя силы Самары къ земской школѣ и тамъ преподавали врачи, учителя гимназій, адвокаты, лѣсничіе и др.

При такомъ сильно-бьющемся жизненномъ пульсѣ въ г. Самарѣ, В. О. жилось, повидимому хорошо и радостно, если не считать нѣкоторыхъ треній съ земцами и въ частности съ Хардинымъ, иначе смотрѣвшимъ на нѣкоторые вопросы постановки больничнаго дѣла. Но въ планы В. О-ча входило оздоровленіе

---

[1]) Въ Самарѣ Ив. Павл. Жданова за его рѣчи прозвали *Гамбеттой*.

большой части нашей обширной родины, онъ стремился въ глухіе углы, гдѣ населеніе больше всего нуждалось въ помощи, гдѣ инородническіе элементы коснѣли въ темнотѣ и гибли въ разныхъ трущобахъ отъ заразныхъ болѣзней; поэтому-то, а не почему-либо другому, В. О. и отправился въ Вятку.

II.

Прибывъ въ Вятку лѣтомъ 1874 г., В. О. тотчасъ предпринялъ цѣлый рядъ поѣздокъ по обширной Вятской губерніи, насчитывающей 13 уѣздовъ, осматривалъ земскія больницы, школы, казенные и частные желѣзодѣлательные заводы, устраивалъ совѣщанія въ земской управѣ и съ врачами почти всѣхъ уѣздовъ, составлялъ доклады, читалъ ихъ, хлопоталъ объ осуществленіи на дѣлѣ своихъ предположеній и всюду встрѣчалъ самый сочувственный откликъ въ его широко задуманной просвѣтительной работѣ; онъ вовсе не задавался какими-либо политическими тенденціями, да и кругъ самаго знакомства, если не считать близкихъ отношеній съ Ф. Ф. Павленковымъ (извѣстный популярный книгоиздатель) и священникомъ Блиновымъ, много поработавшимъ для вятскаго края, ограничивался земцами и врачами. Но мѣстной жандармеріи такая дѣятельность пришлась не по вкусу и она, зорко слѣдя за дѣятельностью Колотова и Португалова, прицѣпилась къ какому-то письму, полученному на имя В. О. отъ одного знакомаго для передачи его матери, содержаніе котораго В. О., конечно, и не зналъ. И вотъ какъ-то къ вечеру это письмо было отобрано полицеймейстеромъ, а на зарѣ домъ, въ которомъ В. О. занималъ квартиру, былъ оцѣпленъ жандармами и полицейскими, а въ самой квартирѣ былъ произведенъ обыскъ. Рылись въ письменномъ столѣ и библіотекѣ, но ровно ничего подозрительнаго не нашли, и черезъ 2—3 дня снова былъ произведенъ «наѣздъ ночныхъ гостей», опять рылись весь день и всю ночь; В. О. арестовали и увезли въ Казань, не давъ даже возможности проститься съ семьей и сдѣлать самыя необходимыя распоряженія. Черезъ ночь былъ арестованъ и Колотовъ. Помню этотъ сѣрый августовскій день, когда блѣдный отецъ въ поношенной круглой шапкѣ утѣшалъ плачущую на крыльцѣ мать, а я, 8-лѣтній мальчикъ, выбѣжавъ со двора, гнался за извозчикомъ, на которомъ двое дюжихъ жандарма увозили отца въ невѣдомую даль. Черезъ какой-нибудь день пришлось узнать, что и Ф. Ф. Павленковъ, подвергшись ночному обыску, былъ арестованъ и также увезенъ!... До ноября 1874 г. семья В. О. находилась въ полномъ невѣдѣніи, гдѣ онъ нахо-

дится, и что съ нимъ сдѣлали! Въ одинъ ноябрьскій вечеръ было получено перемаранное въ разныхъ мѣстахъ письмо В. О., въ которомъ онъ писалъ, что сидитъ въ какой-то грязной тюрьмѣ при полицейской части Казани, что онъ лишенъ свѣта и общенія съ людьми, что нуждается въ книгахъ и теплой одеждѣ. Потомъ письма стали приходить чаще; явилась надежда просить объ освобожденіи изъ каземата, и только въ маѣ, по вскрытіи рѣкъ, семьѣ удалось выбраться изъ злополучной Вятки, про которую еще поэтъ Д. Д. Минаевъ такъ язвительно сказалъ: «кто хочетъ взять взятку, всегда найдетъ мѣстечко въ Вяткѣ!» Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Казань, когда уже была потеряна всякая надежда на освобожденіе, влетѣлъ съ обросшими волосами на головѣ и запущенной бородой В. О. и съ рыданіями былъ встрѣченъ всей своей семьей!... Въ Казани тотчасъ же узнали объ освобожденномъ узникѣ и казанскіе литераторы: извѣстный Христофоровъ, умершій недавно за границей, Н. Я. Агафоновъ, Пономаревъ собирались у В. О., чтобы выслушать его разсказы о тяжкихъ мѣсяцахъ заключенія. В. О. разрѣшено было вернуться въ Самару, куда онъ пріѣхалъ больнымъ и разстроеннымъ, и онъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что припадки сердечной болѣзни, отъ которой онъ преждевременно скончался въ ночь на 20 октября 1896 г., начались съ нимъ въ казанскомъ казематѣ, что ему приходилось въ осеннюю стужу ходить и дрогнуть въ лѣтнемъ пальто, что кормили его скверно и т. п. Вятская исторія отразилась и на дальнѣйшей жизни В. О. въ Самарѣ. Тамъ у него опять былъ произведенъ внезапный обыскъ, послѣ котораго, хотя опять-таки ничего компрометирующаго найдено не было, предложено было выѣхать въ г. Бузулукъ Самарск. губ. и, Богъ знаетъ, чѣмъ бы окончились эти мытарства, если бы наконецъ Лорисъ-Меликовъ не распорядился снять всякій надзоръ и прекратить безсмысленныя преслѣдованія....

О. Португаловъ.

Увольненіе В. И. Семевскаго и петербургское студенчество.

Въ концѣ января 1886 г. вслѣдъ за запрещеніемъ Василію Ивановичу Семевскому читать лекціи[1]), студенты поднесли ему адресъ слѣдующаго содержанія:

«Искренно любимый и уважаемый Василій Ивановичъ.

Мы, студенты С.-Петербургскаго университета, глубоко чувствуя утрату, понесенную въ Вашемъ лицѣ университетомъ и Вашими слушателями вслѣдствіе воцаренія духа новаго устава, беремъ на себя инціативу, въ виду молчанія общества и прессы, выразить Вамъ наше глубокое и искреннее сочувствіе, какъ честному русскому историку крестьянъ, для котораго народное благо было самымъ завѣтнымъ идеаломъ. Пусть будетъ для Васъ въ Вашемъ тяжеломъ положеніи поддержкой мысль, что Ваша ученая дѣятельность и живое серьезное слово, такъ недолго раздававшееся съ каѳедры, не осталось безплоднымъ для учащейся молодежи».

Адресъ составленъ былъ 8-го января 1886 года, и къ нему была сдѣлана приписка: «По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ собираніе подписей было прекращено преждевременно». Всего успѣло подписаться подъ адресомъ 309 человѣкъ. Значительная часть подписей, повидимому, погибла по тѣмъ же «независящимъ обстоятельствамъ». Подписи подъ адресомъ расположены по листкамъ, и тотъ, кто знаетъ эпоху, сразу же можетъ опредѣлить, какія группы успѣли дать свои подписи. Здѣсь мы находимъ подписи той молодежи, которая примыкала къ народовольческому кружку и, черезъ годъ, приняла участіе въ такъ называемомъ «дѣлѣ 1-го марта 1887 г.»; подписи 50 поляковъ, изъ коихъ многіе состояли въ виленской группѣ, наиболѣе тѣсно связанной съ русскими студенческими организаціями; подписи группы лицъ, работавшихъ по устройству студенческой кухмистерской; наконецъ, подписи многихъ членовъ Студенческаго Научно-Литературнаго Общества, которое было тогда въ самомъ расцвѣтѣ своей дѣятельности. Изъ числа лицъ, казненныхъ по дѣлу

[1]) См. «Голосъ Минувш» № 10.

1-го марта 1887 г., подписались А. Ульяновъ и П. Шевыревъ. Изъ числа лицъ, привлеченныхъ по тому же дѣлу, подписались подъ адресомъ: І. Лукашевичъ, присужденный (въ 1887 г.) къ смертной казни и пробывшій затѣмъ около 19 л. въ Шлиссельбургѣ; О. Говорухинъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей, бѣжавшій передъ 1-мъ марта за границу; Н. Рудевичъ, судьба котораго вполнѣ сходна съ судьбою Говорухина. Довольно большая группа изъ подписавшихся была тою же осенью арестована того же 1886-го года и выслана за участіе въ такъ назыв. «добролюбовской» демонстраціи 21-го ноября. Среди нихъ назовемъ: Мих. Ив. Туганъ-Барановскаго, нынѣ профессора; Як. Лаз. Фридмана, извѣстнаго банковскаго и общественнаго либеральнаго дѣятеля 1890—1900-хъ годовъ въ Ростовѣ на Дону; П. М. Тренина (изъ Ѳеодосіи), впослѣдствіи раскаявшагося; сибиряка, Ал. Н. Ушакова; Ал. Дм. Павловскаго; Генрика Юліан. Великжинскаго. Изъ лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, назовемъ: пок. проф. М. Маклашевскаго, пр. пов. А. З. Городисскаго, педагога С. А. Переселенкова, писателя В. Поссе, издателя К. Пятницкаго, проф. М. Рыбалкина, проф. Ив. М. Гревса, философа Я. Колубовскаго, проф. Оль, Аничкова, Граве, Милюкова, В. В. Водовозова, Якобсона, Шерешевскаго, Я. Готовцева, Э. Мильцкаго, І. Кауфана, Д. Герке, С. Вайнштейна, Н. Булаева, М. Михайловскаго, М. С. Франкъ, П. Вознесенскаго, Пацевича, М. Нѣмзеръ, Д. Зѣрева, С. Дружинина, А. Попова, Пав. Литварева, Мих. Имшенецкаго, Вл. Кистяковскаго, Л. Бодиско, Рейтлингера, Н. Суханова. Однимъ изъ первыхъ подписался Ашитковъ. Послѣднему суждено было пострадать за живое участіе въ дѣлѣ собиранія подписей подъ адресомъ.

Объ этомъ имѣются официальныя свѣдѣнія, изложенныя нарочито суконнымъ канцелярскимъ языкомъ, слѣдующаго содержанія: «въ виду появившихся толковъ о возможности агитаціи студентовъ для составленія адреса бывшему приватъ-доценту Семевскому, со стороны инспекціи были приняты съ самаго начала лекцій, съ 16-го января, особыя мѣры самаго тщательнаго наблюденія за предупрежденіемъ возможной агитаціи. Въ понедѣльникъ 20-го января инспекціей была найдена въ одной изъ аудиторій прокламація, приглашавшая студентовъ къ составленію адреса. Хотя прокламація, повидимому,—по мнѣнію инспекціи,—не произвела на студентовъ благопріятнаго для автора впечатлѣнія, но мѣры наблюденія были усилены. И съ понедѣльника 27-го января служителямъ инспекціи удалось прослѣдить одного вольнослушающаго, подговаривавшаго студентовъ подписываться подъ *чѣмъ-то*. Этотъ вольно-

слушатель оказался канцелярскимъ служителемъ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Степаномъ Ивановымъ Ашитковымъ. Ему немедленно же былъ воспрещенъ входъ въ университетъ навсегда. По сличеніи же прокламаціи съ его прошеніемъ о допущеніи быть вольнослушателемъ оказалось, что почеркъ прокламаціи и прошенія Ашиткова одинъ и тотъ же». Объ этомъ обстоятельствѣ ректоръ университета сообщилъ директору департамента полиціи, а министръ народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣднее обстоятельство весьма характерно для университетской администраціи того времени. Какъ мы уже знаемъ (изъ статей въ октябрьской книгѣ «Голоса Минувшаго») Ашитковъ былъ арестованъ и высланъ изъ столицы.

Обращаясь къ содержанію студенческаго адреса, нельзя не отмѣтить большой простоты и сердечности, выраженной въ словахъ адреса о любви къ честному историку русскаго крестьянства; нельзя не отмѣтить правильной оцѣнки современности и самаго событія. Молодежь указываетъ и на «воцареніе духа новаго университетскаго устава» (1884 г.), и на позорное молчаніе общества и прессы. Если на уста печати была наложена печать молчанія свирѣпою цензурою того времени, то для молчанія общества не было и нѣтъ оправданія. Адресъ незабвенному Василію Ивановичу былъ не только выраженіемъ чувствъ уваженія и любви со стороны его аудиторіи, но и исполненіемъ общественнаго долга со стороны молодежи, и за себя, и за старшее поколѣніе.

Сергѣй Сватиковъ.

Критика и библіографія.

П. Покровскій. Бентамъ и его время. П-д. 1916 (XV+668, цѣна 4 руб.).

Недавно вышедшій трудъ автора, подъ указаннымъ заглавіемъ, представляетъ собой интересъ во многихъ отношеніяхъ; глубоко интересны взгляды и теоріи самого философа, интересны и эпоха и среда, въ которыхъ жилъ Бентамъ. Работа г. Покровскаго заслуживаетъ полнаго вниманія; она задумана и исполнена, хотя и не безъ недостатковъ, но все же удачно. Планъ работы слѣдующій: сначала авторомъ разбирается правовая и соціально-политическая обстановка, среди которой развивались доктрины Бентама (гл. I); потомъ указана идеологическая обстановка того времени (гл. II) и очерчена школа Бэкона (гл. III), изъ которой какъ бы выросло ученіе Бентама; далѣе идетъ очеркъ жизни философа (гл. IV) и изложеніе его ученія (гл. V); затѣмъ слѣдуетъ очеркъ касательно школы Бентама (гл. VI) и наконецъ, всему подводятся итоги въ гл. VII.

Центръ труда Покровскаго несомнѣнно находится въ пятой главѣ; начало книги какъ бы подготовляетъ читателя къ основнымъ вопросамъ, а конецъ представляетъ собой выводы автора. Такова архитектоника; въ принципѣ нельзя ея не одобрить; именно такъ, намъ представлятся, должно конструироваться изученіе доктринъ философіи права. Задумавъ свою заботу по вѣрному хорошему плану, авторъ однако не совсѣмъ справился со своей задачей. Извиненіемъ ему можетъ служить чрезвычайная обширность темы; изученіе Бентама и его эпохи касается такой массы вопросовъ, такихъ разнообразныхъ научныхъ областей, такого обилія матеріала, что на тщательную обработку и изученіе ихъ требуется не одна магистерская диссертація, а цѣлые тома убористой печати.

Начнемъ съ центральной, главной ея части. П. Покровскій раздѣлилъ соотв. главу на слѣдующіе подотдѣлы: о связи ученій Бентама со школой Бэкона, объ основномъ принципѣ Бентама (принципѣ пользы) и его методахъ, ученіе о нравственности, критическія работы Б., ученіе о гражданскомъ правѣ, о правѣ

уголовномъ, она градахъ, о процессуальномъ правѣ, о кодификаціи, о конституц. правѣ, о правѣ международномъ и наконецъ, религіозное ученіе Б. По этимъ отдѣламъ авторъ распредѣлилъ весь матеріалъ, касательно ученій Б. Изложеніе его подробно, добросовѣстно, тщательно, но безъ достаточной системы; читатель тщетно искалъ бы критической точки зрѣнія; это скорѣе рефератъ, чѣмъ научная обработка. Авторъ, правда, можетъ въ свое оправданіе сослаться на то, что онъ считаетъ себя глубокимъ поклонникомъ Б., что онъ принимаетъ самъ большинство его ученій; но такое оправданіе намъ казалось бы недостаточнымъ; преклоненіе предъ извѣстной философіей и принятіе извѣстныхъ теорій все же не должно исключить критики.

Подводя читателя къ центральной части своего изслѣдованія, г. Покровскій очень удачно даетъ ему предварительно картину той обстановки, въ которой жилъ философъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ главы эти нельзя однако признать вполнѣ удачными, хотя винить автора и въ этомъ мы не беремся; англійскій вѣкъ, создавшій Бентама, былъ очень сложенъ; жизнь била ключомъ въ различныхъ областяхъ; и въ экономикѣ, и въ соціальномъ строительствѣ, и въ области мысли и философіи, такъ что особенно трудно подвести ему выпуклые итоги на какихъ-нибудь 200 страницахъ. Первая глава посвящена главнымъ образомъ изслѣдованію экономической обстановки XVIII вѣка и сравнительно лучше второй, эта же послѣдняя трактуетъ объ исторіи политическихъ ученій. Отмѣтимъ мимоходомъ совершенно невѣрный и устарѣлый взглядъ автора на роль Георга III; прежде его дѣйствительно считали источникомъ всѣхъ золъ, такъ что американскія бонны даже пугали его именемъ маленькихъ дѣтей; но время это безвозвратно прошло, и теперь ни англійскіе ни американскіе историки (въ особенности послѣдніе, которыхъ эпоха Георга III вѣдь близко касается) не считаютъ его главнымъ виновникомъ ошибокъ англ. правительства второй половины XVIII вѣка; никто не будетъ отрицать, что личность короля была весьма мало привлекательна, но все же англійскую политику, на пройденный ею путь толкали весьма болѣе могущественные факторы, чѣмъ личная воля монарха. Зато хорошо оцѣнено авторомъ вліяніе французской философіи на англичанъ-радикаловъ.

Изложеніе III-ей главы страдаетъ тѣмъ же основнымъ недостаткомъ, какъ и гл. V: многословіемъ и недостаточной выпуклостью выводовъ, къ которымъ приходитъ самъ авторъ; ошибокъ нѣтъ, но читатель не выноситъ цѣльнаго впечатлѣнія; особенно расплывчато изложеніе корней будущихъ Бентамовскихъ ученій.

Глава, дающая намъ описаніе жизни философа, написана очень хорошо и едва ли не представляетъ собой наиболѣе занимательное чтеніе въ данной книгѣ; характеристики здѣсь прекрасныя и вѣрныя; картина жизни Бентама получается превосходная, со всей ея простоватостью внѣшней и глубиной внутренней. Для уразумѣнія психологіи Бентама глава эта даетъ очень многое и даже необходимое; безъ нея нѣкоторыя черты творчества Б. были бы совсѣмъ непонятны. Автору очень помогло его любовное отношеніе къ изучаемому философу.

Тусклѣе представляется намъ глава объ ученикахъ и школѣ Бентама; еще характеристика Дж. Милля и Рикардо достаточно ясно и вѣрно освѣщены, но личность и научная цѣнность Остина намъ кажется совершенно не ясной; съ выводами автора мы не можемъ согласиться.

Кромѣ того врядъ ли можно удовольствоваться изложеніемъ этой краткой главы вообще (всего только 48 стр.); и школа, и вліяніе Б. намъ представляются куда большими, чѣмъ то обрисовано г. Покровскимъ. Здѣсь должна была бы быть помѣщена еще цѣлая особая глава о вліяніи или вліяніяхъ Бентама на послѣдующія поколѣнія, глава, въ которой была бы выяснена жизненность его ученій, при чемъ можно было бы выдѣлить среди теорій Бентама то, что дало обширные ростки отъ того, что замерло, напр., вслѣдствіе своей утопичности. Въ такой дополнительной главѣ необходимо было бы отвести видное мѣсто заграничному вліянію Бентама, столь благому во многихъ отношеніяхъ; немалую часть главы заняло бы тогда изученіе тѣхъ воздѣйствій, которыя оказаны были ученіями этого философа на русскую жизнь. Для изслѣдованія вліянія Б. на Россію имѣется въ наше время много чрезвычайно интереснаго матеріала; работа Пыпина въ достаточной мѣрѣ устарѣла; съ 1869 г. (времени опубликованія послѣдней) много воды утекло, и историческая наука располагаетъ массой новыхъ фактовъ. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не воспользовался уже имѣвшимся въ его распоряженіи матеріаломъ и не далъ намъ такой картины внѣ государственнаго, такъ сказать, обще-мірового вліянія великаго утилитариста.

Касательно послѣдней главы мы также отмѣтимъ недостаточную законченность и выпуклость выводовъ автора. Онъ скорѣе просто пріялъ и реферировалъ ученіе Бентама.

Въ концѣ книги данъ рядъ приложеній. Изъ нихъ первое представляется намъ совершенно излишнимъ; это—филиппика противъ юридическаго метода германской науки, можетъ быть въ основѣ вѣрная и интересная, но здѣсь совсѣмъ неумѣстная. Остальныя четыре приложенія цѣнны; во второмъ даются необ-

ходимыя указанія касательно трудовъ Бентама и ихъ изданій, въ 3-мъ и 4-мъ указывается, полно и хорошо, литература о Бентамѣ, при чемъ сдѣланы нѣкоторыя интересныя примѣчанія относительно главнѣйшихъ сочиненій; наконецъ, въ 5-мъ приложеніи читатель найдетъ хронологическій указатель событій жизни Бентама.

Остается еще отмѣтить одинъ небольшой недостатокъ разобраннаго труда: плохую транскрипцію нѣкоторыхъ англійскихъ именъ; спора нѣтъ: это дѣло очень трудное, все же автору слѣдовало было быть нѣсколько болѣе аккуратнымъ; англійскія имена могутъ по-русски писаться *только фонетически*; авторъ въ большинствѣ случаевъ такъ и дѣлаетъ; иногда, однако, транскрипція дана невѣрная; такъ напр., догадайся, читатель, что Гузъ обозначаетъ англійское House, Боркъ вѣроятно Burke (?).

Подводя итоги, скажемъ, что, несмотря на отмѣченные недостатки, нѣкоторые изъ коихъ немаловажны, книга г. Покровскаго все же заслуживаетъ полнаго одобренія и несомнѣнно составляетъ интересный вкладъ въ отечественную науку. Читается она въ общемъ легко, и многое въ ней поучительно и интересно.

Проф. *С. А. Корфъ.*

P. S, Когда писались эти строки, никто не могъ предвидѣть безвременной кончины молодого автора; если бы я зналъ, что онъ не сможетъ мнѣ отвѣтить, я писалъ-бы рецензію въ нѣсколько иномъ духѣ. «С. А. К.»

Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева подъ редакціей В. Ѳ. Саводника. Выпуски 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 13 и 14.

Говоря о народности и романтизмѣ временъ Бѣлинскаго, Н. Полевого, Полежаева, Мочалова, отказывая этой эпохѣ въ имени народной, но зато вполнѣ признавая ее романтической, какъ эпоху «чаяній, тревожныхъ порываній къ чему-то, броженія силъ и даже безцѣльной траты ихъ», Григорьевъ готовъ назвать ее нашимъ Sturm-und Drang-Periode, но только съ русскими особенностями: нашъ періодъ бури и натиска былъ, «по нашему болѣе живому характеру, несравненно сильнѣе и нелѣпѣе. У нѣмцевъ—иное дѣло мысль, а иное дѣло жизнь: Кантъ и Гегель были самыми спокойными гелертерами, даже въ нѣкоторомъ отношеніи филистерами; мужество и старость Гете не похожи были на его юность, и изъ всего кружка этихъ буйныхъ юношей только одинъ Мефистофель-Меркъ кончилъ самоубійствомъ, да Шиллеръ рано умеръ, «съ горя, что онъ нѣмецъ», какъ выражался одинъ оригинально-умный россійскій циникъ. Но у насъ роман-

тизмъ и тревога отражались въ цѣлой жизни лицъ и даже поколѣній, ложившихся въ могилу такими же, какими были въ колыбели. Мы свято вѣрили въ то, что для нашихъ старшихъ на пути развитія братій было только броженіемъ умственнымъ, и прямо, нисколько не колеблясь, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, переводили въ жизнь идеи, часто даже плохо ихъ переваривши... Колоссальные замыслы, тревожные сны и—въ дѣйствительности—паденіе въ грязь цинизма, какъ Полежаевъ, или въ совершенно пустыя пространства, какъ Марлинскій, донъ-кихотство, принимавшее не разъ восточную и притомъ татарскую физіономію, истощеніе жизненныхъ силъ не въ борьбѣ, а въ праздномъ дилетантизмѣ, въ праздной игрѣ жизнью,—вотъ что отличало въ эту эпоху натуры, дѣйствительно могучія». Не знаю, имѣлъ ли въ виду Ап. Григорьевъ самого себя въ этихъ строкахъ, но для насъ, знакомыхъ съ его автобіографіей («Мои литературныя и нравственныя скитальчества»), съ воспоминаніями о немъ (къ сожалѣнію, скудными),—здѣсь портретъ «неистоваго Аполлона», peint par lui-même, портретъ, прекрасно передающій не только человѣческую, но и литературную физіономію Григорьева...

Какъ критикъ, онъ романтикъ въ томъ смыслѣ, какой самъ придаетъ этому слову, — въ смыслѣ «чаяній, тревожныхъ порываній къ чему-то, броженія силъ». Стоитъ вспомнить, съ какимъ подкупающимъ волненіемъ писалъ онъ о развитіи идеи народности въ русской литературѣ, какъ, принимая страстно желаемое за уже осуществленное, онъ находилъ истинное воплощеніе народности въ піесахъ своего кумира Островскаго. Онъ бывалъ иногда смѣшонъ въ восторгахъ передъ Островскимъ («Григорьева во снѣ видѣть—значитъ во время херувимской начать выкликать Островскаго»,—язвилъ въ своемъ «Сонникѣ» Щербина), въ преувеличенныхъ похвалахъ забытому теперь Лажечникову, но его восторги и преувеличенія были всегда результатомъ искреннихъ порывовъ тревожной, всегда бродившей и восторженно настроенной души. Смѣшнымъ казался порой его языкъ, его терминологія, дававшая иногда превосходный матеріалъ добролюбовскому «Свистку» и вынуждавшая самого Григорьева выступать со спеціальными объясненіями своего критическаго лексикона («Нѣсколько словъ о законахъ и терминахъ органической критики»), но въ самой туманности и неустойчивости его странной терминологіи чувствуется броженіе безпокойной мысли, которая какъ будто не даетъ намъ отстоявшихся, готовыхъ итоговъ, а вводитъ насъ въ самый процессъ лихорадочной работы критики.

Григорьевъ критикъ-романтикъ и въ другомъ, менѣе общемъ смыслѣ этого слова. Онъ съ гордостью называетъ своими учителями Шеллинга, «свѣтоноснаго мыслителя Запада», и Карлейля, «свѣтозарное отраженіе лучей Шеллингова генія на англо-саксонской почвѣ». Правда, искренность и нравственность въ искусствѣ—паѳосъ его критики, особенно нравственность, такъ какъ «художественное созерцаніе съ нравственнымъ по природѣ своей нераздѣлимо». Пушкинъ—величайшій національный поэтъ, но важнѣе всего—«моральный процессъ, совершавшійся въ его натурѣ»; Григорьевъ сожалѣетъ, что «многіе блестящіе и проницательные умы, сознавая великое значеніе въ нашей жизни Пушкина, какъ воспитателя художественнаго, не обращаютъ вниманія на его нравственное для насъ значеніе». Этотъ исключительный интересъ къ моральному моменту художественнаго творчества вполнѣ понятенъ: вѣдь, «въ процессѣ моральномъ... сложились мои воззрѣнія на жизнь и литературу», писалъ Григорьевъ Достоевскому. Чувство для него гораздо важнѣе мысли. «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго для него—первое выраженіе «сознательнаго чувства нашей критики»... «Я говорю *чувства*, а не *взгляда*», подчеркиваетъ Григорьевъ. Онъ жаждетъ въ искусствѣ цѣльнаго, непосредственнаго, не рефлектирующаго, по его терминологіи, «живого, неподорваннаго, рожденной, а не дѣланной правды».

Григорьевъ пытался изложить свои теоретическіе взгляды въ спеціальныхъ статьяхъ (вып. 2—«Основанія органической критики», четыре статьи). Но всѣ эти статьи, по его собственнымъ словамъ, только пропилеи къ тому зданію, которое онъ предполагалъ построить, а то, что онъ сумѣлъ и успѣлъ здѣсь дать, всегда прочувствовано, но не всегда продумано въ той мѣрѣ, чтобы найти себѣ выраженіе ясное и опредѣленное. Отвергая «историческую» критику Бѣлинскаго послѣдняго періода его дѣятельности, эстетическую критику теоретиковъ чистаго искусства и публицистическую критику Чернышевскаго, Добролюбова и ихъ послѣдователей, Григорьевъ пытался изложить собственную теорію «органической критики».

Григорьевъ давно забытъ. Въ 1889 году, по случаю двадцатипятилѣтія его смерти, В. А. Гольцевъ говорилъ о немъ, какъ о забытомъ писателѣ. Рѣдко вспоминали о немъ и въ слѣдующее двадцатипятилѣтіе. И какъ всегда это бываетъ съ писателями забытыми, его литературный портретъ, когда ему приходилось появляться на свѣтъ Божій, оказывался затянутымъ паутиной общихъ мѣстъ: славянофилъ, прямолинейный врагъ западничества вообще и Бѣлинскаго въ частности, критикъ, создавшій

себѣ кумиръ изъ «смирнаго» пушкинскаго Бѣлкина и во имя этого кумира не признающій въ жизни и литературѣ начала какого бы то ни было отрицанія и протеста... При ближайшемъ знакомствѣ сюда должны быть внесены существенныя поправки. Не говоря уже про то, что Григорьевъ отмежевался отъ такихъ извращеній славянофильства, какъ «Маякъ» или псевдонародныя творенія Загоскина и Кукольника съ братіей, онъ не во всемъ былъ согласенъ и съ чистыми, правовѣрными славянофилами. Они «мало знали жизнь народа изъ самой жизни». Они «отвергали *всякое* значеніе реформы (Петра), кромѣ вреднаго», защищали иногда «такія явленія допетровскаго быта, которыя никакими общечеловѣческими идеалами не оправдываются», а главное—его не удовлетворяло славянофильское пониманіе народности. Врагъ западничества, оказывается, признавалъ, что «передъ западничествомъ стоялъ высокій, передовой идеалъ жизни, идеалъ, честно проносимый сквозь всю безразсвѣтную тьму такими благородными дѣятелями, каковы были, напримѣръ, П. Я. Чаадаевъ, В. Г. Бѣлинскій, Т. Н. Грановскій». Врагъ Бѣлинскаго, видѣлъ въ Бѣлинскомъ писателя, «которому мудрено отказать въ имени великаго, по энергіи убѣжденія и силѣ таланта, человѣка», умѣлъ, не соглашаясь съ «теоріями» послѣднихъ лѣтъ жизни Бѣлинскаго, цѣнить въ немъ высокое художественное чутье, «высшую степень гуманности», считалъ его «вождемъ жизни». Проповѣдникъ смиренія, идеализировавшій образъ Бѣлкина, заявлялъ: «Мы были бы народъ весьма не щедро надѣленный природою, если бы героями нашими были Иванъ ПетровичъБѣлкинъ и Максимъ Максимычъ... Бѣлкинъ пушкинскій есть простой здоровый толкъ и здоровое чувство, кроткое и смиренное,—вопіющее законно противъ злоупотребленія нами нашей широкой способности понимать и чувствовать: стало быть, начало только отрицательное, правое только какъ отрицательное; ибо, предоставьте его самому себѣ,—оно перейдетъ въ застой, мертвящую лѣнь, въ хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова».

Незаконченное изданіе г. Саводника не имѣетъ цѣлью дать полное собраніе сочиненій Григорьева. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Для Аполлона Григорьева давно настало время историко-литературнаго изученія, а оно невозможно на основаніи лишь сборника, съ какимъ бы знаніемъ дѣла онъ ни былъ составленъ и изданъ. Съ другой стороны, изданіе г. Саводника излишне полно съ точки зрѣнія рядового читателя. Для того, чтобы познакомить съ основными взглядами Григорьева, можно было ограничиться нѣсколькими, наиболѣе важными статьями. Этихъ же немногихъ статей было бы достаточно, чтобы «ввести

идеи и взгляды Григорьева въ общій оборотъ, сдѣлать ихъ доступными сознанію русскаго общества», если вообще признать важность и необходимость этого заданія теперь, когда и безъ такой реставраціи методологія нѣкоторыхъ наиболѣе читаемыхъ современныхъ критиковъ повторяетъ и борьбу противъ историческаго направленія и пріемы идеалистической критики Григорьева,—правда, очень часто безъ его подкупающей непосредственности и рыцарски-благороднаго отношенія къ инако-мыслившимъ предшественникамъ.

Изданіе выходитъ выпусками въ цѣляхъ большей доступности отдѣльныхъ статей Григорьева широкому кругу читателей. Къ сожалѣнію, редакторъ изданія ставитъ иногда препятствія осуществленію этого добраго намѣренія. Такъ, читатель VI выпуска непремѣнно долженъ имѣть и V выпускъ, потому что въ VI выпускѣ пропущена пятая глава, посвященная Грибоѣдову, въ виду того, что она цѣликомъ вошла въ составъ спеціальной статьи о «Горѣ отъ ума» («По поводу новаго изданія старой вещи»), вмѣстѣ со значительными дополненіями (см. V вып. настоящаго изданія)». То же самое можно сказать и по поводу примѣчаній, столь необходимыхъ при чтеніи писателя стараго, да еще, по его собственнымъ словамъ, такого «любителя подымать забытыя явленія». Такъ, напримѣръ, по поводу «Атенея» есть примѣчаніе во II вып. и нѣтъ въ III, Соколовскій и Іеронимъ Южный пояснены въ VI вып. и оставлены безъ поясненія въ VII. Мѣстами примѣчанія отсутствуютъ тамъ, гдѣ они необходимы, особенно для рядового читателя (вып. II, стр. 133, 144, 158, III—7, 65, 99, VI—9, 63, 69, VII—63 и т. д.).

Въ общемъ вышедшіе пока выпуски, снабженные обширнымъ и обстоятельнымъ біографическимъ очеркомъ, содержательными вступительными замѣтками и обильными примѣчаніями, кладутъ прочное начало для заполненія давняго и существеннаго пробѣла, такъ какъ изданный Н. Н. Страховымъ въ 70-хъ годахъ первый и единственный томъ сочиненій Григорьева давно уже сталъ библіографической рѣдкостью. Въ этомъ несомнѣнная и серьезная заслуга г. Саводника [1]).

Н. М. Мендельсонъ.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Непериодическое изданіе подъ ред. Б. А. Лезина. Т. VI. Харьковъ 1915 г.

Послѣдніе тома этой серіи посвящены преимущественно философскимъ вопросамъ, уясненію самой проблемы «творчества»

[1]) Подробную характеристику А. А. Григорьева см. въ статьѣ С. Ашевскаго въ «Голосѣ Минувшаго» 1914 г. № 9. *Ред.*

на почвѣ теоріи познанія и художественнаго воспріятія. Объемистый VI выпускъ состоитъ всего изъ двухъ статей: «Очеркъ теоріи эстетическихъ ученій» Е. В. Аничкова и «Теорія искусства Канта въ связи съ его теоріей науки» Т. Раймова. Очеркъ г. Аничкова представляетъ собою сжатое изложеніе интереснаго и своеобразнаго курса по исторіи эстетики, читаннаго авторомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1906—7 г. Основной недостатокъ этого очерка: крайняя неравномѣрность его частей какъ по объему, такъ и по степени популярности изложенія, отсутствіе единообразнаго метода—плана. Начинается онъ главою «эстетика въ древности», характеризующей воззрѣнія на искусство Платона и Аристотеля, какъ родоначальниковъ двухъ основныхъ направленій въ эстетикѣ «идеалистическаго», подчиняющаго искусство какимъ-либо «высшимъ» (этическимъ, религіознымъ, познавательнымъ) цѣлямъ и «формальнаго», защищающаго право искусства на существованіе, какъ *особой* формы человѣческой дѣятельности, самой въ себѣ заключающей цѣль. Изложеніе дальнѣйшей исторіи античной эстетики (Плотинъ и другіе неоплатоники) совершенно скомкана. Глава о христіанской и средневѣковой эстетикѣ слабѣйшая въ статьѣ. Это опытъ апологіи религіознаго искусства какъ подлинно «реалистическаго». Конечно съ точки зрѣнія строго-гносеологической, не только наивная вѣра средневѣковыхъ художниковъ въ реальность предмета своей вѣры и видѣній, но и схоластическое ученіе о «реальности» общихъ понятій, выросшее на почвѣ платонизма, могутъ быть названы «реалистическимъ» направленіемъ мысли. Но именно этотъ *метафизическій* «реализмъ» болѣе всего *враждебенъ* (и въ философіи и въ искусствѣ) реализму, какъ лозунгу изображенія жизни, правдоподобнаго въ искусствѣ. Аничковъ чрезмѣрно затушевываетъ *борьбу* реализма и религіозныхъ тенденцій въ средневѣковомъ искусствѣ.

Дальнѣйшее изложеніе охватываетъ эпоху возрожденія, псевдо- и неоклассицизмъ (удачна характеристика поэзіи XVII—XVIII вв.), идеалистическую и романтическую эстетику, наконецъ реализмъ XIX в. съ позднѣйшими его развѣтвленіями. Отдѣльныя главы посвящены обзору «теоріи ужаснаго и смѣшного», опытомъ «научной» эстетики на психологической почвѣ (Спенсеръ, Фехнеръ), англійскому «эстетизму обыденной жизни (Рескинъ, Моррисъ), воззрѣніямъ Гюйо и Ницше (удачно сопоставленіе двухъ философовъ «полноты жизни», столь рѣзко расходящихся въ формѣ истолкованія этого лозунга). Въ главѣ о реализмѣ XIX в. правильно отмѣченъ чисто-эстетическій характеръ этого теченія въ западно-европейской литературѣ: вожди и теоретики «реа-

лизма» (Флоберъ, Бальзакъ) являются защитниками «чистаго» искусства; цѣль ихъ изображеніе, а не преображеніе дѣйствительности. Напротивъ въ *русской* эстетикѣ (которой авторъ посвящаетъ двѣ особыхъ главы) принципъ, «реализма» сочетался со стремленіемъ раскрывать *язвы* жизни и способствовать ихъ исправленію. Принципъ «прекрасное есть жизнь» и у Чернышевскаго и у Л. Н. Толстого понимался, какъ оправданіе *корней* «здоровой», «нормальной» жизни и горячій протестъ противъ ея временныхъ уродливостей и страданій. На той же точкѣ зрѣнія стоялъ въ сущности и Владимиръ Соловьевъ, мечтавшій объ активной религіозной миссіи искусства, какъ преобразующей жизнь дѣятельности. Въ главѣ о «новыхъ вѣяніяхъ» есть интересныя мѣста, но наиболѣе ясно обнаруживается туманность позицій автора, пытающагося выводить истины на оправдывающее жизнь міровоззрѣніе изъ ...Ѳомы Аквинскаго, отвергая «узкій» идеализмъ, чуть ли не за его «нѣмецкое» происхожденіе. Самостоятельный интересъ представляютъ двѣ послѣднихъ главы: «Очеркъ происхожденія поэзіи» и «Теорія эстетическаго воспріятія», какъ «о сознанія видимости предметовъ». Особое вниманіе удѣлено процессу *измѣненія* понятій о красотѣ, «возникновенію красоты изъ уродства». Въ цѣломъ сумбурный и противорѣчивый «очеркъ» Е. В. Аничкова все же цѣненъ, какъ одинъ изъ первыхъ у насъ типовъ «обозрѣнья» эстетическихъ теорій на всемъ протяженіи исторіи цивилизаціи, онъ будитъ мысль, хотя и соблазняетъ и ее скороспѣлостью нѣкоторыхъ выводовъ.

Какъ разъ обратнымъ грѣшитъ статья Т. Райнова. Очень обстоятельная и добросовѣстная по пріемамъ изложенія, статья эта рискуетъ остаться совершенно «безъ отклика» въ душѣ читателя, благодаря своей крайней сухости. Статья не даетъ цѣльнаго облика Канта, какъ эстетика, въ ней нѣтъ самаго главнаго, интуиціи, вчувствованія въ личность философа, все заполнено анализомъ частей и классификаціей. Статьѣ этой мѣсто на страницахъ спеціальнаго философскаго журнала, а не въ сборникѣ, все же предназначенномъ для широкой публики и «синтетическомъ» по общему заданію. Вообще на серьезныя опасенія наводитъ тотъ путь, на который сталъ г. Райновъ, какъ одинъ изъ руководителей серіи, Б. А. Лезина. Опасенія эти двоякаго характера: за судьбу серіи, уже раньше «опредѣлившейся» и слишкомъ искусственно «передѣланной» Райновымъ въ чисто философское изданіе, что несомнѣнно сузило кругъ ея вліянія и за судьбу несомнѣнно оригинальнаго, но чрезвычайно самодовлѣющаго и философскаго творчества самого г. Райнова, который, найдя въ этой серіи широкую возможность развить *свои*

мысли, совершенно какъ-то «оторвался» отъ *общей* линіи философскаго творчества нашихъ дней. VII сборникъ подтверждаетъ эти опасенія. Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ сборникѣ редакція окончательно утратила границы понятія «творчество». Подъ предлогомъ освѣщенія проблемы «научно-философскаго творчества» въ сборникѣ помѣщены интересныя статьи Зиммеля («Сущность Философіи») и Пуанкаре («Наука и Нравственность») въ сущности лишь весьма отдаленно соприкасающіяся съ вопросомъ о творчествѣ. Затѣмъ помѣщенъ отрывокъ изъ «Этики» Аристотеля, уже имѣющейся на русскомъ языкѣ въ хорошемъ переводѣ Э. Л. Радлова. Съ другой стороны, почти половину сборника заполняетъ статья Е. Шульца «Организмъ, какъ творчество», чисто біологическая, узко спеціальная, по языку и содержанію, и очень туманная, пожалуй даже рискованная по выводамъ. Только послѣдняя глава этой статьи,—рѣзкая и мѣткая критика этическаго и соціологическаго «дарвинизма», какъ апологіи сильнѣйшаго» и «приспособленнѣйшаго», имѣетъ широкій и даже «злободневный» интересъ. Рядомъ съ этимъ въ сборникѣ находимъ прекрасную, тонкую статью Горнфельда «О толкованіи художественнаго произведенія» (раньше напечатанную въ Русскомъ Богатствѣ» 1912 г.), достойную стать настольнымъ «введеніемъ» для литературнаго критика, и очень странныя, чисто индивидуальныя по терминологіи, какъ-то «праздно» висящія въ воздухѣ разсужденія П. К. Эгельмейера о «всеобщей теоріи творчества». Т. Райновъ далъ въ этотъ сборникъ статью «Обрывъ» Гончарова, какъ художественное цѣлое. Увы—жестокое разочарованіе ждетъ читателя, который будетъ искать въ этой статьѣ образецъ «толкованія художественнаго произведенія» хотя бы напр., въ духѣ, намѣченномъ А. Б. Горнфельдомъ. «Обрывъ» для г. Райнова—только поводъ, онъ пытается *умертвить* романъ, подводя его подъ 2—3 схемы почти математическаго характера («категорія сопричастнаго существованія» объясняетъ автору эпизодъ съ Бѣловодовой; категорія драматическаго взаимодѣйствія и—главный сюжетъ романа, исторію Вѣры, бабушки и пр.). Для того, чтобы высказать простую и вѣрную мысль объ отсутствіи въ «Обрывѣ» *цѣльности* сюжета, г. Райновъ разсуждаетъ на 40 слишкомъ страницахъ, изъ которыхъ напр. цѣлыхъ 10 стр. посвящены изложенію и критикѣ физико-философскаго ученія объ энтропіи («деградаціи» энергіи въ мірѣ), почти столько же проблемъ пространства и т. п. Въ душѣ автора энтропія и жизнь героевъ «Обрыва» *какъ-то* связаны. Но для читателя статья остается калейдоскопомъ. Г. Райновъ одинъ изъ ревностныхъ работниковъ на нивѣ молодой русской философіи и на-

вѣрное очень скорбитъ о превращеніи философіи въ «средство», яко бы господствовавшее въ русской журналистикѣ былого времени. Но право же «публицистическая» философія Чернышевскаго или Михайловскаго была гораздо полезнѣе для читателя и русской культуры, чѣмъ статьи Т. Райнова. Въ нихъ нѣтъ духа жизни, нѣтъ и стройной подлинной философіи, это разсужденія «по поводу», но поводъ-то не общественный, а чисто свой, случайное сочетаніе образовъ и мыслей ни для кого не обязательное. Больно и досадно за такое саморасбрасываніе серьезнаго и несомнѣнно нѣчто «обѣщающаго» писателя, тѣмъ болѣе, что «духъ» его писаній вліяетъ губительно и на судьбу всего сборника о творчествѣ.

А. Гизетти.

Сергѣй Бобровъ. Записки стихотворца. «Мусагетъ». Москва. MDCCCCXVI. Стр. 92. Цѣна 1 р.

Въ исторіи русской литературы восполняется въ настоящее время значительный пробѣлъ,—идетъ разработка вопросовъ метрики, остававшаяся у насъ почти цѣлое столѣтіе въ полномъ пренебреженіи. Послѣ классическаго труда Остолопова, вышедшаго еще въ 1818 г. («Словарь древней и новой поэзіи») только въ началѣ нынѣшняго вѣка вышло капитальное изслѣдованіе А. Бѣлаго («Символизмъ»), посвященное преимущественно четырехстопному ямбу. Этотъ трактатъ, при всей, невѣроятной нынѣ, затраченной на него работѣ, не вполнѣ удовлетворяетъ,—его выводы страдаютъ односторонностью и необязательностью. Тѣмъ не менѣе онъ легъ въ основу дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Новѣйшіе труды могутъ быть раздѣлены на три категоріи: одни послѣдователи занимаются систематикой сдѣланныхъ открытій въ области стихосложенія,—здѣсь почти единственнымъ является г. Шульговскій («Теорія и практика поэтическаго творчества». М. 1914); другіе дѣлаютъ самостоятельныя изслѣдованія частнаго характера—таковъ В. Брюсовъ, В. Чудовскій и С. Бобровъ; третьи—при анализѣ поэтическихъ произведеній попутно касаются вопросовъ метрики, таковы, напр., И. Н. Розановъ («Русская лирика») и пишущій эти строки («Вѣнокъ Лермонтову»). Особнякомъ стоитъ книга барона Гинцбурга («О русскомъ стихосложеніи». Птр. 1915), пытающагося—на нашъ взглядъ неудачно—установить новые принципы русскаго стихосложенія.

Дѣло это у насъ новое, и должно быть привѣтствуемо, какъ одно изъ важныхъ средствъ установленія метода, безъ котораго немыслимо пониманіе поэзіи. Съ этой стороны и слѣдуетъ привѣтствовать г. С. Боброва, какъ работника, увлеченнаго ходомъ

метрическихъ изысканій, слѣдящаго съ участіемъ за всѣмъ, что появляется въ этой области, горячаго полемиста и спорщика, но еще съ очень незначительнымъ багажомъ собственной работы. Издавъ въ прошломъ году брошюру, не оправдывающую своего заманчиваго заглавія («Новое о стихосложеніи Пушкина»), г. Бобровъ выпустилъ теперь книжку, интересную только критикой другихъ—очень дѣльной; собственное же изслѣдованіе, о согласныхъ въ стихѣ, только кропотливо. Г. Боброву, какъ и многимъ его сотрудникамъ въ этомъ дѣлѣ, грозитъ опасность—впасть въ излишнее мудрствованіе, которое онъ такъ успѣшно отмѣчаетъ у другихъ. Мудрствованіе это заключается въ томъ, что многіе пытаются установить новые принципы русскаго стихосложенія или осложнить первоначальные. Между тѣмъ, принципы должны быть неприкосновенны въ своей простотѣ и элементарности, и это одно обезпечиваетъ успѣхъ ихъ примѣненія.

Статейка о Языковѣ, открывающая собою книгу, носитъ случайный и поверхностный характеръ. Авторъ берется защищать Языкова, какъ поэта, будто бы неоцѣненнаго по достоинству, но вмѣсто характеристики его поэзіи, даетъ характеристику личности Языкова на основаніи недавно опубликованныхъ его писемъ. И, вопреки намѣренію автора, характеристика выходитъ непривлекательная: нравственная непорядочность, бѣдность умственной жизни, при пьянствѣ и развратѣ,—дѣлаютъ понятнымъ скорое оскудѣніе поэтическаго таланта Языкова и незавидную общественную позицію, занятую имъ въ 40-хъ годахъ.

Влад. Фишеръ.

В. Ѳ. Миллеръ. Историческія пѣсни русскаго народа XVI—XVII в.в. Петроградъ 1915 г. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Цѣна 3 р. 50 к. VIII+793.

Внимательное изученіе всѣхъ имѣющихся налицо варіантовъ эпической пѣсни считается теперь обязательнымъ правиломъ для каждаго изслѣдователя. Но всякому изслѣдователю устной поэзіи ясна та трудность, съ которой сопряжено ознакомленіе со всѣми имѣющимися въ печати пѣсенными текстами, иной разъ находящимися въ мало доступныхъ и случайныхъ изданіяхъ.

Покойный ревностный изслѣдователь русскаго эпоса ак. В. Ѳ. Миллеръ, испытывая при своихъ занятіяхъ эти неудобства, стремился объединить въ спеціальные сборники эти разрозненныя пѣсни. Такъ, имъ были изданы былины старой и новой записи (1894 г.) и былины новой и недавней записи (1908 г.). Незадолго до своей смерти В. Ѳ. Миллеръ предпринялъ на средства Академіи Наукъ, подъ своей редакціей, изданіе историческихъ

пѣсенъ за XVI—XVII в.в., появившееся однако въ свѣтъ уже послѣ его кончины. Послѣдняя часть сборника печаталась уже подъ наблюденіемъ Е. Н. Елеонской и А. А. Шахматова. Цѣнность этого изданія не подлежитъ сомнѣнію; не говоря уже о спеціалистахъ, для которыхъ сборникъ можетъ служить существеннымъ облегченіемъ въ ихъ работѣ, мы думаемъ, полное собраніе историческихъ пѣсенъ найдетъ доступъ также въ библіотеки вообще всѣхъ лицъ, интересующихся народной стариной. Пѣсни расположены по сюжетамъ, и уже одинъ ихъ перечень даетъ представленіе о томъ, что собственно изъ событій нашего прошлаго XVI—XVII вѣковъ привлекало къ себѣ народное вниманіе и нашло откликъ въ устной поэзіи. Особенно богата историческими пѣснями эпоха Грознаго. Взятіе Казани и Астрахани, набѣги крымскаго хана Девлетъ-Гирея, осада Пскова, покореніе Сибири, вотъ событія военной исторіи, нашедшія значительное отраженіе въ народномъ эпосѣ. Но еще, быть можетъ, сильнѣе запечатлѣлась въ пѣсняхъ личная и семейная жизнь Грознаго. Пѣсни поютъ о смерти первой жены Грознаго, объ его женитьбѣ на Марьѣ Темрюковнѣ и борьбѣ московскихъ удальцовъ съ шуриномъ Грознаго Мамстрюкомъ, объ его сыновьяхъ, гдѣ слышатся отзвуки убіенія Грознымъ своего сына, наконецъ, о смерти царя. Попутно въ историческихъ пѣсняхъ поется объ опричнинѣ, о Малютѣ, о терскихъ казакахъ и о правежѣ. Значительный слѣдъ въ русскомъ эпосѣ оставила также эпоха Смутнаго времени. Наиболѣе популярными пѣснями являются пѣсни объ идеализированномъ эпическомъ героѣ Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, а также пѣсни противоположнаго характера—о Гришкѣ Отрепьевѣ и Маринкѣ; сохранился также рядъ пѣсенъ о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ и событіяхъ этой эпохи. Изъ послѣдующихъ событій XVII вѣка историческія пѣсни остановили свое вниманіе на земскомъ соборѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ, убійствѣ кн. Карамышевскаго, походѣ царя Алексѣя подъ Ригу, выборѣ царемъ себѣ невѣсты, осадѣ Соловецкаго монастыря, Стрѣлецкомъ бунтѣ и Разиновщинѣ. На всѣ эти темы въ сборникѣ В. Ѳ. Миллера мы находимъ 354 пѣсенныхъ текста.

Хотя сборникъ вышелъ недавно, но уже и теперь можно указать рядъ пѣсенныхъ текстовъ, опубликованныхъ за послѣднее время и въ него не вошедшихъ. Страннымъ кажется намъ отсутствіе въ сборникѣ нѣкоторыхъ очень рѣдкихъ пѣсенъ изъ цикла пѣсенъ о Казанскомъ взятіи, напечатанныхъ самимъ покойнымъ В. Ѳ. Миллеромъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» (1913. XCVI—XCVII, въ статьѣ «Русскія и инородческія преданія о Казанскомъ походѣ Ивана Грознаго»), тѣмъ болѣе, что подъ № 306 помѣщена пѣсня о Стенькѣ Разинѣ, напечатанная первоначально въ той же книжкѣ того же журнала (въ статьѣ г. Зензинова).

Пѣсни въ сборникѣ размѣщены по сюжетамъ и въ такомъ порядкѣ губерній, что, само собой, получаются указанія на путь ихъ распространенія, часто совпадающій съ путемъ великорусской колонизаціи. Въ сборникъ В. Ѳ. Миллера вошли историческія пѣсни не только изъ мелкихъ и случайныхъ изданій, но и изъ крупнѣйшихъ сборниковъ произведеній русскаго эпоса (Кирши Данила, Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга и др.).

Мы увѣрены, что многіе, изучивъ сборникъ, еще разъ помянутъ добрымъ словомъ безвременно почившаго В. Ѳ. Миллера и мысленно поблагодарятъ его за этотъ полезный посмертный трудъ.

Борисъ Соколовъ.

Софоклъ. Драмы. Переводъ съ введеніями и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго (Памятники міровой литературы, античные писатели, изд. Сабашниковыхъ), т. II, стр. LXXVI+436, Москва 1915 г., т. III стр. VIII+440, М. 1914 г. Ц. по 3 р. за каждый томъ.

Мы имѣли уже случай говорить объ этомъ интересномъ изданіи по поводу появленія I тома [1]). Вслѣдъ за нимъ появился III и наконецъ, II томъ, такъ что теперь въ нашемъ распоряженіи полное изданіе греческаго трагика. Мы особенно отмѣчаемъ этотъ фактъ, такъ какъ у насъ это еще единственная осуществившаяся попытка дать въ полномъ видѣ греческаго трагика. Ранѣе такая попытка была сдѣлана И. Ѳ. Анненскимъ съ твореніями Эврипида; но она такъ и остановилась на 1 томѣ за смертью переводчика.

По содержанію въ этихъ 2 томахъ мы имѣемъ двѣ совершенно несходныя части: 1) переводы цѣльныхъ драмъ (II томъ и часть III) и 2) переводы отрывковъ (III томъ).

Намъ нѣтъ нужды рекомендовать читателю трагедіи, вошедшія во II томъ: это общеизвѣстныя даже и въ наше время трагедіи Ѳиванскаго цикла—«Царь Эдипъ», трагедія рока, «Эдипъ въ Колонѣ», трагедія благодати, «Антигона», трагедія власти; менѣе извѣстны входящія въ составъ III тома «Трахинянки», трагедія вѣрности, гдѣ героиней является романтическая фигура Деяниры, супруги Геракла, которая изъ ревности, желая приворожить любовь супруга, дѣлается невольной виновницей его гибели; наконецъ, новостью является недавно открытая въ Египтѣ сатирическая драма «Слѣдопыты» (т. III), гдѣ въ безподобной шуткѣ представленъ миѳъ о похищеніи малюткой Гермесомъ коровъ у Аполлона.

[1]) «Голосъ Минувшаго 1914 г. № 10, стр. 284.

Для большей полноты художественнаго впечатлѣнія ко II тому приложенъ образецъ музыки Мендельсона на слова одной изъ пѣсенъ хора въ «Эдипѣ въ Колонѣ».

Переходя къ отдѣлу отрывковъ, мы должны сказать, что это въ высшей степени интересная и оригинально выполненная часть. Отрывки недошедшихъ произведеній (изъ 120 драмъ дошло $7^1/_2$) собирались по крохамъ, частью въ видѣ цитатъ у различныхъ писателей, частью въ недавнее время на лоскуткахъ папируса. Между этими отрывками очень часто нѣтъ никакой связи, сами они нерѣдко загадочны по смыслу, такъ какъ вырваны изъ контекста. Все это объединить и выяснить для обыкновеннаго читателя—задача очень трудная. Въ обычныхъ научныхъ изданіяхъ фрагменты трагиковъ располагаются въ алфавитномъ порядкѣ трагедій. Нашъ издатель наоборотъ расположилъ ихъ по цикламъ сказаній, изъ которыхъ взятъ ихъ сюжетъ. Этимъ достигается цѣльность впечатлѣнія, если не отъ одной трагедіи, то отъ цѣлой группы ихъ. И книга становится, помимо своей прямой задачи, еще интереснымъ миѳологическимъ сборникомъ; въ ней воскресаютъ тѣ миѳологическія представленія, которыми насыщена и новая литература, и которыя стали приходить въ забвеніе лишь въ недавнее время. Фонъ этого собранія даютъ миѳологическія изысканія самихъ древнихъ, такъ какъ пересказъ миѳа у позднихъ писателей очень часто сводится прямо къ пересказу какой-нибудь трагедіи; затѣмъ еще широко использованъ г. Зѣлинскимъ интересный источникъ, матеріалъ новый и мало еще разработанный даже въ чисто научныхъ трудахъ,—вазовая живопись, въ которой увѣковѣчено не мало сценъ изъ драматической поэзіи. Наконецъ, мы находимъ, какъ дополнительный матеріалъ, и отрывки изъ римскихъ передѣлокъ греческихъ трагедій. Словомъ, получается удивительная мозаика, въ которой сочетаются проза, стихи и рисунки. Она даетъ читателю лучшее представленіе о томъ, какихъ художественныхъ перловъ лишилась литература съ утратой большинства произведеній поэта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ судьба «Слѣдопытовъ» даетъ нѣкоторое утѣшеніе, что, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ пескахъ Египта еще таится частица другая этого богатаго сокровища.

Вступительная статья во II томѣ составляетъ продолженіе того очерка, начало котораго помѣщено въ I т. Это характеристика творчества Софокла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отличительныхъ чертъ древней трагедіи, героической по преимуществу, ея техники и пріемовъ.

Разсматриваемое изданіе несомнѣнно будетъ сочувственно принято читающей публикой, но мы надѣемся, что почтенное

издательство выпуститъ параллельно съ этимъ, роскошнымъ и слишкомъ дорогимъ для средняго покупателя изданіемъ другое, маленькое изданіе тѣхъ же переводовъ, снабдивъ ихъ минимальнымъ количествомъ объясненій, чтобы произведенія Софокла можно было дать въ руки учащихся и чтобы молодыя поколѣнія дѣйствительно съ школьной скамьи проникались красотами античной поэзіи.

С. Радцигъ.

Графъ Павелъ Шереметевъ.—Вязёмы. 27 фототипій и 41 цинкографія. Изданіе «Русскія Усадьбы». Выпускъ I. Градъ святого Петра. 1916. in. 8-vo maiore. Стр. VIII+268+36. Ц. 10 руб.

«Русскія Усадьбы» начали выходить въ свѣтъ со второго выпуска «Петровское» въ 1912 г.; только что появился первый выпускъ «Вязёмы» и печатается третій «Льгово». Авторъ говоритъ въ предисловіи о своемъ изданіи такъ: «Сколько выйдетъ выпусковъ и въ какомъ порядкѣ поведется изданіе, сказать трудно. Одно можно сказать, что главное вниманіе будетъ обращено на коренную Россію и на тѣ изъ усадебъ, что лучше другихъ сохранили память прошлаго и полнѣе живутъ въ настоящемъ» (стр. V). Поскольку изданіе имѣетъ въ виду преслѣдовать научные интересы, остается неизвѣстнымъ, но, судя по предисловію и отдѣльнымъ мѣстамъ данной книги, можно предполагать, что на него дурно повліяютъ дилетантіумъ и своеобразная публицистика.

Предисловіе утверждаетъ, что книга посвящена «исторіи и описанію древней вотчины» Б. Ѳ. Годунова и съ 1694 г. рода князей Голицыныхъ села Вязёмъ. Вязёмы—село на большой можайской дорогѣ, въ 45 верстахъ отъ Москвы, близъ станціи Голицыно Александровской желѣзной дороги, въ настоящее время принадлежитъ князю Дм. Бор. Голицыну, внуку московскаго генералъ-губернатора (съ 1820 по 1844 г.) князя Дм. Вл. Голицына и начальнику императорской охоты. Въ основу изложенія положенъ архивный матеріалъ и сохранившіеся въ Вязёмахъ остатки старины. Подборъ архивнаго матеріала, а равно иллюстрацій не отличается планомѣрностью; документы приводятся иногда безъ всякой обработки, а самое изложеніе страдаетъ отсутствіемъ серьезнаго научнаго языка и пестритъ лирическими отступленіями, отнюдь не къ украшенію изданія.

Въ цѣломъ книга издана съ внѣшней стороны превосходно. Въ отношеніи иллюстрацій нельзя однако не сдѣлать нѣкоторой оговорки и по существу, и относительно исполненія. Для чего помѣщены, напр., такіе снимки, какъ «Въ отъѣзжемъ полѣ»

(стр. 267) или «Стадо Ольденбургской породы». Никакого отношенія къ тексту они не имѣютъ, ибо авторъ вовсе не касается хозяйственной исторіи села Вязёмы, что, конечно, болѣе чѣмъ странно. Серебряный родовой крестъ (стр. 190) и складень кн. Д. В. Голицына (стр. 158) представляютъ собою мазню и столь мелки, что надо удивляться, для чего понадобилось испортить изданіе подобными иллюстраціями (также стр. 78, 93—95). Къ стр. 114 подъ заглавіемъ «Собраніе миніатюръ въ Вязёмахъ» помѣщена очень неудачная фототипія, на которой мѣстами вмѣсто изображеній находимъ бѣлыя пятна; представляется непонятнымъ, какая цѣль преслѣдовалась помѣщеніемъ этой фототипіи. Въ данномъ случаѣ приходится быть очень придирчивымъ, такъ какъ изданіе должно быть отнесено и къ числу роскошныхъ, и долженствующихъ быть научно-интереснымъ. Не идетъ къ серьезному изданію и злоупотребленіе эпиграфами въ стихахъ, поговоркахъ и присказкахъ. Все это очень шокируетъ читателя, который въ описаніи вотчины Голицыныхъ предполагалъ найти трудъ, выполненный научно и внѣ всякихъ публицистическихъ потугъ и лирическихъ изліяній; наличностью этихъ послѣднихъ авторъ рѣшительно портитъ свою работу, придавая ей нежелательный характеръ дилетантскаго упражненія.

Книга состоитъ изъ семи главъ; одна изъ нихъ посвящена «краткому очерку исторіи Вязёмской церкви и описанію достопримѣчательностей». Подборъ архивныхъ матеріаловъ и выборъ темъ для описанія отличается случайностью и при томъ такого характера, что ни одна изъ темъ не можетъ быть признана исчерпанною. Авторъ какъ будто не считается ни съ какими требованіями историческаго разсказа, посвященнаго опредѣленному вопросу, и критикѣ въ общемъ нечего дѣлать съ текстомъ книги, развѣ что пожалѣть объ отсутствіи подлежащей серьезности въ дѣлѣ, которое таковой вполнѣ заслуживаетъ. Вся книга болѣе посвящена Голицынымъ, нежели Вязёмамъ. Капитальнымъ промахомъ является полное игнорированіе хозяйственнаго строя Вязёмской вотчины. Это—одна изъ непоправимыхъ ошибокъ изданія, свидѣтельствующая объ очень невысокомъ уровнѣ его научности. Послѣдняя глава посвящена Вязёмамъ начала XIX в., времени владѣнія имъ князя Дм. Вл. Голицына, московскаго военнаго генералъ-губернатора. Біографія этого лица можетъ представлять большой интересъ, и не даромъ авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ двѣ любопытныхъ иллюстраціи съ двухъ вещей, находящихся въ Вязёмахъ. Во-первыхъ, съ акварелью, изображающей Д. В. Голицына въ своемъ кабинетѣ московскаго генералъ-губернаторскаго дома. Во-вторыхъ, съ мраморнаго бюста

князя Д. В. Голицына, поднесеннаго ему 20 мая 1834 г. Московскимъ Купеческимъ Обществомъ, питавшимъ къ князю, если можно такъ выразиться, самыя нѣжныя чувства совершенно искренно. Голицынъ, дѣйствительно, былъ своеобразнымъ генералъ-губернаторомъ, и не даромъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ имѣется спеціальная премія за сочиненіе на тему о градоначальствованіи его въ Москвѣ.

Продолженія изданія «Русскія усадьбы» нельзя не пожелать; оно даетъ нѣчто и въ своемъ настоящемъ видѣ. Но если бы издателю угодно было ввести хоть нѣкоторыя исправленія, которыя отбрасывали бы подальше дешевую публицистику и дѣлали бы менѣе чувствительнымъ привкусъ дилетантизма, то, несомнѣнно, вся работа очень бы выиграла. И прежде всего необходимо ввести такъ или иначе матеріалъ по исторіи хозяйства крѣпостной вотчины. Пренебреженіе этимъ матеріаломъ въ наши дни своего рода преступленіе. Авторъ очень подчеркиваетъ свою любовь къ усадебному прошлому, но пусть онъ поменьше говоритъ на эту тему и побольше дѣлаетъ. Неужели въ Вязёмскомъ архивѣ матеріалъ подобнаго рода растраченъ и его уже нѣтъ вовсе. Нельзя же, издавая книгу въ первой четверти XX вѣка, ограничиваться мелочами и анекдотиками. Это не только ненаучно, но просто безвкусно.

В. Сторожевъ.

Новгородская церковная старина. Труды Новгородскаго Церковно-Археологическаго Общества. Томъ первый. I—193—1+LII. Новгородъ. 1914.

Новгородскій край, эта колыбель богатой исторической жизни, является неистощимымъ музеемъ древностей, въ особенности церковной старины. Всѣ эти сокровища гибли, расхищались и лишь сравнительно немногое поступало въ мѣстный музей новгородскаго общества любителей древности. Преимущественно церковный характеръ новгородскихъ древностей выдвигалъ на очередь вопросъ объ учрежденіи спеціальнаго церковно-археологическаго общества, которое могло бы воспользоваться для сбереженія и описанія памятниковъ церковной старины услугами готовой арміи кореспондентовъ во всѣхъ уголкахъ обширнаго Новгородскаго края—мѣстныхъ священниковъ. Этотъ вопросъ и получилъ практическое разрѣшеніе съ учрежденіемъ въ 1913 г. новгородскаго Церковно-Археологическаго Общества, имѣющаго цѣлью изученіе церковно-религіозной жизни новгородскаго края въ ея прошломъ и настоящемъ, охраненіе церковныхъ древностей

и образованіе церковно-археологическаго древнехранилища изъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ мѣстной церковной старины.

Передъ нами первый томъ трудовъ новоучрежденнаго общества, заслуживающій вниманія прежде всего, какъ новый опытъ организаціи мѣстнаго изученія. Въ этой прекрасно изданной книгѣ находимъ, помимо устава общества, исторіи открытія его, протоколовъ засѣданій съ изложеніемъ первыхъ шаговъ его дѣятельности, рядъ рефератовъ, посвященныхъ преимущественно новгородской церковной старинѣ. Рефератамъ этимъ предшествуетъ рѣчь учредителя общества, архіеп. новгородскаго Арсенія, по вопросу о сохраненіи и изученіи памятниковъ родной старины. Это въ особенности относится къ тысячелѣтнему Великому Новгороду, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ центромъ религіозной и промышленной жизни всего русскаго сѣвера, въ извѣстныя эпохи вносилъ новыя направленія въ эту жизнь и оставилъ намъ необыкновенное богатство вещественныхъ и рукописныхъ памятниковъ, несмотря на то, что послѣднія четыре столѣтія въ жизни новгородскаго края можно назвать грустной исторіей систематическихъ разграбленій того, что создавали, копили и оберегали новгородцы раньше. Авторъ призываетъ осуществлять лозунгъ, выдвинутый однимъ изъ археологическихъ съѣздовъ: «изучайте свою старину, а если на то нѣтъ желанія, то хоть сохраняйте ея памятники».

Рефератъ проф. А. Дмитріевскаго касается вопроса о значеніи въ исторіи русскаго искусства Великаго Новгорода, который лежалъ на водномъ пути «изъ Варягъ въ Греки» и весьма рано, почти на зарѣ своей политической жизни, пріобщился культурѣ блестящей столицы Св. Константина.

Рефератъ академика А. Соболевскаго—«Два слова о «корсунскихъ» предметахъ»—пытается дать догадку о происхожденіи эпитета «корсунскій» въ приложеніи къ предметамъ церковной старины. Корсунь, или Херсонесъ Таврическій, въ которомъ крестился Св. Владиміръ, получаетъ для Руси большое значеніе съ того времени, какъ путь въ Константинополь по Днѣпру до Чернаго моря былъ затрудненъ набѣгами кочевниковъ, а главное—когда Константинополь, попавъ въ руки латинянъ, потерялъ для православныхъ русскихъ значительную долю своего авторитета. Отсюда обиліе «корсунскихъ» предметовъ въ предѣлахъ Руси, Литвы, даже Польши. Въ дѣйствительности, однако, часть этихъ вещей не можетъ быть связана съ Корсунемъ,—многія изъ нихъ—средневѣковой западно-европейской работы. Такъ, Корсунскія врата въ св. Софіи Новгородской—несомнѣнно нѣ-

мецкой работы. Они попали въ Новгородъ съ береговъ Швеціи или Даніи и при томъ уже подержанныя, едва ли не какъ предметъ добычи новгородскихъ ушкуйниковъ; но они не подходили подъ обычные шаблоны работы, и потому имъ было усвоено наименованіе «корсунскихъ», съ которымъ соединялось, очевидно, представленіе объ оригинальной художественности.

Небольшой этюдъ проф. Д. Айналова—«Двѣ каменныя новгородскія иконки»—устанавливаетъ романское вліяніе, нѣсколько модифицированное византійскими и мѣстными вліяніями.

Въ популярно составленномъ рефератѣ проф. А. Яцимирскаго дается понятіе объ археологіи, какъ наукѣ, и устанавливается различіе между чисто «обывательскимъ» представленіемъ о ней и дѣйствительнымъ значеніемъ ея, какъ совершенно самостоятельной научной гуманитарной дисциплины.

Другія статьи сборника «Новгородской Церковной Старины» посвящены изученію церковныхъ памятниковъ новгородскаго края.

Нѣсколько особое мѣсто по своему содержанію занимаетъ рефератъ архіеп. Арсенія—«Русское вліяніе на молдавскую иконографію въ 17 столѣтіи». Въ наукѣ признано доказаннымъ, что позднее такъ называемое «византійское» вліяніе на русскую иконографію шло къ намъ съ Запада, изъ Италіи и ея греческихъ иконописныхъ школъ, чрезъ южныхъ славянъ и чрезъ Молдавію и Валахію. На основаніи интересныхъ документовъ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, недавно опубликованныхъ проф. С. Драгомиромъ въ «Analele Academici Române», авторъ устанавливаетъ факты обратнаго теченія въ обмѣнѣ между восточными и южными славянами въ области стараго искусства.

А. Лотоцкій.

Н. Л. Окуневъ. Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ. Петроградъ, 1916. Стр. 30. Ц. 3 р.

К. Фоссати. Храмъ св. Софіи въ Царьградѣ. Альбомъ рисунковъ. Изд. акц. общ. «Біохромъ». 1915. Ц. 4 р.

Старый храмъ св. Софіи, построенный при императорѣ Юстиніанѣ въ VI вѣкѣ, шедевръ византійской архитектуры, еще не дождался образцовой и научной русской монографіи, хотя важность этого памятника для всего стараго русскаго строительства неоспорима. Больше поработали надъ изученіемъ или описаніемъ св. Софіи на западѣ Salzenberg, Choisy, Zethaby and Jwainson, грекъ Антоніадесъ и др.), но еще далеко не все сдѣлано для этой научной темы, чтобъ считать ее исчерпанной. Книжка Окунева не даетъ ничего самостоятельнаго по этому же вопросу.

Написанная исторически совсѣмъ грамотно, она даетъ общій очеркъ литературы о св. Софіи, затѣмъ исторію ея постройки и періодическихъ перестроекъ, и наконецъ сжатое описаніе храма съ внѣшней и внутренней стороны, его общаго вида и отдѣльныхъ деталей; важно, что авторъ упоминаетъ и о мозаикахъ въ храмѣ, нынѣ въ значительной части замазанныхъ штукатуркой, какъ не соотвѣтствующихъ духу мусульманской религіи. Книжку можно тѣмъ не менѣе вполнѣ рекомендовать для перваго художественнаго ознакомленія съ св. Софіей и для введенія въ научный вопросъ о ней, такъ какъ она снабжена хорошо выполненными иллюстраціями, а на послѣдней страницѣ помѣщенъ списокъ важнѣйшихъ книгъ и статей о св. Софіи на всѣхъ языкахъ. Что же касается иллюстрацій, то можно пожалѣть лишь объ одномъ—что среди нихъ нѣтъ ни одного *общаго* вида на центральную часть храма внутри. Извѣстно, что *фотографіи* этого вида снять невозможно, и автору пришлось бы, можетъ быть, мириться съ не совсѣмъ точно-научнымъ изображеніемъ. Но обойтись въ научно-*популярной* книжкѣ безъ изображенія главной художественной красоты всего этого памятника—могучаго впечатлѣнія отъ центральнаго нефа св. Софіи—нельзя. Цѣна книжки—за 30 страницъ и 16 иллюстрацій невѣроятно высока.

Интересъ къ храму св. Софіи, зародившійся въ этомъ году въ связи съ ростомъ вниманія къ Турціи и въ частности къ Константинополю, вызвалъ повидимому и появленіе художественнаго альбома «Храмъ св. Софіи въ Царьградѣ». Это перизданіе современнымъ механическимъ (гемогравюрнымъ) способомъ стараго англійскаго литографскаго изданія (1852 г.) рисунковъ художника C. Fossati. Рисунки эти давно извѣстны въ ученомъ мірѣ по старому изданію, такъ что альбомъ представляетъ интересъ въ русскомъ текстѣ ужъ только для любителей. Самъ Фоссати вмѣстѣ съ ученымъ архитекторомъ Зальценбергомъ въ 1847 г. реставрировали по порученію турецкаго султана Софійскій храмъ, и результатомъ ихъ внимательнаго изученія постройки при реставраціи явились съ одной стороны извѣстная книга Зальцегберга о св. Софіи, а съ другой—названный альбомъ Фоссати. Но чисто-научное значеніе этихъ рисунковъ въ наше время, когда исторія искусствъ при изученіи памятниковъ работаетъ почти исключительно съ помощью фотографій,—не велико. Архитектурныя детали воспроизведены неточно, орнаментика точно также, и это лишаетъ всякій рисунокъ характера научной достовѣрности. За всѣмъ тѣмъ нельзя отрицать за этимъ альбомомъ и научно-художественнаго значенія. Именно византійскіе храмы, которые по условіямъ распредѣленія свѣта и

архитектурныхъ массъ далеко не во всемъ поддаются фотографическому изображенію, всегда будутъ нуждаться въ вольной рукѣ художника для запечатлѣнія ихъ на бумагѣ. Мы только что выше отмѣтили, что книжка Окунева для внутренняго вида храма даетъ лишь изображенія отдѣльныхъ его угловъ. Альбомъ Фоссати же какъ разъ, пренебрегая деталями, даетъ общіе виды центральнаго и боковыхъ кораблей, хоровъ и т. д. При этомъ рисунки оживлены группами живыхъ людей, что даетъ также приблизительное представленіе о размѣрахъ самаго храма или отдѣльныхъ его частей. Къ иллюстраціямъ прибавленъ очень краткій и почти ничего не говорящій объяснительный текстъ.

П. Шаскольскій.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Альманахъ Стремнины.** 1. К-во Слонимскаго. Ц. 2 р. 50 к. 2) **Асѣевъ, Н.** Оксана. Изд. Центрифуга. Ц. 1 р. 50 к. 3) **Временникъ.** В. Хлѣбниковъ, Божидаръ, Г. Петниковъ, Н. Асѣевъ. Ц. 50 к. 4) **Каталогъ** выставки гравюръ на деревѣ А. П. Остроумовой-Лебедевой. Каб. грав. им. моск. и рум. муз. 5) **Круковскій, А.** Забытые критики. (Къ 50 л. смерти А. Дружинина и Ап. Григорьева). 6) **Его же.** Плетневъ, какъ критикъ. (Къ 50 л. его смерти). Воронежъ. 7) **Лонгфелло.** Пѣснь о Гайаватѣ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 75 к. 8) **Морозовъ, Н.** Повѣсти моей жизни. Т. 1-й. «Задруга». Ц. 2 р. 50 к. 9) **Огни.** 3-я книга. Латышскій сборникъ. Из-во «Огни». Ц. 1 р. 75 к. 10) **Огни.** 4-я книга. Шишковъ. Сибирскій сказъ. Из-во «Огни». Ц. 1 р. 25 к. 11) **Петроградскій мировой судъ** за 50 л. (1866—1916). Т. 1-й и 2-й. Ц. за 2 т. 10 р. 12) **Россія и ея союзники** въ борьбѣ за цивилизацію. В. 3. Изд. Д. Маковскаго. Ц. вып. 3 руб. 13) **Стратоновъ, Ем.** Систематическій курсъ русской исторіи. Часть II. Орелъ. Ц. 1 р. 20 к.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

„Голоса Минувшаго"

за 1915 годъ.

(Составленъ В. Е. Сыропѣчковскимъ).

Въ указателѣ за 1915 г. такъ же, какъ и въ указателѣ за предшествовавшій годъ, полностью перечисляются лица, упоминаемые въ отдѣлахъ: русская исторія и исторія русской литературы. Изъ лицъ, упомянаемыхъ въ отдѣлахъ всеобщей исторіи и исторіи литературы, берутся только тѣ имена, которыя **встрѣчаются по связи съ исторіей Россіи** или которымъ **посвящены въ журналѣ особыя статьи.** Нѣкоторое исключеніе сдѣлано для Польши и Галиціи, исторія которыхъ болѣе тѣсно связана съ русскою исторіей.

Въ видахъ нѣкотораго сокращенія указателя подъ именемъ автора рецензій дается лишь перечень прорецензированныхъ имъ книгъ, полное же названіе книги дается подъ именемъ автора самой книги. *Ред.*

А.

А. С. Ея воспом. о Гл. Успенскомъ. V. 220—225.
Абаза, А. А., госуд. дѣят. II. 212.
Абашевъ, проф. X. 170.
Абрамовъ, Я. В., пис. IV. 227—229. VII — VIII. 215 — 217. X. 213, 214, 219—226.
Авалiани, С. Я., Ст.: „50-лѣтіе крестьянской реформы въ Закавказьѣ". VI. Рец. *Г. Вешапели* его кн.: „Крестьян. вопросъ въ Закавказьѣ", т. 3. XI.
Аверкіевъ, оф. IV. 201, 202.
Автократовъ, С. П., филос. X. 114.
Авдѣевъ, М. В., пис. VI. 231. XI. 260.
Агрипопуло, пол. дѣят. IX. 211.
Гр. Адлербергъ, В. Ф., I. 157, 158.
Аксаковъ, И. С. II. 199, 252. III. 71, 80. IV. 232, 233. IX. 232—249. XI. 33, 63. XII. 68, 69.
Аксаковъ, К. С. XI. 186. XII. 64, 66.
Аксаковъ, С. Т. IX. 8. XII. 66.
Аксеновъ, прист. V. 166, 168, 169, 174, 179, 181.
Акуловъ, томск. адвок. IX. 176, 177.
Алдановъ, М. Рец. *В. Фишера* его кн.: „Толстой и Роллапъ". XI.
Александровъ, всмс. дѣят. V. 116.
Александръ I. I. 101—103. II. 242. III. 264. V. 147, 152, 153, 155. VI. 48, 55, 137—139, 144, 145, 147, 151—156, 159. VII—VIII. 112. IX. 196, 197, 206. X. 9, 102, 103, 107, 108, 111, 185, 187—190, 241. XII. 230.
Александръ II. I. 22, 23. IV. 146. 151, 156, 158, 163, 176, 181. V. 75. VI. 98, 116, 120, 161—163, 231, 232, 237. VII—VIII. 70—72. IX. 170, 254. X. 34. XI. 158, 191, 192, 201. XII. 132, 229.
Александръ III. II. 210. X. 267.
Алексѣй Михайловичъ, IX. 106, 110—112, 118.
Аполеусъ, Д. М., посолъ въ Стокг. VI. 45.
Алчевская, Х. Д., X. 204, 226.
Альбединскій, П. П., ген.-губ. I. 145.
Альбовъ, пис. VII—VIII. 215.
Альтфатеръ, оф. X. 113.
Альфонскій, А. А., проф. IX. 216.
Аминовъ, татар. III. 151.
Ан., Н. П., дир. корп. VI. 120.
Анатолій, арх. X. 27.
Ангелина, игум. V. 163, 165—168, 171—173, 175, 182.
Ангеловичъ, еписк. II. 29, 32.
Андреевскій, И. Е., проф. IV. 168, 171.
Андреевъ, докт. V. 180.

Андреевъ-Бурлакъ, В. П., арт. IV. 224, 226, 227, 233.
Андреянова, балер. VII. 84, 85.
Андрущенко, пол. дѣят. IV. 202. IX. 210, 211.
Анисимовъ, П. Я., стат. XII. 221, 222.
Аничковъ, дир. деп. мин. нар. просв. II. 177, 178, 180.
Аничковъ, Е. В., Рец. *М. Грушевскаго* его кн.: „Язычество и древняя Русь". III.
Анквичъ, польск. пол. дѣят. IV. 70.
Анквичъ, митроп. IV. 78.
Анна Ѳеодоровна, вел. кн. X. 105.
Анненкова, П. Е., жена декабр Рец. *К. Сивкова* ея „Записокъ". IX.
Анненковъ, сек. Неклюд. V. 46.
Анненковъ, ген. XI. 153.
Анненковъ, суд. слѣдов. XI. 155, 156, 160.
Анненковъ, М. Н., флиг.-адъют. XI. 211.
Анненковъ, Н. Н., поп. мед.-хир. акад. VI. 193.
Анненковъ, П. В., пис. IX. 51. X. 39, 53.
Анненскій, Н. Ф., пис. IV. 130, 131. V. 120, 121. VII—VIII. 211. X. 215, 219. XI. 98.
Антонелли, П. Д., полиц. аг. по дѣлу Петраш. III. 30, 33. XI. 17, 24—26, 30—33, 39. XII. 42.
Антоновичъ, В., проф. I. 269.
Антоновичъ, М. А., Ст.: „Редакц. „Современника" въ 1866 г.". II. *О немъ:* I. 5, 9—12, 14, 19, 23—25, 28, 29, 35. IX. 131—136. X. 38—40, 42—48, 54, 66, 67, 70, 71. XI. 79, 80.
Антоновъ, дьяк. V. 169.
Апраксинъ, С. Ѳ. IV. 8, 9.
Апухтинъ, А. Н. XII. 153, 159.
гр. Аракчеевъ, А. А. I. 221—223.
Арбузовъ, Н. А., поэтъ. XI. 161, 168.
Арефьевъ, В., пис. V. 81—83.
Аристовъ, В. И. I. 159.
Аристовъ, Е. Ф., проф. XII. 9—14, 33.
Армфельдъ, проф. IX. 263.
Армфельдъ, Н. А., пол. дѣят. VII—VIII. 232, 233.
Арнольдъ, Ф. М., земс. дѣят. XII. 211.
Арсеньевъ, П. А., пис. XII. 157, 158.
Арсеньевъ, К. К. Его ст.: „Изъ воспоминаній". II. *О немъ:* IV. 158, 159.
Арсеньевъ, Н. Д., ген. IV. 67.
Артамоновъ, ген. V. 176, 177.
Артемовскій-Гулакъ, укр. пис. IV. 81, 86
Артемьева, крест. II. 128
Арцимовичъ, В. А., X. 173. XI. 245. XII. 152.
Асенкова, арт. III. 60, 64, 65.
Аскеназы, III. Рец. *И. Рябинина* его кн.: „Царство Польск. 1815—30 гг." XII. *О немъ:* VI. 40, 42—44.
Афанасенко, чл. слѣдств. комисс. по „Кавказс. загов.". VI. 166, 167, 175.
Ахматова, Е. П. V. 198.
Ахшарумовъ, Д. Д., I. 153. V. 63. XI. 10, 26.
Ашкаренко, Г. А., арт. IX, 155.
Аѳанасьевъ, А. Н. Рец. *Н. Сидорова* его кн.: „Народн. русск. легенды". II.
Аѳанасьевъ, Г. Е. Ст.: „По поводу ст. А. Е. Кауфмана „За кулис. университета-юбиляра". XII. *О немъ:* X. 166, 167.

Б.

Бабстъ, П. К. IX. 50, 51, 263. XI. 176, 189.
Багалѣй, Д. И. Рец. *М. Грушевскаго* его кн.: „Русск. исторія", т. 1. IX. *О немъ:* I. 268.
Кн. Багратіонъ, жена фельдм. V. 151.
Багрій, А. Рец. *Н. Кашина* его кн. „М. Ю. Лермонтовъ въ юбил. литературѣ". XI.
Баеръ, препод. корп. VI. 123.
Бажинъ, Н. Ѳ., пис. V. 213.
Базуновъ, книгопрод. I. 210. VII—VIII. 212. IX. 65.
Баймаковскій, прис. пов. XII. 155.
Бакунинъ, М. А. I. 119, 121. II. 73—76. 80, 81. III. 18—20, 23, 30, 37, 45—50, 52. IV. 161, 196, 200, 201, 204, 215, 216. V. 5—42, 50. VII—VIII. 16. IX. 175. X. 124, 127, 130—133, 139, 140, 144
Баласогло, петраш. III. 48. XI. 6, 9, 10, 26. XII. 39, 45.
Балинскій, П. Рец. кн. *Сароли Крэмба.* VI.
Баллодъ, студ. IV. 202.
Баллодъ, Ф. В., пис. Рец. кн.: 1) *Диля.* VII—VIII. 2) *І. Гунгера и Г. Ламера.* IX.
Вальмонтъ, К. Д., V. 310—312.
Бантышъ-Каменскій, ист. IV. 82.
Банцлебенъ, прис. пов. I. 159.
Баранниковъ, А. П., пол. дѣят. V. 100.
Барановскій (дѣло петраш.). XI. 9, 10.
Барановъ, нижег. губ. IX. 157, 158.
Барановъ, К. П., жанд. полк. XI. 265, 266, 271.
Баранцевичъ, К. С. VII—VIII. 215—217.
Барилотти-Садовская, М. К., арт. VII—VIII. 164.
гр. де-ла-Бартъ, Ф. Г. Рец. кн. *С. В. Соловьева, Жирмунскаго и Жерлицына.* V. *О немъ:* X. 321—324.
Баршевъ, С. П., проф. IX. 257, 265.
Барыковъ, Ѳ. Л., гос. дѣят. II. 214.
Кн. Барятинскій, А. И. IV. 144, 145. VI. 82.
Кн. Барятинскій, В. П., об.-шталм. XI. 165.
Басаргинъ, Н. В. VI. 189.
Батеньковъ, Г. С. I. 221. XI. 245.
Батуринскій, пис. III. 48, 49.

Ватюшковъ, О. Д. Рец. кн.: „*Вѣнокъ* М. Ю. Лермонтову". II.
Баумгартенъ, дир. воен. гимн. VII—VIII. 99. XI. 182, 183. XII. 133.
Бахметевъ, поп. Моск. уч. окр. IX. 216, 257, 263, 269.
Бахметьевъ, секр. „Рус. Мыс.". IV. 242, 243, 245.
Бахъ, А. Н., пол. дѣят. IV. 132—135, 138.
Бачмановъ, полковн. XII. 132—136.
Башуцкій, сен. XII. 152.
В—ва, В. П., знак. Петраш. III. 20, 22.
Безносиковъ, М. С., золотопр. IX. 211.
Безобразовъ (дѣло Петраш.). XI. 40.
Безсоновъ, Кузн. мѣщ. VII—VIII. 141.
Бекетовъ, Ап. Н., инж. III. 142, 143. XI. 39.
Бекетовъ, Ан. Н., проф. III. 142. V. 128. XI. 39.
Бекетовъ, В. Н., ценз. IX. 53.
Бекетовъ, Н. Н., ак. III. 142. XI. 39.
Беклемишевъ, чл. Сов. Гл. Упр. Вос. Сиб. III. 31—33, 37, 46, 47. V. 46.
Беклемишевъ, А. П., петраш. XI. 40.
Бекю, докт. VII—VIII. 24, 25, 36, 38.
Бельгардъ, ген., нач. Калишск. воен. отд. XI. 209—214, 228, 232.
Бемеръ, Г. Рец. *А. Васютинскаго* его кн. „Іезуиты". IX.
Бенардаки, Амур. куп. III. 28.
Беневоленскій, студ. IV. 202.
Бенедиктовъ, В. Г. VII—VIII. 96—99, 100, 102. XI. 172, 176, 180—182, 186, 190, 196, 202, 203. XII. 124.
Бенеке, пед. III. 256.
Бенкендорфъ, бригад. IV. 26.
гр. Бенкендорфъ, А. А. I. 39, 62, 160, 162. III. 60. X. 20.
Бенкендорфъ, Х. П., рижс. воен. губ. VI. 48.
Беннигсенъ, гр. Л. Л. X. 108.
Берви, В. В. (Флеровскій). Его „Воспоминанія". III. IV. VI. VII—VIII. IX. *О немъ:* V. 127—135, 138—141. VI. 169—172, 175, 178—183, 186. VII—VIII. 134, 139. IX. 140, 174—176, 179—181, 186, 190—193. X. 112, 114, 116—118. XI. 265. XII. 46.
Берви, Е. П., жена пис. Ея ст.: „Изъ моихъ воспоминаній". V. VI. VII—VIII. IX.
Берви, от. пис. V. 128—130.
гр. Бергъ, Ѳ. Ѳ. I. 277. XI. 206—210, 214, 221, 230.
Бергъ, Л. Его ст.: „Внѣшн. полит. Ник. I передъ войной 1853—56 г." I.
Бердяевъ, П. А. II. 97.
Березина, Е. Д., невѣс. Н. И. Пирогова. V. 191, 198, 203.
Березинъ, Д., тесть Пирогова. V. 200, 203.
Березинъ, И. П., проф. XII. 8.
Березовскій, чл. экспед. Потан. IX. 221, 222.
Берестовъ, А. П., худ. XI. 26.
Берингъ, А. А. IX. 252.
Беркутъ, Л. Н. Рец. *В. Вузекула* его кн. „Борьба за инвест. во время имп. Генр. V". X.
Берлинъ, П. А. Рец. кн.: „*150 лет.* Никол.-Бахметев. хрустал. зав. кн. А. Оболенскаго". VII—VIII.
О. Бернадскій, пед. XII. 140.
Бернштейнъ, П., этногр. III. 109.
Бертенсонъ, С. Л., Рец.кн.Henry Prunières.XII.
Бестужевъ, Н. А. XII. 230.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. IV. 168, 171.
Бестужевъ-Рюминъ, М. П. I. 105, 106, 111, 112.
Бибиковъ, Д. Г. X. 25.
Бибиковъ, П. А., пис. I. 153.
Бикерманъ, И. Ст.: „Цесар. Константинъ и 11 мар. 1801 г.". X.
Бикъ, Н. Ѳ., препод. корп. VI. 119, 123.
Бильбасовъ, суд. слѣд. II. 122. XII. 150, 157.
Бильбасовъ, В. А. XII. 198.
Бирецкій, Галиц. общ. дѣят. IX. 78, 80. 82.
Бирюковъ, П. И. VI. 224, 225.
Кн. Бисмаркъ, О. V. 38, 40—42.
бар. Бистромъ, А. А. невѣс. Н. И. Пирогова. V. 188, 189, 191—206. VI. 195, 196, 198. XII. 204, 207.
Біази, арт. VII—VIII. 146.
Благовѣщенскій, Н. М., проф. IV. 145. XII. 8.
Благосвѣтловъ, Г. Е. XI. 248. 270. XII. 57.
Бланъ, Г., бакун. V. 7, 23.
Блиновъ, нижег. куп. XI. 157, 160.
Бліохъ, фин. дѣят. III. 94.
Гр. Блудовъ, Д. Н. I. 127, 128. VI. 215. X. 13, 19, 20. XII. 64.
Блюмеръ, IV. 202.
Блюмеръ, пол. дѣят. IV. 197, 202.
Боборыкинъ, П. Д. IV. 227. IX. 18, 19, 32. X. 44, 274.
Гр. Бобринскій, А. А. IV. 164, 165. XI. 183.
Бобрищевъ-Пушкинъ, П. С. XII. 231.
Богаевскій, В. И., суд. дѣят. II. 128.
Богданова, Н., балер. XI. 170.
Богдановичъ, гв. оф. XI, 205.
Богдановичъ, А. И., пис. VII—VIII. 209—211.
Богдановичъ, А. Ф., пол. ссыл. XI. 246.
Богдановскій, А. П., проф. X. 166, 167.
Богдановъ, артил. оф. X. 112, 113.
Боголюбскій, Н. С., нач. Томск. горн. окр. I. 73—75.
Богучарскій, В. Я. Ст.: „Обществен. движен. 60-хъ год. подъ перомъ его казени. изслѣдоват.". IV. *О немъ:* II. 85. VI. 279. VII—VIII. 223—231, 233.
Бодянскій, О. М., IV. 105. XI. 275.
Бондаревъ, Т. М. сект. VI. 225—228.
Боргъ, жанд. полк. V. 71.

Борецкій, арт. I. 53.
Борзенковъ, А. А., проф. IX. 216.
Бориславскій, Н. М., антрепр. VII—VIII. 167.
Борисова, Е. П., арт. VII—VIII. 153.
Борисовы, бр., дек. I. 111.
Боровскій, Л. VII—VIII. 24.
Бородинъ, арт. VII—VIII. 164.
Бородкинъ, М. Рец. *С. Корфа* его кн.: „Исторія Финляндіи". XI.
Бострем, Е. В., жена красноярск. губерн. ветерин. V. 70, 82.
Боткинъ, В. П., I. 20. IX. 44, 46, 48—51, 55—58. X. 39, 147.
Бочкаревъ, В. Н. Рец. *Г. Вернадскаго* кн.: „Московск. государс. XV—XVII вѣковъ по сказан. современ.-иностранц." II.
Бочкаревъ, П. И., земск. дѣят., IV. 211, 212. VI. 279, 280.
Боянусъ, А. К. Его: „Поправка къ воспом. П. Л. Юдина". XII.
Боярская, Е. П., арт. VII—VIII. 164. IX. 148, 149.
Брадке, чин. I. 129.
гр. Браницкій, пол. дѣят. XI. 234.
Брелуенъ, подавн. воен. уѣзди. XI, 234, 235.
Брешковская, Е. К. IV. 108—110, 112, 113, 120—122.
Брикнеръ, проф. X. 173.
Бродскій, Н. Л. II. 282.
Брозинъ, полк. X. 191.
Брокъ, мин. фин. XI. 201.
Бруни, Ф. А., худ. XI. 195.
бар. Брунновъ, пос. въ Лондонѣ. VII—VIII. 255—257.
Брюлловъ, К. П. XI. 183.
Брянскій, Я. Г., арт. I. 54, 62. III. 72. 73.
Брянчанинова, арт. VII—VIII. 146.
Бугровъ, нижег. куп. XI. 157.
Бузескулъ, В. П. Рец. кн.: 1) *М. М. Хвостова*. III. 2) *Л. Беркута*. X. Рец. *Г. Пригоровскаго* его кн.: „Лекціи по истор. Греціи, т. I". VII—VIII. Рец. *В. Герцева* его кн.: „Современ. Германія и нѣмец. историч. наука 19 ст." XII.
Булгаковъ, С. Н. II. 97, 114, 115.
Булгаковъ, Я. П., пос. въ Варшавѣ. IV. 51.
Булгакъ, ун. митр. X. 10, 11, 19.
Булгаринъ, Ѳ. В. I. 40. III. 72, 73. VI. 193. X. 58, 59. XII. 64.
Буличъ, Н. Н. XII. 17, 18, 32.
Бунаковъ, Н. Ф. III. 256. V. 257.
Бунге, Н. Х. II. 214. V. 255, 256.
Бурачекъ, С. А., лит. XI. 184, 193.
Бурбье, арт. I. 64, 65.
Буренинъ, В. П. I. 215, 216. IV. 221, 224.
Буркова, М. П. I. 157, 158.
Бурлака-Кирносъ, П. Е., арт. IX. 150—152.
Буташевичъ-Петрашевская (мать Петраш.). I. 76, 86, 87. III. 18, 19. V. 74, 75.
Буташевичъ-Петрашевская, А. В. (Семевская, сес. Петраш.). III. 18, 19. V. 54, 55, 60, 66, 72, 74, 76, 77.
Буташевичъ-Петрашевская, О. В. (Попова, сес. Петраш.). I. 76. III. 19.
Буташевичъ-Петрашевская, С. В. (Деморъ, сес. Петраш.). III. 19, 21.
Буташевичъ-Петрашевскій, М. В. I. 66, 69—77, 79—87. III. 18—57, 136, 137, 141, 142. V. 43—84. IX. 176. XI. 9, 11, 16—18, 24—31, 38—40, 42, 43. XII. 35, 37, 39, 40, 42, 46, 49, 51, 52, 68—71.
Бутенко, В. А. Ст.: „Кн. Бюловъ о современ. германс. политикѣ". II.
Бутковъ, Я. П., пис. X. 59. XI. 42, 43. XII. 43.
Бутлеровъ, А. М. XII. 32.
гр. Бутурлинъ, А. Б. IV. 17, 18, 20.
Бутурлинъ, Д. П. I. 161. XI. 16.
Бутурлинъ. I. 131.
Бухгеймъ, Б. Рец. *Сватикова* кн.: „По Италіи". VII—VIII.
Бухгольтцъ, прус. пос. въ Варш. VI. 19, 24.
Буховичъ, арт. IX. 149.
Бухъ, пом. пр. пов. V. 115, 118, 119.
Буцковскій, Н. А., сен. XII. 152.
Буяновъ, низж. куп. XI. 157, 160.
Быстровъ, проф. IX. 214, 217.
Бычекъ, П., іоанн. V. 162.
Бычковъ. XII. 220.
Бышевскій, пол. повст. XI. 221, 222
Бѣлевцовъ, суд. слѣд. V. 179.
Бѣлецкій, галиц. проф. II. 28.
Бѣлинскій, В. Г. I. 56, 58, 60. 63. 116, 117, 120, 121. II. 71. III. 136. IX. 39, 40, 42—49, 51, 55, 59. X. 42, 46—48, 53, 57, 59. XI. 8, 20—23, 31—33, 36, 42, 81, 92, 250. XII. 40.
Бѣлоголовый, А. А., нрк. куп. III. 38, 39, IX. 222.
Бѣлоголовый, А. В., нрк. куп. III. 26, 27.
Бѣлоголовый, Н. А., III. 21, 48, 49. V. 50, IX. 220, 221.
Бѣлокрыльцевъ, сол. прист. I. 150, 153.
Бѣльская, С., арт. VII—VIII. 146.
Бѣльскій, Д. А., антреп. IX. 156.
Бѣляевъ, поп. Варш. уч. окр. XII. 190, 191.
Бѣлявскій, П., еписк. II. 28.
бар. Бюлеръ, К. Я. VI. 37.
Бюцовъ, посл. въ Китаѣ. III. 39.

В.

Вавельбергъ, фин. дѣят. III. 94.
Вавиловъ, чин. еннс. губ. суда. V. 73.
Вавржецкій, Т., польс. ген. VI. 35, 36, 39.
Вагилевичъ, галиц. общ. дѣят. IV. 90—93, 100, 115. IX. 90.

Вагинъ, В. И., сиб. общ. дѣят. I. 299. III. 39, 43, 44.
Вадковскій, дек. IV. 190. XII. 229.
Важинскій, П., еп. холм. II. 18.
Валихановъ-Чоканъ, сиб. I. 290.
Валицкій, деп. моск. губ. ком. II. 227.
Валкъ, С. Н. Рец. кн.: 1) *Жанъ де ла Туръ*. III. 2) *Зап. Карамзина*. X.
Валовъ, Н. Д., корресп. Л. Н. Толстого. XI. 236.
Валуевъ, П. А. I. 130, 131, 139. II. 158. IV. 179. V. 77, 78.
Вальберхова, арт. I. 45.
Вальцъ, проф. X. 170. XII. 287.
Ванновскій, П. С. VI. 107. X. 159.
Ванченко, К. И. Ст.: „Воспомин. украинскаго актера". VII—VIII. IX.
Варавскій, оф. IV. 204.
Варгасовъ, студ. IV. 202.
Варламовъ, П., іоанн. V. 162.
Варлихъ, чл. интерн. X. 124.
Варнекъ, Н. А. IX. 212—216. 256, 260, 263—265.
Варравинъ, арт. VII—VIII. 152, 153.
Васильевскій, В. Г., проф. I. 193, 194.
Васильевъ, студ.-мед. X. 138.
Васильевъ, чин. IV. 202.
Васильевъ, А. В., проф. XII. 215, 219, 220, 223.
Васильевъ, В., синод. XII. 32.
Васильевъ, П., арт. I. 158.
Кн. Васильчиковъ, П. П. II. 215.
Васьковскій. Рец. *М. Чубинскаго* кн.: „Судебные уставы 20 н. 1869 года за 50 лѣтъ". VI.
Васютинскій, А. М. Рец. кн.: 1) *Бемера*. IX. 2) Записокъ *де-Ешероль*. IX.
Ватинъ, В. А. Рец. *Г. Вернадскаго* кн. „Село Минусинское". VII—VIII.
Вахрушевъ, сов. губ. правл. V. 67, 71.
Вашкевичъ, со. катор. IV. 214.
Введенскій, П. П., переводч. XII. 57.
фонъ-Ведель, Х. 102, 106.
Вейманъ, докт., пол. дѣят. I. 153.
марк. Велепольскій, А. III. 94, 98. XI. 206.
Велепольскій, С. XI. 233.
Величковскій, свящ. IV. 96.
Вельтманъ, поэтъ. XII. 60, 61.
Вельяминова-Зернова, Д. Р. VI. 103.
Вельяминова-Зернова, С. И. VI. 91.
Вельяминовъ-Зерновъ, А. П., помѣщ. VI. 94, 104.
Вельяминовъ-Зерновъ, А. Р., помѣщ. VI. 102, 104, 105.
Вельяминовъ, Зерновъ, Х. 106.
Вентеровъ, С. А. Рец. *Н. Цяксанова* его кн.: 1) VI т. сочин. А. С. Пушкина. IX. 2) „Критико-біограф. словарь русск. писат. и учен., т. I." IX.
Вепцель, предс. Сов. Гл. Упр. Вост. Сиб. I. 82, 83, 85, 86. III. 22, 26, 32, 41, 55.
Вепюковъ, М. И. Восп.: „Въ Польшѣ 1863—67 гг." XI. *О немъ:* III. 28, 45. V. 45, 84.
Венявскій, П., комис. Крак. VI. 22—24
Вердеревскій, В. Е., упр. нижег. каз. палатой. XI. 145—160.
Веревкинъ, П. В., чин. XI. 38.
Верещинскій, галиц. общ. дѣят. IX. 78.
Вериго, Л. А., проф. X. 168, 169, 173.
Вернадскій, Г. В. Рец. кн.: 1) *Сивкова*. I. 2) *Бочкарева*. II. 3) *Крижанича*. IV. 4) *Ватина*. VII—VIII. 5) Его ст. „Угорск. Русь и ея возрожд. въ сред. XIX в.". III.
Вернонъ Ли. Рец. *С. Сватикова* кн. „Италія". VII—VIII.
Верстовскій, А. Н., комп. III. 84, 85.
Верховская, Е. В., сес. Петраш. I. 76, 77.
Верховскій, зять Петраш. I. 76.
Веселовская, М. В. Ст.: „Современ. фламанд. литерат." XI.
Весселъ, Н. Х., пед. III. 255, 256.
Ветошкинъ, лит. I. 300, 301.
Ветошниковъ, чин., пол. дѣят. IV. 201.
Вешапели, Г. Рец. кн. *С. А. Авалiани*. XI.
Вештортъ, Ст., уч. IV. 209.
Вештортъ, П., бр. Ст. Вешт. IV. 209.
Вивульскій, ксендзъ. I. 156.
Виллиазенъ, кор. комис. въ Позн. IX. 125—128.
Винбергъ, дир. деп. I. 136, 137.
Виноградскій, П., свящ. V. 163, 165, 169
Виртембергскій, Е. V. 110.
Витгенштейнъ, нач. вторпл. воен. отд. XI 209, 234.
Витовичъ, А. И. Ст.: „Записки судеб. пристава по охранит. описи имущес. о. I. Кронштадтскаго". V.
Витте, С. Ю. V. 184—188, 250—265.
Витязевъ, П. Ст.: 1) П. Л. Лавровъ въ воспомин. современ. IX. X. 2) Поправка къ воспомин. Штакеншнейдеръ. XII. 138, 139.
Вишняковъ, И. П. Рец. кн. *Якушкина* VII—VIII.
Вицинъ, проф. IV. 171.
Вицынъ, докт. V. 82.
Віардо, арт. III. 87, 221. V. 210.
Віельгорскій, М., польск. ген. IV. 69 VI. 32.
Віельгорскій, Ю., польск. пол. дѣят. VI 43, 44.
Владимірова, арт. XI. 165
Владиміръ, еписк. V. 163.
Владычанскій, подполк. XI. 205.
Власовъ, П. И. Рец. кн. *В. Г. Дружинина*. IV.
Внуковъ, И. М. V. 174, 175.
Водовозова, Е. Н. Ст.: 1) „Изъ недавняго прошлаго". I. II. 2) „Изъ давнопрошедш.". X. 3) „В. А. Слѣпцовъ". XII.
Водовозовъ, В. И. II. 182, 184, 185—188, 193. III. 256.
Водовозовъ, В. В. Ст.: 1) „Гр. Ст. С. Ю. Витте". V. 2) Рец. сборн. „Къ еврейск. вопросу въ Польшѣ". XII. *О немъ:* I.

164, 167, 168, 170—172, 176—178, 181—184, 186, 188, 189. II. 171, 172, 175, 176, 182—184, 188, 192.
XIV." VI. 2) „Ужасн. памятн. налогов. обложен." X.
Водовозовъ, Н. В. II. 192—194.
Водовъ, моск. общ. дѣят. I. 155.
Воеводскій, Е. Ф., проф. X. 168
Войда, авт.-мем. VI. 24.
Войковъ, П. Л. Ст.: 1) „Фавор. Людов.
Войцеховичъ, сен. XII. 152.
Вокульскіе, польс. капитал. III. 103.
Волкенштейнъ, шлиссельб. I. 156.
Волкенштейнъ, П. Е., чин. м. вн. д. I. 155, 156.
Волкенштейнъ, Е. В., жена чин. I. 155, 156.
Волковъ, Е. Е., худ. IX. 254.
Волковъ, С. С., деп. отъ моск. губ. комит. II. 227.
Волковъ, Ѳ., проф. I. 268.
Кн. Волконскій, М. Г., помѣщ. 18 в. III. 228.
Кн. Волконскій, П. М. I. 62. VI. 151.
Кн. Волконскій, П., дѣдъ Л. Н. Толстого. XII. 15
Кн. Волконскій, С. Г. I. 105, 109, 110.
Волосатовъ, пр.-доц. XII. 245.
Волоцкой, А. В., прок. XII. 153.
Волошенко, пол. дѣят. VII—VIII. 232.
Волховскій, пол. дѣят. IV. 214.
Волховской, пис. X. 227, 229.
Вольская, А. К., арт. VII—VIII. 146.
Вольскій, проф. X. 170.
Вольфсонъ, Е. М., докт. X. 235, 236.
Вольфъ, дек. I. 69. IV. 188, 190.
Вольховская (Малиновская), М. В. VI. 188. VII—VIII. 169, 170, 173, 176, 178, 186—188. X. 247.
Вольховской, В. Д., геп. VII—VIII. 184, 188. X. 247.
Воронецъ, В. Д., сес. Якушк. III. 217.
Вороновъ, ген.-м. I. 221, 222.
Воронцовъ, В. П., пис. X. 216.
Воронцовъ, М. И., канцл. IV. 17.
гр. Воронцовъ, С. Р. VI, 45. X. 105.
Ворцель, пол. дѣят. I. 120. II. 73.
Востоковъ, А. X. IV. 82.
Бар. Врангель, Е. Е., сен. IV, 150.
Вреденъ, Э. Р., проф. IV. 172.
Вульфъ, Г. В. Ст.: „Послѣдн. мѣсяцъ въ варшавск. универс.". XII.
Вульфъ, К. И., конт. „Современ." X. 64.
Выдринъ, Р. 1) Ст.: „Національ. вопросъ въ русск. обществ. движеніи". I. II. 2) Рец. „Парламентс. рѣчи по еврейскому вопросу". VI.
Вырубовъ, Г. Н. X. 126, 127.
Выходцевъ, арт. VII—VIII. 146.
Вышеградскій, дир. гимн. V. 123.
Вышеградскій, И. А. V. 255, 256.
Вѣрина, А. П., арт. VII—VIII. 155. IX. 152, 155.
Вѣтринскій, Ч. Ст.: „Гл. Успенскій въ его перепискѣ". I. II. III. IV. V. VI. VII—VIII. X. Его рец. кн.: 1) *Линниченко.* I. 2) *Переверзева.* II. 3) *Китаева.* III. *О немъ:* I. 17.
кн. Вяземскій, тов. мин. нар. просв. XI. 201.
кн. Вяземскій, П. А. I. 102, 104. III. 86,

Г.

Г., нотар. V. 165.
Гаганецъ, еп. III. 15.
Кн. Гагаринъ, П. П. I. 24. XI. 97.
Гагемейстеръ, полк. XI. 210—214, 221—223, 228—231.
Гадалинъ, проф. X. 113.
Гаевскій, В. П., пис. X. 39.
Гайашн. Рец. *В. Керженцева* его „Мемуаровъ". XII.
Гайдебурова, Е. К. I. 26.
Гайдебуровъ, П. А. I. 34. X. 221, 222. XI. 248, 265.
Галанинъ, XI. 175.
Галаховъ, А. Д. IX. 58. XII. 60, 65.
Ганкинъ, ссыльн. I. 294.
Ганъ, Э. Л., ак. арх. XI. 201.
Гапонъ, Г. А., свящ. V. 263.
Гарасевичъ, галиц. проф. II. 28—30. IV. 82.
гр. де-ла Гардъ. Его воспом.: „Картины изъ врем. Вѣнск. конгресса". V. VI. IX. X. *О немъ:* V. 143—149.
Гарибальди. IV. 196, 203, 215.
Гаринъ, К., арт. VII—VIII. 146.
Гартунгъ, шт.-оф. VI. 131.
Гаршинъ, В. М. II. 112. III. 222. V. 214. VII—VIII. 212—218. X. 213—215, 221, 222.
Гатцукъ, над. IV. 203.
Гвоздевъ, дир. дин. I.
гр. Гауке, польс. пол.дѣят. XI. 206, 234.
Гебгардтъ, И. К. VII—VIII. 98, 99. XI. 182, 189, 190, 202, 203.
Гедеоновъ, А. М., дир. теат. I. 62. III. 82.
Гедеонъ, еп. X. 18.
гр. Гейденъ, нач. гл. шт. XI. 211.
Гейманъ, оф. XI. 205, 206.
Гейнсъ, оф. X. 113.
Генденрейхъ, оф. IV. 204.
гр. Генкель, прус. аг. въ Петерб. I. 281, 282.
Генкель, В. Е., над. X. 206—209.
Герардъ, суд. дѣят. XII. 154.
Герасимова, Е. К., присл. I. Кронштт. V. 161, 164, 165, 169, 173, 178.
Гербель, Н. В. IX. 22, 24, 26.
Гердъ. VII—VIII. 216.
Герке, суд. дѣят. XII. 154.
Гернетъ, пол. дѣят. X. 116.
Гернетъ, М. Ю. Рец. на кн.: 1) *А. Ѳ. Кони.* I. 2) *Джаншіева.* III. 3) *П. Обнинскаго.* II.
Герценштейнъ, М. Я. X. 169. XII. 247, 287.

Герценъ, А. II. I. 21—23, 119—122. II. 73, 74, 76, 80. III. 45, 50, 136, 140. IV. 141, 154, 155, 160, 163, 196, 197, 201, 206. V. 13, 27, 46, 239. IX. 30, 31, 33, 270. X. 26, 127, 128. XI. 40, 175, 179, 185, 186, 188, 191. XII. 42.
Гершензонъ, М. О. Рец. *В. Фишера* его перев. Петрарки. V. Рец. *С. Мельгунова* его кн. „Русск. пропилеи". VII—VIII.
Герье, В. И. Рец. *И. Каръева* кн. „Философ. исторіи отъ Августа до Гегеля". VII. VIII.
Гессенъ, I. В., Рец. *М. Чубинскаго* кн. Адвокат. обществ. и государство. VI.
Гехеве, докт. V. 135.
Гивартовскій, проф. IX. 256.
Гильдебрандтъ, харьк. губ. X. 162.
Гильомъ, фр. пол. дѣят. и пис. V. 7, 8, 10, 12, 21, 23.
Гирсъ, Д. К., пис. IV. 213, 215. XI. 85—88.
Гиршфельдъ, учен. III. 96.
Глазовъ, В. Г. III. 257.
Глинка, сен. XI. 184.
Глинка, А. П., жена пис. XI. 170, 184, 188, 193.
Глинка, Ф. Н., пис. I. 115. XI. 169, 177, 184, 188, 193.
Глѣбовъ, проф. IX. 256.
Гнатюкъ, В., этногр. I. 268.
Гоголь, Н. В. II. 95, 97. III. 70, 78, 79, 223, 224. IV. 140, 170. XI. 46. XII. 60.
Голеповскій, А. И., оф. кад. корп. VI. 112.
кн. Голицынъ, Ю. Н., дирижѣ. XII. 157.
кн. Голицынъ, арх. губ. Пь 171—173.
кн. Голицынъ, А. М., ген.-фельд. IV. 13, 14.
кн. Голицынъ, А. О., ст. секр. II. 141. IV. 193, 194. VI. 231. XI. 13. XII. 46, 47.
Кн. Голицынъ, А. Н. X. 9. XI. 170.
кн. Голицынъ, Д. В. X. 268.
Головацкій, И. IX. 80—82, 92.
Головацкій, Я. П. 27. IV 86, 87, 89—91, 93, 96, 99—101, 104, 105. IX. 75, 77, 81, 99, 100.
Головачева-Панаева, см. Панаева.
Головачевъ, А. Ф., пис. I. 9. II. 204.
Головинскій, шт.-кап. X. 31.
Головинскій, В., петраш. V. 63. XI. 18, 24, 26, 40, 42. XII. 35, 37, 44, 50, 61, 65, 72, 73.
Головнинъ, А. В. III. 254. X. 166.
Голохвастовъ, поп. моск. уч. окр. XII. 63.
Голубевъ, суд. дѣят. XII. 154.
Голубевъ, П. Я. X. 227.
Голубковъ, золотопр. XII. 43.
Голубковъ, М., іоанн. V. 162.
Гр. Голуховскій, австр. гос. дѣят. IX. 98.
Голынскій, другъ Словац. VII—VIII. 42.
Гольдомпты, V. 88, 89.
Гольтгоеръ, А. Ф., ген. XII. 153.
Гольтгоеръ, М. Ф., сен. IV. 146. XII. 153, 154.
Гольцевъ, В. А. I. 214. IV. 224, 231, 232, 235, 237—240. VII—VIII. 194. X. 219. XII. 209, 210.
Гольцъ, И. О., арт. I. 157.
Гончаровъ. XI. 202, 203.
Горанинъ, польс. пол. дѣят. IV. 65.
Горбачевскій, П. И. I. 111, 112. IV, 192.
Горбуновъ, И. А., уч. газ. „Амур.". III 39.
Горбуновъ-Посадовъ, И. И. VI. 225.
Гордлевскій, В. Ст.: „О. Е. Коршъ". V.
Гордѣенко, Е. С. XII. 209, 217, 218.
Горевъ, О. П., арт. VII—VIII. 146.
Горемыкинъ, И. Л. V. 257, 259.
Горецкій, А., польс. поэтъ. VII—VIII. 31.
Горловъ, И. Я., проф. IV. 168, 171, 172. XII. 9.
Горскій, арт. VII—VIII. 153.
кн. Горчаковъ, А. М. I. 279, 286. II. 115, 141. VII—VIII. 16, 18, 254, 258. IX. 242, 258. XI. 63, 169.
Горькій, М., см. Пѣшковъ.
Госцевичъ, IV. 205.
Готлибъ, арт. III. 96.
Готье, Ю. В. Рец. кн.: 1) *П. Рыжова*. I. 2) *Грекова*. VII—VIII.
Гофштетеръ. VII—VIII. 206.
Гоффертъ, І. К., худ. XI. 173.
Гохманъ, Х. І., проф. X. 178. XII. 287.
Гохъ, И. А., худ. XI. 189.
Гоцковскій, берлин. банк. IV. 18, 20, 22, 32, 34.
Граббе, П. Х. II. 101, 113. III. 217.
Градовскій, Г. К. IV. 226.
Грановскій, Т. Н. II. 97, 98. V. 207, 239. IX. 50, 57. XII. 63—66.
Гребенка, Е. П. IV. 86, 293.
Грековъ, Б. Д, Рец. *Ю. Готье* кн.: „Новгородс. домъ св. Софіи". VII—VIII.
Греневецкій, галиц. проф. II. 28.
Гречъ, П. И. XI. 184. XII. 64.
Грибовскій, польс. публ. II. 72.
Грибовскій, чин. III отд. XI. 38.
Грибоѣдовъ, А. С. Рец. *А. Полякова* 2 т. его сочин. VI. *О немъ:* I. 158. III. 71—73.
Грибоѣдовъ, П. А., пол. дѣят. V. 94, 113.
Грибоѣдовъ. X. 223.
Григоровичъ, В. П. X. 170, 171, 173. XII. 285, 286.
Григоровичъ, Д. В. IX. 24, 53, 54. X. 39. XI. 20, 170, 171.
Григоровскій, иг. IV. 74.
Григорьевъ, оф. IV. 201, 202.
Григорьевъ, Ап. I. 116, 117. III. 63 IX. 18, 267.
Григорьевъ, Н. П., петраш. I. 66, 67, 69, 70, 73, 74, 76. XI. 6, 29, 39. XII. 35, 44, 55, 57, 61, 72, 73.
Григорьевъ, Р. Ст.: „Виновата ли Бельгія въ св. судьбѣ". IX.
Гриневальдъ, Р. Е., упр. коннозав. I. 138.

Гринченко, Б., укр. пис. I. 266.
Грицай, В. Е., арт. VII—VIII. 155. IX. 155.
Гродецкій, польс. общ. дѣят. I. 105, 108.
Громека, сѣдл. губ. X. 29—31.
Громека, С. С., пис. I. 194.
Громовъ, В. Ф., куп. XII. 156, 157.
Громовъ, П. Ф., куп. XII. 156, 157.
Гротъ, К. К. Рец. *С. Сватикова* на „Матер. для біогр. и характ. К. К. Грота". IX.
Гротъ, Н. Я. X. 173. 175.
Груберъ, В. Л., проф. XII. 147.
Грушевскій, М. С. Рец. кн.: 1) *Аничкова*. III. 2) *Тіандера*. XI. 3) „Древн. Русь въ нов. курсахъ". IX. *О нѣм.* I. 267—270, 272.
Грязанова, пол. дѣят. IV. 138.
Губинъ, общ. дѣят. нижег. XI. 151, 152.
Губинъ, Н. П., студ. XI. 246.
Губскій, Н. П. Рец. кн.: „Истор. нов. времени, над. Граната". XI.
Гудовичъ, полит. сс, VII—VIII. 131—133, 138,
гр. Гудовичъ, П. В., воен. губ Камен.-Под. VI. 49.
Гулевичъ, В. В., земс. дѣят. XII 216.
Гунгеръ, І. Рец. *Баллода* кн. „Культ. древн. Востока въ картин.". IX.
Гундобинъ, томс. мѣщ. IX. 172.
Гупманъ, О. М., фабр. I. 147, 148, 151, 152.
Гурко, І. В., ген.-губ. IX. 164.
Гуртикъ, Л. Рец. *Е. Корша* кн.: „Франція. Всеобщ. ист. искусс.". IX.
Гурьевъ, сек. Неклюд. V. 46.
Гусевъ, чин. (псевд.). V. 96—103, 120,
Гусевъ, сиб. общ. дѣят. X. 228, 229.
Гутьяръ, Н. М. V. 207, 208.

Д.

Даэ., Л. В., дир. корп. VI. 128.
Давидсонъ, арт. III. 96.
Давыдова, А. А., жена комп. I. 172—176, 185, 187, 188.
Давыдова, Л. К. (Туганъ-Барановская), дочь комп. I. 173—176, 185.
Давыдовъ, В. Л., дек. I. 106.
Давыдовъ, К. Ю., комп. I. 172—175, 185. III. 221.
Далевская, родств. Сѣраковс. IX. 186—188.
Даль, В. П. IX. 16, 17.
Даненбергъ, ссыл. VI. 166.
Данилевскій, Г. П. XI. 185.
Данилевскій, Н. Я. II. 94. XI. 39, 40, 42, 43, 45, 67. XII. 37, 71.
Даниловъ, Н. М. Рец. *В. Фишера* ст.: „И. И. Козловъ". XI.
Дарьяловъ, арт. VII—VIII. 146.
Дашкевичъ, Н. П. Рец. *Н. Пиксанова* кн.: Статьи по нов. русск. литературѣ". III.
Дворниченко, И. И., арт. VII—VIII. 161. IX. 149.
Деболи, А., польс. пол. дѣят. VI. 26, 27.
Дебу, К. М., петраш. V. 63. XI. 24, 26. 29, 40. XII. 39, 71, 72.
Дебу, К. М., петраш. V. 63. XI. 26: XII. 71, 72.
Девель, полк. X. 30, 31.
Дегаева, сес. С. П. Дег., V. 106—109, 114.
Дегаевъ, С. П. V. 105, 106.
Дединцевъ, чин. по кресг. дѣл. VII—VIII. 150.
Дейхманъ, горн. нач. IX. 35, 36, 225.
Деляновъ, И. Д., П. 136, 177—188, 190. 191, 193—195. IV. 145, 147, 156. X. 167, 174. XI. 274, 275.
Дементьева, А. Д., нев. Ткач. XI. 263. 264, 267.
Демертъ, Ц. А. I. 205—207, 211. IX. 51.
Демидовъ, тов. прок. II. 127.
Демонтовичъ, І., польс. пол. дѣят. VII—VIII. 16, 17.
Деморъ, П. Ѳ., зять Петраш. III. 19—21, 23, 34, 35, 54—56. V. 45, 47.
Денисовъ, А. К., ген.-лейт. IV. 61.
фонъ-Дервизъ, прок. сен. XII. 154.
Державинъ, К. Р. X. 244, 246.
Дерновъ, семин. IV. 205.
Дерфельденъ, В. Х., ген. VI. 22.
Дершау, Ф. К., публ. XI. 17.
Джаншіевъ, Г. А. Рец. *М. Гернета* его „Сборн. статей". III.
Дживелеговъ, А. К. Рец. *С. Мельгунова* кн.: „Алекс. I и Наполеонъ". X.
Дзялынскій, И., польс. ген. IV. 55, 65.
бар. Дибичъ, П. П. I. 222.
Диль, Ш. 1) Рец. *К. Успенскаго* кн.: „Византт. портреты". III. 2) Рец. *Ф. Баллода* кн.: „*По Греціи*". VII—VIII.
Дитмаръ, А. Р. XII. 132, 133, 135, 136.
Дитятинъ, И. П. IV. 232, 233.
Дмитріевъ, петерб. старообр. II. 128.
Дмитріевъ, арт. VII—VIII. 166.
Дмитріевъ, Н., іоанн. V. 163.
Дмитріевъ-Мамоновъ, М. А. I. 109, 113.
Добощукъ, пол. дѣят. Гал. II. 11, 12.
Добровольскій, проф. IX. 214, 217.
Добровскій, слав. IV. 81.
Добролюбовъ, Н. А. I. 5, 8, 9, 11, 13, 152, 193, 194, 196, 201, 202. II. 71, 197, 198, 201. IV. 151. IX. 59, 61, 63, 64. X. 38, 43, 47. 48, 62, 67, 69, 71, 72. XI. 79, 80.
Доброписцевъ, семин. X. 115.
Доброхотовъ, полиц. XII. 289.
Добрянскій, А., П., галиц. общ. дѣят. III. 10, 11, 14—16. IV. 82.
Долгановъ, другъ Гл. Успенскаго. I. 206, 207.
Долгорукая, Н. Г. IV. 186.
кн. Долгоруковъ, Вас. А. I. 86. II. 77. V. 54, 58, 72, 74, 75.
кн. Долгоруковъ, Вл. А. I. 157, 158.
кн. Долгоруковъ, П. А. X. 19, 21.
кн. Долгоруковъ, П. IV. 197.

Домановскій, Д. І., пол. ссыл. VII—VIII. 129, 134, 137—139.
Домантовичъ, польс. пол. дѣят. II. 74.
Добровская. IV. 209.
Домбровскіе, повст. XI. 219—221.
Домбровскій, оф. IV. 204, 205, 208.
Домбровскій, повст. XI. 220.
Домбровскій, Я. Г. VI. 32; 35, 46, 49, 51, 52, 54.
Домонтовичъ, К. П., сен. II. 214.
кн. Дондуковъ-Корсаковъ. IV. 95.
Дорнъ, Л. В., пр.-доц. IV. 169, 171.
Дорошинскій, полк., завѣд. малол. отд. корп. VI. 96.
Достоевская, А. Г. XII. 42.
Достоевскій, М. М. XI. 8, 19, 24—26, 37, 38, 40, 42, 43, 44. XII. 35, 37, 39—43, 61, 72, 73.
Достоевскій, О. М. I. 66—69. II. 88—94, 97—116. III. 219—227. IV. 231. V. 63. VI. 221. X. 42. XI. 6, 8, 18—33, 38—40, 42, 45, 48, 51, 88, 89. XII. 35—44, 50, 52—56, 58, 66—68, 72.
Драгарюкъ, укр. пол. дѣят. II. 12.
Драгомановъ, М. П. II. 74, 75. III. 12, 17, 51. VI. 242, 243, 245, 246, 251, 252.
Драгомировъ, М. И. X. 158—160, 167. XII. 286.
Дрентельнъ, Н. С. VII—VIII. 216.
Дриль, Д. А. XI. 140, 141. XII. 162, 168.
Дружининъ, А. В. IX. 24. X. 39, 42.
Дружининъ, В. Г. Рец. *П. Власова* кн.: „Писат. русск. старообрядц.". IV.
Дрыгина, М., іоанн. V. 162.
Дубельтъ, Л. В. I. 160. III. 83. X. 59. XI. 38.
Дубецкій, О. П., докт. кад. корп. VI. 118.
Дубовицкій, през. воен.-мед. ак. I. 155. IV. 184.
Дубровинъ, П. Н., чл. яросл. ком. по крест. дѣлу. II. 218, 224.
Дувингъ, жанд. полк. VI. 232.
Дудышкинъ, С. С., журн. IX. 45. X. 113. кн. Дундукова. XI. 118.
Дурново, И. Н. XII. 288.
Дурново, П. Н. I. 186. II. 173—176, 191, 192. V. 262.
Дурова, Н. И. (Хмѣльницкая). XI. 5.
Дуровъ, С. Ѳ., петраш. I. 66—68, 290. V. 63. XI. 5—12, 16, 18, 19, 24, 26, 30, 31, 33, 38, 40. XII. 35—38, 40, 41, 43, 44, 52—58, 60—62, 65, 68, 69, 72, 73.
Дуткевичъ, галиц. проф. II, 28.
Духновичъ, А., свящ. III, 15, 16.
Дьяковъ, ген.-губ. X. 21.
Дюгамель, ген.-губ. Зап. Сиб. I. 297.
Дюпонъ, арт. I. 44.
Дюръ, арт. XII. 144.

Е.

Евгеній, митр. IV. 82.
Евгеній, арх. III. 32.
Евгеньевъ, В. Ст.: 1) „Редакц. „Современ." въ 1866 г.". 2) „Черты редакт. дѣятельн. П. А. Некрасова". IX. X. XI Рец. *Н. Пиксанова* его кн.: Н. А. Некрасовъ". II. *О немъ:* II. 197—203, 206, 207.
Евреинова, А. М., над. „Сѣв. Вѣстн." I. 173. X. 209—214, 219.
Европеусъ, А. И. I. 8. XII. 72.
Евтушевскій, пед. III. 256.
Екатерина II. I. 115. IV. 49, 50, 53. VI. 31, 34, 37, 40, 41. VI. 146, 156. IX. 209. X. 8, 193—195.
Елена Павловна, вел. кн. II. 162. VI. 195.
Елецкій, Янъ, польс. публ. III. 100—102.
Елеонская, Е. И. Рец. *Б. Соколова* ея „Сборн. великорус. частушекъ". VI.
Елизавета Алексѣевна, имп. VI. 153, 154. IX. 196.
Елизавета Петровна, имп. IV. 6, 13, 17, 20, 31, 33.
Елисеева, Е. П., жена пис. I. 25—34 II. 207.
Елисеевъ, Г. З. I. 5—35, 211—213, 215, 216. II. 197—207. IV. 223. IX. 51, 60—63. X. 38—43, 46, 48, 55, 56, 66. XI. 75, 76, 98.
Емельяновъ, Н. Н., пол. дѣят. V. 120, 121.
Енсенъ, А. I. 269.
Ентальцева, жена дек. VI. 189.
Ермолова, М. Н. IX. 147.
Ермоловъ, А. П. IX. 250—254.
Ершовъ, В. И. X. 267, 268. XII. 287—289.
Ефремовъ, П. А. XI. 89—91.
Ефремовъ, С. А. Ст.: 1) „Изъ ист. возрожд. Галичины". II. IV. IX. 2) „Мих. Павлыкъ". VI.
Ешевскій, проф. IX. 263.

Ж.

Жадовская, Ю. В. XI. 202.
Жбанковъ, Д. П. XII. 221.
Ждановъ, сен. I. 29. VI. 172—174.
Желябовъ, А. И. II. 87. VII—VIII. 232. XII. 140—142.
Жемановъ, студ. IV. 204, 205, 211.
Жемчужниковъ, А. М. XI. 81—84.
Жемчужниковъ, П. П. V. 126.
Жемчужниковы. X. 39.
Жерлицынъ, М. Рец. *гр. де-ла--Барта* кн.: „Кольриджъ и англ. романтизмъ". V.
Живокини, В. И. III. 80. XII. 144.
Жирмунскій. Рец. *гр. де-ла-Барта* кн.: „Романт. и современ. мистицизмъ". V.
Житецкій, П., пис. 269.
Житковъ, кад. VI. 106.
Жихаревъ, сен., авт. мем. XI. 166.
Жоховъ, студ. IX. 215, 216, 256, 257, 259, 260.
Жуковичъ, П., проф. I. 269.
Жуковскій, ген.-л. V. 62, 65.
Жуковскій, В. А. XI. 51, 52, 164.
Жуковскій, Ю. Г. I. 6, 9, 14, 15, 28, 29, 35, 36. II.122—125, 199 200, 204, 207. IV. 116 X. 67.

Журавская, Т. IV. 47, 48.
Журинъ, Н., арт. VII—VIII. 161, 166.
Жученко, М., общ. дѣят. Укр. I. 266.

З.

Заболоцкій. XI. 210.
Забѣлинъ, П. Е. IX. 58.
Забѣлло, гетм. IV. 64, 70.
Завадская, Э., жена чин. IV. 29.
Завалишинъ, Д. И. I. 73, 102—104, 110. III. 21, 22, 33, 35—38, 41, 43, 44, 48, 55. V. 45, 46, 48—50, 57. XII. 243.
Завалишинъ, И. И., бр. дек. I. 84. V. 79.
Завитневичъ, В. З. Рец. *В. Фишера* кн.: „Русск. славяноф. и ихъ значен. въ дѣлѣ уяснен. идей народн. и самобытн.". III.
Загорскій, П. В., арт. VII—VIII. 153. IX. 149.
Загоскинъ, М. В., ред. газ. „Сибирь". I. 299. III. 24, 28, 30, 35, 38, 39, 41—45.
Загоскинъ, М. Н. I. 41. III. 74.
Зайцевъ, П. Рец. кн.: „Галичина, Буковина, Угорская Русь". III.
Зайчневскій. IX. 211.
Заіончекъ, І. намѣст. Цар. Польск. I. 101. VI. 22, 23, 27.
Заіончковскій, А. М. Рец. *А. Кизеветтера* кн.: „Восточн. война 1853—56 г.". VII—VIII.
гр. Закревскій, А. А. IX. 254, 257—259, 268, 269. XI. 192. XII. 64.
Закржевскій польс. пол. дѣят. VI. 19, 26, 27.
Закржевскій, А. Рец. *В. Фишера* кн.: „Лермонтовъ и современность". I.
Залебецкій, (дѣло Петраш.). XII. 46.
Залѣсскій, В., изд. укр. пѣс. IV. 83, 92.
гр. Замойскій, А., польс. общ. дѣят. III. 96.
гр. Замойскій, В., IV. 265.
Замойскій, К. Х. 234.
Замуэль, ювел. V. 181.
Замятнинъ, енис. губ. V. 59, 65, 68, 70, 75, 80.
Замятнинъ, мин. юст. IV. 147. XII. 159.
Занъ, польс. пол. дѣят. VII—VIII 25.
Заньковецкая, М. К., арт. VII—VIII. 155—157, 163, 164. IX. 146, 148, 149, 158.
Зарянъ, Е. Ф., пис. XI. 79, 80.
Зарудный, С. И. XII. 159.
Засодимскій, П. В. V. 213. XI. 260.
Захарiясевичъ, проф. II. 28, 31.
Захаровъ, дворн. V. 160, 166.
Захарьинъ, проф. IX. 256.
Звенигородскій. XII. 157, 158.
Звонаревъ, С. В., изд. I. 206, 207.
Звѣревъ. IV. 224.
Зейфертъ, докт. V. 134, 135.
Зеленой, одес. град. X. 172.
Зеленскій, А. В., ред. „Земск. Обозр.". XII. 221—223.
Зеленый, чин. при М. Мурав. I. 32.
Зеленый, А. А. I. 140. IV. 178. VI. 236.
Земанчикъ, проф. II. 29.
Зеновичъ-Кащенко, инсп. кад. корп. VI. 109, 113.
Зерновъ, Н. Е., проф. IX. 264.
Зининъ, Н. Н., проф. XII. 8.
Зиновьевъ, VII—VIII. 210.
Зиновьевъ, А. Д., губ. XI. 121.
Златовратскій, П. Н., IV. 2,22 226. V. 213. VI. 217. X. 214—217.
Золотинъ, уч. воен. уч. I. 294.
Зотовъ, В. Р., секр. „Голоса". IV. 139—143. V. 99, 103. IX. 12.
Зотовъ, Р. М., драмат. I. 40, 55, 62. III. 63, 64.
З—скій, П. К., дѣйс. ст. сов. I. 164—165.
Зубатовъ, С. В., V. 263.
Зубко, А., ун. еп. X. 12, 19.
Зубковскій, А. А., пол. дѣят. X. 140.
Зубовъ, сен. XII. 152.
Зубовъ, П. А., гос. дѣят. VI. 39. X. 109.
Зубовы X. 106.
Зубрицкій, галиц. учен. IV. 82. IX. 75.
Зунделевичъ, пол. дѣят. IV. 138.
Зыбинъ, оф. V. 154, 155.
Зыбинъ, С. С., упр. Зем. Отд. II. 233.

И

Иберсбергеръ, Г., 1) Рец. *В. Пичеты* кн.: „Russlands Or. Polit. in d. letzt. Zw. Jahrh". XII. *О немъ:* XII. 197—199.
Иваницкій, Н., пол. дѣят. IV. 204, 205. VI. 168, 172, 173, 177—179.
Иванова, арт. X. 266.
Ивановскій, И. І., проф. III. 135. IV. 168, 170, 171.
Ивановъ, XII. 167.
Ивановъ, прап. XI. 230.
Ивановъ, А. И., препод. кор. VI. 119, 123.
Ивановъ, Вяч. И., 1) Рец. *В. Фишера* его перев. Петрарки. V. 2) Рец. *С. Радцига* его перев. Алкея и Сафо. VII—VIII.
Ивановъ, Н. А., проф. XII. 8, 23, 28, 30, 31.
Ивановъ, П. А. IX. 175, 176, 180.
Ивановъ-Козельскій, М. Т., арт. VII—VIII. 151.
Иванчинъ-Писаревъ, А. И., IV. 244. X. 227, 229.
Иванюковъ, IV. 245.
Иванюковы, IV. 245. 246.
Ивашева, жена дек. III, 215.
гр. Игельстромъ, О. А., пос. въ Польшѣ. IV. 56, 64, 65. VI. 19, 32.
Игнатовъ, И. Н., Ст.: „Театръ и зрители III. Николаевск. эпоха". I. III.
гр. Игнатьева, С. С., V. 163.
гр. Игнатьевъ, Н. П., II. 209. XI. 63.
гр. Игнатьевъ, П. Н., I. 154. II. 136. IV. 177.
Извольскій, губ. Вос. Сиб. III. 28, 42, 55, V. 46.
Изеръ, И. И., сод. минер. водъ, II. 142, 143.
Идольсонъ, эмигр. X. 135, 136. V. 46.

Илинскій, А., камерг. VI. 43, 44.
Илличевскій, упр. мин. юст. III. 154—156.
Илляшевичъ, Л. В., помѣщ. XII. 218.
Иловайскій, Д. И., VI. 245.
Ильинскій, инсп. студ. IX. 215, 256.
гр. Ильинскій, помѣщ. VII—VIII. 143.
Ильинъ, Н. И., драмат. I. 39.
Имбергъ, V. 45.
Имбергъ, XI. 170.
кн. Ипсиланти, А. VI. 142, 145—147, 157, 158
Исаевъ, студ. V. 113.
Исаковъ, Н. А., IX. 269.
Ишутинъ, Н. А., I. 17. II. 183.

I.

о. Іоаннъ Кронштадтскій. V. 159—183.
Іодко, прист V. 133, 134, 137, 140.
Іоллосъ, Г. Б., XII. 247.
Іорданскій, Н. М., Ст.: „Изъ переписки земск. дѣят. 70-хъ и 80-хъ г.г.". XII. *О немъ* V. 226.
Іоссельяни, З. А., докт. I. 158.
Іосифъ II. II. 20—25.

К.

Кабатъ, тов. прок. XII. 151.
Кавелинъ, К. Д., II. 76. III. 179. IV. 148. 149. VI. 171. IX. 49. X. 173. XI. 189. XII. 70.
Кавторадзе, П. А., тов. прок. XI. 250—252, 273.
Казановичъ, галиц. общ. дѣят. IV. 103.
Каземъ-Бекъ, М. А., проф. XII. 8, 23.
Казеновъ, фокусн. I. 159.
Казимірскій, Ѳ. Д., жанд. ген. I. 69.
Казначеевъ, А. Г., губ. XI. 247, 248, 253, 256, 258, 261, 262.
Кайдановъ, (дѣло Петраш.). XI. 26.
Калантаровъ, предв. двор. III. 168—171.
Калинкина, пол. дѣят. IV. 130. V. 93.
Калиновскій, В. Ѳ., проф. VI. 166, 177, 186. VII—VIII. 127.
Калишевскій, А. I., Рец. кн. 1) „Обозрѣн. труд. по славяновѣд.": X. 2) Finkel'я XII.
Каменевъ, С., подполк. VI. 39.
Каменоградскій, Д., дьяк. V. 163, 164, 166, 169, 181.
Каменскій, А. В. IV. 228.
Кандинскій, куп. I. 75.
гр. Канкринъ, Е. Ф., IX. 10.
гр, Каппистъ, X. 67.
Капостасъ, А., банк. IV. 55. VI 39.
Каптеревъ, П. О., V. 190.
Капустина, Е. И. I. 290.
Капустякъ, гал. общ. дѣят. IX, 93.
Караджичъ. В.-С., чешск. учен. IV. 82.
Каразинъ, В. Н., X. 245.
Караковозъ, Д. В., I. 15—17, 23, 31. IV. 183—185, 208. XII. 151.
Карамзинъ, М. Н. Рец. *С. Валка* его „Записки о древ. и нов. Россіи". X. *О немъ:* IV. 82.
Каратыгина, А. М., I. 64, 65. III. 72.
Каратыгина, арт. III. 73
Каратыгинъ, Н. А., I. 44—46, 51, 53—64, 157. III. 64—66, 81. X. 266.
Каратыгинъ, арт. III. 72, 73.
Карбасниковъ, изд. VII—VIII. 213.
Карваненъ. II. 127.
Каргачева, Е. іоанн. V. 162, 163.
Carlino Erm: Рец. *гр. Шрейдера,* кн. „Гарибальд. экспедиц. во Франціи 1870—71 г.г.". III.
Кармалина, К. О., секр. „Рус. Стар.". I. 167. 169.
Карніолинъ- Пинскій, М. М., сен. III. 160, 161. IX. 9. XII. 152.
Каро, препод. корп. VI. 123.
Карпенко-Карый, И. К., арт. VII,—VIII. 155. IX. 160.
Карпинскій, докт. V. 180.
Карръ, жена полк. XII. 58.
Карташевъ, помѣщ. XI. 38
Карцева, содерж. театра. III. 86.
Карцевъ, нач. шт. Кавк. XI. 205.
Карѣевъ, Н. И., 1) Рец. кн. *Герье.* VII—VIII. Ст. 2) „Польск.-револ. 1848 г., въ Вел. Герцог. Познанск.". IX. 3) „Мои встрѣчи съ Викт. Консидераномъ". X. 4) Рец. *В. Перцева* его „Исторіологіи". XI.
Карякинъ, Н. Его перев. романа де-*Костера.* I.—VIII.
Касиненко, Ю. И., арт. VII—VIII. 161. IX. 146, 147, 150, 152, 155, 160, 165.
Касьяновъ, юнк. IV. 210.
Катаевъ, И. М., Рец. *Ч. Вѣтринскаго,* кн.: „Дореформен. бюрократія". III.
Катеневъ, петраш. XII. 46.
Катковъ, М. Н., I. 14—16, 23, 294. II. 162. IV. 145, 147, VI. 161. VII—VIII, 112, 114. IX. 244. X. 28, 74. XI. 63, 82.
Кауфманъ, А. А. Рец. кн.: „Сельскохоз. вѣдомство за 75 л. его дѣятельн.". V.
Кауфманъ, А. Е., Ст.: „За кулис универс.-юбиляра". X. О немъ: XII. 285.
Кафтанниковъ, астр. рыбопрош. VI. 164.
Каховскій, М. В., ген. IV. 50, 52, 53.
Каченовскій, проф. X. 244.
Кашевскій, Н. А., чин. XI. 18. XII. 35. 36, 53, 61, 72, 73.
Кашинъ, Н. П., Рец. кн.: 1) Louis Legeria IV. 2) *А. Багрія.* XI.
Кашкинъ, Н. С., I. 87. XI. 10, 26, 40, 43. 251—253. XII. 71, 72.
Квашинъ, Л. А. VI. 107.
Квистъ, мир. суд. XII. 157.
Квитка, Г. Ф., (Основьяненко), IV. 86.
Квитка, Д. К., земск. дѣят. XII. 216.
Квитницкій, полк. V. 140.
Квятковскій, А. А., пол. дѣят. IV. 138. V. 100.
Кедровскій, Н. В., пом. правл., канц., Волог. губ., X. 114—121.
Кедровъ, (Лавровъ), лит. XI. 265.
Кейзерлингъ, предв. двор. II. 147, 148.

Кептуяла, В. А., Рец. 1) кн.: *Пятухова.* IV. 2) *М. Сперанскаго.* V.
Кельсіевъ, В. И., IV. 193, 202, 203. X. 117.
Кенигъ, публ. III. 96, 97.
Кеппенъ, П. И. слав. IV. 82.
Керженцевъ, В., Рец. „Мемуаровъ Гайаши". XII.
Кетчеръ, Н. Х. IX. 40, 42, 47, 49, 58.
Кизеветтеръ, А. А., Ст. 1) „Къ исторіи крестьянск. рефор. 1861 г.". II. 2) „Восточн. война 1853—56 г.г.". VII—VIII. *О немъ:* XII. 270—273.
Килинскій, польск. пол. дѣят. IV. 64. VI. 26, 39.
Киневичъ, полит. ссыл. VI. 179, 180.
Кипіани, Д. И., уполн. Тифлисск. двор. VI. 83.
Кириллъ, еп. V. 168.
Кирпичниковъ, А. И., X. 174.
Кирѣевскій, И. В. II. 245, 249. X. 59.
Киселева, М. П., іоанн. V. 162.
Киселева, арт. VII—VIII. 146
Киселевъ, И. П., псаломщ. V. 159, 163, 164, 166, 169, 181.
гр. Киселевъ, П. Д., I. 138. X. 20, 191.
Китары, проф. III. 134. IX. 264.
Кичинъ, Е. В., смотр. уѣздн. уч. I. 192.
Кишъ, проф. Его воспом.: „Въ Пражск. универс. въ 60-хъ г.г.". III.
Кладищевъ, Д. П., губ. V. 233.
Клаусъ, студ. IX. 257—260.
Клевенскій, М., Ст. 1) „Городск. расходы въ кон. 18 в.". III. 2) „По поводу одной пѣсни". IV. 3) Рец. Тургеневск. сборника". VI.
Клейнеръ, С., Ст.: 1) „Средневѣк. странств. школяры". IX. 2) „Нѣмец. принцесса при дворѣ Людов. XIV. XII.
Клейнманъ, І. А. Ст.: „Эволюц. польско-еврейск. отношен.". III.
Клейнмихель, П. А., I. 221, 222.
Клейнъ, проф. IX. 256.
Клеманъ. X. 126—128.
Клеменцъ, Д. А. II. 235. IV. 123, 136, 137. V. 85, 88, 90, 109—113, 115—120.
Клестовъ, Н. С. Сообщ.: „Изъ переписки Тургенева и Некрасова съ Толстымъ". V.
Клименко, уѣздн. нач. X. 31.
Клименко, Е. Ф. проф. X. 167.
Клѣточниковъ, пол. дѣят. IV. 143. V. 94—103, 118—120.
Кнорринъ, В. О., ген. V. 32.
Княжевичъ, мин. фин. XI. 201.
Князевичъ, К. польск. ген. VI. 51.
Кобринскій, галиц. общ. дѣят. IX. 82.
Кобылинъ, А. А., вр. IV. 183, 184.
Кобыляковъ, И. В., препод. корп. VI. 123—125.
Ковалевскій, прок. сен. XII. 154.
Ковалевскій, Ев. П., II. 131, 137. IV. 155, 156. IX. 258, 259, 263, 264. X. 39. XI. 11.
Ковалевскій, Ег. П., путеш. и пис., ген. XI. 11.
Ковалевскій, П. М., I 20, 21. IX. 62. X. 41, 42, 44, 45, 55, 62, 68—70, 72, 73. XI. 75, 59, 92, 93.
Ковалевскій, А. О., X. 169, 173.
Ковалевскій, М. М. IV. 245.
Ковалевскій, О. М., XII. 8, 20.
Коваленскій, М. Н., Рец.: „Книги для чтен. по ист. нов. времени, т. 4, ч. 2. VI.
Ковальскій, пол. дѣят. IV. 120.
Ковальскій, М. А., астр. XII. 32.
Ковальскій, Ф. А., полит. ссыл. VII—VIII. 129, 130. IX. 189.
Ковровъ, антреп. IX. 150.
Коганъ, П. С., Рец. „Новалиса". V.
Кожанчиковъ, книгопрод. IV. 202.
Кожинъ, ген. X. 105.
Козакевичъ, полиц. XI. 219.
Козенъ, Е. О. V. 191, 204.
Козловскій, Л. С., Ст.: „Мечты с Царьградѣ". II. XI.
кн. Козловскій, диплом. VI. 146, 147, 151, 154, 156. X. 185, 193.
Козловъ, А. А., моск. об.-полиц. XII. 289.
Кокаревъ, В. А., XI. 189, 191, 192.
Кокошкинъ, ген.-губ. III. 163.
Колбасинъ, Е. А., пис. IX. 27, 54. X. 41 44, 45, 61, 64. XI. 92, 93.
Колесовъ, полк. X. 113.
Колларъ, слав. IV. 82.
Коллонтай, Г., польск. пол. дѣят. IV. 54, 66, VI. 23, 25—28.
Коллонтай, польск. магн. XI. 233.
Колосовъ, В. Г., спб. общ. дѣят. I. 292. 294, 297.
Колчинскій, Ф. Л. VII—VIII. 96.
Кольцовъ, суфл. VII—VIII. 152.
Кольцовъ, А. В., IV. 140.
Колюбакинъ, П. А. I. 15, 16.
Колюпановъ, И. А., I. 15.
гр. Комаровскій, Е. Ѳ., X. 104, 105.
Комаровъ, арест. IV. 214.
Комиссаровъ, О. И. I. 22, 23. IV. 181, 182.
Конарскій, С., польск. пед. IV. 38.
Конарскій, В., тов. Косцюш. IV. 40.
Кондаковъ, С. Н. Рец. *С. Сватикова,* кн.: „Имп. С.-Петерб. Акад. Худож.". IX.
Кондоуровъ, В. А., пис. XI. 265.
Кони, А. Ѳ., Рец. *М. Гернета,* кн.: „Отцы и дѣти судебн. реформы". I. *О немъ:* X. 30, 33, 269—285.
Кони, Ѳ. А., I. 37, III. 63, 64. IX. 38. XI. 13.
Конисскій Ал., укр.-пис. I. 266.
Конисскій, чин. IV. 20.
Коноваловъ, прав. канц. ген.-губ. Вост. Сиб. III. 166—168.
Конопка, К. польск. пол. дѣят. IV. 70. VI 25.
Конопницкая, М. III. 101.
Конради, Е. И., пис. XI. 265.
Конради, докт. VII—VIII. 104—109.

Консидеранъ, В. III. 53.
Константиновъ, Н. Л., земск. дѣят. XII. 209.
Константинъ Николаевичъ, в. кн. II. 208—216. IV. 150. VII— VIII. 101, 109, 219—222. XI. 165, 186, 188, 192.
Константинъ Павловичъ, в. кн. I. 101, 103, 104, 223. VI. 48, 135, 154, 156. X. 102—111. XII. 243.
Контскій, А. Г., арт. I. 158. XI. 170, 194.
Конюшевскій, пол.-ссыл. VII—VIII. 131, 134—137.
Копитаръ, В., IV. 82, 83, 92—96, 100, 101, 104, 106.
Коптевъ. XI. 152
Корневъ, В. А., приближ. Іоан. Кронштадт. V. 161.
Корниловичъ, А. О., дек. XII. 230.
Корниловъ, А. А., Рец. *С. Сватикова* кн.: „Курсъ истор. Россіи 19 в. ч. 3". VI.
Коробка, И. И., I. 104, 111, 112.
Короленко, В. Г., VI. 223. VII—VIII. 216, 218. X. 215, 217—219.
Корсаковъ, ген.-губ. Вост. Сиб. I. 83. 86. III. 35, 41—45, 48, 50, 55, 56. V. 43—46, 51—56, 58, 61, 63—68, 72—75, 78, 79, 80, 84. IX. 34—36.
Корсакъ, польск. пис. VII—VIII. 24.
бар. Корфъ, дир. малолѣтн. отд. корп. VI. 96.
бар. Корфъ, канд. на суд. долж. XII. 155.
бар. Корфъ, С. А., 1) Рец. кн.: *Бородкина*. X. 2) Рец. *П. Мижуева* его кн.: „Автономія колоніи Великобританіи". IV.
бар. Корфъ, М. А., II. 137.
Корфъ, нач. Варш. воен. отд. XI. 209.
бар. Корфъ, Ю. А., кам.-юнк. XII. 149.
Коршъ, прис. пов. V. 101, 113—116, 119.
Коршъ, проф. суд. мед. X. 167.
Коршъ, В. Ѳ. II. 121.
Коршъ, Е. Ѳ., Рец. кн. *Гуртика*. IX.
Коршъ, Ѳ. Е., I. 268. V. 239—249.
Косаговскій, дир. деп. XI. 242.
Косинскій, пол. дѣят. I. 103.
Косицкая, арт. I. 62.
Космадель, регент. V. 166, 181.
Косоротовъ, проф. V. 180.
Коссаковскій, еп. IV. 64, 70.
Коссаковскій, оф. IV. 204.
Коссаковскій, С., гетм. IV. 67—69.
де-Костеръ, III. Его ром.: „Легенда о подвиг. Уленшпигеля". I—VIII. *О нем.*: I. 224, 227—229.
Костинъ, оф., довѣр. Іоан. Кронштад. V. 162.
Костомаровъ, Вс., оф. VI. 232, 233. IX. 33. XI. 241.
Костомаровъ, Н. И., I. 117, 118. IV. 37, 148, 161.
кн. Костровъ, П. А., Минус. окр. нач. V. 48.
Косцюшко, І., братъ Тад. Косцюшко, IV. 38, 42, 43.
Косцюшко, А., от. Тад. Косцюшко, IV. 37.
Косцюшко, Т. IV. 35—74. VI. 18—57.
Косычъ, А. П., ген. X. 159, 160.
Котельниковъ, проф. XII. 7.
Котляревскій, И. П. IV. 81, 86, 90.
Котляревскій, тов. прок. I. 171, 172, 180, 181, 183, 184, 190, 191.
Котляръ, жанд. полк. V. 176, 177.
Кохановскій, польск. пол. дѣят. VI. 26
гр. Коцебу, ген.-губ. X. 173.
Коцебу, А. I. 53.
Коцюбинскій, М., I. 266.
кн. Кочубей, В. П., X. 246.
Кочубей, Д. В., IV. 164.
Кочубинскій, проф. X. 171, 172.
Кравчинскій, С. М., II. 235. IV. 122—124, 127, 131, 132, 135—138. V. 85—90, 109. XI 304.
Краевскій, А. А., II. 127. IX. 22, 39, 40, 42, 44—48, 54—57. X. 54, 55, 58—60, 113. XI. 24, 35, 77, 86. XII. 41, 60.
Краливѣнъ, студ. IV. 202.
Красинскій, польск. поэтъ. VII—VIII. 44.
Красноперовъ, П. М., XII. 225.
Краспоярова, жена прк. чин. III. 20, 21.
Красовская, Ф. П., арт. VII—VIII. 153
Красовскій, арх. X. 9, 13, 19.
Крашевскій, студ. VII—VIII. 104, 107.
Крашевскій, І., IV. 232.
Крестовскій, В. В. IV. 176, 177. XI 153. 154, 196.
Кречетниковъ, М. И., ген. IV. 50.
Кривенко, Л. Н., жена пис. IV. 245. VII—VIII. 214.
Кривенко, С. Н., I. 204. IV. 221—223, 225, 227, 234. V. 213, 221, 223, 224. VII—VIII. 206, 214. X. 39, 215, 217. XI. 98.
Кригъ, бар., галиц. губ. IV. 92, 100.
Крижаничъ, Ю. Рец. *Г. Вернадскаго* издан. его „Политичныхъ думъ". IV. *О нем.*: IX. 107.
Кроненбергъ, фин. дѣят. III. 94.
Кропивницкій, М. Л., VII—VIII. 153—155. 157—161, 164, 165, IX. 146, 149, 150, 158, 160.
Кропоткинъ, А. А., братъ анарх. XI. 38.
Кропоткинъ, П. А. XI. 304.
Кропотовъ, (дѣло Петраш., III. 33. XI. 26.
Крузенштернъ, А. Ѳ., гос. дѣят. VI. 83.
Крузова, арт. VII— VIII. 146.
Крылова, пол. дѣят. IV. 138. V. 117, 120.
Крыловъ, И. А. VI. 131.
Крымскій, А., I. 268.
Кромбъ, Рец. *И. Балинскаго* кн.: „Германія и Англія". VI.
Крюкова, А. III. 217.
Кудринъ, предс. окр. суда. V. 182.
Кудринъ, П. Е., (Русановъ), V. 214. VI. 233.
Кудрявцевъ, гимн. X. 115.
Кудрявцевъ, П. Н., проф. IX. 58. XII. 60, 63, 65, 66.

Кудряшевъ, П. Рец. *С. Мельгунова*, кн.: „Идейные горизон. міров. войны". X.
Куземскій, галиц. общ. дѣят. IX. 86, 87, 101, 102.
Кузнецовъ, золотопром. I. 72.
Кузьминъ, (дѣло Петраш.). XI. 26.
Кузьминъ, П. К., родств. Гл. Успенскаго. II. 234.
Кукель, нач. шт. ген.-губ., Вост. Сиб. III. 39
Кукольникъ, А. И., жена поэта. I. 157.
Кукольникъ, Н. В., I. 51, 52, 160—163. III. 58, 59, 63—67. IV. 170. IX. 11, 12. XI. 11.
Кукольникъ, П. В., проф. I. 159, 160. VII—VIII. 26.
Кулаковскій, П. А., IX. 232—235, 241—249.
Куликовъ, Н. И., арт. III. 65, 83.
Кульчинскій, польск. пол. дѣят. IV. 84.
Кулябко-Корецкій, Н. Т., пис. X. 138.
Кунцевичъ, I., арх. X. 21, 28.
Курочкинъ, В. С., XI. 201.
Курочкинъ, Н. С., I. 206. IX. 24. XI. 187, 189, 199. XII. 35.
Кускова, Е., Ст.: „Памяти живой души (В. Я. Яковлевъ-Богучарскій). VII—VIII.
Кутайсовъ, И. П., гр., X. 104.
Кутлеръ, Н. Н., V. 257.
Куторга, С. С., проф. и ценз. X. 57.
Кутузова, кварт. хоз. Клѣточникова, V. 94—99.
Кучановъ, А., мас. XII. 228—230.
Кушлянскій, арест. IV. 214
Кюхельбекеръ, жена док. VI. 189.
Кюхельбекеръ, В. К., VII.—VIII. 175. XII. 230, 242.

Л.

Л., Н. И., ротн. въ корп. VI. 128.
Лависсъ, Э., Рец. *В. Перцева*, кн. „Очерки по исторіи Пруссіи". XI.
Лаврентьевъ, IX. 257.
Лаврова, Е. К., мать П. Л., IX. 138—140. 142—144. X. 119. XII. 124, 126, 131—133, 135, 136.
Лаврова, М. П. (Негрескулъ). VII—VIII. 107. IX. 137, 140. XII. 125, 133.
Лаврова, (Капгеръ), жена П. Л. XI. 183, 190, 196.
Лавровскій, галиц. общ. дѣят. IV. 82.
Лавровскій, в.-дир. деп. м. в. д. IV: 178.
Лавровъ, В. М., I. 219. IV. 224, 232, 235, 238. X. 219
Лавровъ, М. И. IV. 237.
Лавровъ, М. П., сынъ П. Л. VII—VIII. 106—108.
Лавровъ, П. Л. I. 197. II. 82, 83. IV: 160. VII—VIII. 96—109, 219—222. IX. 32, 131—145, 229—231 X. 112—147. XI. 181, 182, 190, 191, 196—200, 202. XII. 121, 122—138.
Лаврскій, К. В., пол. ссыл. I. 299.
Лагоріо, учит. XII. 140.
Лагоріо, Л. Ф., XI. 197, 201.
Ладыжинская, XI. 188, 194.
Лазаревъ, инж. IX. 235.
Лазурскій, В. Ф., Рец. кн.: 1) „Памяти велик. грузинск. поэта А. Р. Церетели". 2) „Записки Неофилологич. Общества". I.
Ламанскіе, бр. XI. 11.
Ламанскій, Е. И., I. 155. XI. 18, 40. XII. 45, 35, 36, 45, 61, 72.
Ламанскій, В. И., II. 244—253. IX. 240.
Ламанскій, П. И. XI. 8, 40. XII. 35, 44, 45, 55, 61, 72.
Ламеръ, Г. Рец. *Баллода* кн.: „Культура древн. Востока въ картин.". IX.
Ландсбергъ, ссыл. повст. VII—VIII. 129. 132, 133.
Ланжеронъ, А. Ѳ. X. 102.
Ланинъ, изд. IV. 238.
Ланкевичъ, В., тов. Бакун. V. 8. X. 125.
Ланской, ген.-ад. IV. 193.
Ланской, С. С., I. 128—133, 141. II. 146. V 46.
Лапинскій, польск. полк. VII—VIII. 16—18.
Лапинскій, чин. канц., Томск. губ. VII—VIII. 121. IX. 178, 179.
Лаппа-Старженецкій, полиц. XI. 153. 160.
Ларишъ, М. гр. Рец. *В. Перцева* кн.: „При дворѣ Габсбурговъ". X.
Ласси, Б. П., нач. литовск. инсп. VI. 49.
Латкина, Ш. Э. V. 70.
Латкинъ, В. М. VII—VIII. 212.
Латкинъ, (дѣло Петраш.). XI. 30.
Лебедева, А. М., почит. Іоан. Кроншт. V. 159, 160.
Лебедевъ, А. П., дом. учит. VI. 93.
Лебедевъ, рязанск. общ. дѣят. V. 233.
Лебединскій, П. В., докт. IX. 210, 211, 256.
Левашова, Е. Г., родств. дек. Якушкина. III. 217.
Левашовъ, Н. В., родств. дек. Якушкина. III. 217.
Левашовъ, чайк. X. 115.
Левинъ, И. О. Ст.: „Къ истор. эмансип. евреевъ въ Швейцаріи". II.
Левицкій, В. галиц. проф., IV. 94, 95, 100, 101, 104, 105.
Левицкій, I. гал. дѣят. IV. 82, 92, 101, 102.
Левицкій, М. еп. IV. 75—77, 80, 89, 100, 104, 105.
Левшинъ, А. П., гос. дѣят. I. 133.
Leger Louis Рец. *П. Кошина* кн: „N Gogol". IV.
Лексъ, сен. XII. 148.
Лелевель, Г. III. 97.
Лелевель, I. VII—VIII. 24, 26.
Ленскій, А. П., арт. IX. 159.
Лентовскій, М. В., VII—III. 154.
Леонтьева, Е. А. I. 126.
Леонтьевъ, К. Н., II. 92, 93, 96, 97, 99, 116. XI. 44—74.
Леонтьевъ, М., оф. X. 106.
Лепарскій, С. Р., III. 211.
Лермонтовъ, пол. дѣят. X. 115.
Лермонтовъ, М. Ю. Рец. *Ѳ. Батюшкова* кн.: „Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову". II.
Лесевичъ, В., В., I. 269.

Лессепсъ, III. 264, 265.
Лессеръ, арт. III. 96.
Леся Украинка, I. 266.
Леткинъ, VII—VIII. 216.
Лешерихъ, С., VII—VIII. 232.
Лешковскій, публ. III. 96. 97.
Ливенъ, Х. А., кн. X. 104.
Ливенъ, В. К., бар. I. 277.
Ливенъ, В. К., бар. I. 142, 143. II. 147, 148.
Ливотова, А. А. XII. 133.
Ливотовъ. XI. 202.
Ливотовы. XI. 169, 182, 190, 200, 201.
Лигинъ, В. П., проф. X. 167.
Лизогубъ, Д. А., IV. 138.
Лилиенфельдъ, ландр. оста. края. II. 146, 147
Линде, славист. IV. 81.
Линдфорсъ, А. О., XII. 209, 210, 215, 216.
Линевъ, ссыл. X. 116.
Линевъ, эмигр. X. 138.
Линниченко, И. А., 1) Его ст.: „Патріархъ русск. славяновѣд. (В. И. Ламанскій). II. 2) Рец. *И. Вятринскаго* его кн.: „Рѣчи и поминки". I. 3) Рец. *В. Перцева* его кн.: „Два письма Фридриха II". III.
Линовскій, А., секр. Косцюшки. IV. 58, 66.
Липранди, ген.-м. XI. 13, 14, 16, 21. XII. 46—48.
Лисовскій, И., митр. X. 9. 13, 19.
Лихаревъ, дек. VII—VIII. 178.
Лихаревъ, И. Г., препод. корп. VI. 123
Лихачевъ, откупщ. III 164.
Лихачевъ, пис. VII—VIII. 215.
Лихтенштейнъ, кн., австр. пос. XII. 197, 198.
Лихутинъ, оф. III. 7, 8, 11.
Лобановъ-Ростовскій, П., кн. IX. 106.
Лобачевскій, Н. И., XII. 7, 8, 20.
Лодій, проф. II. 29, 31.
Лозинскій, галиц. общ. дѣят. IV. 97, 98.
Лозинскій, С. Г. Рец. *К. Успенскаго* кн.: „Истор. инквизиц. въ Испаніи". I.
Ломиковскій, П. К., дир. гл. инж. уч. VI. 131.
Ломовская, IV. 242, 245.
Лонгиновъ, М. Н., X. 67. XII. 67.
Лопатинъ, Г. А., IV. 214, 242. V. 221. VI. 214. IX. 137—142. X. 116.
Лопухинъ, П. В., VI. 49.
Лоренцъ, докт. V. 134.
Лореръ, дек. III. 213
Лорисъ-Меликовъ, М. Т., II. 209. X. 214.
Лосевъ, казакъ. VI. 35.
Лосевъ, канд. полк. X. 26.
Лосовскій, суд. слѣд. XII. 157.
Лохвицкій, А. В., I. 159. XII. 147—149.
Лужинскій, В., еп. X. 12, 28.
Лукашевичъ, дек. I. 116.
Лукашевичъ, юнк. IV. 210.
Лукашевичъ, П., пис. IV. 86, 105.
Лукичевъ, арест. IV. 214.
Лукутина, невѣста Н. П. Пирогова. VI. 196, 197.
Лупинъ, М. С., I. 102.
Лутковскій, П. С., чл. воен. сов. V. 67, 68.
Луцкій, морс. оф. V. 114, 115, 118, 119.
Лысенко, корн. VI. 35.
Лысенко, П. В., композ. VII—VIII. 156, 164.
Лыткинъ, Ю. С., препод. I. 195.
Львовъ, худ. XI. 201, 202.
Львовъ, О. П., петраш. I. 66—74. III. 20—24, 31—39, 41—43, 49—51, 54—56. V. 50, 52—54, 57, 58, 61, 66. XI. 18, 26. XII. 35, 55, 56, 72.
Львовъ, О. П., чин. X. 246.
Лѣсковъ, Н. С., I. 217.
Лѣсницкая. X. 210.
Любавскій, М. К., Рец. *М. Грушевскаго* его „Лекціи по древн. русск. исторіи". IX.
Любатовичъ, О., IV. 124—130, 132—134, 136 V. 88—90, 92.
Любомирская, Е. X. 111.
Любомирская, А., кн., дочь кіев. воев. IV. 47.
Любомирскій, І. кіевск. воев. IV. 43
Любощинскій, сен. XII. 152.
Людевитъ Гай. IV. 82.
Людоговскій, проф. XII. 215.
Люстихъ, В. О., пом. прис. пов. II. 121. XII. 150, 157.
Люстихъ, оф. V. 105.
Люстихъ, от. офиц. VII—III. 232.
Лящкій, Е. А., I. 8.

М.

Магницкій, М. А., III. 149.
Мадалинскій, А., польск. ген. IV. 56. 57. VI. 21.
Мадатова, кн. XII. 122.
Мадзини. IV. 196, 215.
Маевскій, полякъ. IV. 205.
Майзельсъ, равв. III. 98. 106.
Майкова, Е. П. XII. 60.
Майковъ, П. А. худ. XI. 24.
Майковъ, А. Н. IX. 24. XI. 168, 202. XII. 42.
Майковъ, В. Н., XI. 36, 37. XII. 42.
Макаровъ, астр. рыбопром. VI. 164.
Макаровъ, А. С., колл. сов. VI. 39.
Максимовичъ, арт. IX. 149.
Максимовичъ, этн. IV. 81, 86, 90, 105.
Максимовскій, А. М. XI. 111—124, 129—137, 139—143. XII. 162—170.
Максимовъ, И. В., VII—VIII. 203—205.
Максимовъ, А. Г. Рец. *В. Фишера* кн.: „Юбилейн. лермонтовск. литература". XI.
Максимовъ, С. В., IV. 202. IX. 26.
Макушинъ, сиб. общ. дѣят. X. 223.
Малаховъ, П. А., енис. губ., I. 197.
Малиновская, пол. дѣят. IV. 108, 107, 122—125, 127—130, 132, 134. V. 86, 87, 93. X. 247.
Малиновская, Е. Ф. VI. 189.

Малиновская, М. II. VI. 187. VII—VIII 182, 183, 185, 186, 188—190.
Малиновская, М. В. см. Вольховская.
Малиновскій, А. В. VI. 190. VII—VIII. 169, 182, 183, 185. X. 247.
Малиновскій, В. Ѳ., X. 239—265. XII. 241.
Малиновскій, П. В. VI. 187—190. VII—VIII. 168—191. X. 247. XII. 231.
Малиновскій, П. Ѳ. VII—VIII 179. 185, 186.
Малышевъ. VII—VIII. 213, 216.
Манассеинъ, В. А., IX. 211. X. 236.
Манасс.инъ, Н. А., I. 188, 189.
Мантейфель, О., прусск. гос. дѣят. I. 284, 285, 287.
Мануиловъ, А. А., XII. 247.
Манщевичъ, чл. окр. суда. V. 168, 175.
Манько, арт. IX. 155.
Marabini. Рец. *Г. Шрейдера*, кн. „Dietro la chimera gar.ibaldin V.
Марія Николаевна, вел. кн.. III. 61. XI 196, 198, 202.
Марія Павловна, в. кн. III. 221.
Марія Терезія. II. 20—27.
Марія Ѳеодоровна, имп. X. 106.
Маркевичъ, А. П., X. 166.
Марковъ, В. С. Рец. С. Мельгунова кн.: „Къ истор. раскола старообряд. втор. полов. 19 стол.". IX.
Марксъ, К. V. 11, 15, 18, 21, 40—42.
Мартиновскій, А. арх. X. 32.
Мартыновъ, А. Е., арт. XI. 163.
Мартыновъ, В. П. X. 246.
Маршаронъ, ген. адв. XII. 230.
Маслаковецъ, ген. XII. 289.
Массальскій, еп. VI. 25.
Мацци, арт. I. 62.
Мачтетъ, Г. А., VII—VIII. 216.
Медемъ, цена. X. 62.
Мезенцевъ, Н. В., IV. 185, V. 77 79. 89. XII. 131, 132, 135—137.
Мей, А. А., IX. 24. XI. 162, 172—176.
Мей, С. Г., жена поэта. XI. 173, 176.
Мейендорфъ, П. К., бар. I. 277, 279.
Мейеръ, Д. П., III. 138, 146. V. 131, 132. XII 9, 22.
Мейеръ, Янъ, ксендзъ. IV. 64, 70.
Мейсперъ, XI. 203.
Меліоранскій, П. М., проф. V. 243.
Мельгуновъ, С. П., Его ст.: 1) „Выговоръ Аракчеева ген.-м. Воронову". I. 2) „Запрещен. книга". VI. 3) „Родственн. о Растопчинѣ". VII—VIII. 4) „Изъ истор. возсоединенія уніатовъ въ Россіи. X. Изъ перепис. масоновъ о 14 дек. 1825 г.". XII. Его рец.: 1) „Вѣстникъ о-ва ревнит. исторіи". I. 2) „Старина и новизна". II. 3) „Русскіе пропилеи". VII—VIII. 4) *П. де-Сенъ-Виктора*. VII—VIII. 5) кн. *В. С. Маркова*. IX. 6) кн. *Кудрявцева*. X, 7) кн. *Дживелегова*. X. 8) „Записокъ" *С. М. Соловьева*. *XI*. 9) „Невскій Альманахъ". XII.
Мельниковъ, П. Ст.: „По поводу писемъ П. И. Пирогова къ невѣстѣ". XII.
Мельниковъ-Печерскій, П. И., I. 156. IX 16, 17, 21.
Мельникъ, К., вол. стар. XII. 206.
Мендельсонъ, Н. М., 1) Ст.: „Памяти А. В. Потаниной". IX. 2) Рец. кн. *Б. и Ю Соколовыхъ*. XII. *О немъ* II. 283.
Менделѣевъ, Д. И., XII. 147.
Меншиковъ, Ал. Д. кн., I. 278—281, 283—285. IX. 250.
Мердеръ, К. К., XI. 164.
Мережковскій, Д. С., Рец. *В. Фишера* кн.: „Было и будетъ. Двѣ тайны русск. поэзіи". VII—VIII
Мерклинъ, жанд. полк. IX. 139. X. 119, 120, 122.
Мессингъ, чин. нижег. каз. пал. XI. 173
Метлинскій, укр. пис. IV. 86
Метраль, восп. у Фонвизин. III. 215.
Меттерниховъ, кн. IX. 68.
Мечиславская, М., игум. X. 23.
Мечниковъ, П. И., X. 168, 173. XII. 248, 286
Мечниковъ, Л. Н., дѣдъ И. И. Мечн. X. 169.
Мещерская, Г. арт. VII—VIII. 146.
Мещерскій, кн., арт.-любит. I. 159.
Мещерскій, В. П., кн., IV. 165. V. 134, 230. 234—237. X. 12.
Мижуевъ П., Рец. кн.: *С. А. Корфа*. IV.
Микѣшинъ, М. О. XI. 260.
Милковскій, С., польск. пол. дѣят. IV 264—268
Миллеръ, таб. фабр. I. 151.
Миллеръ, Ф. П. VII—VIII. 177.
Милліусъ, докт. I. 148.
Милорадовичъ, Е., укр. общ. дѣят. I. 5
Милюкова, Е. Д., III. 217.
Милюковъ, А. П., XI. 31, 40, 43. XII 35 38, 41, 42, 52, 55—57, 61, 64, 72.
Милюковъ, П. Н., VII—VIII. 227.
Милютинъ, Б. А., арк. чин. III. 31, 38.
Милютинъ, В. А., XI 40.
Милютинъ, Д. А., III. 225. IV. 184. XI. 204. 211.
Милютинъ, Н. А., I. 132, II. 78, 79, 162. IV 150. XI. 214.
Минаевъ, Д. Д., X. 74.
Минквицъ, ген. XI. 207, 209.
Минкина, А. I. 221.
Минцловъ, Р. Р., суд. дѣят. V. 226—233.
Минцловъ, С. Р., Его сообщ.: „ О рязанск. „крамольникахъ". V.
Миролюбовъ, театр. докт. IX. 161.
Митьковъ, М. О., дек. VII—VIII. 172.
Митропольскій, П. А., докт. IX. 256.
Михаелисъ, Е. П., студ. IV. 156. 157 IX. 32.
Михайлова, С. П., сес. пис. IX. 10.
Михайловскій, Н. К., I. 30, 173, 187, 188. 204, 213, 215, 216. II. 194—196. IV. 240, 245. V. 219. VII—VIII. 193—195, 199, 201, 216. 218. IX. 51. X. 39, 41, 42, 44—46, 49, 54, 55, 65, 68, 209—212, 216, 218, 219. XI. 98, 268.
Михайловъ, А. IV. 108, 127, 128, 131, 132. 135, 136, 138, 142. V. 88, 94—96, 98—102. 117—120.

Михайловъ, А. И., бр. пис. IX. 10, 11, 16.
Михайловъ, Н. И., бр. пис. IX. 10—12.
Михайловъ, П. М., от. пис. IX. 8, 9.
Михайловъ, М. М., дѣдъ пис. IX. 8
Михайловъ, М. И., I. 198. IV. 161, 197. V. 56, 57, 69. VI. 230—232, 236. IX. 5—37, 224—228. X. 320. XI. 162, 163, 168, 169, 202, 240, 241.
Михайловъ, П. И., бр. пис. VI. 231. IX. 10—12, 35, 36, 224, 225, 227.
Михаилъ Павловичъ, в. кн. II. 230. V: 137. VI. 121, 132. XI. 12. XII. 67.
Михаилъ, еп. Полоцк. IV. 74.
Михальчукъ, К., пис. I. 269.
Михеевъ, В. М., пис. III. 219.
Мицкевичъ, А. II. 251, 252. III. 106. VII—VIII. 24, 25, 27, 31, 33—41, 45—47, 50. XII. 249, 255.
Міяковскій, В. В., 1) Рец. кн.: *Семенникова*. VI. 2) ст. „М. И. Михайловъ". IX. 3) „Поправка". X. 320.
Млодецкій, польск. дѣят. X. 214.
Могильницкій, А., укр. общ. дѣят. IV. 78—82, 104, 106. IX. 81, 82.
Модестовъ, В. В., I. 193, 194. X. 169—171, 173—175. XII. 286
Мокіевскій, П., Рец. кн.: *Мюллеръ-Ліэра*. I.
Мокроновскій, С., польск. геп. VI. 27, 32, 33.
Моллеръ, Ф. А., худ. V. 191. XI. 168, 181.
Молостовъ, поп. Каз. уч. окр. III. 138.
Молчановъ, М., прк. чин. III. 54, 55. V. 45.
Момбелли, Н. А., петраш. I. 66, 67, 73, 74, 76, 77. XI. 26, 31, 40. XII. 35, 36, 41, 43, 44, 53, 57, 61, 71.
Монгеймеръ, П., ссыл. XI. 246.
Монштейнъ, арт. VII—VIII. 146.
Моравскій, полякъ. IV. 214.
Моргенштернъ, поп. XI. 209.
Мордвиновъ, Н. А., XI. 38, 40. XII. 35, 61, 72.
Мордвиновъ, П. С., гр. X. 215.
Мордовцевъ, Д., IX. 160.
Морововъ, Н. А., Ст.: „За слѣтъ и свободу". IV. V. *О немъ* X. 56. XI. 127.
Морозовъ, П. П. Ст.: „Солян. дѣло". XI.
Морозъ, чин. ос. пор. I. 132.
Мосоловъ, чин., пол. дѣят. IV. 201.
Мотовиловъ, суд. дѣят. XII. 151.
Мохнацкій, IV. 87, 96.
Мохъ, галиц. общ. дѣят. IX. 100.
Мочаловъ, Н. С., I. 46, 51, 53—64. III. 72, 73, 81. X. 266.
Мрочекъ, оф., пол. дѣят., IV. 205. VI. 179,
Муравьева, М. Н., арт. XI. 183.
Муравьева, А. Г., жена дек. Н. М. Мур., I. 69.
III. 212, 213, 216, 218. IV. 186—192.
Муравьева, П. В., жена дек. М. Н. Мур. III. 214, 217.
Муравьева, Е. О., мать дек. Н. М. Мур-а. IV. 187.
Муравьевъ, А. М., IV. 190.
Муравьевъ, А. Н., XII. 230.
Муравьевъ, Матв., дек. VI. 189.
Муравьевъ, Ник. Мих., I. 105, 106, 108, 112, 113, 115. III. 213. IV. 187—189, 191.
Муравьевъ, С., дек. I. 105—112.
Муравьевъ, Н. В., III. 190, 193—196, 197—200. X. 278.
Муравьевъ, М. Н., I. 14, 20—22, 25, 27, 30—34, 138—140, 156. II. 77, 78, IV. 178—180, 193—195. VI. 237. VII—VIII. 103, 105, 108, 109, 113, IX. 187, 188. X. 14. 23, 26—28, 32, XII. 124.
Муравьевъ, Н. Н., I. 69, 72, 85. II. 21—24, 26, 28, 31—39, 41, 43—50, 54, 55. V. 43—46, 49—52, 56, 62.
Муравьевъ-Апостолъ, М. И. I. 104.
Муромцевъ, С. А., V. 233. XII. 224.
Мусинъ-Пушкинъ, поп. каз. уч. окр. X. 58. XII. 6, 7, 14, 20.
Мусинъ-Пушкинъ, С. А., VI. 101.
Мусинъ-Пушкинъ, С. А. Ст.: „А. И. Желябовъ". XII.
Мухинъ, сослан. XI. 191.
Мысловскій, П. И., прот. III. 212.
Мѣрославскій, польск. пол. дѣят. IX. 122. 123, 125, 126, 128.
Мѣшковскій, IV. 214.
Мэйеръ, Д. Рец. *В. Семевскаго* кн.. „Экономич. исторія Россіи". XI.
Мюллеръ-Ліэръ, Ф. Рец. *П. Мокіевскаго*, кн. 1) „Формы брака, семьи и родства". I. 2) „Фазы любви". I.
Мюнстеръ, гр., воен. уполном. при Петерб. дворѣ. I. 276—279, 282, 285.
Мякотинъ, В. А. V. 184.

Н.

Набоковъ, Д. Н., XI. 38. XII. 152.
Нагорная, наборщ. IX. 135.
Нагорный, антрепр. IX. 155.
Надимовъ, П. М., антрепр. VII—VIII. 151, 152.
Назимовъ, В. И. IX. 263. X. 19, 26
Назимовъ, М. А., VII—VIII. 178.
Налбандовъ, студ., IV. 201.
Наполеонъ I. VI. 51—54.
Нарышкина, Н., (Растопч.). VII—VIII. 241—250.
Нарышкина, Е. П., жена дек. IV. 191.
Нарышкина, Е. (Суворова). VI 152.
Нарышкина, М. А. VI. 153, 154, 156.
Нарышкинъ, Д. А., объ-егерм. VI. 153
Нарышкинъ, А. Л., об.-камерг. VI. 151—153.
Натанзонъ, фин. дѣят. III. 94.
Натансонъ, О., общ. дѣят. IV. 131.
Наумовъ, Н. И. пис. V. 213, 214
Наумовъ, сиб. общ. дѣят. I. 292, 302.
Негрескулъ, А. Ѳ. IX. 142, 143.
Негрескулъ, М. Ѳ. IX. 141. XII. 125.
Негрескулъ, М. П. См. Лаврова.
Нейманъ, Б. В., 1) Его рец. кн.: *Федерса*. XI. 2) Рец. *В. Фишера* его кн.. „Отраженіе поэзіи Козлова въ творч. Лермонтова". XI.

Неклюдовъ. III. 31. 32. 34. 37. 46. 47. 54. V. 45. 48.
Некрасова, Е. С., пис. IV. 229—248. V. 221.
Некрасовъ, Г. О., сов. Нерчинск. горн. упр. I. 76.
Некрасовъ, Н. А., I. 7, 8—14, 18—29, 34, 35, 206—210. II. 192, 197, 200, 202, 203, 206, 284—288. III. 136. V. 207, 211, 212. IX. 38—65. X. 38. XI. 20, 75—98, 177, 178.
Нелидовъ, А. П., сен. VI. 45.
Неметти, арт. VII—VIII. 146.
Немировичъ, О., поном. IV. 74
Нессельроде, К. В. гр., I. 277, 279. VI. 151. VII—VIII. 257.
Нестеровъ, оф. I. 292, 299.
Нечаевъ, Н. П., земск. дѣят. XII 210 212.
Нечаевъ, С. Д., пол. дѣят. IV. 212. X. 112, 123. 126—129.
Нечаевъ, об.-прок. Син. X. 17, 20.
Нечуй-Левицкій, И., укр. пис. I. 266
Никитенко, А. В., VII—VIII. 98, 99 XI. 39—41, 51. X. 57, 58, 60, 61.
Никитинъ, И. С., IV. 140.
Николадзе, Н. Я., журн. IV. 234, 237. VII—VIII. 203—207.
Николаевъ, М. Н., дворн. Іоан. Кронш. V. 159, 161, 163—166, 169, 172—174, 179, 181.
Николаевъ, П. О., пис. I. 17, 18.
Николаевъ-Бѣлокопь, П. П., арт. VII - Бар. Николаи, А. П., гос. дѣят. VI. 83.
Николай I. I. 52, 148, 160, 161, 272—275. VIII. 153.
277—288. III. 8, 10, 60, 70, 82, 135, 139, 140, 144, 150, 152—154, 163. IV. 149, 156, 158, 178. VI. 96, 98, 99, 130. VII—VIII. 112, 253—255, 257, 258. IX. 175. X. 11, 12, 19, 60, 106. XI. 38, 45, 60. XII. 66, 242.
Никольскій, Н. Его рец. кн.: *Н. А. Соколова.* VII—VIII.
Никонъ, патр. IX. 110—112.
Ничипоренко, чин. IV. 201, 203
Н-нъ, М. Л. Его ст.. „ Н. В. Шелгуновъ въ Калугѣ". XI.
Новалисъ, Рец. *П. Когана* его ром.. „Генрихъ фонъ-Офтердингенъ". V.
Новикова, О. А. Рец. *Е. Тарле* ея „Воспомин. и переписки". X.
Новиковъ, Е. П., гос. дѣят. и пис. IX. 242.
Новиковъ, П. П., арт. VII—VIII. 146.
Новиковъ, Н. П., X. 239.
Новиковъ, С. П., арт. VII—VIII. 146.
Новицкій, IV. 205.
Новосѣловъ, А. Г., пед. I. 194.
Новосильцевъ, Н. Н. I. 104. VII—VIII. 24, 25. 36. 38
Ножинъ, чин. IV. 213.
Норовъ, А. С., IX. 250—254. XI. 201
Нѣмцевичъ, Ю, VI. 24.

О.

Обольяновъ, помѣщ. VII—VIII. 143, 144.
Обольяновы, двор. VII—VIII. 143—146.
Обницкій, П. П. Рец. *М. Гернета* его кн.: „Къ юбил. судебн. реформы". II.
Оболенская, Н., кн. сест. декабр. XII 231, 232.
Оболенскій, помѣщ., общ. д., I. 127.
Оболенскій, Е. П., кн. дек., III. 213. VI. 188, 189. XI. 215. XII. 231, 232.
Оболенскій, Л. Е., пис. IV. 239. VI. 211.
Оболешевъ, IV. 128, 131.
Обольяниновъ, П. Х., гос. дѣят. X. 108.
Образцовъ, губерн. суд. III. 38.
Обресковъ, подполк. IV. 56.
Обручевъ, В. А., пис. I. 198.
Овсянко, IV. 209.
Овсянниковъ, Ф. В., естеств. XII. 117.
Огаревъ, нижег. ген.-губ. XI. 153.
Огаревъ, Н. П. I. 121. IV. 154, 196, 201. V. 6, 9. IX. 266, 267. X. 127, 128.
Огрызко, оф. IV. 204.
Одарченко, прис. пов. IV. 224.
Одинцовъ, семинъ. X. 115.
Одинцовъ, земск. сл. X. 117.
Одинцовъ, Н. П. I. 193.
Одинцовъ, А. А., нижег. губ., XI. 151.
Одоевскій, А. П., кн., III. 214.
Одынецъ, польск. пис. VII—VIII. 24.
Ожаровскій, гетм. IV. 64, 70.
Ожешко, докт. IX. 178.
Озерецкій, пис. IV. 168.
Озеровъ, В. А., VI 147.
Озеровъ, оф. IV. 209.
Озеровъ, В. эмигр. V. 7.
Озерскій, томск. губ., V. 59.
Окуловъ, томск. куп. IX. 170—173.
Олехновичъ. IV. 205.
Олизаръ, гр., польск. общ. дѣят. I. 108, 110.
Оловенникова, Е. И. сес. М. И. Олов-ой. VII—VIII. 232.
Олоховъ. полк. V. 137.
Ольдекопъ, губерн. суд. III. 32, 33, 38.
Ольденбургская, Е. П., герц. V. 153. VI. 141, 147. X. 184, 190.
Ольденбургскій, П. Г., пр. П. 185. III. 144. XII. 149.
Ольхинъ, А. А., прис. пов. IV. 125, 129—131, 137, 139—142.
Ольшевскій, студ. IV. 202.
Опоцкій, чин. IV. 204.
Оппенгеймъ, гласн. Петерб. Думы. XII. 98.
Орбинскій, Р. Р., проф. X. 166, 175, 176. XII. 286.
Ордынъ-Нащокинъ, А. А., IX. 117, 118.
Ореусъ, И. П., шт.-кап. Преобр. п. I. 193.
Оржановскій, І., свящ. V. 162.
Оржешко, Э., III. 101.
Орлова, П. П., арт. XI. 162, 163, 166, 170, 193.
Орловъ, студ. IV. 201.
Орловъ, А. Ѳ., кн. I. 69, 84—86, 277, 279. ..IX. 257—259, 268. X. 59, 64. XI. 38. XII. 69.
Орловъ, М. О., I. 102—104, 109, 113.
Орловъ, П. А., дом. уч. 18 в. III. 229.
Орловъ, П. П., нотар. IV. 223, 224, 226, 227, 232.
Орловъ, П., пол. дѣят. VII—VIII. 232.
Орловы, бр. IV. 205.
Освальдъ, И. Н., студ. V. 68.

Осиповъ, худ. XI. 185, 196, 197, 201.
Основьяненко, Г., пис. I. 42.
Осокинъ, Е., проф. XII. 8.
Осоргинъ, М. А., Ст. „Тосканскій Мессія". VI.
Остафьевъ, студ. V. 113, 114, 118, 119.
Остенъ-Сакенъ, ботан. VI. 245.
Остерманъ, гр., вице-канцл. X. 239.
Островскій, шт.-кап. XI. 229.
Островскій, А. Н., Ш. 80. IV. 232. X. 39.
Островскій, М. П., гос. дѣят. I. 153.
Острогорскій, А. Н., Ш. 256.
Остроградскій, М. В., VI. 133.
Остряковъ, прис. пов. XII. 151, 152.
Ошурковъ, В. А., пис. IX. 223.

П.

П., жанд. ротм. I. 172, 179, 180, 190 191.
П., И. Ѳ., XII. 121, 122.
П.....ъ, П. Н., батал. ком. въ корп. VI. 121, 122.
Павелъ Петровичъ, имп. IV. 119. VI. 41, 42, 44, 47, 48, 152. X. 9, 8, 102—109, 111.
Павенцкій, галиц. пис. IX. 89.
Павленковъ, Ф. Ф., IV. 241, 244, 243. V. 214. VII—VIII. 208, 212—214. X. 225.
Павлова, дом. уч. IV. 202.
Павлова, К. К., XI. 172.
Павловичъ, галиц. проф. II. 28, 29.
Павловскій, укр. грамм. IV. 81, 86, 90.
Павловъ, XI. 189.
Павловъ, содерж. пансіона. III. 215.
Павловъ, нотар. V. 166.
Павловъ, лейбъ-хир. V. 180.
Павловъ, П. В., проф. IV. 167. XII. 124.
Павлыкъ, М. VI. 238—252.
Пагануцци, пис. VII—VIII. 192.
Падалка, епис. губ., III. 56. V. 43, 51, 52.
Падренъ-де-Карне, дир. гимн. XII. 140.
Пайманъ, дир. львов. пол. IV. 100.
Палаузовъ, ценз. X. 61.
Паленъ, К. И., XII. 159, 160.
Паленъ, П. П., гр., I. 137, 138. II. 148. X. 102, 106, 108.
Палисадовъ, проф. IV. 169, 172, 173.
Палицынъ, ген. IX. 164.
Пальминъ, помощ. инсп. студ. IV. 168.
Пальминъ, И. О., театр. дѣят. VII—VIII. 167.
Пальмовъ, П. С. проф. дух. ак. X. 36.
Пальмъ, А. П., петраш. XI. 5, 6, 8, 11—13, 16—19, 24, 26, 38, 40, 42, 43. XII. 35, 36, 41 43, 44, 53, 55—58, 61, 65, 68, 69, 72
Пальмъ, А. А., мать А. П. Пальма. XI. 12.
Пальмъ, П. Х., от. А. П. Пальма. XI. 12.
Пальчиковъ, родств. А. Н. Плещеева. XI. 40, 42.
Панаева, А. Я., IX. 46.
Панаева, Е. Я., (Головачева). I. 29. II. 207. X. 61.
Панаевъ, В. Л. X. 72.
Панаевъ, Н. А., инж. I. 9, 13. II. 203, 204. X. 54.
Панаевъ, П. П., IX. 18, 39—44, 47—50, 52. 57, 58. X. 57. XI. 92, 161, 162, 184, 250
Панинъ, В. Н., гр., II. 215. III. 143, 150 154, 156, 161, 163, 164, 172. V. 133, 138.
Панинъ, П. П., гр. III. 295, 296. IV. 25. 26, 28, 31.
Папинъ, П. П., гр. VI. 48. X. 106.
Пановъ, проф. IV. 171, 172.
Пановъ, ген.-губ. Зап. Сиб. I. 295.
Пантелѣевъ, Л. Ѳ. Ст.: 1) Памяти И. Г. Чернышевскаго" I. 2) „Въ депутац. у С. Ю. Витте". V. 3) „Изъ жизни московск. университета": IX. *О немъ* VI. 233. VII—VIII. 100. XII. 138.
Парадизъ, Г., антрепр. IX. 151—153.
Паскевичъ, И. Ф., кн., I. 277. VII—VIII. 254, 255.
Паславскій, галиц. общ. дѣят. IV. 82.
Паткуль, майоръ. IV. 26.
Паткуль, об.-полиц. I. 154.
Патонъ, И. П., чл. окр. суда. XI. 250, 252, 253, 273.
Паукеръ, поруч. VI. 133.
Паульсонъ, педаг. III. 255.
Пахитоновъ, моск. общ. дѣят. I. 155.
Пахманъ, проф. IV. 172.
Пашино, П. П., оріент. IX. 26.
Пашковскій, ссыл. докт. IX. 225.
Пашковъ, Я. Его ст.: „По поводу помѣщ заставокъ". II.
Педашенко, П. К., полк. V. 79.
Пекарскій, П. П., IX. 22, 23.
Пеликанъ, А. А. Ст.: „Во втор. половинѣ 19 в.". I. II. IV. XII.
Пеликанъ, А. В. I. 146, 147.
Пеликанъ, В. А. II. 130.
Пеликанъ, Венц. В., дир. воен.-мед. департ. I. 146, 147, 156, 157, 158, IV. 178, 184. VII—VIII. 24, 26, 36, 38. XII. 115, 146, 147.
Пеликанъ, Викт. В. I. 146, 153.
Пеликанъ, Евг. В. I. 146, 154, 155.
Пеликанъ, О. С. I. 153, 154.
Пеньковскій, Ст., польск. публ. III. 101.
Пергенъ, галиц. губ. II. 16.
Переверзевъ, В. О. Рец. *Ч. Вятринскаго* его кн.: „Творчество Гоголя". II.
Перетцъ, В., ак. I. 268.
Перетцъ, Гр., I. 115.
Перетцъ, Е. А., гос. секр. II. 214.
Перецъ, Л., евр. пис. III. 109.
Перминкинъ, Г. М., золотопром. III. 52, 53, 55. V. 53.
Перовская, С. Л. IV. 136. V. 118.
Перцевъ, В. Н. Его рец. кн.: 1) *Рейснера.* II. 2) *Линниченко.* III. 3) мемуар. *гр. Ларишъ.* X. 4) *Картева.* XI. 5) *Бузескула.* XII. 6) *Лависса.* XI. *Его статьи:* 1) Предислов. къ воспомин. гр. де-ла-Гарда. V. 2) „Политика Гогенцоллерн.". VI. VII—VIII.
Перцова, В. П., секр. Іоан. Кроншт. V. 161, 167.

Пестель, П. И., I. 105—108, 110, 112—115, 122, 123.
Петерсъ, суд. дѣят. IV. 147.
Петлюра, С. В., Ст.: „Къ исторіи о-ва Шевченка во Львовѣ". I.
Петрашевскій, уч. XII. 147.
Петрашевскій, см. Буташевичъ.
Петровичъ, студ. сербъ. IV. 99—101.
Петровъ, А. В., проф. XII. 14.
Петровъ, В. П., пис. XI. 37.
Петровъ, И. В., акц. чин. XI. 250, 252.
Петровъ, М. И., іоанн. IV. 162, 165, 174.
Петровъ, О. А., арт. I. 157.
Петровъ, П. Я., проф. V. 242.
Петрункевичи, III. 221, 222.
Петрункевичъ, И. И., XII. 209, 210, 225.
Петрункевичъ, М. И., I. 204, 213, 214. IV. 221. X. 233—235.
Петрушевскій, Д. М., Рец. *Г. Пригоровскаго* его кн.: „Велик. хартія вольностей и конституц. борьба въ англ. обществѣ во втор. полов. 13 в.". IV.
Печкинъ, А. М., педаг. XI. 40.
Пиксановъ, Н. К., Его рец. кн.: 1) *Синявскаго* и *Цявловскаго*. I. 2) *Дашкевича*. III. 3) *Сиповскаго*. IV. 4) *Евгеньева*. II. 5) *Сиповскаго*. V. 6) *Пушкина* въ изд. *Венгерова*. IX. 7) „ Временн. Пушкинск. дома". IX. 8) I т. „Критико-біограф. слов. *Венгерова*". IX. *О немъ:* VI. 261—263.
Пиленко, И. И., прк. куп. III. 38.
Пилино, сов. гл. упр. Зап. Сиб. I. 295, 296.
Пилони, арт. VII—VIII. 146.
Пильчиковъ, Д., проф. I. 266.
Пименовъ, Н. С., скульп. XI. 194, 195.
Пирогова, А. А., см. Бистромъ.
Пирогова, Е. П., мать Н. И. Пирог. V. 206.
Пироговъ, В. Н., сынъ Н. И. V. 191.
Пироговъ, Н. И., 1) Его „Письма". V. VI. 2) Рец. *И. Соловьева* его Сочиненій", т. I IV. *О немъ:* I. 154. II. 133. IV. 170. X. 165. XII. 204, 205, 207.
Писаровъ, А. И., помѣщ. 18 в. III. 228.
Писаревъ, Д. И., I. 200. IV. 201, 202.
Писаревъ, М. И., арт. III. 221. IV. 227, 233. X. 39, 48. XI. 88.
Писемскій, А. Ѳ., IX. 24, 54, XI. 163.
Пичета, В. И., 1) Его предисл. къ письмамъ М. Е. Черняева и П. А. Куликовскаго. IX. 2) Его рец. кн. *Ибесбергера*. XII.
Піотровскій, А., польск. поруч. IV. 56.
Плансонъ, В. А., пр. пов. V. 185.
Платонъ, X. 8.
Плеве, В. К., V. 257, 262.
Плетневъ, П. А., IX. 33, 40, 41, 57. XI. 35. XII. 56.
Плехановъ, Г. В., IV. 138. V. 109, 110, 115.
Плецъ, тов. прок. II. 128.
Плешковичъ, галиц. дѣят. IV. 96, 97.
Плещеева, А., мать А. И. XI. 35.
Плещеевъ, А. Н., IV. 222. V. 63. IX. 33. XI. 6, 8, 24—26, 33—43, 77. XII. 35, 40, 42, 43, 54, 57, 58, 60—68, 70.
Плещеевъ, ген.-м., родств. поэта. XII. 58.
Побѣдоносцевъ, К. П., IV. 145, 147, 301, 302. V. 258, 259, 262. IX. 286—288. X. 34, 35. XI. 45. XII. 160.
Повалишинъ, ряз. предв. двор. II. 229.
Поваляева, Н. И., приближ. Іоан. Кроншт. V. 162, 173, 178.
Повстанскій, П. А., врач. инсп. I. 156.
Погодинъ, М. П., II. 95—97, 99, 111, 115. IX. 17, 18, 20, 21. XI. 46. XII. 60, 64, 66, 67.
Поддубенскій, студ. IV. 109, 112, 113, 115.
Поджіо, А. В., I. 102. III. 48, 49.
Подлѣсный, III. 56, 57, V. 53.
Подолинскій, эмигр. X. 129, 133, 135.
Поланецкіе, польск. капитал. III. 103.
Полевой, К. А., I. 38.
Полевой, П. И., I. 51, 52, 160, 161. III. 58—68, 77. X. 59.
Полесъ (Тугендхольтъ) VII—VIII. 18—20.
Поливановъ, чин. I. 126.
Полонскій, Я. П., III. 221. IX. 22, 24, 31. X. 45, 70, 72—76. XI. 77, 78, 81, 82, 84, 162—164, 167, 168, 171, 172, 176, 181, 186, 190, 194, 320.
Полунинъ, А. И., проф. IX. 216.
Полѣновъ, суд. дѣят. XII. 154.
Поляковъ, желѣзнод. дѣят. IX. 234, 235.
Поляковъ, А. С. Его рец. соч. *Грибоѣдова*.
Полякъ, В. Л., ред. „Волж. Вѣстн.". VI. 211.
Полянская. XI. 162.
Полянскій, Н. Н. Его ст.: „А. Ѳ. Кони". X.
Померанцевъ, суд. дѣят. X. 30, 31.
Понинскій, А., кн., польск. ген. VI. 34.
Пономаревъ, корн. VI. 35.
Пономаренко, арт. IX. 152.
Понсетъ, польск. двор. VII—VIII. 117.
Понятовскій, I., кн. VI 27, 28.
Понятовскій, М. кн. VI. 26, 30.
Попельницкій, А. З., Ст.: 1) „Рѣчь в. кн. Константина Никол. 6 апр. 1881 г.". II. 2) „Изъ обществен. настроен. московск. студенчес. въ 1858 г.". IX.
Поповъ, пол. дѣят. IV. 138. V. 118—120.
Поповъ, адъют. Назимова. X. 26.
Поповъ, А., свящ. V. 163, 165—167, 167, 178—181.
Поповъ, П. П. Ст.: „Къ 80-лѣтію Г Н. Потанина". I.
Поповъ, С. С., прк. куп. I. 295. III. 38, 39. V. 74.
Португаловъ, В., пис. XI. 254, 259, 265.
Посниковъ, А. С., XII. 243—248.
Потанина, А. В., I. 299. IX. 219—223.
Потанинъ, Г. А., I. 289—302. III. 38, 47. IV. 204. IX. 167, 176, 219, 220, 222.
Потаповъ, кад. VI. 120.
Потаповъ, ген.-м. V. 67.
Потебня, оф. IV. 201.

Потемкинъ, Г. А., VI. 156. XII. 241.
Потемкинъ, П. С., гр. VI. 37. XII. 241.
Потемкинъ, В. П., Рец. кн. Сарсе. I.
Потоцкая, А. гр., Рец. *И. Рябинина* ея „Мемуаровъ". X.
Потоцкій, П., IV. 54, 66. VI. 18, 19, 39, 40, 42.
Потѣхинъ, И. А., XI. 163.
Поццо ди Борго, К. А., VI. 151.
Превлоцкій, слѣдов. по такъ наз. „Казанск. загов.", VI. 175.
Преображенскій, В. В. проф. X. 170.
Преображенскій, П. А., свящ. XI. 238, 239.
Прерадовичъ, П, хорв. поэтъ. II. 251.
Пригоровскій, Г. М. Рец. кн. 1) *Д. Петрушевскаго*. IV. 2) *Бузескула*. VII—VIII.
Принцъ, Г. Г., прис. пов. II. 128.
Прозоровскій, А. А., кн., IV. 25.
Прокопенко, пол. дѣят. II. 85.
Протасовъ, Н. А., гр., X. 16, 18, 20, 24.
Протасовъ, А. П., миров. суд. XII. 155,
Протопоповъ, Д. П., пит. X. 215. XI. 36.
Протопоповъ, чин. XII. 156, 158.
Пругавинъ, А. С. X. 215.
Пруссъ, В. Ш. 100.
Прутченко, упр. нижег. казен. пал. XI. 153.
Прыжовъ, И. Г., Рец. *Ю. Готье*. его кн. „Истор. кабаковъ въ Россіи въ связи съ истор. русск. народа". I.
Прянишниковъ, И. М. худ. I. 51.
Prunières Henry. Рец. *С. Бертенсона* его кн. „Le ballet de Cour enFrance av. Benserade et Lully."
Пугачевъ, Е. И. Ш. 295, 296.
Де-Пуле, пис. чин. X. 11, 18, 29.
Путятинъ, гр., мин. нар. просв. I. 198. II. 134, 136. IV. 145, 178.
Пушкинъ, А. С. 1) Рец. *И. Никанова* его Сочиненій", въ изд. Венгерова. IX. 2) Рец. *В. Семевскаго* XI. т. его „Сочиненій". изд. Ак. II. IX. *О немъ:* Ш. 295. IV. 140, 191. IX. 39. X. 11.
Пущинъ, И. И., Ш. 213. IV. 190. VI: 187—190. VII—VIII. 172, 188.
Пущинъ, П. И. VI. 189.
Пфаффъ, проф. X. 172, 173.
Пфель, А. К., чин. ос. поруч. II. 186.
Пчилка, О., укр. пис. I. 266.
Пыпина, А. Е. IX. 14.
Пыпинъ, А. Н., I. 5, 9, 12, 20, 28, 35, 269. II. 122, 125. IV. 146. IX, 19, 21, 25, 27. X. 38, 39, 41, 42, 54, 55, 173.
Пѣтуховъ, Е. В., Рец. *В. Келтуяла* его кн. „Русск. литература", IV.
Пѣшковъ, А., (Горькій). VII—VIII. 211.

Р.

Рабцевичъ, пол. дѣят. III. 140, 141.
Рагозинъ, Е. П., пис. XI. 265.
Радецкій, О. О., ген. X. 161—164.
Радзивиллъ, польск. двор. XI. 233.
Радзивиллъ, кн., Ап.-Г. I. 103.
Радзивиловичъ, докт. XI. 266.
Радкевичъ, галиц. проф. II. 29.
Радцигъ, С. И. Рец. перев. Алкея и Сафо. VII—VIII.
Раевскій, В. Ѳ., дек. III. 21, 36, 42.
Разгильдѣевъ, упр. Карійск. промысл. I. 72, 73, 82, 85.
Разгильдѣевъ, сотн. III. 56. IV. 43.
Разумовскій, А. К., гр. VI. 47, 151. X. 184.
Раковскій, свящ. III. 15, 16.
Ралли, эмигр. X. 133.
Рамазановъ, А. Н., арт. I. 62.
Рамазановъ, Н. А., скульпт. XI. 202.
Rappoport, Ch., Рец. *И. Хераскова* его кн. I. Ioгès. X.
Распутинъ, Г. Е. V. 187.
Ратьковъ-Рожновъ, петр. город. гол. XII. 157.
Рафъ, Ѳ. И., дом. учит. VI. 92.
Рачинскій, А. В., пис. X. 29.
Реадъ, ген. III. 169—171.
Редклифъ, англ. пос. I. 284.
Рейнштейнъ, провок. V. 113. 118, 119.
Рейсперъ, М., Рец. *В. Шерцева* его кн.: „Вильгельмъ II и желѣзн. имперія". II.
Рейтернъ, М. Э., гос. дѣят. II. 211.
Рекке, курл. предв. двор. II. 158.
Реклю, Э., V. 12.
Ренье, арт. VII—VIII. 146.
Репнинъ, кн., упр. Литовск. губ., IV. 67. VI. 49.
Ржевусскій, польск. магн. XI. 233.
Ридюковъ, исп. д. енис. губ., V. 52. 54, 55.
Римскій-Корсаковъ, оф. X. 163.
Рихтеръ, эмигр. X. 138.
Рихтеръ, лифл. губ. VI. 49.
Ришаръ, А., анарх. V. 7, 23.
Ровинскій, прок. XII. 154.
Роде, прокур. XII. 151, 154.
Родзевичъ, чин. I. 129.
Родичевъ, Ф. И. V. 185—187. VI. 279.
Родопъ, арт. VII—VIII. 146. IX. 158.
Рождественскій, рязанск. общ. дѣят. V. 233.
Розальонъ-Сашальскій. XI. 173, 185.
Розановъ, пис. I. 28.
Розановъ, чернов. мѣщан. IV. 211, 212.
Розановъ, П. И., Рец. кн.: 1) „Французск. лирики 18 в.". IV. 2) „Пушкинистъ". VI. *О немъ:* II. 283.
Розановъ, М. Н., II. 281, 282.
Розе, бар. I. 283.
Розенбахъ, докт. V. 180.
Розенбергъ, В. Ст.: „А. С. Посниковъ". XII. *О немъ:* X. 224, 225.
Розенталь, пол. ссыл. III. 48.
Розенфельдъ, М., евр. пис. III. 109.
Розенъ, А. В., жена дек. III. 216. VI. 187: VII—VIII. 168—184, 186—191.
Розенъ, А. Е., IV. 186. VI. 188, 190. VII—VIII. 168—180, 182—190. X. 247.
Розенъ, М., фин. дѣят. III. 94.
Розенъ, бар., полк. (въ Гв. инж. уч.) VI. 131, 132.
Розовъ, прист. IV. 214.

Роллanъ Р. Рец. *В. Фишера* его кн.: „Жизнь Толстого". XI.
Романовичъ, минус. окр. нач. V. 51, 71.
Романовъ, Н. П. Ст. „Искусство Бельгіи. Сокровища живописи". II. III.
Ромишовскій, сандом. каштел. IV. 61.
Роокъ, Х. Х., ген.-губ. X. 174.
Ростовцева, общ. дѣят. IX. 135.
Ростовцевъ, М. И., Рец. *С. Сватикова* его кн.: „Античн. декоратив. живопись на югѣ Россіи". XI.
Ростовцевъ, Я. И., II. 215, 216. IV. 150, 178. VI. 130. XI. 12, 16.
Ростопчина, Е. П., гр. II. 115. VII—VIII. 248, 249.
Ростопчинъ, О. В., гр. III. 267. VII—VIII. 244—250. X. 105.
Рубини, арт. III. 86, 87.
Рубинштейнъ, А. Г. IX. 21.
Рулье, А. К., препод. корп. VI. 119.
Румянцевъ, П. А., гр. IV. 9—11, 13, 15, 22, 24, 25
Русановъ, см. Кудринъ.
Русовъ, А. А., земск. дѣят. XII. 209.
Рутковскій, придв. камерд. X. 107, 108.
Рыкачевъ, жанд. пол. I. 295, 296.
Рыкачевъ, родств. Н. Н. Мурав-а. III. 35.
Рылѣевъ, К. Ѳ., IV. 141. X. 58. XII: 230:
Рымаренко, студ. IV. 202.
Рындинъ, чин. горнозав. I. 77.
Рычковъ, П. И., пис. III. 295, 296.
Рѣдкинъ, П. Г., проф. IV. 168—171.
Рѣзниковъ, антреп. IX. 146.
Рѣпинъ, астр. куп. VI. 164.
Рѣпинъ, И. Е. VII—VIII. 216.
Рѣпинъ, Н. П., дек. VII—VIII. 175, 177.
Рѣшетникова, жена Ѳ. М. Рѣшетн. I. 206, 207, 209. 217.
Рѣшетниковъ, Г. П., арт. IX. 155.
Рѣшетниковъ, О. М., X. 48, 49.
Рюльманъ, дом. учит. у. П. Л. Лаврова. VII—VIII. 104, 106. XII. 123.
Рябининъ, П. Ст.: 1) Т. Косцюшко. IV. VI. 2) С. Милковскій. IV. Рец. кн.: 1) *гр. Потоцкой*. X. 2) *Аскеназы*. XII.
Рязанцевъ, арт. III. 72, 73.

С.

Саббатка, П., куп. IV. 18—22.
Саблуковъ, П. А., мемуар. X. 106—110.
Сабуровъ, А. А. II. 128. XII. 151.
Сабуровъ, пол. дѣят. IV. 127.
Савина, М. Г., IX. 147.
Савинкова, С. А. Ст.: 1) „Одна изъ невзгодъ". III. 2) „Старое". XI. XII.
Савинковъ, В., мир. суд. III. 183—185, 191—195, 199, 200.
Савинковъ, В. В., пол. дѣят. XII. 187, 188.
Савинъ, В. А., земск. дѣят. XII. 209.
Савинъ, И. И., антреп. VII—VIII. 145, 146, 153, 154.
Садовскій, П. К., арт. VII—VIII. 155. IX. 146 150.
Сажинъ, М. П., (Россъ). II. 235. IX. 140. X. 112—147.
Саксаганскій, А. К., арт. IX. 150.
Сакулинъ, П. Н., Рец. кн.: 1). „Нов. трудъ по истор. масонства". (Масонство въ его прошл. и настоящ.", надъ. „Задруга"). VII—VIII. 2) „Истор. русск. театра", т. I. X. *О немъ:* II. 278—280.
Саліасъ, гр., пис. IX. 58.
Салмановъ арт. VII—VIII. 146.
Салтыкова, Н. П. III. 217.
Салтыковъ, Н. П., кн. X. 103, 241. XII. 241.
Салтыковъ, П. С., гр., IV. 11—16, 24, 25.
Салтыковъ, М. А. III. 217.
Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ), I. 5, 7, 161—163,, 210, 213—217. II. 86, 89. III. 137, 140, 222. IV. 223, 224, 226, 231, 232. VII—VIII. 193. IX. 51. X. 46, 51, 230—233. XI 76, 98.
Самаринъ, XII. 67.
Самаринъ, Ю. О., II. 78, 96. XII. 64.
Самаринъ, студ. IX. 176, 177.
Самаринъ, П. В., арт. XII. 68.
Самборская, А. А., VII — VIII. 169. 173, 176, 186.
Самборскій, А. А., прот. X. 240, 241.
Самойленко, В., укр. пис. I. 266.
Самойлова, Н. В., арт. I. 152. IX. 19.
Самойлова, арт. III. 65.
Самойловъ, В. В., I. 162. X. 266. XI: 161, 163.
Самойловъ, А. И., гр. VI. 39, 40.
де-Сангленъ, дир. ос. канц. имп. Н. Х. 111.
Санковская, балер. III. 84.
Сароли, Ч. Рец. *И. Балинскаго* его кн.: „Англо-германск. проблема". VI.
Сарсо, Ф. Рец. *В. Потемкина* его кн. „Осада Парижа". I.
Сафоновъ, кап. X. 104, 105.
Сварчевскій, мир. поср. XII. 206.
Сватиковъ, С. Г. Рец. кн. 1) *Корнилова*. VI. 2) *Вернонъ Ли*. VII—VIII. 3) „Современ. Римъ". VII—VIII. 4) *Бухгейма*. VII—VIII. 5) „ К. К. Гротъ, какъ государств. и обществ. дѣят.". IX. 6) *С. И. Кондакова*. IX. 7) *М. Ростовцева*. XI.
Свентоховскій, А., польск. пис. III. 100, 101.
Сверчковъ, О., куп. X. 196, 202, 203.
Свистуновъ. П. И., дек. XI. 245.
Свищевъ, фельдф. въ корп. VI. 106.
Свѣтловъ-Стоянъ, арт. VII—VIII. 161.
Свѣчинъ, двор. VI. 94.
Свѣчинъ, А. А., оф. X. 161, 162, 164.
Святковскій, оф. въ корп. VI. 110
Святловскій, докт. X. 137, 138.
Святополкъ-Мирскій, П. Д., кн. III. 183, 190—193, 196, 197, 199—201.
Святскій. XI. 162. 173.
Сгибневъ, морск. оф. I. 72. III. 18. V. 47:
Сегюръ, гр. VI. 34.
Сеймская, арт. VII—VIII. 146.
Селивановъ, Т., арт. VII—VIII. 161.

Семевскій, А. II. V. 60, 66, 75, 77.
Семевскій, В. II., Ст.: 1) М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири. I. Ш. V. 2) Петрашевцы. XI. XII. 3) Размышлен. В. Ѳ. Малиновскаго о преобразов. государств. устройства Россіи". X. Рец. кн. 1) *Ѳирсова.* VII—VIII. 2) XI. т. сочин. А. С. Пушкина, изд. Ак. Н. IX. 3) Мейворта. XI. *О немъ:* I. 109, 117.
Семевскій, М. II. XI 77.
Семенниковъ, В. II., Рец. *В. Міяковскаго* его кн:: „Русск. сатирич. журналы". VI.
Семенова, Е. С., Ш. 72. X. 266.
Семеновъ, Л. Рец. *В. Фишера* его кн. „М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки". XI.
Семеновъ, П. II., I. 293. II. 214.
Септъ-Илеръ, пед. Ш. 256.
Де-Септъ-Викторъ, II. Рец. *С. Мельгунова* его кн. „Варвары и бандиты". VII—VIII.
Сергіевскій, прот., проф. IX. 214.
Сергѣй Александровичъ, в. кн. XII. 289.
Сергѣевскій, Н. Д., проф. XII. 223.
Серебренниковъ, секр. Утина. X. 123.
Серебряный, Я. II., прис. пов. IV. 183.
Серно-Соловьевичи, Н. и А. I. 198. VI. 230.
Серно-Соловьевичъ, Н. С. II. 141. IV. 201. VI. 230, 231. XI. 245.
Сибирякова. V. 215. X. 225.
Сибиряковъ, И. М., IV. 233, 244. V. 214. VII—VIII. 207—209.
Сибиряковъ, К. М. Ш. 221, 222.
Сибиряковы, И. и К. I. 218, 219. IV. 244.
Сиверсъ, Е. Е. гр., госуд. дѣят. I. 151.
Сивковъ, К. В., Ст.: 1) „Полгода изъ жизни провинц. помѣщ. кон. 18 в.". IX. 2) „Русск. учитель въ домѣ помѣщ. кон. 18 в.". Ш. 3) „Городск. буржуаз. 10 лѣтъ тому назадъ". XII. Рец. кн.: 1) *В. Сторожева.* III. 2) „50-лѣтн. юбилей газ. „Русск. Вѣдом.". VI. 3) Зап. Аненковой. IX. Рец. *Г. Вернадскаго* его кн. „Путешеств. русск. людей за границу въ 18 в.". I.
Сидорова, О. В. V. 70.
Сидоровъ, Н. II., Рец. кн. 1) *Аванасьева.* II. 2) *Тика.* III. 3. „Сборника писемъ, изд. Вухгеймомъ". V.
Сильвандъ, студ. IV. 205.
Сильчевскій, Д. II., библіогр. X. 52.
Симаковъ, В. II. Рец. *В. Соколова* его кн.: „Сборн. деревенск. частушекъ". VI.
Симоновъ, И. М., проф. XII. 8.
Синани, В. II., докт. V. 224.
Синельниковъ, моск. губ. I. 128.
Синельниковъ, II. II., арт. VII—VIII. 116.
Синицынъ, суд. дѣят. XII. 151.
Синявскій, II. Рец. *Н. Шиксанова* его кн.. „Пушкинъ въ печати 1814—1837 г.". I.
Сиповскій, В. В., Рец. *Н. Шиксанова* его кн.: 1) „Русск. лирика". IV. 2) „Лермонтовъ и Грибоѣдовъ". V.
Скабичевскій, А. М., I. 215. II. 222, 223 IX. 51. X. 67. XI. 76, 77.
Скалонъ, В. Ю. II. 231—233. XII. 208—227
Скарятинъ, юнк. XII. 229.
Скарятинъ, пис. IV. 165. V. 134.
Скарятинъ, Я. Ф., помѣщ. XII. 228—230
Скаси, А. II., топогр. IX. 221.
Скобелевъ, драмат. III. 58, 63, 67.
Скородинскій, еп. II. 28, 32, 33.
Славинскій, М. Рец. *В. Фишера* его перев „Конрада Валленрода". XII.
Словацкій, Ю. VII—VIII. 24—50.
Слуцкій, полк. VI. 174, 176.
Слѣпцовъ, В. А., I. 9. II. 204. XII. 107—120.
Смарагдъ, еп. X. 16, 17, 20.
Смирновъ, А. О. XI. 163, 164.
Смирновъ, I. 193.
Смирновъ, А., пис. XII. 139
Смирновъ, анарх. X. 129, 133, 135—138, 145, 146.
Смирновъ, С. II., жанд. полк. XI. 253, 257.
Смородскій, корн. VI. 35.
Снѣгурскій, I., еп. Перемыш. IV. 79, 82.
Сиядецкіе бр. VII—VIII. 24.
Сиядецкій, Янъ. VII—VIII. 34.
Соболевскій, В. М., IV. 245. VII—VIII. 192—202.
Соболевъ, Ю. Рец. *В. Фишера* его кн:. „О Чеховѣ". XI.
Соколовскій, оф. въ корп. VI. 106.
Соколовскій, докт. XII. 198.
Соколовъ, (дѣло Петраш.). XII. 46.
Соколовъ, эмигр. X. 137, 138.
Соколовъ, Одесск. проф., хим., X. 170
Соколовъ, оф. I. 292.
Соколовъ, проф. моск. ун. IX. 263.
Соколовъ, В. М., Рец. кн.: 1) *Симаковскаго* VI. 2) *Елеонской.* VI.
Соколовъ, В. Ст.: „Пьянство на Руси въ эп. перв. Романовыхъ". IX.
Соколовъ, И. Е. сынъ прот. VI 95.
Соколовъ, И. II., худ. XI. 181, 197, 201.
Соколовъ, П., евр. публиц. Ш. 109.
Соколовъ, Н. А. Рец. кн.: „100-лѣтіе воен. министер.". VII—VIII.
Соколовъ, В. М. и Ю. М. Рец. *Н. Мендельсона* ихъ кн: „Сказки и пѣсни Бѣлоозерск. края". XII.
Солдатенковъ, К. Т. IV. 242.
Солнцевъ, чин. при ген.-губ. Игнатьевѣ XI. 175, 183, 185.
Солнцевъ, проф., прок. Ш. 149.
Соловьевъ, семин. X. 115.
Соловьевъ, земск. служ. X. 117.
Соловьевъ, И. М., Ст.: 1) „Три педагогич юбилея". III. 2) „Изъ обществ. пастроен. московск. студенчес. въ 1858 г.". IX. 3) Рец. „Сочиненій Н. И. Пирогова. IV.
Соловьевъ, С. В., Рец. гр. *де-ла-Барта* его кн.: „Очерки изъ истор. французск. и провансальск. литературы". V.
Соловьевъ, С. М., Рец. *С. Мельгунова* его

„Записки“. XI. *О немъ:* IX. 58, 263. XII. 63.
Соловьевъ, Я. П., упр. имѣн. Шереметев. III. 218.
Солодовникова, дочь чин. IV. 212.
Сомовъ. XII. 230.
Сосницкій, П. П., арт. III. 60, 65, 73. X. 266.
Сосновская, Л. (Любомирская). IV. 43, 47.
Сосновскій, І. IV. 43.
Сотниковъ, кап. XII. 229.
Спасовичъ, В. Д., І. 15. II. 199. IV. 155. X. 173. XII. 147, 152.
Сперанскій, М. М., X. 240, 245.
Сперанскій, М. Н., Рец. *В. Келтуяла* его кн.: „Истор. древн. русск. литературы“. V.
Спиглазовъ, Н. Н. VI. 126.
Спиридовъ, рязанск. общ. дѣят. V. 233.
Спиро, П. А., проф. X. 168. XII. 287.
Спѣшневъ, Н. А., петраш. I. 66—69, 73, 74, 76. III. 20—22, 24, 28, 33—35, 37, 39, 47, 48, 50. V. 63. XI. 23, 39, 40, 42, 43. XII. 35, 41, 42, 51, 54, 55, 61, 69—75.
Срезневскій, И. И. IV. 86, 105.
Стадіонъ, гр., гал. губ. IX. 80.
Стадольскій, тов. прок. II. 122.
Станевичъ, оф. IV. 204.
Станиславскій, А. Г., проф. III. 149, 150. XII. 8.
Станиславъ-Августъ, (Понятовскій). IV. 43, 50, 51. VI. 18, 19, 26, 37, 38, 40.
Станкевичъ, жанд. оф. XII. 73.
Станкевичъ, пол. дѣят. VI. 179.
Старицкій, М. П., VII—VIII. 154—158, 161—163, 166. IX. 146, 147, 149, 151, 152, 155, 156, 160, 164, 166.
Старчевскій, А. В., лит. IV. 150.
Стасовы, VII—VIII. 104, 107.
Стасюлевичъ, М. М., III. 242. X. 173.
Стебутъ, П. А., XII. 245.
Стекловъ, Ю. Ст.: „Бакунинъ и франко-прусск. война 1870—71 г.“. X.
Степановъ, ред. „Нов. Обозр.“. VII—VIII. 207.
Степановъ, П., арт. III. 72.
Стецевичъ, чин. 209.
Стецевичъ, ссыл. докт. IX. 225.
Столпянскій, студ. IX. 214, 217, 218.
Столь (Сталь?), восп. у Скарятин. XII. 229.
Сторожевъ, В. Н., 1) Рец. *К. Сивкова* его кн. „Война и московск. купечество“. III. 2) Его рец. кн. „Акты и докум., относящ. къ истор. с.-петерб. городск. управл. и города С.-Петерб. въ оп. Отечеств. войны“. VI.
Страховскій, чин. I. 133.
Страшинскій, худ. XI. 172—174.
Стрижевъ, инжен. куп. XI. 156, 159, 160.
Строгановъ, С. Г., гр. II. 137. III. 84, 85. IV. 156. XII. 7.
Стронинъ, учит. IV. 203.
Струве, В. В. II. 231—233.
Струве, П. Б. II. 231, 233. IV. 77, 84. XI. 47.
Струговщиковъ, А. Н. поэтъ. XI. 167, 177.
Стюартъ, бар., пр.-доц. X. 167.
Субботинъ, Н. И., IX. 286—288.
Суворинъ, А. С., II. 121, 122, 124. IV. 222, 224. X. 40.
Суворова, Е., кн. VI. 157.
Суворовъ, А. В., VI. 32—37.
Суворовъ, А. А., кн. I. 130, 140, 141. II. 136. IV. 176—180. V. 58, 133, 140—142. VI. 161. IX. 35. XII. 124—131, 136—138.
Сукачевъ, П. П., сов. гл. упр. Вос. Спб., III. 54. V. 62.
Сулинъ, студ. IV. 202.
Сумцовъ, М., проф. I. 268.
Сухановъ, чин. III. 37.
Суховъ, докт. V. 165, 168.
Суходольскій, А., помѣщ. IV. 295.
Сухозанетъ, маіоръ. IV. 69.
Сухотинъ, полиц. III. 55—57. V. 46.
Сыревичъ, докт., повст. XI. 229.
Сыроѣчковскій, Б. Е. Рец. кн.: „Русск. бытъ по воспомин. современниковъ“. V.
Сыроѣчковскій, В. Е. Рец. 1) „Изъ текущ. работъ губернск. учен. архивн. комиссій“. IV. 2) „Студенч. ист.-этнограф. кружокъ при Имп. унив. св. Владиміра. Сборникъ статей, вып. 1, 3. VI.
Сѣверцевъ, зоол. I. 296.
Сѣмашко, Іосифъ. X. 6, 7, 11—15, 17—20, 23, 24, 27—29, 32, 35—37.
Сѣраковскій, І. VI. 56, 57.
Сѣраковскій, К., VI. 33.
Сѣраковскій, С., IV. 204. IX. 186—188.
Сѣровъ, А. Н., комп. XII. 153.
Сѣченовъ, И. М. I. 197, 201. X. 169, 173.

Т.

Таганцевъ, Н. С., IV. 172.
Талызинъ, Ѳ. Н., ген. X. 106, 108.
Тальони, балер. III. 84.
Тарле, Е. В., Ст.: „Чего нѣмцы должны Требов. отъ русскихъ“. II. 2) Рец. кн. *О. А. Новиковой*. X.
Татищева, Е. Н., гр. V. 200.
Татищевъ, А. П., гр., воен. мин. XII. 242.
Татищевъ, С. С., ист. IV. 193, 194.
Теньковъ, полиц. I. 26—28, 34.
Теплицъ, фин. дѣят. III. 94.
Терпигоревъ, С. Н., IV. 221.
Терскій, В. Г., чин. XI. 146—160.
Тибленъ, книгопрод. XII. 124.
Тидебель, А. А., правл. канц. ост. ген.-губ. I. 144.
Тизенгаузенъ, прок. XII. 154.
Тизенгаузенъ, дек. I. 222. VI. 189.
Тимашевъ, А. Е., II. 209. XI 242. XII. 133.
Тимковскій, К. П., III. 47. XI. 40. XII. 71.
Тимоѳеевъ, шт.-лек. VI. 118.
Титовъ, об.-оф. VI. 39.
Тихомировъ, Л. А., V. 109, 110, 115.

Тишинъ, прав. канц. Волог. губ. X. 114, 118, 119.
Тіандеръ, К. 1) Ст.: „Главн. моменты развитія сандинавизма". VII—VIII. 2) Рец. *М. Грушевскаго* его кн.: „Датско-русск. наслѣдов., в. 3". XI.
Ткачевъ, П. И., V. 111, 112. X. 112, 146, 147, XI. 259, 263, 265.
Тобилевичъ, И., укр. пис. I. 266.
Товянскій, А., польск. мист. VII—VIII. 47, 48.
Толстая, гр., жена О. П. Толстого XI. 188.
Толстая, гр., М. Н. V. 207—210.
Толстой, гр. XII. 67.
Толстой, гр. геф.марш. VI. 154, 155.
Толстой, гр. IX. 147.
Толстой, гр., Д. А., II. 231—233. IX. 24. X. 270.
Толстой, Д. Н., гр., вице-дир. деп. I. 126.
Толстой, Д. Н., гр. XII. 5, 26.
Толстой, П. М., гр. XI. 165.
Толстой, Л. И., гр. Его письмо Валову. XI. *О немъ:* II. 90, 115. IV. 227. V. 207—212, 214, 223, 224. VI. 221—225. IX. 158, 159. X. 215. XI. 304. XII. 5—34.
Толстой, Н. П., гр. V. 210, 211. X. 5, 19, 25.
Толстой, П. А., гр., гос. дѣят. IV. 296, 297.
Толстой, С., П., гр. XII. 5, 25, 26.
Толстой, Ѳ. П., гр. вице-Президт. Ак. Худ. XI. 163, 185.
Толченовъ, арт. III. 65.
Толь, Ф. Г., петраш. I. 66, 67, III. 47. V. 63. XI. 6, 42.
Томскій, С., арт. VII—VIII. 146.
Топилинъ, казакъ. VI. 35.
Топильскій, дир. деп. IV. 150. V. 128.
Торгашевъ, П. И., пис. V. 58.
Тормасовъ, ген. IV. 61.
Тотлебенъ, Г. К., гр., ген. IV. 13, 14, 17—31.
Тотлебенъ, Э. И., гр., воен. инж. IV 181, 182.
Трапъ, Ю. К., проф. IV. 184, 185
Трачевскій, А. С., X. 174.
Треповъ, Д. Ф., V. 187, 263.
Треповъ, Ф. Ф., XI. 208, 209, 212, 213. XII. 159.
Трещаковскій, гал. общ. дѣят. IX. 101.
Тропскій, арест. IV. 214.
Трощанскій, пол. дѣят. IV. 132, 135, V. 90.
Трубецкая, Е. П., кн., жена дек. III. 213, 216, 218. IV. 190, 191.
Трубецкой, кн., помѣщ. III. 152.
Трубецкой, С. П., кн. XII. 77, 96, 103.
Трубецкой, С. П., кн. I. 101, 103, 105, 107, 108, 110. III. 39, 213, 216. XII. 230.
Трубниковы, курспо. V. 90.
Трувелеръ, юнк. IV. 201, 202.
Трутовскій, К. А., худ. XI. 201.
Трюбнеръ, тип. IV. 197.
Тугенхольдъ, евр. общ. дѣят. III. 96.
de la Tour Jean. Рец. *С. Валка* его кн.: „Les prémices de l'alliance franco-russe". III.
Тургенева, В. П., мать П. С. Тургенева. VI. 294—296.
Тургеневъ, И. С. I. 9. III. 219—222. V. 205—211, 214, 218. VI. 221, 293—298. VII—VIII. 228, 229. IX. 23, 24, 43, 50, 52—55, 58, 61—63. X. 39, 53, 54, 127.
Тургеневъ, Н. И. I. 102, 103, 108. VI. 301—306.
Туруновъ, ценз. X. 62.
Тучковъ, С. А., II. 243. IV. 69.
Тютчевъ, Ѳ. И., II. 95, 97—100, 105, 106, 111, 115. XI. 46.
Тютчевы. III. 217.

У.

Уваровъ, ген.-ад. VI. 158, 159. X. 191.
Уваровъ, С. С., гр. I. 160. III. 59, 60.
Удомъ, О., маіоръ. VI. 45.
Ульденштокъ, препод. корп. VI. 108.
Умовъ, Н. А., X. 173.
Унковскій, А. М., I. 7, 210. II. 23, 228, 231. III. 23.
Уракова, О. В., кн. IX. 9, 11.
Ураковъ, А. В.,кн. IX. 7, 11, 16.
Ураковъ, В. Е., кн., ген. IX. 9.
Урбановичъ, технол. IV 209
Урусовъ, А. И., кн. VII—VIII. 207, 208. XII. 155.
Урусскій, польск. магн. XI. 233.
Усовъ, Г. Н., кад. I. 294—297.
Усовъ, Ф. Н. I. 294, 295, 297.
Успенская, А. В. I. 212. III. 220. IV. 223, 226, 227. V. 224. VII—VIII. 194—196, 214. X. 225, 226, 234, 235.
Успенскій, А. И., Рец. *Н. Ѳирсова* его кн.: „Императорск. дворцы". II.
Успенскій, Г. И. I. 202—220. II. 234—241. III. 219—227. IV. 221—248. V. 213—225. VI. 206—228. VII—VIII. 192—218. IX. 51. X. 204—238.
Успенскій, И., братъ Гл. Ив. V. 217.
Успенскій, К., Рец. кн. 1) *Лозинскаго.* I. 2) *Диля.* III.
Успенскій, П. В., пис. VII—VIII. 203.
Устимовичъ, земск. дѣят. XII. 223.
Устіановичъ, галиц. общ. дѣят. IV. 96, 103. IX. 100.
Утинъ, В. И., X. 173.
Утинъ, Н. И. IV. 201, 202. X. 112, 123.
Ушаковъ, оф. IV. 202.
Ушаковъ, адъют. X. 106, 109.
Ушаковъ, А. Е., помѣщ. VI, 90, 91.
Ушаковъ, Л. А. Ст.: „Корпусн. воспитан. при имп. Николаѣ I". VI.
Ушаровъ. I. 297.
Ушинскій, К. Д., пед. III. 254, 256.

Ф.

Фаленцкій, свящ. галиц. II. 14.
Фальборкъ, Г. А., V. 185. XII. 98.

Фаусекъ, VII—VIII. 216.
Федберсъ, Г. Ю. Рец. *Б. Неймана* его кн.: „Эволюц. типа странн. человѣка у Лермонтова". XI.
Федоровъ, В. М., пис. XI. 193.
Федоровъ, общ. дѣят. XII. 96.
Фейхтперъ, нач. инжен. XI. 209.
Ферзенъ, ген. VI. 31—35, 43.
Ферморъ, ген. IV. 8—11, 13, 17, 21—26, 31.
Ферстеръ, Ф. П., чин. V. 125.
Фетъ, А. А. I. 20. XI. 89.
Фигнеръ, А. С. партиз. VI. 91.
Фигнеръ, В. Н., VI. 217—219. XI. 127.
Фиделина, А., жена свящ. V. 175.
Фиделинъ, П. В., родств. Іоан. Кронштт. V. 162, 169.
Филаретъ, митр. VI. 127. X. 6, 13, 20, 21, 25, 28.
Филипповъ, мужъ В. Н. Фигнеръ, X. 138.
Филипповъ, П. Н. петраш. III. 137, 138. XI. 24, 26, 40. XII. 35, 37, 44—57, 61, 72, 73.
Филипповъ, Т. П. гос. дѣят. I. 153.
Филипсонъ, поп. петерб. уч. окр. II. 134, 135.
Философова, А. П., IX. 135.
Finkel. L. Рец. *А. Калишевскаго* его кн.: „Bibliogr. Historyi Polskiej". XI.
Фишеръ, А. А., проф. II. 132.
Фишеръ, В. М., Ст. 1) „Гете и воинств Пруссіи". I. 2) „Словацкій и его борьба съ Мицкевичемъ". VII—VIII. Рец. кн.: 1) *Закржевскаго.* I. 2) *Завитневича.* III. 3) „Объ Окассенѣ и Николетѣ". IV. 4) перев. Петрарки, V. 5) *Мережковскаго.* VII—VIII. 6) *М. Алданова.* XI. 7) *Роллана.* XI. 8) *В. Соболева.* XI. 9) „Итоги и отголоски Лермонтовск. юбилея". XI. 10) Мицкевича. „Конрада Валленрода". XII. *О немъ:* II. 283.
Флавіанъ, митр. X. 268.
Флейшеръ, Н. М. оф. въ корп. VI. 110, 122.
Фогель, Г. Л., проф. XII. 23.
Фойгтъ, К., проф. XII. 8.
Фокъ, двор. IV. 214.
Фонвизина, Н. Д. I. 69. III. 213, 218. IV. 188, 191.
Фонвизинъ, (дѣло Петраш.). XII. 16.
Фонвизинъ, П. А. III. 215.
Фонвизинъ, М. А., дек. I. 102. II. 242. 243. III. 213. IV. 188. X. 102.
Фортунатовъ, Е. I. 193.
Фортунатовъ, Ф. О. V. 241.
Фохтъ, дек. VII—VIII. 178.
Франкс, инсп. клас. Ак. Худ. XI. 135.
Франко, И., пис. I. 268, 271. VI. 238, 239. 246, 247, 249, 251.
Фрейнихъ, инжен. общ. дѣят. IV. 109, 110 112, 120—122.
Фрейманъ, ценз. IX. 161.
Фридбергъ, Е., балер. I. 152.
Фриче, В. Ст.: 1) „Націон. библія бельгійцевъ". I. 2) „Нѣмецкіе писатели и франко-прусск. война". II. 3) „Поэзія освободит. движен. въ Италіи VII—VIII. 4) „гр. Ф. Г. де-ла-Бартъ". X. Рец. кн.: „Жизнь Витторіо" Альфіери изъ Асти". IV.
Фришъ, суд. дѣят. XII. 154.
Фроловъ, П. А., инс. IX. 51, 57.
Фроловъ, ген. I. 158.
Фроммеръ, инсп. еннс. вр. упр. V. 64, 65, 71.
Фуксъ, В. Я. пис. и ценз. X. 67.

Х.

Халтуринъ, С. Н., IV. 113, 118, 121.
Ханыковъ, А. В., петраш. XI. 38. XII. 39.
Хвалибогъ, польск. дѣят. IV. 61.
Хвостовъ, Б. Н., родств. П. Л. Лаврова. XII. 122.
Хвостовъ, М. М., Рец. *В. Бузескула* его кн. „Очерки организ. промышлен. и торговли въ греко-римск. Египтѣ". III.
Херасковъ, Н. М., 1) Ст.: „К. Каутскій о войнѣ". III. 2) Рец. кн. Rappoport. X. *О немъ:* VII—VIII. 235—239.
Хижняковъ, В. М., XII. 224, 226.
Хитрово, полк. X. 106, 108.
Хитрово, А., помѣщ. IV. 294.
Хлевинскій, А., гр., польск. ген. VI. 32.
Хлопонинъ, А. Я., худ XI. 201.
Хмельницкій, пис. IX. 31.
Хмѣлевскій, ссыл. IX. 178, 179.
Хмѣльницкій, Н. П., пис. XI. 5.
Хмѣльницкій, драмат. XI. 5, 11.
Ходзько, А., польск. пис. VII—VIII. 24.
Ходкевичъ, препод. корп. VI. 108.
Хоецкій, К. А., прис. пов. V. 172, 175—177, 179.
Хоецкій. XII. 69, 70.
Холмогоровъ, П. Н., оріент. XII. 32.
Хомяковъ, А. С. II. 95, 96. XI. 63, 181. XII. 60, 64.
Хотимскій, золотопр. IX. 175, 176, 180.
Хотинскій, С. Ѳ., губ. IX. 140. X. 114, 120. XII. 124.
Хоткевичъ, гр., польск. общ. дѣят. I. 108.
Хохловкинъ, М. Ст.: „Изъ вѣнск. воспоминан. 1913—14 г. г.". XII.
Хохряковъ, студ. IV. 202.
Хрущовъ, ген. 231.
Хрущовъ, А. П., ген.-м. VI. 39.
Хрущовъ, чл. харьков. ком. по крест. дѣлу. II. 219—226.
Худяковъ, IV. 208.
Худяковъ, П. А., пис. I. 15, 25, 30. X. 114.

Ц.

Цвѣтиновичъ, подполк. IV. 27.
Цвѣткова, Р. Г., родств. Іоан. Кронштт. V. 166, 175.
Цевловская, А. И., X. 150—153, 156, 157.
Цевловская, А. С. V. 148, 150, 152—157.

Цевловскій, А. Г., помѣщ. X. 148, 150, 153—155.
Ценгелевичъ, К., польск. пол. дѣят. IV. 84.
Цепковскій, Л. С., проф. X. 169. 173.
Церетели, А. Р., поэтъ. X. 290—292.
Цертелевъ, кн., этногр. IV. 81, 86.
Цитовичъ, проф. VII—VIII. 118, X. 176, 177.
Циціановъ, П. Д., кн., ген. IV. 69:
Ціолковскій, С. Ѳ., геп. IX. 26.
Цуриковъ, А. Н., суд. дѣят. XI. 256, 273.
Цѣнина, общ. дѣят. IX. 135.
Цявловскій, М. Рец. *И. Никсанова* его кн. „Пушкинъ въ печати 1814—1837 г. г.". I.

Ч.

Чаадаевъ. III. 217.
Чайковскій, М., пис. IV. 265.
Чайковскій, П. П., XII. 153.
Чаплицкая, X. 116, 117, 120—122, 125, 126.
Чарторыскіе. I. 120.
Чарторыскій, А., кн. I. 102, 103, 119. IV. 39, 40, 42, 48. VI. 22, 55. X. 23, 103. XI: 233:
Чарторыскій, К., кн. VII—VIII. 5.
Чебышевъ-Дмитріевъ, А. П., IV. 171.
Чевкинъ, К. В., III. 160.
Чемадуровъ, прок. XII. 154.
Червинскій, студ. IV. 213.
Черкасовъ, антрепр. IX. 148.
Черкасовъ, ген. IV. 192.
Черкасскій, В. А., кн. X. 28.
Черкезъ, зав. малолѣт. отд. корп. VI. 96:
Черновы, бр. X. 113.
Черносвитовъ, петраш. III. 24. XI. 31
Чернышевскій, Н. Г., I. 5, 6, 8—11, 13, 17, 19, 29, 192—202. II. 70—72, 141, 197—199, 201, 202. IV. 151, 152, 154, 161, 194, 201, 202, 207, 208, 211—213, 215. VI. 235. IX. 13—15, 19, 33, 34, 59, 63—65, 132—134. X. 38, 40, 43, 45, 47, 48, 56, 62, 66, 67, 69, 71: 72, 112, 113, 115. XI. 76, 79—81, 96. XII. 57.
Чернышевъ. X. 138.
Чернышевъ, В. Г., гр. IV. 19, 24—26, 28, 31, 33.
Чернышевъ, куп. V. 73.
Чернышевъ, А. П., кн. I. 161. III. 148. IX. 251. X. 138. XI. 16:
Черняевъ, М. Г. II. 241. IX. 232, 233, 241—246, 248.
Черпякъ, оф. пол. дѣят. IV. 204, 205. VI. 179:
Черняховскій, М., капельм. VII—VIII. 151.
Черткова, О. П., III. 185—189.
Чертковъ. XI. 183.
Чертковъ, В. Г. XI. 304.
Чертковъ, М. П. III. 185—189, 195, 196, 198. IV. 95.
Четвертинскій, А., кн. VI. 25.
Чечотъ, Я., этн. VII—VIII. 25.
Чижовъ, П. Е., проф. X. 177.
Чичеринъ, В. Н. I. 201.
Чорба, оф. IV. 27.
Чубинскій, М. П. Рец. кн. 1) *Гессена*. VI 2) *Васьковскаго*. VI.
Чуйко, В. В., пис. VII—VIII. 105.
Чурсинъ, IX. 235.
Чуфаровскій, П. А., оф. IX. 230, 231.

Ш.

Ш....ъ Ш. К., восп. корп. VI. 127, 128:
Шавринъ, окр. суд. III. 162, 163.
Шавровъ, А., свящ. въ корп. VI. 123.
Шагановъ, Н. В., пол. дѣят. I. 18:
Шайтановъ. I. 291.
Шалевичъ, оф. IV. 204.
Шамшинъ, П. П., суд. дѣят. II. 127.
Шапковскій, галиц. проф. II. 29.
Шараповъ, С. Ф. пис. V. 252.
Шауманъ, П. П., общ. дѣят V. 159, 160, 166, 178—180.
Шафарикъ, П. І. IV. 82.
Шахматовъ, А. А., I. 268, 272. IV. 273, 274.
Шаховская, Н. Д., III. 217.
Шаховская, кн., дир. малолѣт. отд. корп. VI. 96.
Шаховской, А. А., кн. I. 41, 43. III. 74.
Шаховъ, суд. дѣят. XII. 154.
Шашкевичъ, М., гал. общ. дѣят. IV. 81, 87—93, 95—100, 102—104, 107.
Шашковъ, С. С., спб. общ. дѣят. I: 292, 294, 295, 297, 298, 302. II. 24, 30. III. 39. IV 204. IX. 166, 167. XI. 254, 259, 265.
Швабе, А. Ст.: „Отклики національ. борьбы въ латышск. миѳотворч. XII.
Шварцъ, нач. артил. въ Царст. Польск. XI. 209, 234.
Шимковскій, П., марш. виленск. конфед. IV. 67.
Шебаевъ, куп. старообр. IV. 202.
Шевалье, учит. М. П. Михайлова. IX. 11.
Шевичъ, учит. IV. 203.
Шевичъ, П. Е., губ. XI. 262, 263, 267—269.
Шевченко, Т. Г., пис. II. 71. III. 261.
Шевыревъ, С. П. II. 95, 96. XI. 183. XII. 60, 64, 66, 67.
Шедашниковъ, ген.-м. V. 72.
Шелгунова, Л. П., V. 58. VI. 230—232, 237. IX. 15, 23, 28—30, 32, 35, 36. XI. 163, 168, 169, 202, 241, 249, 251, 253, 255—257, 260, 266, 268—271. XII. 133.
Шелгуновъ, Н. В. I. 198, 217—219. II. 193, 194. V. 58, 59, 233. VI. 229—237. VII—VIII. 122, 193, IX. 8, 15, 18, 22, 23, 28, 29, 31—33, 35, 36, 140. X. 56, 112, 114, 116—120, 122. XI. 168, 169, 202, 240—273.
Шелгуновъ, М. Н. XI. 249.
Шелгуновъ, П. Н. I. 219, 220. VII—VIII. 122. XI. 249.
Шеллеръ-Михайловъ, А. К., X. 48, 49. XI. 81.
Шемякинъ, Н. П., родств. Іоан. Кронштт. V. 166, 169, 173.
Шепетковскій, золотопр. V. 71.
Шептицкій, А., еп. II. 17. III. 261.

Шервудъ, XII. 229
Шереметева, XII. 122.
Шереметева, Е. В. III. 214, 217.
Шереметева, Е. С III. 217.
Шереметева, Н. Н. III. 210.
Шереметевъ, А. В III. 215, 216.
Шершевскій, докт. X. 236.
Шестоперовъ, VI. 171.
Шестуновъ, М. П., влад. библ. въ Ирк III. 30, 37, 39, 43, 48.
Шефлеръ, П. К., оф. въ корп. VI. 106
Шидловскій,, Д. П , ден. симб. комит. по крест. дѣлу. II. 228.
Шиллеръ, ювел. V. 181.
Шиповъ, Д. П., комѣщ. I. 127, 165, 166
Ширяевъ, студ IV. 113, 118—122.
Шишковъ, А. С., X. 13.
Шлецеръ, А. Л П. 246.
Шломъ-Ашъ, III. 109.
Шрейберъ, прок. XII.154, 156.
Шрейдеръ, Г. Ст.: 1) „Германія и Франція въ итальянск. печати". III. 2) „Италія и Польша въ 1863 г.". IV. Его рец. кн.: 1) „1882—1914 La triplice alleanz'a. IV. 2). Ermete Carlino. III. 3) Camillo Marabnii. V.
Шретеръ, А. Г., чл. харьк. комит. по крест. дѣлу. II. 218—230.
Штакельбергъ, посл. въ Вѣнѣ X. 190 191.
Штакешнейдеръ, Е. А. Восп 1) „П. Л. Лавровъ,". VII—VIII. 2) „Изъ дневника". XI. 3) „Изъ Воспомин. о Лавровѣ". XII. *О немъ:* VII—VIII. 96. IX. 142, 229.
Штейнгель, В. П., бар. III. 213
Штрайхъ, С. Я. Ст.: „Н. И. Пироговъ о любви, о призван. женщины-матери и пр.". V. VI.
Шубертъ, А. И., I. 61.
Шуваловъ, П. А. ген.-ад. X. 105.
Шуваловъ, В. А., гр., нач. III. отд. IV. 217, 219.
Шуваловъ, П. П , гр. IV. 20.
Шуваловъ, П. А., гр., шефъ-жанд. XII. 131—134, 136, 137, 139.
Шуваловъ, Пав. А., гр., ген.-ад. I. 136, 137.
Шуваловъ, Петръ А., гр. I. 134—136, 144. XII. 131—134, 136, 137, 159.
Шуваловъ, П. П., гр. II. 136.
Шуваловъ, С. В., гр., ист. лит. II. 280, 281.
Шукаревъ, люб.-арт. I. 159.
Шульгинъ, об.-полиц. III. 86. XII. 242.
Шульгинъ, кн. наблюд. препод. воен. уч. зав XI. 16
Шульговская, П. Н. VII—VIII. 104.
Шульцъ, П. А., сен. Восп.: „Остзейск. комит. въ Петерб. въ 1856—57 г.". I. II. *О немъ:* I. 124, 125, 127.

Щ.

Щаповъ, А. П., I. 292, 294, 296, 297, 302 XI. 259, 265.
Щегловъ, Д. О., учит. I. 193.
Щедринъ, см. Салтыковъ.
Щелковъ, А. Д., чин. XI. 11, 13. XII. 35, 36, 53, 61, 72.
Щепкина, А. В. III. 80.
Щепкинъ, Е. Н. Ст.: „До воротъ и у воротъ Берлина". IV.
Щепкинъ, М. С., III. 71—73, 77, 79, 80, 88. XII. 60, 68.
Щербаковъ, учит. XII. 140.
Щербаковъ, студ. IV. 204, 205, 211.
Щербатова, Е. Д. III. 217.
Щербатовъ, А. Г., кн. XII. 229, 230.
Щербатовъ, П. Д. III. 217.
Щербина, Н. Ф. XI. 163, 164, 166, 167, 170, 172—174, 184, 185, 203.
Щербина, О. А., стат. V. 220. IX. 24.
Щербининъ, сен. X. 26.
Щукинъ, сиб. общ. дѣят. I. 294. III. 39. IV. 204.
Щукинъ, Я. В., дир. теат. IX. 154.
Щуровскій, Г. Е., проф. IX. 256.

Э.

Эзовъ, дир. деп. мин. нар. просв. II 177, 178, 189—191.
Эйзенбаумъ, евр. общ. дѣят. III. 96.
Эйлеръ, ген.-м. I. 221, 222.
Эйнбродтъ, проф. IX. 256.
Элпидинъ, М. К., пол. дѣят. IV. 205, 210 —212.
Эльсницъ, А., докт. эмигр. X. 133, 135.
Энгельгардтъ, гв. оф. XI. 205.
Энгельгардтъ, могил. губ. X. 24, 25.
Энгельгардтъ, А. Н. IX. 135.
Энгельгардтъ, проф. X. 113.
Энгельгардтъ, А. Н., проф. IV. 213, 215.
Энгельгардтъ, Е. А, дир. Лицея. VI. 190.
Эпштейнъ, фин. дѣят. III. 94.
Эртель, А. И., I. 215, 216. V. 213—220. VI. 223. X. 215.
фонъ-Эттингенъ, А. А., предв. двор. II. 149, 155, 156, 158.

Ю.

Юдинъ, оф.-артил. X. 113.
Юдинъ, П. Л. Ст.: 1) „Къ характерист. Драгомирова и Радецкаго". X. 2) „Московск. предвод. дворянст. Ершовъ". X. *О немъ:* XII. 287—289.
Южакова, студ. X. 126.
Южаковъ, С. П. II. 171. V. 216.
Юндинлъ, оф.. IV. 204, 205, 209.
Юнкеръ, А. И. VII—VIII. 177.
Юргенсъ, польск. общ. дѣят. III. 96.
Юркевичъ-Литвинскій, пис. IV. 180.
Юрьевъ, С. А. Его „Письмо къ П. А. Преображенскому". XI. 238, 239. *О немъ:* IV. 226, 227, 231, 232.
Юсуповъ, кн. IX. 58.
Юшеновъ, Н. З., докт. IV. 117.
Юшкова, П. П., родств. Л. Н. Толстого. XII. 5.

Я.

Яблоновская, кн. VI. 48.
Яблоновскій, повет. VII—VIII. 133.

Яблонскій, польск. общ. дѣят. I. 108.
Яблочкина, Е., арт. VII—VIII. 161
Яблочковъ, П. Н., физ. IV. 118.
Явейнъ, Л. Ю., общ. дѣят. V. 185.
Яворовскій, А., ссыл. XI. 245, 246.
Ягичъ, В. I. 268. X. 173.
Ядринцевъ, Н. М., I. 289, 292, 297—299, 302. III. 39 IV. 204. V. 45. IX. 167, 176, 223. XI. 265.
Языковъ, М. А., чин. XI. 247, 250—253, 273.
Якимова, пол. дѣят. IV. 113, 119, 121.
Якоби, Н. Б., прок. II. 123. XII. 151, 154, 157.
Яковлевъ, студ. IV. 202.
Яковлевъ, В. А., проф. X. 168, 171. XII. 287.
Яковлевъ, В. Я., см. Богучарскій.
Яковлевъ, П. О., помѣщ. IX. 272—277.
Якубовичъ, П. Ф., IX. 36.
Якушкина, Н. В., жена дек. III. 211, 214—217.
Якушкинъ, В. Е. Рец. *Н. Вишнякова*, его кн.: „Геній русск. воен. искус. А. В. Суворовъ". VII—VIII. *О нем.:* III. 217.
Якушкинъ, Е. Е. III. 217.
Якушкинъ, И. Д. I. 103. II. 243. III. 210—218. IV. 186, 187, 190. VI. 189.
Янжулъ, И. И., IV. 239, 245.
Яновичъ, А. О., проф. X. 170.
Яновскій, докт. XI. 6, 23, 24, 30. XII. 40—42.
Янушевскій, Т., зят. Словац. VII—VIII. 28.
Янчуковскій, упр. горн. окр. I. 79.
Ярошенко, худ. VII—VIII. 216.
Ярошенко, М. К., арт. VII—VIII. 161. IX. 149.
Ярошенко, С. П., проф. X. 166, 168. XII. 286.
Ярошинскій, польск. пол. дѣят. IV. 197.
Ясинскій, пис. V. 214. VII—VIII. 216.
Ясинскій, Я., польск. пол. дѣят. IV. 66—68. VI. 27.
Ястржембскій, И., петраш. I. 66—68. V. 63. XI. 6, 23, 24.
Яхимовичъ, еп. IX. 87.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Б. М. X. 59.
Ѳеоктистовъ, студ. XII. 66.
Ѳеоктистовъ, нач. гл. упр. по дѣл. печ. VII—VIII. 197.
Ѳирсовъ, Н. Н. 1) Ст.: „Л. Н. Толстой въ Казанск. универс." XII. 2) Его сообщ.: „Новый потр. Пугачева". III. 3) Рец. *В. Семевскаго* его кн.: „Петръ III и Екатерина II". VII—VIII. 4) Его рец. кн.: *А. И. Успенскаго*. II.

Новая книга

В. М. ФРИЧЕ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЧАСТЬ I. ЦѢНА 2 РУБ.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА". Москва М. Никитская 29 кв. 6;

отд. въ Петроградѣ книгоиздательство „ОГНИ" Фонтанка 80.

Продолжается подписка на изданія Т-ва „МІРЪ“:

ИТОГИ НАУКИ

въ теоріи и практикѣ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СОВРЕМЕННАГО ЗНАНІЯ. Подъ ред. проф. **М. М. Ковалевскаго** (†), проф. **Н. Н. Ланге, Николая Морозова** и проф. **В. М. Шимкевича.** Изданіе распадается на четыре большихъ отдѣла: I. Мертвая природа. II. Жизнь. III. Психическій міръ. IV. Общественная жизнь. 12 томовъ. Цѣна въ переплетѣ (безъ перес.) 110 р. Вышло 9 томовъ (I, II, III, V, VI, VII, IX. X и XI).

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1800—1910)

Подъ ред. **Ѳ. Д. Батюшкова.** При ближ. уч. проф. **Ѳ. А. Брауна,** акад. **Н. А. Котляревскаго,** проф. **Д. К. Петрова,** пр.-доц. **Е. В. Аничкова** и пр.-доц. **К. Ѳ. Тіандера.** Около 6 т. въ переплетѣ. Цѣна по подпискѣ—9 р. за томъ въ переплетѣ (безъ пересылки). Вышли I, II и III томы.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВѢКА (1890—1910).

Подъ ред. **С. А. Венгерова.** Около 15 книгъ, въ 7—8 листовъ каждая. Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к. и при полученіи каждой книги (безъ переплета)—по 2 р. 20 к. (включая пересылку) и, сверхъ того, по 10 к. за перев. платежа. Вышли I—VII книги.

Г. В. Плехановъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Около 6 томовъ. Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к., при получен. кажд. тома въ перепл.—3 р. 60 к. (включая пересылку) и за переводъ платежа—10 коп. Вышли I и II томы.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДО XIX ВѢКА

Подъ ред **А. Е. Грузинскаго.** Изд. составитъ 4 т. (3 т.—**«Исторія русской литературы до XIX в.»** и 1 т.—**«Устное творчество»**) по 22—24 л. въ каждомъ; многочисл. иллюстрац. Ц. въ перепл. (безъ перес.)—32 р. Вышелъ I томъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА.

Подъ ред. акад. **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.** при ближ. участ. **А. Е. Грузинскаго** и проф. **П. Н. Сакулина.** 5 том. въ перепл., безъ перес.—43 р ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

М. Н. Покровскій.

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.

При уч. **Н. М. Никольскаго** и **В. Н. Сторожева.** 5 т. въ перепл. (безъ перес.)—35 р. ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

Изд. сост. 15 т. по 30—35 л. въ кажд., около 1500 рис., 18 географич. картъ и плановъ. Цѣна 15 томовъ въ изящн. перепл. (безъ перес.)—143 р., на велен. бум.—175 р. Вышелъ I томъ (**«Древнѣйшая эпоха еврейской исторіи»**) и XI т. (I т. **«Исторія евреевъ въ Россіи»**).

Карусъ Штерне.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРІЯ МІРОЗДАНІЯ. Пер. съ изд., перераб. **В. Бельше,** подъ ред. **В. К. Агафонова.** Съ доп. статьями проф. **Н. А. Умова** и **Н. А. Морозова. 2-е улучшенное изданіе.** 3 тома 1424 стр., 724 рис. Ц. изданія безъ пересылки въ изящн. переплетѣ—27 р. ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

Ю. И. Айхенвальдъ.

СИЛУЭТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

3 тома въ переплетѣ безъ пересылки—9 руб.

Допускается разсрочка платежа.

Другія изданія Т-ва «МІРЪ»:

Проф. **Титченеръ.** Учебникъ психологіи, въ 2-хъ частяхъ (Универс. курсъ) . . . . . 3.—

Проф. **Ерузалемъ.** Учеби. психологіи. 2-е изд. 1.20

О. Рабесъ и **З. Левенгардтъ.** Учебникъ біологіи 1.50

Д-ръ **Е. А. Аркинъ.** Физіологія человѣка, 2-е изд. 1.50

Л. В. Васильева и **Б. П. Кащенко.** Руководство къ преподаванію начальнаго природовѣдѣнія. Ч. I 1.25

М. Н. Покровскій. Очеркъ исторіи русской культуры. Ч. I. Экономическій и государственный строй . . . . . 2.—

М. Н. Ковалевскій. Хрестом. по рус. ист. Т. I. 1.30
» » » » Т. II. 2.—
» » » » Т. III. 3.50

Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и **В. Н. Стерлиговъ.**
Древній міръ въ памятникахъ его письменности.
Ч. I. Востокъ. 1.30
Ч. II. Грецiя. 3.75

Н. М. Никольскій. Древній Вавилонъ. 2.30

Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій и **С. И. Радцигъ.** Культурно-историческій путеводитель по Музею изящныхъ искусствъ имени Имп. Александра III въ Москвѣ. . . . .—80.

З. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. 3-е изд. . . . . —.50

Ч. Оманъ. Крестьянское возстаніе въ Англіи.—.50

А. Г. Горнфельдъ. На Западѣ. Литературныя бесѣды (Ницше) Гюго, Гейне, Тэнъ, Курье) (въ переплетѣ). 1.60

Избранныя произведенія англійской литературы въ обработкѣ для школъ и самообразованія.
№ 1. Tales dy Ruskin, Wilde a. Kipling. 2-е изд. 1.20
№ 2. The Cricket on the Hearth by Dickens. 1.20

Полный англо-русскій словарь (въ переплетѣ). 2-е изд. 2.60

Б. Бухвальдъ. Техника банковаго дѣла (въ переплетѣ). 3.75

В. Мейеръ. Происхожденіе міра. 2-е изд. . .—.45

Его же. Гибель міра. 2-е изд. . . . . —.45

В. Бельше. Происхожденіе человѣка. 2-е изд.—.45

З. Тейхманъ. Наслѣдственность. . . . . —.50

Его же. Половое и безполое размноженіе. . .—.50

Проф. Д. Грегори. Начатки геологіи. . . . .—.50

Проф. В. Тилденъ. Начатки химіи. . . . . —.40

Проф. Р. Гринъ. Начатки ботаники. . . . . —.60

Проф. Гибсонъ. Начатки біологіи. . . . . —.40

Каталоги и проспекты безплатно.

Главная контора изданій Т-ва «МІРЪ»: Москва, Знаменка, 9. Телеф. 1-37-31.

15528
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧЕНЬ